КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ФЕВРАЛЬ

1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

		стр.
I.	ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА СЪ РАЗНЫМИ ЛИЦАМИ. (Съ примѣчаніями М. К. Чалаго). Сообщ. **М. Чалый.** *(Окончаніе слѣдуетъ).*	151—175
II.	КІЕВСКІЕ СЛАВЯНИСТЫ СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ. . .	176—187
III.	ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ И ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. Превращеніе козацкой старшины въ дворянство. **Д. Миллера.** *(Продолженіе слѣдуетъ).* . . .	188—220
IV.	ПЕРЕДЪ БУРЕЙ. Историческій романъ изъ временъ Хмельнищины. **М. Старицкаго.** *(Продолженіе слѣдуетъ).* . .	221—274
V.	ПРЕЖНІЕ ИЗЫСКАТЕЛИ МАЛОРУССКОЙ СТАРИНЫ. III. Александръ Михайловичъ Марковичъ. **Ал. Лазаревскаго.**	275—310
VI.	КЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ СЪѢЗДУ ВЪ КІЕВѢ. Засѣданія предварительнаго комитета по устройству съѣзда въ Москвѣ, 4-го, 5-го и 6-го января с. г. **Н. Бѣляшевскаго.** . . .	311—328
VII.	ПЕТРЪ ГАВРИЛОВИЧЪ ЛЕБЕДИНЦЕВЪ. (Некрологъ). **В. Науменка**	329—344
VIII.	И. И. МАЛЫШЕВСКІЙ. (Некрологъ).	345—346
IX.	ВИДЪ ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРЫ, АКВАРЕЛЬ Т. Г. ШЕВЧЕНКА (1846 г.). (Къ рисунку).	347—350

ОТДѢЛЪ II-й.

I.	ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ а) Мелочи изъ жизни Шевченка. б) Выборы въ кіевскіе войты Григорія Пивоварова. Жалованье кіевскихъ войтовъ. Сообщилъ **Н. М.** в) Публичныя увеселенія и позорища въ Кіевѣ сто лѣтъ тому назадъ. Сообщилъ **Н. М.** г) Историческая картина временъ Б. Хмельницкаго. **Ор. Левицкаго.** д) Къ вопросу о Грабянкиной лѣтописи. **А. Л.** е) Документъ изъ эпохи «панованья Войска Запорожскаго» въ Малороссіи. Сообщилъ **О. Л.**	31—43
II.	БИБЛІОГРАФІЯ. а) Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Т. 9-й. **И. Каманина.** б) Baron de Baye. Kiev. La mère des villes russes. Vingt-puatre gravures hors texte. Paris, 1896. **Н. М.** в) Б. С. Давидовичъ. Судьба православія и русской народности на Волыни въ послѣднее столѣтіе (1796—1896). **К. Х—ча.** г) Труды Кіевской Духовной Академіи 1896 г. д) Dr. Alfred Halban. Zur geschichte des deutschen Rechtes in Podolien, Wolhynien und der Ukraine. Berlin, 1896. **Н. М.** е) 1) Филипченко. Мошногородищенское имѣніе Е. А. Балашевой, Кіевской губ. Черкасскаго уѣзда при мѣстечкахъ Мошны и Городище. Описаніе имѣнья, организаціи и веденіе хозяйства. Съ планомъ имѣнія, 3 листами діаграммъ, 14 таблицами и отдѣльнымъ приложеніемъ 21 исполнительнаго проекта построекъ и сооруженій. **Н. М.** ж) Памятная книжка кіевской губерніи на 1897 годъ. **Н. М.**	44—62
	ПРИЛОЖЕНІЕ: Видъ Почаевской Лавры, акварель Т. Г. Шевченка.	
	ОБЪЯВЛЕНІЯ.	1—18

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LVI.

1897 г.

КІЕВЪ.
Типографія Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й
1897.

Дозволено цензурою Кіевъ, 1 февраля 1897 года.

Видъ Почаевской Лавры.

Снимокъ съ акварели Т. Г. Шевченка (1846 г.).

И стежечка де ти ходила
Колючимъ терномъ поросла.

Т. Шевченко

21. августа
1859. Въ Качановкѣ.

Изъ переписки Т. Г. Шевченка съ разными лицами.

(Съ примѣчаніями М. К. Чалаго).

I.

Помѣщаемое здѣсь письмо Т. Г. Шевченка къ Ѳ. М. Лазаревскому въ Оренбургъ, безъ означенія года и мѣсяца, несомнѣнно относится къ первымъ годамъ томительнаго существованія поэта въ Ново-петровскомъ укрѣпленіи. Около этого времени, именно въ 1852 г., Ѳедору Матвѣевичу удалось побывать въ Петербургѣ, откуда онъ привезъ много свѣжихъ новостей и поклоновъ Тарасу отъ земляковъ, а отъ братьевъ своихъ Василія и Михаила Матвѣевичей малую-толику деньжатъ, которыя очень пригодились нашему изгнаннику на новоселье. Письмо Ш—ка извѣщаетъ Ѳедора Матвѣевича о полученіи посылки; оно, повидимому, писано въ два пріема съ незначительными помарками.

Заграй мени дудныку на дуду—
Нехай свого лышенька забуду.

„Сыроти на чужини и сухаръ хлибомъ стане. То такъ и мени оце ваше письмо. Булы вы, якъ здорови пишете у Петербурси, не питаю васъ, що вы тамъ бачилы, а тилько дякую васъ за те, шо привезлы мени поклонъ отъ Василія Езучевскаго [1]) и

[1]) Василій Осиповичъ Езучевскій—Оренбургскій пріятель Ш—ка, частенько присылавшій ему субсидіи. Уроженецъ конотопскаго уѣзда, черниговской губерніи, землякъ братьевъ Лазаревскихъ. Дѣду его и отцу принадлежали: с. Старая и хутора Степной и Песочный, купленные у А. К. Разумовскаго.

одъ братьевъ вашихъ—спасыби имъ, що не забувають мене на чужини, а надто Михайлови спасыби за гроши. Пошлы Господы доброго здоровья Левицкому [1]). Спасыби вамъ, що вы про його написалы. А башкирскій офицеръ [2]) що я вамъ рекомендовавъ повинно буть умеръ, колы винъ до васъ не ходыть, а якъ не вмеръ, то певно одуривъ, а ще й казаньского университету.

Богато де-чого мени треба бъ було написать до васъ, та николе. Выбачъ мени ради св. Ѳедора Тырона, що я до тебе на швыдку пишу. Сегодни пошта прыйшла, а завтра одходыть. Ш [3])."

Письмо Ѳ. М. Лазаревскаго изъ Петербурга, куда онъ пріѣзжалъ по дѣламъ службы, относится къ 1857-му году; а служилъ онъ тогда управляющимъ конторой удѣльнаго вѣдомства орловской губерніи. Желая свидѣться съ Тарасомъ послѣ 7-милѣтней разлуки, онъ завернулъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ временно находился тогда поэтъ, но къ сожалѣнію не засталъ его дома.

8 декабря С. Петербургъ.

„Жаль, жаль, жаль, милый мій друже, що тебе понесло въ Балахну [4]) именно въ тотъ день какъ мнѣ пріѣхать въ Нижній. Но если ты проживешь въ Нижнемъ еще съ мѣсяцъ, то я не теряю надежды видѣться тамъ съ тобою. Тогда уже надывимся одынъ на другого и наговоримся. Теперь, на дняхъ, я поѣду

---

[1]) С. П. Левицкій—товарищъ Ѳ. М. Л—го по черниг. гимназіи и сослуживецъ по Оренбургу, перешедшій на службу въ Петербургъ въ 1849 г. О немъ будетъ сообщено болѣе подробно въ свое время.

[2]) Башкирскій офицеръ этотъ случайно познакомился съ Ш—мъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, откуда онъ отправился въ Оренбургъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ него къ Лазаревскому.

[3]) Въ этомъ знакѣ должно подразумѣвать иниціалы поэта: сверху — Тарасъ, снизу—Шевченко.

[4]) Въ дневникѣ Ш—ка подъ 23 сентября 1857 г. записано: „Н. А. Брылкинъ ѣздилъ въ Балахну съ мастеромъ Стремомъ, американскимъ инженеромъ, посмотрѣть строющійся тамъ пароходъ и баржи для компаніи „Меркурій": отъ нечего дѣлать и я напросился имъ сопутствовать". Балахна—поселокъ на Волгѣ, въ 5 вер. ѣзды отъ Нижняго. Это была одна изъ главныхъ верфей на берегахъ Волги, то же что на Окѣ Дѣдново. Брылкинъ главный компаньонъ Пароходнаго Общества „Меркурій".

въ Малороссію навѣстить сироту-мать, а оттуда мабуть що черезъ Нижній поѣду кое-куда по службѣ. Скажи объ этомъ Кеберу[1]), колы ты зъ нымъ познакомився. Поклонись низенько Владиміру Ивановичу[2]) и скажи, що буду писать йому не забаромъ, а колы скоро прійдется ихать черезъ Нижній, то писать не буду, а самолично переговорю о чемъ треба.

Обнимаю и цилую тебя одъ всей щирой души

твій всегда Ѳ. Лазаревскій.

Михайло хлопочеться о чимъ треба[3])".

20 февраля 1858 г. С.-Петербургъ.

„Сегодня Графиня прислала ко мнѣ Сѣраковскаго[4]), чтобы я пріѣхалъ непремѣнно къ ней. Графиня присылала за мною, чтобы объявить, что, по просьбѣ графа Ѳедора Петровича, тебѣ дозволено жить въ Петербургѣ (подъ надзоромъ полиціи), подъ руководствомъ графа Ѳ. П. для продолженія изученія живописи при академіи художествъ. Графиня чрезвычайно рада, что ты пріѣдешь сюда (ахъ, если бъ ты зналъ доброту ея сердца и желаніе дѣлать какъ можно больше добра) и проситъ тебя, чтобы ты поспѣшилъ, а главное не обижался условіями, потому что это только форма. Она говоритъ, что ты долженъ представиться Президенту (Ея Высочеству) академіи, что тобою интересуются теперь всѣ художники и желаютъ скорѣйшаго твоего пріѣзда... искренно скажу тебѣ, что я радъ не потому только (какъ и всѣ, которые знаютъ тебя только по слуху даже), что увижу тебя, но что ты здѣсь можешь жить и лучше и полезнѣе для себя и другихъ и въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніи... Гр. Ѳ. П—чъ просилъ Ея Высочество и Она докла-

---

[1]) Густавъ Васильевичъ Кеберъ, большой пріятель Ѳ. М. Лазаревскаго.

[2]) В. И. Даль—знакомый Л—го по Оренбургу, гдѣ онъ находился въ 50-хъ годахъ.

[3]) Въ это время М. М. Лазаревскій черезъ графиню А. И. Толстую и др. вліятельныхъ лицъ сильно хлопоталъ о дозволеніи Шевченку жить въ столицѣ. Хлопоты его увѣнчались наконецъ успѣхомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ помѣщенное ниже письмо М. М—ча къ поэту.

[4]) Извѣстный дѣятель 1863 г., возвращенный изъ ссылки раньше Ш—ка и находившійся въ тоже время въ военной академіи.

дывала, о чемъ Ѳ. П. третьяго дня получилъ письмо отъ Адлерберга, который извѣщаетъ, что объ этомъ сообщено Долгорукову для извѣщенія нижегородскаго губернатора. Графиня проситъ тебя немедлить, чтобы застать выставку и скорѣе явиться къ Президенту, чего будто она хочетъ. Поспѣшай же! Посылаю тебѣ въ особомъ конвертѣ 50 руб., на дорогу станетъ, а то и здѣсь деньги нужны. Пріѣзжай же скорѣе. Наговоримся при свиданьи. Если не сейчасъ выѣдешь, то пиши графинѣ и графу.

До скораго свиданія

Весь твой Мих. Лазаревскій".

II.

Письмо Штернберга къ Т. Г. Ш—ку относится къ 1842 г. Помѣщаемъ его здѣсь полностію, такъ какъ въ книгѣ „Жизнь и произведенія Т. Ш—ка", изд. 1882 г. напечатанъ только незначительный изъ него отрывокъ.

Римъ 1842 г. іюля не помню какого.

„Здравствуй, любезный Шевченко! Давно братъ, очень давно мы съ тобой не видались. Время то и не такъ велико—два года, а много съ тѣхъ поръ перемѣнилось: того уже не стало, та замужъ вышла, а другой овдовѣлъ и т. д. Все старая пѣсня—это ужъ въ порядкѣ вещей. Боже мой! Хоть бы заглянуть туда, что тамъ у васъ подѣлывается. Ты вообрази, что кромѣ твоего письма, никакого извѣстія изъ Петербурга не имѣю. Правда, я самъ виноватъ: я лѣнивъ писать, но все таки писалъ. Меня болѣе всего удивляетъ, что дядя ко мнѣ не пишетъ. Ужъ я не знаю, писать ли опять? Письма такъ дороги. Только прошу тебя, любезный Шевченко, не думать, чтобы я могъ забыть друзей моихъ: это было бы также не благодарно, какъ забыть человѣка, который мнѣ сдѣлалъ добро. Это еще болѣе: добро можно сдѣлать по какому нибудь стороннему побужденію, а быть другомъ человѣку, дѣлить съ нимъ горе и радость—для этого нужно имѣть истинно добрую и чувствительную душу. Благодарю тебя отъ души за письмо, которое ты мнѣ прислалъ

съ Орловымъ; оно меня очень обрадовало: я живо вспомнилъ нашу петербургскую жизнь и милое семейство Шмита, которое ты въ малыхъ чертахъ такъ живо представилъ. Но жаль очень бѣдную Наташу—милое было дитя. Много, много хотѣлъ бы тебѣ сказать, да вотъ уже Василій Ивановичъ собирается въ дорогу. Прощай, любезный Ш—ко! будь здоровъ! И дай Богъ тебѣ успѣхъ, чтобы скорѣе быть къ намъ. Василій Ивановичъ тебѣ поможетъ. Идемъ провожать его. Твой Штернбергъ".

Упоминаемый въ письмѣ Василій Ивановичъ—никто иной, какъ почтенный конференцъ-секретарь академіи художествъ Григоровичъ, привезшій Ш—ку это письмо изъ Италіи.

„Василій Ивановичъ, писалъ Ш—ко къ Тарновскому (Г. С—чу) вернулся изъ Италіи ще товщій, якъ бувъ и розумнійшій и добріймій".—Судя по тому, что Штернбергъ ожидалъ пріѣзда Тараса въ Римъ, можно думать, что была возможность попасть ему заграницу и вѣроятно, при бо́льшемъ съ его стороны стараніи и съ помощію протекціи со стороны Брюлова и Григоровича, онъ могъ быть отправленъ въ Италію, о чемъ спустя три года такъ сильно заботились его друзья-украинцы въ роковомъ 1847 году. Но развязавшись съ академіей, т. е. получивши степень свободнаго художника, онъ только и думалъ о поѣздкѣ въ Малороссію.

Въ 1838 году Штернбергъ гостилъ въ с. Кочановкѣ у Г. С. Тарновскаго и нарисовалъ тамъ лучшую свою картину „Освященіе Пасокъ", а въ 1840 году участвовалъ въ экспедиціи Перовскаго къ предѣламъ Хивы, и плодомъ этого были высоко художественные типы инородцевъ оренбургскаго края; въ томъ же 40 году онъ вмѣстѣ съ Айвазовскимъ отправленъ въ Италію. Штернбергъ привезъ изъ Малороссіи множество рисунковъ, приводившихъ въ восторгъ не одного энтузіазта Ш—ка, но и болѣе строгихъ цѣнителей, въ числѣ коихъ первое мѣсто занималъ знаменитый Брюловъ. Т. Г—чъ въ одной изъ своихъ русскихъ повѣстей сдѣлалъ характеристику картинъ своего пріятеля:

„На первомъ планѣ—вѣтряная мельница, пара воловъ около телѣги, наваленной мѣшками—какая прелесть! очей не отве-

дешь“ Или: „подъ тѣнью развѣсистой вербы, у самаго берега, бѣленькая, соломой крытая хатка—вся отразилась въ водѣ, какъ въ зеркалѣ. Подъ хаткою старушка, а на водѣ утки плаваютъ—вотъ вся картина, а какая полная, живая картина“.

III.

Письма княжны В. Н. Репниной къ Т. Г. Шевченку.

Знакомство поэта съ семействомъ бывшаго малороссійскаго генералъ-губернатора князя Н. Г. Репнина началось въ первый его пріѣздъ въ Малороссію въ 1843 году по слѣдующему обстоятельству: задушевный пріятель Репниныхъ Алексѣй Васильевичъ Каплистъ, желая имѣть портретъ князя и узнавъ о пріѣздѣ въ полтавскую губернію талантливаго живописца Шевченка, привезъ его въ Яготинъ, и, когда портретъ былъ успѣшно оконченъ, художника просили остаться въ домѣ Репниныхъ на болѣе продолжительное время, и Т. Г—чъ провелъ здѣсь всю почти осень 1843 и половину зимы, 1845 г.

Кто сколько-нибудь знакомъ съ важными заслугами князя Репнина, въ отношеніи малороссійскаго края, тотъ пойметъ то глубокое чувство уваженія, какое питалъ Шевченко къ тому, кто

И на чредѣ великой не забылъ
Святѣйшаго изъ званій—*человѣкъ*.

Поэтъ нашъ страстно привязался къ просвѣщенному и гостепріимному семейству князя, а къ умной, образованной, въ то время 33 лѣтней княжнѣ Варварѣ Николаевнѣ онъ питалъ какое-то особенное благоговѣніе, близкое къ обожанію. Обладая серьезнымъ образованіемъ и неистощимой добротой души, княжна В. Н—на съ высоты своего общественнаго положенія снизошла къ плебею Шевченку на степень дружескихъ, чисто братскихъ отношеній. Съ истинно женскимъ инстинктомъ, она сразу отгадала значеніе Кобзаря для Малороссіи и своими высоконравственными и глубоко религіозными посланіями старалась направить его на истинный путь, съ котораго онъ былъ нерѣдко

совращаемъ полтавскими и черниговскими безобразниками. Чувства, питаемыя къ ней, поэтъ выразилъ въ посвященіи ей стихотворенія „Тризна“, написаннаго имъ въ 1843 году.

Въ половинѣ января 1844 года Ш—ко отправился въ Петербургъ и прожилъ тамъ до апрѣля 1845 года. О пребываніи его за это время въ столицѣ, по неимѣнію матеріаловъ, мы ничего не можемъ сказать положительнаго, такъ какъ отвѣтныя письма поэта къ княжнѣ погибли безвозвратно. Единственный источникъ, изъ котораго мы можемъ почерпнуть немногія свѣдѣнія изъ этого періода—это письма княжны В. Н. Такъ какъ въ первомъ нашемъ изданіи (Жизнь и произведенія Т. Шевченка 1882 г.) помѣщены незначительные отрывки только изъ нѣкоторыхъ изъ 12 писемъ ея, то мы считаемъ необходимымъ помѣстить ихъ теперь вполнѣ.

1.

17 мая 1844 г. Яготинъ.

„Благодарю васъ за ваше порученіе[1]). Оно доказываетъ мнѣ, что вы насъ не вовсе забыли. Душевно пріятно мнѣ было читать, что вы занимаетесь и съ успѣхомъ. Я надѣюсь со всѣми читающими ваши произведенія, что и перо не будетъ лежать въ бездѣйствіи: это было бы ужасное преступленіе. Вашимъ же словцомъ я выскажу вамъ добрый совѣтъ: „не погашай свое свѣтило!“.

Никто изъ насъ не ѣдетъ заграницу; всѣ мы это лѣто на старомъ мѣстѣ, а что будетъ—одинъ Богъ знаетъ. Лишь письменно могу передать поклонъ вашъ нашему другу, котораго имя вы уже забыли; Алексѣя Васильевича (Капниста) вы назвали Василіемъ. Недѣлю тому назадъ онъ оставилъ Яготинъ,

---

[1]) Порученіе касалось распродажи „Тризны“.

[2]) Перефразировка стиха изъ стихотвор. „Тризны“:

Не погасай мое свѣтило!
Туманъ душевный разгоняй,
Живи меня твоею силой,
И путь тернистый, путь унылый,
Небеснымъ свѣтомъ озаряй!...

отправляясь заграницу. Да благословитъ Господь путь его и да возвратитъ его всѣмъ намъ этого рѣдкаго человѣка! Онъ ожидаетъ отъ васъ отвѣта.

Родители мои и Глафира[1]) шлютъ вамъ душевный поклонъ. Прощайте, Тарасъ Григорьевичъ! Желаю вамъ отъ искренняго сердца счастія и успѣха".

Княжна В. Н—на не только сама своими письмами будила въ поэтѣ благороднѣйшія стремленія, заглушаемыя часто вліяніемъ лицъ, не стоившихъ его дружбы, но старалась направить къ той же цѣли и другихъ, которые бы своимъ авторитетомъ могли сколько-нибудь на него подѣйствовать. Такъ, по ея просьбѣ А. В. Капнистъ, не дождавшись случая поговорить съ Ш—мъ, написалъ ему въ Петербургъ:

„Крайне сожалѣю, что не имѣлъ удовольствія видѣться съ вами, любезный Т. Гр. Не дождавшись васъ въ Ковалевкѣ, я думалъ найти васъ у себя, возвратясь изъ Яготина, но вы проскользнули, „якъ вьюнъ скризь вершу".

Что ближе у меня на душѣ, о томъ повѣдаю вамъ. Мнѣ поручено просить васъ не заѣзжать, какъ вы предполагали, къ Закревскому[2]), а главное не писать къ нему ни подъ какимъ предлогомъ. Я знаю васъ и совершенно увѣренъ, что вы свято и непарушимо это исполните. Не огорчайтесь, добрый Т. Г—чъ, моею откровенностію: она не изъ дурного источника. Если вспомните мои слова, то признаете меня въ правѣ говорить вамъ съ искренностію. Временное увлеченіе исчезаетъ какъ дымъ, но не рѣдко пятна остаются не выводимыя и помрачаютъ душу, отзывающуюся въ совѣсти. Я разсчитываю на твердость вашего характера и думаю, что вы исполните просьбу мою не для меня. Благодарю васъ за трудъ, который вы для меня приняли, онъ будетъ мнѣ напоминать душою уважаемаго старца и

---

[1]) Глафира Ивановна Дунина-Борковская, жившая въ домѣ Репниныхъ.

[2]) Отставной гусаръ, старшина „Общества мочемордія", носившій титулъ „высокопьянѣйшества". (См. Жизнь и произв. Ш—ка стр. 38)

вмѣстѣ добраго моего земляка[1]). Примите искреннее прилагаемое приношеніе и вѣрьте чувствамъ душевно преданнаго

Алексѣя Капниста".

2.

19 іюня 1844 г. Яготинъ.

„Я взялась за перо не для того, чтобы бранить васъ, а напротивъ, чтобы утѣшить васъ сколько нибудь. Отъ грустнаго вашего письма навернулись слезы на глазахъ. Я такъ хорошо понимаю, что въ васъ происходитъ, я такъ много думаю о томъ, что васъ теперь такъ болѣзненно занимаетъ... переносите ужасныя испытанія и да поможетъ вамъ Господь! Никто, я думаю, какъ я, такъ горько не жалѣетъ объ васъ, не присоединяетъ своихъ желаній къ вашимъ... дай Богъ, чтобы вамъ во всемъ былъ успѣхъ! О, не откажите увѣдомить меня, когда вы будете совершенно спокойны, на счетъ братьевъ вашихъ: я не смѣла васъ о нихъ и спрашивать, не разъ собиралась, но всегда слова замирали на устахъ. Доля ваша плачевна, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ восхитительна! Оставьте злыхъ людей, живите и дѣйствуйте для друзей вашихъ и для возвышенныхъ сердецъ, которыя поймутъ васъ всегда.

И здѣсь мало кто оцѣнилъ вашу „Тризну". Одинъ экземпляръ я послала въ Одессу Стурдзѣ, умному, благочестивому, съ восточнымъ воображеніемъ человѣку, и съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ него отвѣта. Надѣюсь скоро прислать вамъ итогъ моей продажи. Н. А. Маркевичъ, которому я отправила 10 экземпляровъ, прислалъ мнѣ вчера должныя деньги и написалъ мнѣ на счетъ васъ и поэмы вашей такъ милепько, что я ожидаю его съ удовольствіемъ. Отъ другихъ коммиссіонеровъ нѣтъ еще отзывовъ. Сама же я въ моемъ экземплярѣ возстановила все то, что не было пропущено цензурой, также и въ томъ, что былъ посланъ въ Одессу, дабы Стурдза васъ узналъ всего.

Недавно я была въ Полтавѣ. О какъ мы восхищались съ Глафирой прекрасными видами, стоющими вниманія художника! Жаль, что она доселѣ не можетъ никуда двинуться; не въ моей

[1]) Рѣчь идетъ о написанномъ Ш—мъ для Капниста портретѣ князя.

власти расторгнуть препоны, препятствующія ей переселиться въ такое мѣсто, гдѣ бы она могла безпрепятственно посвятить себя усовершенствованію своего драгоцѣннаго дара, но я уповаю и на все надѣюсь [1]).

О если я когда нибудь желала богатства, то теперь, мой добрый поэтъ, теперь, когда я еще разъ прочла унылое письмо ваше. Съ какою чистою радостью я воспользовалась бы правомъ сестры предложить вамъ *мое*, чтобы окончить это ужасное дѣло, васъ занимающее нынѣ. (Дѣло касалось выкупа родныхъ поэта изъ крѣпостного состоянія). Но нѣтъ *моего*, нѣтъ ничего драгоцѣннаго, и я все продала бы, все было бы ваше. Помните, что я говорила вамъ однажды, что одно изъ ужасныхъ испытаній сердца—это *немощь дружбы*. Радъ бы помочь другу—и не можешь; остается одна молитва.

Итакъ, вы рѣшаетесь печатать „Слѣпую“,—какъ я рада! Полагаю, что вы кое-что измѣнили: я нахожу, что тамъ, гдѣ говорится о любви атаманскаго сына, есть какая то темнота. Когда вы были у насъ, я хорошо не разобрала впечатлѣнія, а сочувствіе, возбужденное красотами природы, драматическимъ концомъ поэмы вашей, помѣшало мнѣ ясно отдать себѣ отчетъ въ томъ, что казалось недоступнымъ моему пониманію; теперь же передаю вамъ свои замѣчанія довольно запутанно, но полагаю, что вы меня поймете. Посвященіе прекрасно и гармонируетъ съ содержаніемъ милой Оксаночки.

Я непремѣнно примусь за малороссійскій языкъ: я хочу наслаждаться всѣми вашими цвѣтами и представляю, какъ будетъ грудь болѣть отъ чтенія... „Совы“. Вы избрали одинъ изъ тѣхъ случаевъ, изъ которыхъ поэтъ и такой, какъ вы, можетъ извлечь глубокое, раздирающее... (конецъ письма не сохранился).

3.

3 іюля 1844 г. Яготинъ.

При семъ посылаю вамъ, Т. Г. 23 цѣлковыхъ за 50 экземпляровъ „Тризны“ и съ радостію пользуюсь этимъ случаемъ,

[1]) Глафира Ивановна обладала замѣчательнымъ талантомъ. Она рисовала подъ руководствомъ Ш—ка во время его пребыванія въ Яготинѣ.

чтобы покалякать съ вами. По полученіи вашего письма я часто молилась за васъ или лучше сказать за успѣхъ вашего дѣла. Съ какимъ нетерпѣніемъ буду ожидать извѣстія отъ васъ! Я надѣюсь на дружбу вашу и увѣрена, что вы поспѣшите обрадовать меня письмомъ, какъ скоро только вы сами будете покойны.

Что сказать вамъ про насъ всѣхъ? Папа уѣхалъ въ Сѣдневъ съ Глафирой на прошлой недѣлѣ. Мы здѣсь всѣ здоровы, исключая бѣдной Тани (сестра Глафиры—Татьяна Ив. Псёлъ), которая ужасно страдала. Она вамъ кланяется. Мы живемъ уединенно, никого не видимъ, ни о комъ ничего не слышимъ. Когда увижусь съ М. Д. Селецкой, то спрошу у нея, всѣ ли проданы экземпляры „Тризны". Можетъ быть въ день Петра и Павла у Татьяны Густафовны (Вальховской) она успѣла помѣстить довольно большое количество ихъ. Мосевка (имѣніе Вальховской), напоминаетъ мнѣ грустныя минуты, въ которыя искренняя моя къ вамъ привязанность давала мнѣ и желаніе и даже право говорить вамъ правду, что я, однакожъ, не приводила въ исполненіе, потому что я васъ большею частію въ тѣ именно минуты находила неискреннимъ и ненастроеннымъ на мой ладъ, но больше показывающимъ видъ, что я вамъ надоѣла, какъ горькая рѣдька и что роль совѣсти вашей, которую я себѣ присвоила, вамъ казалась непозволеннымъ завоеваніемъ—просто присвоиваніемъ. И сколько разъ святая истина,—которую никакъ не могу согласиться назвать суровою, хотя бы и была очень строгою,—сколько разъ она рвалась изъ души моей на уста, желая, надѣясь иногда, что будетъ доступна душѣ вашей, что будетъ принята, какъ лучшее доказательство сестриной попечительности, что не смотря на орудіе, напоминающее намъ о цѣли жизни нашей и о надеждахъ вѣчныхъ—орудіе слабое и грѣховное,—вы бы съ молитвою въ сердцѣ и съ сильною волею принялись за перевоспитаніе свое, улучшивъ, освятивъ съ помощію благодати Господней, все прекрасное, все святое, все великое, дарованное вамъ столь щедро, и искоренивъ пагубный порокъ, который клонитъ васъ долу. О не говорите, что на васъ нападаютъ люди: здѣсь не завистники, не подлецы—ваши обви-

нители. Я не сужу о васъ по разсказамъ, я не осуждаю васъ, но я со смѣлостію, которую должна бы имѣть гораздо прежде, ибо давно уже въ числѣ друзей моихъ, говорю вамъ, какъ брату, что не разъ, что слишкомъ часто я васъ видѣла такимъ, какимъ не желала бы видѣть никогда... Простите моей искренности, простите моей докучливости! Поймите безкорыстное чувство, которое водитъ моимъ перомъ. Но довольно.

Забыла въ предыдущемъ письмѣ сказать вамъ, что я очень обрадовалась вашему доброму расположенію къ моей „Дѣвочкѣ“[1]). Если будете весною къ намъ, то я дамъ, можетъ быть, ея продолженіе. Не пугайтесь моимъ письмомъ. Впередъ и очень долго не буду вамъ писать. Завтра надобно послать вамъ деньги и этотъ случай причина моему письму, которое будетъ, надѣюсь, принято вами, какъ оно написано, т. е. съ чувствомъ братскаго радушія. Прощайте!

Искренно преданная В. Репнина.

4.

22 окт. 1844 г. Яготинъ.

Вамъ непремѣнно надобно прислать мнѣ двѣ программы вашей „Живописной Украины“, дабы возможно было произвесть подписки во время выборовъ въ Полтавѣ и Черниговѣ въ сентябрѣ и октябрѣ. Алексѣя Васильевича еще нѣтъ, но я писала о намѣреніи вашемъ къ Глафирѣ, которая еще въ Седневѣ у Лизогубовъ, близь Чернигова. Она одобряетъ вашу мысль и надѣется на выборы, но программа непремѣнно нужна. На будущей недѣлѣ папа и Глафира вѣрно возвратятся. Соскучилась я безъ нихъ. Здѣсь у насъ все больныя: маменькина невѣстка, Таня, да еще добрая и милая Василиса Егоровна Балабина, съ которою я очень бы желала васъ познакомить. Я ее назвала ландышемъ: таже бѣлизна, таже величавость, таже неизвѣстность, таже тѣнистая и уединенная жизнь. Она читала вашу „Слѣпую“ и оцѣнила ее—истинно поэтическое чутье! Она здѣсь по случаю болѣзни; ее лѣчитъ М. Фишеръ.

[1]) Повѣсть, принадлежащая перу княжны В. Н. См. восторженный отзывъ о ней въ книгѣ „Жизнь и произв.“ стр. 42.

О какъ искренно я желаю вамъ успѣха для вашего святаго дѣла! Не унывайте, трудитесь и приложите все ваше стараніе, а мы здѣсь будемъ стараться помогать вамъ, сколько будетъ возможно.

Сколько недѣль, какъ это письмо начато—и все мнѣ нельзя было окончить. Яготинъ превратился въ совершенный лазаретъ, въ которомъ я, однако жъ, не участвую и по этой причинѣ не имѣю свободнаго времени, потому что ночую то у невѣстки, то у маменьки. Послѣдняя теперь не на шутку больна. Слава Богу, что доктора не находятъ никакой опасности. На дняхъ мы получили печальное извѣстіе, что зять Кривцовъ скончался. Бѣдная моя сестра одна въ тамбовской губерніи и мнѣ нельзя къ ней летѣть, потому что нездоровье маменьки меня здѣсь приковало.

Не хочу болѣе откладывать отправленія этого письма, чтобы вы поспѣшили съ высылкою программы, которая, къ несчастью, опоздаетъ къ полтавскимъ выборамъ, но будетъ намъ полезна на Черниговскихъ. Кашиста скоро ожидаютъ. Если только будетъ свободная минута, то буду писать къ Галагану на счетъ „Живописной Украины“. Отъ Закревскихъ ничего не получала. Ваше несчастье, что вы связались съ этими пустыми людьми. Куда бы лучше для духовнаго вашего человѣка сблизиться съ Кашистомъ и его женою, такъ богато одаренными и умомъ, и истиннымъ просвѣщеніемъ, и душою. Нельзя ли понять изреченіе: „вино веселитъ сердце человѣка“ въ духовномъ смыслѣ? О да, малодушіе есть ужасное несчастіе! Но и то уже много, что вы себя знаете; остается не лелѣять сознанную слабость, а вооружиться противъ нея. Орудія: вѣра, полезныя занятія и общество чистое, святое, изящное. Отчего вы всегда упоминаете о Мосевкѣ? Скажите, не называетъ ли вамъ совѣсть и другихъ мѣстъ, гдѣ вы малодушно увлекались недостойнымъ и недостойными? Не сердитесь на вѣчныя мои проповѣди: я васъ слишкомъ искренно люблю, чтобы не говорить правды. Но простите! Да будетъ въ душѣ вашей свѣтъ! В. Р.

5.

24 сентября 1844 г. Яготинъ.

Нѣсколько дней тому назадъ я получила отъ Закревскихъ, чрезъ М. Д. Селецкую, три гравюры. Честь и слава, честный труженикъ! Да благословитъ Господь вашъ подвигъ! Сегодня получила маленькое письмецо ваше, за которое благодарю. Больно мнѣ, что такъ часто покушаются люди пошатнуть въ васъ вѣру въ доброе и святое. Не дай Богъ, чтобы имъ удалось! На будущей недѣлѣ ожидаемъ Алексѣя Васильевича. Съ нимъ буду говорить объ васъ подробно. Прощайте, добрый поэтъ! Не покидайте ни пера, ни кисти, идите чистой, святой тропой и да осѣнитъ Господня благодать васъ!

Вамъ искренно преданная В. Репнина.

6.

Ахъ, какъ вы несносны, Т. Г.! вотъ прошло двѣ почты и не привезли мнѣ обѣщанныхъ билетовъ вашего дѣла, а всѣ желаютъ программы. Въ Полтавѣ взялась начальница института сдѣлать подписку и такъ какъ ея зять одинъ изъ начальниковъ корпуса, то есть надежда, что это дѣло пойдетъ тамъ хорошо. Объ этомъ будутъ хлопотать и въ Одессѣ, гдѣ находится знакомый вамъ Графъ де Бальманъ. Сегодня же писано въ Одессу знакомому Писаревыхъ, что бы онъ ихъ употреблялъ въ Кіевѣ. То же самое порученіе дано и въ Харьковѣ Основскому. Вотъ подъѣдетъ Алексѣй Васильевичъ—онъ намъ поможетъ. Бѣдный! его ожидаетъ большая гореcть: братъ его Семенъ почти скоропостижно скончался въ Полтавѣ, оставивъ огромное семейство.

Прощайте, Т. Г. Не медлите высылкою билетовъ, если вы ихъ еще не отправили. Сегодня я только о томъ и могу писать къ вамъ. Поздно. Пора ложиться. Да будетъ Господь съ вами!

Преданная вамъ В. Репнина.

P. S. Неужели Григоровичъ такъ дурно поступилъ съ Вами?

7.

10 ноября 1844 г. Яготинъ.

Наконецъ билеты и гравюры въ рукахъ моихъ. Сегодня же отправлено 10 въ Полтаву и три гравюры; 10 въ Черниговъ

и три гравюры. Съ слѣдующею же почтой отправлю 10 остальныхъ къ Галагану. Но что такое 30 билетовъ? Надо было прислать ихъ сотнями. Какіе же вы несносные! И что это за перемѣна? На мѣсто 10 экземпляровъ—шесть, на мѣсто 10 рублей—три рубля. Что это вы сдѣлали? Я всѣмъ писала собирать по пяти рублей съ выпуска. Пишите же и растолкуйте мнѣ эту путаницу.

Нѣтъ Капниста! Право я боюсь, чтобы съ нимъ что нибудь не случилось. Нѣтъ сестры моей и брата также нѣтъ. Маменька все больна. Папа слабъ и часто страдаетъ. Мрачно, грустно у насъ... хоть бы удалось для васъ сдѣлать что нибудь. Въ Полтавѣ хорошій мой знакомый обѣщаетъ хлопотать: въ Одессѣ также будутъ. Изъ другихъ мѣстъ не имѣю еще отвѣтовъ. Въ пятницу буду писать Графу Головкину, любителю хорошаго. Прощайте добрый поэтъ! Спѣшу. Всѣ спятъ; вѣтеръ свищетъ. О если бы я была поэтъ! (кажется, женщинъ лишили права быть и тѣмъ и другимъ, ибо нельзя въ женскомъ родѣ сказать эти два слова), то я протягиваю вамъ руку просто и по дружески. Вѣрьте искренней дружбѣ къ вамъ В. Репнина.

8.

13 декабря 1844 г. Яготинъ.

Бога ради, пришлите мнѣ на первый разъ хоть сто экземпляровъ вашей „Украины“. Я уже получила за нѣсколько деньги, желаютъ ихъ, а время проходитъ безъ удовлетворенія. Я получила вчера грустное ваше письмо, да конечно и не забыла 9 ноября. Грустное письмо сжало мое уже сжатое сердце опасною болѣзнью папеньки. Съ будущей почтой я буду писать подробно. Пришлите „Украину“. Молитесь, не унывайте, вѣрьте въ меня, не увлекайтесь дурными вашими знакомыми.

Искренно преданная вамъ В. Репнина.

9.

20 декабря 1844 г. Яготинъ.

Не знаю, удастся ли мнѣ написать вамъ хоть немного подробно, мой добрый Т. Г.? Я сижу у папы, который все еще боленъ. Ваши листы произвели на меня плачевное впечатлѣніе

я такъ радовалась вашему полету, но вотъ вы уже опять опустили крылышки и упали всѣ тяжестію вашего малодушія на землю. (Не сердитесь, все позволено искренней дружбѣ).

Живите душу, во первыхъ тѣмъ, что Богъ никогда не оставляетъ уповающихъ на него до конца, во вторыхъ, что если вы имѣете многихъ недоброжелателей въ Петербургѣ, а можетъ быть и здѣсь, то вы можете считать себя счастливымъ, что многія честныя и теплыя души желаютъ вамъ добра. Наконецъ, цѣль ваша должна живить васъ, должна сдѣлать васъ скупымъ, расчетливымъ до ея достиженія. У меня рублей 800,—что же это такое? Капля воды въ морѣ. Не спите, пришлите мнѣ какъ можно скорѣе сто экземпляровъ, а потомъ, съ помощью Божіей, можно будетъ мнѣ еще и еще отъ васъ потребовать. Я съ неудовольствіемъ слышала отъ брата моего, что на дняхъ былъ у него Закревскій, который отъ васъ получилъ письмо. Я надѣялась было, что вы уже не въ перепискѣ съ нимъ. Я этого знакомства очень боялась для васъ. Любите, сколько вамъ угодно Кашниста, Бурковскаго, Галагана, Вл. Лукашевича, съ ними все хорошее, благородное, находящееся въ васъ, разовьется болѣе и болѣе; вамъ будетъ хорошо и всѣмъ вашимъ искреннимъ друзьямъ радостно. Съ какимъ благоразуміемъ и вмѣстѣ теплымъ сочувствіемъ цѣнилъ А. Лизогубъ ваши малороссійскія піесы и какъ я сожалѣю, что вы не знакомы лично съ нимъ. Обрадуйте его и всѣхъ любителей малороссійскаго языка вашей „Совой“.

Что сказать вамъ о Кашнистѣ? Я его видѣла только мелькомъ, онъ, по случаю смерти брата, все жилъ въ Полтавѣ и на дняхъ пріѣзжалъ къ намъ, и хотя онъ пробылъ здѣсь два дня, я почти его не видала. Я надѣюсь, потому что надежда никогда меня не оставляетъ, что можетъ быть, при первомъ его посѣщеніи мнѣ удастся съ нимъ побесѣдовать о многомъ, въ числѣ котораго и вы будете не изъ послѣднихъ темъ. Не пора ли мнѣ оставить эти строки. Прощайте! Не унывайте, ради Бога, ради душевнаго вашего спокойствія, вы должны достичь своей цѣли.

Впередъ же! И да поможетъ вамъ Господь преданная

В. Репнина.

10.

10 января 1845 г. Яготинъ.

Мой добрый и грустный пѣвецъ! Выплачьте пѣсню въ память человѣку, котораго вы такъ умѣли любить и уважать. Моего добраго отца нѣтъ уже между нами! Послѣ долговременной и тяжкой болѣзни, изнуренный ужасными страданіями, онъ отдалъ Богу свою душу 7 января. Вы поймете пустоту Яготина. Я начала было писать съ дороги въ Прилуку, куда мы повезли священные остатки его, т. е. въ Густынскій монастырь: это было его желаніе. Тамъ возобновляются церкви, и одну маменька хочетъ возобновить надъ нимъ. Сестра оставалась при маменькѣ, а я съ Глафирой и братомъ, да еще съ нѣсколькими друзьями, повезли трупъ моего добраго папеньки въ послѣднее его жилище. О, Тарасъ Григорьевичъ, мой добрый другъ! Какъ передать вамъ всѣ эти вѣковыя минуты, черезъ которыя мы прошли въ эти дни?...

22 февраля (продолженіе)

Болѣе мѣсяца, какъ это письмо написано, да не удалось окончить его. Я хотѣла было разсказать вамъ подробно болѣзнь папеньки, его послѣдніе дни, его тихую, спокойную смерть, благодатное выраженіе его истинно ангельскаго лика, когда онъ уже лежалъ безъ жизни для всѣхъ, но для насъ еще такъ исполненъ жизни, потому что все, принадлежащее любимой душѣ, наполнено для сердца жизнью, таинственною, краснорѣчивою. Я хотѣла сказать вамъ, какъ земляки ваши показали себя по всей дорогѣ, какъ въ Прилукѣ добрый народъ отпрегъ лошадей и на себѣ, въ ужасную метелицу, повезъ сани, на которыхъ стоялъ гробъ, черезъ весь городъ. Я хотѣла много вамъ сказать, но некогда. Къ тому же я какъ бы замерла отъ всего происшедшаго. Я чего то жду и чего то страшусь... Глафира, осѣненная благодатію, развившей ея чувства, въ этомъ случаѣ, какъ обыкновенно не бываетъ въ столь юныхъ лѣтахъ, удивительно удачно схватила выраженіе лица папы, къ великому нашему утѣшенію, нарисовала его портретъ въ натуральной величинѣ и на дняхъ приступитъ къ живописи, ибо она хочетъ

сдѣлать его масляными красками; она же будетъ дѣлать и образа въ церкови. Ей нужны матеріалы, и мы адресуемся къ вамъ, чтобы вы сами ихъ выбрали; прилагаю и реестръ. Она проситъ на счетъ кистей. Деньги вы получите отъ Василевскаго, которому пишу, чтобы онъ на требованіе ваше вручилъ вамъ, сколько будетъ нужно. Я получила доброе ваше письмо, получила и „Украину“. Есть у меня вашихъ денегъ 105 руб. асс. и 30 рублей серебромъ. Прислать вамъ ихъ или ожидать большаго прихода? Сколько я могла понять вашу „Хустоньку“, она мнѣ и землякамъ вашимъ очень понравилась. Прощайте! Въ другой разъ буду писать больше. Да хранитъ васъ Господь! Полюбите, съ помощію молитвы, правду: это единственный якорь спасенія для насъ бѣдныхъ. Правда озаряетъ совѣсть, научаетъ, какой путь избрать, какую язву исцѣлить, отчего отказаться и къ чему примѣниться. Правда—Богъ! Преданная вамъ В. Р.

P. S. При семъ прилагается реестръ красокъ и кистей.

11.

6 марта 1845 г. Яготинъ.

Что съ вами, что отъ васъ ни слова нѣтъ? Тогда какъ вы навѣрно знаете, что нѣтъ уже между нами моего добраго папа? Налету къ вамъ пишу. Надѣюсь, что вы получили мое письмо, въ которомъ просила васъ о покупкѣ красокъ для Глафиры? Сдѣлайте одолженіе, отправляйтесь къ В. О. Балабиной и представьте ей свой счетъ. Благодарю за дружескую услугу. Нѣтъ времени побольше писать. Я не очень здорова и спѣшу не опоздать на почту. Прощайте! да будетъ съ вами Господь! В. Р.

12.

20 марта 1845 г. Яготинъ.

Что съ вами, Т. Г? Я не понимаю вашего молчанія или я его понимаю грустно. Здоровы ли вы? На хорошей ли дорогѣ? Пишите ко мнѣ. Навѣрно и на вашихъ глазахъ навернулись слезы, услышавъ, что нѣтъ уже папеньки, и вы вспомнили объ Яготинѣ, гдѣ теперь завѣтное мѣсто добраго старца пусто и ничѣмъ не замѣнится. О; навѣрно и вашей душѣ захотѣлось

сказать моей слова дружбы и сочувствія... Живы ли вы? Я не понимаю вашего молчанія. Всегда, во всякомъ случаѣ, молитва моя будетъ изливаться предъ престоломъ Всевышняго за васъ. Простите! Душевно преданная В. Репнина".

Судя потому, что послѣднія два письма В. Н—ны остались безъ отвѣта, можно съ увѣренностью сказать, что Ш-ко былъ уже на пути въ полтавщину, до которой по тогдашнимъ весеннимъ дорогамъ, съ разливомъ рѣкъ и невылазною грязью, добраться было изъ Питера нелегко.

Изъ напечатанныхъ здѣсь писемъ княжны Репниной можно вывести заключеніе, что главнымъ побужденіемъ поэта отправиться въ столицу было задуманное имъ изданіе „Живописной Украины", для котораго онъ успѣлъ собрать довольно матеріалу во время пребыванія въ Малороссіи. Цѣль этого превосходнаго изданія прекрасна; но къ сожалѣнію оно остановилось на первомъ же выпускѣ. Недоступная по цѣнѣ для большинства украинцевъ „Живописная Украина" досталась однимъ богачамъ-помѣщикамъ, и то благодаря содѣйствію дружеской руки.

Изъ тѣхъ же писемъ княжны мы узнаемъ, что настроеніе души поэта во все время пребыванія его въ Петербургѣ въ 1844—45 году было печальное, вслѣдствіе какихъ-то неудачъ, противодѣйствій со стороны недоброжелателей и т. п. Такое мрачное настроеніе, какъ можно догадываться, главнымъ образомъ происходило отъ неотступно мучившей его мысли, что его родные находились въ крѣпостномъ состояніи и что онъ безсиленъ помочь имъ. Безсильною въ этомъ случаѣ оказалась и великодушный другъ его Варвара Николаевна, которая готова была принесть всевозможныя жертвы „для этого ужаснаго дѣла" (см. письмо 2-е).

Грустное состояніе души поэта еще болѣе усилилось отъ несбывшейся надежды—быть отправленнымъ стипендіатомъ за границу, о чемъ писалъ ему Штернбергъ еще въ 1842 году. Люди, на которыхъ онъ возлагалъ свои упованія, какъ надо полагать, отнеслись къ его пламенному желанію неблагосклонно. Но едва ли конференсъ-секретаря Академіи Художествъ Григоровича и самое конференцію можно винить за то, что она

не послала въ Италію своего, правда, даровитаго, но непредставившаго ни одной капитальной работы воспитанника, за которую можно было бы присудить ему большую золотую медаль, дающую право на такое важное преимущество. И. М. Сошенко, журившій когда-то своего вѣтреннаго земляка за небрежное отношеніе его къ живописи, еще разъ пропѣлъ ему свою старую пѣсню, при свиданіи съ нимъ въ Нѣжинѣ, въ 1846 году: „а що бачъ, я тоби казавъ: покинь вирши! отбы й бувъ за граныцей!“

Ко времени пребыванія Шевченка въ Петербургѣ въ 1844—45 году относится два письма поэта къ Бодянскому и отвѣтъ на нихъ. Письма Тарасовы напечатаны въ 1883 г. въ Р. Старинѣ, а отвѣтъ на нихъ Бодянскаго нигдѣ не напечатанъ.

Содержаніе писемъ Ш—ка заключаетъ въ себѣ просьбу поэта отдать на комиссію московскому книгопродавцу двѣ брошюрки: „Тризну“ и „Гамалія“, причемъ сообщаетъ ему о задуманномъ имъ изданіи „Живописной Украины“ и проситъ Бодянскаго принять на себя трудъ составленія текста къ историческимъ картинамъ. На два письма Тарасовы Бодянскій собрался отвѣтить только 25 октября.

„Эгежъ, эге! То дуже погано, колы чоловикъ почне хату становиты, а глядь—чортъ-ма матеріалу. Такъ и тутъ, пане добродію: безъ грошенятъ, та ще въ Питери, що небудь робить дуже погано. Послявъ бы я вамъ що небудь за ваши книжки, алежъ колыбъ то воны продалыся, а тожъ сёгодни бувъ у того книжныка, которому ихъ виддавъ, а винъ каже, що нихто ничогисенько не питае по цёму товару. Тилько бъ то и продано, що штукъ симь—висимь усёго гуртомъ, неспытавъ которыхъ: чи тыхъ, що по копи, чи що меньше, а колыжъ по копи, то не дуже багацько того дыва. Напишить мени, чи ничого то, щобъ тилько ихъ выслаты, чи може подождаты до вашого пріизду сюды, тоди вже визьмете сами ихъ скилько ихъ ни буде, чи то съ прикладомъ, чи безъ прикладу.

А що до литописи, то іи вже не маю у себе теперечки. Нависный хозяинъ взявъ іи къ соби, побачивши, що зъ нею не

можна нашого брата такъ дуриты, якъ бы ёму хотилось. Не знаю, що и якъ зъ нею почне, знаю тилько, що на дурныцю нихто никому не стане робыты, а тымъ бильше у московщини.

По сій мови, бувайте здорови! До баченья зо мною, якъ то кажете, у Москви. Вашъ щирій землякъ Бодянскій".

IV.

Письма Княжны В. Н. Репниной къ М. К. Чалому по поводу изданія матеріаловъ для біографіи Шевченка.

Приступивъ къ изданію собранныхъ мною матеріаловъ для біографіи Т. Г. Шевченка и зная о весьма близкихъ отношеніяхъ покойнаго поэта къ семейству Репниныхъ, я обратился въ концѣ 1880 года съ письмомъ къ княжнѣ В. Н—нѣ, прося ее сообщить мнѣ все, что ей извѣстно о Шевченкѣ. Главнымъ образомъ мнѣ желательно было получить отъ нея письма Т. Г—ча къ ней 1844—45 года. На письмо мое княжна отвѣтила нижеслѣд. письмомъ.

1.

Москва 10 Января 1881.

М. Г. Многоуважаемый Михаилъ Корнѣевичъ.

Въ память Шевченка протягиваю вамъ руку—но увы! не руку помощи, потому что не имѣю ни одного письма его у себя. Когда онъ былъ арестованъ, кажется въ 1847 году на берегу его любимаго Днѣпра, мнѣ дали знать изъ Кіева, что въ Яготино будетъ флигель-адъютантъ, чтобы освидѣтельствовать мои бумаги, то хотя въ письмахъ Шевченка ничего не было предосудительнаго, я не хотѣла подвергать ихъ хладному разбирательству и не желала также ихъ уничтожить и я ихъ отдала на сохраненіе доброму знакомому, который къ удивленію моему и забылъ про нихъ!

У меня находится портретъ Ш—ка, сдѣланный имъ самимъ, снимокъ съ его же рисунка хаты, въ которой онъ родился, и печатанная маленькая поэма „*Тризна*" на великорусскомъ языкѣ, посвященная мнѣ, но со многими пропусками, по

милости цензуры. Оригиналъ же Тризны, его рукой написанный, также былъ данъ мною на храненіе, вмѣстѣ съ письмами.

Въ скоромъ времени я пришлю вамъ портретъ, хату и печатанную Тризну, и если вы не возвратите ихъ до моей смерти (мнѣ 73-й годъ), то пусть они останутся вашимъ достояніемъ, какъ уважаемому мною цѣнителю Ш—ка.

Крайне сожалѣя, что не могу удовлетворить ваше желаніе пополнить рукописями и письмами предпринятую вами біографію Ш—ка, и благодаря васъ искренно и за письмо ваше, и за присланную вашу рѣчь надъ гробомъ этого геніальнаго горемыки, остаюсь, многоуважаемый М. К., съ истиннымъ почтеніемъ и душевнымъ сочувствіемъ всегда готовая къ услугамъ вашимъ Варвара Репнина".

Спустя нѣсколько дней послѣ полученія этого письма, мною получены: портретъ (приложенный къ изданной мною книгѣ „Жизнь и произведенія Т. Шевченка" 1882 г.), хата и печатная поэма „Тризна".—Затѣмъ на посланную мною при письмѣ книгу я получилъ второе письмо.

2.

М. Г. М. К—чъ! Простите меня, что я замедлила отвѣтомъ на ваше письмо отъ 28 іюля и благодарностью за дорогой подарокъ вашей книги, я ее прочитала съ увлеченіемъ и грустью. Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ нѣсколько замѣчаній, по поводу вашего изданія: на стр. 40 й, разсказывая о запискѣ П. А. Лукашевича, есть неточность. Когда Ш—ко упрекнулъ его, что онъ проповѣдуетъ одно, а дѣйствуетъ напротивъ, Лук. отвѣтилъ на смятой, заверточной бумагѣ: „у меня такихъ какъ тотъ, который привезъ тебя ко мнѣ (а это былъ родной братъ Ш—ка) триста". Этимъ напоминаніемъ, что его братъ крѣпостной, Лукашевичъ уязвилъ чуткую душу Кобзаря—и онъ разрыдался. На 1-й строкѣ 41 стран. вы пишете, что „Князь Николай Васильевичъ Репнинъ пригласилъ Ш—ка въ Ягогинъ", слѣдовало написать Николай Григорьевичъ—мой отецъ, а Николай Васильев.—его внукъ, тогда 9-лѣтній мальчуганъ, теперь же предводитель дворянства Кіевской губерніи. На 60-й стр.

вы говорите, что Ш. обязанъ моей матери назначеніемъ учителемъ живописи въ Кіевскій университетъ—это справедливо; но несправедливо, что она была двоюродная сестра Уварова, ибо его жена была родная сестра моей матери и обѣ рожденныя Разумовскія. Далѣе гр. А. Ѳ. Орловъ, потомъ князь, вовсе мнѣ не родственникъ, а его родной племянникъ, женившись на моей родной племянницѣ Кривцовой, узнавъ отъ меня о непріятномъ посланіи его дяди ко мнѣ, сказалъ ему объ этомъ, а тотъ отвѣтилъ: „хоть убей меня я не помню этого".

Еще одно замѣчаніе и—я оставлю васъ въ покоѣ: Къ чему вы помѣстили выдержку какого-то П. М—са на 79 стран. отъ 29 строки до 35? Вы сами говорите, что никто не подтвердилъ этого гнуснаго разсказа (дѣло идетъ объ извѣстномъ рисункѣ поэта). Я же знаю, что Ш—ко прислалъ А. П. Лизогубу свой портретъ въ солдатскомъ мундирѣ съ одной ногой носкомъ вверхъ и подписалъ подъ нимъ: „отъ якъ бачите".

Простите за скучное письмо. Можетъ быть, по мѣрѣ того какъ поступятъ къ вамъ новые матеріалы, вы напишете еще книжку объ нашемъ бѣдномъ страдальцѣ поэтѣ. Въ октябрѣ я надѣюсь вамъ выслать 6 писемъ (копіи), написанныя ко мнѣ изъ ссылки, которыя недавно были возвращены мнѣ самымъ неожиданнымъ случаемъ. Письма же, которыя онъ писалъ ко мнѣ, будучи свободнымъ, кажется несомнѣнно пропали, но они не такъ были интересны, какъ писанныя изъ ссылки.

Очень прискорбно, что земляки Ш—ка, изъ которыхъ многіе его *спаивали*, не щадя его дивнаго дара, такъ скоро его забыли и вмѣсто всего того, что обѣщали исполнить въ память его, удовольствовались тѣмъ, что поставили на его могилу деревянный крестъ, теперь, какъ вы написали, догнивающій. Чтобы хотя отчасти исправить эту, увы, ничѣмъ непростительную легкомысленность, надобно бы непремѣнно поставить на могилу Ш—ка мраморный крестъ.

Какъ вамъ ни трудно разстаться съ портретомъ Ш—ка, я прошу васъ его мнѣ возвратить, также и хату, которую не онъ рисовалъ, а я срисовала изъ его книжки, гдѣ было нѣсколько набросковъ, имъ сдѣланныхъ.

Еще разъ благодарю за книжку и желаю вамъ отъ искренняго сердца всего лучшаго. Всегда готовая къ услугамъ В. Репнина.

17 августа 1882 г. Москва.

3.

М. Г. М. К. простите меня, что я такъ долго не отвѣчала на послѣднее письмо ваше. 1-го декабря вышлю вамъ копіи съ драгоцѣнныхъ писемъ Ш—ка изъ ссылки. Я нахожу, что портретъ его можно продавать *лишь* съ тѣмъ, чтобы умножить туго собираемую сумму для замѣны сгнившаго креста; недавно читала, что этотъ крестъ окончательно разрушенъ и могила осыпалась. Если это правда, то я могла бы прислать немного денегъ, чтобы замѣнить разрушенный крестъ такимъ же деревяннымъ, лишь для того, чтобы вспомнили мѣсто могилы Ш—ка; а весной можно будетъ, коли Богъ дастъ, поправить могилу и водрузить гранитный крестъ. Какъ вы думаете, кому можно бы было поручить это временное исправленіе могилы? Прошу васъ сообщить мнѣ адрессъ Ѳ. М. Лазаревскаго. Примите увѣреніе и проч. В. Репнина.

13 ноября 1882 Москва.

4.

Москва 5 янв. 1883 г.

М. Г. Благодарю васъ за присылку портрета Ш—ка и его хаты. Со временемъ и то и другое возвратится къ вамъ. Я слышала съ большимъ удовольствіемъ, что полтавское земство въ послѣднемъ своемъ засѣданіи положило дать 500 руб. на поправку могилы Ш—ка; до весны, прежде которой нельзя будетъ приняться за это дѣло, дастъ Богъ еще собрать денегъ. Какъ скоро вы приступите ко второму изданію біографіи Ш—ка, я вышлю вамъ его письма изъ ссылки. Примите выраженіе моего сочувствія къ вашимъ трудамъ. Съ истиннымъ почтеніемъ В. Репнина.

5.

Москва 22 марта 1883 г.

Вотъ вамъ копіи съ писемъ Шевченка изъ ссылки. Они такъ васъ обрадуютъ, почтеннѣйшій М. К., что заставятъ васъ простить мнѣ неудовлетворительные отвѣты на ваши вопросы. Я получила письмо отъ Ѳ. М. Лазаревскаго, которому хочу сегодня отвѣчать. Простите и дай Богъ вамъ успѣха для 2-го изданія вашего. Съ истиннымъ сочувствіемъ готовая къ услуг. В. Р.

6.

Москва 2 августа 1883 г.

Я надѣюсь, что вы, М. Г., получили письма Шевченка и что вы были довольны, прочитавъ ихъ; послѣ смерти моей вы получите оригиналы и портретъ Тараса. Но не о немъ теперь. Я узнала, что Полтавское земство собрало сумму для приведенія въ порядокъ его могилы и что г. Тарновскій этимъ также занимается. Съ своей стороны я вручила здѣсь въ Москвѣ моему племяннику Кн. Репнину собранную маленькую сумму, которую онъ отправитъ въ земство.

Если вы одолжите меня отвѣтомъ, то надѣюсь, что вы напишете мнѣ, что сдѣлано и что будутъ дѣлать съ могилой незабвеннаго Тараса и скоро ли вы издадите новую о немъ книгу.

Съ истиннымъ почтен. и проч. В. Репнина.

P. S. Я перешла на новую квартиру, на малую Спиридоновку, домъ Левенцовой.

Сообщ. **М. Чалый.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

КІЕВСКІЕ СЛАВЯНИСТЫ СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

Исторія зарожденія и развитія идей о славянской взаимности, отразившихся и въ Кіевѣ конца 40-хъ годовъ въ извѣстной неосуществившейся попыткѣ составить кружокъ „Кирилло-Меѳодіевскаго общества“, еще ждетъ своего изслѣдователя. Случайно опубликованные уже матеріалы даютъ мало для разъясненія истинной исторіи этого идеалистическаго умственнаго движенія. Недоступность для широкой публики матеріаловъ архивныхъ заставляетъ думать, что эта исторія еще нескоро получитъ полное и достовѣрное освѣщеніе. Правда, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1892 г. (№ 7) опубликованъ весьма интересный докладъ графа Орлова имп. Николаю I о бывшемъ въ Кіевѣ покушеніи на образованіе общества „славянистовъ“, но спеціальность задачи доклада не позволила автору его подробно коснуться идей, которыя руководили кіевскими „славянистами“ въ ихъ мечтательныхъ проектахъ, не получившихъ осязательной формы и оставшихся, какъ извѣстно, въ зачаточномъ состояніи. Здравый смыслъ графа Орлова далъ надлежащую оцѣнку этой попыткѣ со стороны формально-юридической, заставилъ его признать, что въ дѣйствительности никакого общества славянистовъ не существовало, что Костомаровъ, Гулакъ и В. Бѣлозерскій лишь мечтали объ этомъ ученымъ образомъ, но въ чемъ собственно заключались эти ученыя мечтанія трехъ юношей—донынѣ покрыто довольно густымъ туманомъ.

Въ переданныхъ редакціи сыномъ покойнаго Н. А. Ригельмана черновыхъ замѣткахъ и копіяхъ разныхъ писемъ найдена

записка, или скорѣе проектъ записки, которая способна пролить нѣкоторый свѣтъ на умственныя настроенія кружка „славянистовъ“. Редакція тѣмъ охотнѣе даетъ мѣсто выдержкамъ изъ этой записки, что въ ней есть нѣсколько замѣчаній, посвященныхъ Т. Г. Шевченку. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, записка составлена была по замѣткамъ лица, близко стоявшаго къ кіевскимъ „славянистамъ“ 40-хъ годовъ; покойный Н. А. Ригельманъ, какъ видно изъ писемъ его къ Ганкѣ и Штуру („Кіев. Стар.“ 1897 г. № 1), живо интересовался въ то время славянскимъ вопросомъ и повидимому собиралъ матеріалы для его исторіи. Какъ кажется, записку слѣдуетъ отнести къ 1847 или 1848 году.

„Уставъ славянскаго общества составленъ на основаніи разныхъ сочиненій, дѣйствовавшихъ на ихъ воображеніе, а также по примѣру тѣхъ учено-литературныхъ обществъ, которыя существуютъ у чеховъ, лужичанъ и сербовъ. Общество это существовало только въ мысли, а не на дѣлѣ, и никто не принимался за его учрежденіе и распоряженіе. Названіе „общество“ употреблено было не въ томъ смыслѣ, какой именно оно имѣетъ, и притомъ человѣкомъ, который даже не понималъ подозрительнаго значенія этого слова. Подъ обществомъ разумѣется большое число людей, связанныхъ между собою чѣмъ-либо однимъ для всѣхъ ихъ общимъ. Но задумано общество однимъ, когда же къ этому слову прибавлено было „Св. Кирилла и Меѳодія“, причастныхъ было трое—Костомаровъ, Гулакъ и Бѣлозерскій. На дальнѣйшее число оно не распространялось, ибо они скоро увидѣли несообразность и неопытность своихъ мыслей. Они заблуждались на время, и вотъ путь сего заблужденія.“

„Жизнь человѣческая бѣдна безъ дѣятельности; но отъ того, какое направленіе приметъ дѣятельность, и жизнь человѣка становится правильною или неправильною, полезною или вредною. Горе молодому человѣку, если какая-нибудь мысль привьется къ нему въ то время, когда онъ еще слишкомъ неопытенъ и не въ состояніи понять и обсудить ее основательно. Тогда дѣятель-

ность его уподобляется колосу, обвитому негоднымъ растеніемъ: онъ мало по малу хилѣетъ, теряетъ свою силу, и, если благодѣтельная рука не избавитъ его отъ вредоноснаго привитка, вмѣсто того, чтобы принести плодъ, становится безполезной соломой".

„Будучи студентомъ, онъ (?) читалъ съ большимъ вниманіемъ все, что относилось къ славянамъ, и такимъ образомъ постепенно знакомился съ исторіею, литературою и языкомъ славянскихъ племенъ. Его восхищало воодушевленіе, съ которымъ они стараются возродить свою народность, и всякій порывъ поэта или ученаго къ поддержанію ихъ въ этомъ стремленіи радовалъ его. Наконецъ, ему стала извѣстна идея панславизма, и она до такой степени его восхитила, что онъ предался ей всѣмъ сердцемъ. Онъ читалъ разсужденія pro и contra онаго въ французскихъ, нѣмецкихъ и нашихъ журналахъ и долго не зналъ, на чемъ остановиться. Наконецъ, онъ сдѣлался поборникомъ панславизма, и такъ объяснялъ себѣ его значеніе: Панславизмъ есть соединеніе всѣхъ славянскихъ племенъ въ одну общую семью, которая, будучи воодушевлена любовію къ человѣчеству, должна развить въ средѣ своей христіанскія правила жизни, примѣнить ихъ къ обществу и такимъ образомъ принести новый элементъ и, такъ сказать, дать новый толчекъ для всемірной дѣятельности. Посему всякое препятствіе къ полюбовному соединенію славянъ должно быть отвергаемо. Къ таковымъ препятствіямъ относились: а) Вліяніе чуждыхъ племенъ на славянъ, вредное въ томъ отношеніи, что славяне не могутъ подать другъ другу руку помощи и забываютъ свое общее родство и народность; б) происходящее оттого разъединеніе и вражда славянскихъ племенъ; в) разность религій, ими исповѣдуемыхъ; г) непросвѣщенность и недѣятельность многихъ членовъ общества".

„Вслѣдствіе сего: а) должно стараться отдалять вліяніе чужеземныхъ идей, исполненныхъ космополитизма и противныхъ славянскимъ чувствамъ; б) утверждать въ славянскихъ племенахъ сознаніе ихъ общей народности. Отъ этого произошло недовольство многими мыслями, встрѣчаемыми въ нѣкоторыхъ нашихъ журналахъ, уничтожающими народное чувство,—и жела-

ланіе собирать матеріалы, относящіеся къ изученію Малороссіи.—Должно стараться поселить согласіе и любовь между племенами, раздружившимися отъ стеченія обстоятельствъ; в) разъяснить вопросъ о первоначальномъ введеніи христіанской вѣры у славянъ и показать древнѣйшее исповѣданіе ими вѣры греческой, къ которой склонились сами протестанты, какъ въ прежнее, такъ и въ новѣйшее время, по причинѣ ея неискаженности, сохранившейся отъ временъ апостольскихъ, и духа любви, который въ ней преобладаетъ; г) заботиться о распространеніи правильныхъ свѣдѣній и образованности и возбуждать къ дѣятельности ученой или гражданской тѣхъ, кои, имѣя для этого способности, симъ пренебрегаютъ".

„Въ это время онъ былъ нездоровъ и началъ думать о томъ, какимъ образомъ скорѣе увидѣть исполненіе своихъ желаній касательно славянъ; тогда же, раздосадованный какою-то выходкою противъ славянъ и Малороссіи въ „Библіотекѣ для Чтенія", въ ипохондрическомъ расположеніи духа написалъ онъ небольшую статью, навлекшую на него сомнѣніе[1])".

„Здѣсь есть желаніе равенства, навѣянное французскими идеями, и вмѣстѣ потребность дѣйствовать въ духѣ кротости и миролюбія, свойственныхъ его характеру. Неестественное настроеніе, въ которомъ находились его мысли, не могло оставаться на долгое время, и какъ только опытность и познанія историческія расширились, онъ увидѣлъ, что въ его образѣ мыслей было много мечтательнаго и дѣтскаго, и они начали опадать, какъ увядшіе листья; онъ увидѣлъ, что думать такъ, какъ онъ думалъ, значитъ желать, чтобы исторія совсѣмъ измѣнила свой ходъ, что́ невозможно по причинѣ непреложныхъ законовъ, лежащихъ въ ея основѣ. Тогда мысль его обратилась въ другую сторону. И хотя и въ то время онъ былъ слишкомъ неоснователенъ и неопытенъ, но по крайней мѣрѣ избралъ для себя цѣль, которая была ближе и къ нему, и къ исполненію. Онъ обратилъ больше вниманія на себя самого и началъ прилагать ста-

[1]) Въ рукописи примѣчаніе карандашемъ: „Какая сія статья? и гдѣ напечатана? Надо раздобыть". *Ред.*

равія объ исправленіи своихъ собственныхъ недостатковъ и о томъ, чтобы дары христіанскаго ученія и просвѣщенія передавать другимъ, съ коими будетъ поставленъ въ соприкосновеніе. Однакожъ чувство любви ко всѣмъ славянамъ вообще и къ русскимъ въ особенности его не оставляло, но сдѣлалось тише и натуральнѣе, и онъ боялся уже заниматься мечтательными предположеніями, ни къ чему не ведущими".

„Въ это время онъ познакомился съ Костомаровымъ и Гулакомъ, которые подобно ему занимались изученіемъ славянскаго міра по разнымъ отраслямъ, и идея панславизма равно ихъ занимала. Мало по малу разговоры ихъ склонились къ славянскимъ, и общая любовь къ нимъ воодушевила и соблазнила ихъ другъ съ другомъ. Ихъ особенно досадовало то равнодушіе къ родственнымъ племенамъ, которое замѣчали въ своихъ журналахъ, и неразумѣніе славянскаго вопроса, встрѣчаемое въ обществѣ; но они радовались, что наше правительство знаетъ это и повидимому покровительствуетъ славянскому движенію. Они согласились въ средствѣ, которое должно избрать для того, чтобы поселить въ русскихъ сочувствіе къ славянамъ и къ ихъ идеѣ: составить между собою дружескій союзъ, который бы старался дѣйствовать на читателей, ознакомляя ихъ съ славянами, и въ воспоминаніе этого носить кольца или образа съ изображеніемъ просвѣтителей славянъ христіанскою вѣрою. Буквы для написанія именъ избраны Костомаровымъ глаголитскія, какъ древнѣйшія. Но это не считалось необходимымъ условіемъ, ибо заключало въ себѣ нѣчто подозрительное: они же не думали скрываться, но говорить объ этомъ во всеуслышаніе не рѣшались, опасаясь осмѣянія, какимъ обыкновенно встрѣчаютъ людей и особенно молодыхъ, которые хотятъ произвести нѣчто новое. Имѣлъ ли кто подобное кольцо или образъ, неизвѣстно."

„Они думали, что правительство одобритъ ихъ собранія, цѣлью коихъ въ это время не было ничего противнаго. Особенно ихъ интересовала мысль о соединеніи славянъ въ единое государство съ одною при томъ господствующею религіею, и они создавали въ своемъ воображеніи разныя средства, какія могли бы привести ее въ исполненіе. Одна Россія, говорили

они, способна совершить такой переворотъ и не убоится стать лицомъ къ лицу съ остальною Европою. Для этого необходима только твердая воля и умъ сильный, который бы могъ направить ея дѣйствіе смѣло и прямо къ цѣли, слѣдовательно, одинъ только нынѣ царствующій Императоръ можетъ совершить это важное дѣло. Иногда имъ казалось, что это непремѣнно при нихъ сбудется, а иногда предполагали, что государю не угодно будетъ подать теперь руку спасенія страждущимъ племенамъ славянскимъ, потому что его вниманіе устремлено на внутреннее устройство собственнаго государства, что слѣдовательно, дѣятельность его чрезвычайно обширна".

„Поэтому, думали они, слѣдуетъ устремить на этотъ предметъ свое стараніе и дѣйствовать научнымъ путемъ—имъ, занимающимся наукою и принявшимъ на себя обязанность наставителей. Единственнымъ средствомъ они для сего предполагали воодушевленіе всѣхъ славянъ, и русскихъ въ особенности, этой идеей, распространяемой во всѣхъ слояхъ общества посредствомъ просвѣщенія. Они думали, что если народы славянскіе почувствуютъ сильно потребность братскаго соединенія, то оно должно само собою совершиться, ибо иностранныя державы увидятъ явную невозможность удержать моральное стремленіе славянскихъ племенъ и сами собою уступятъ то, чѣмъ завладѣли во время бѣдствій, постигавшихъ славянскіе народы въ разныя эпохи."

„Такое теченіе мыслей привело ихъ къ той, что главнымъ препятствіемъ къ распространенію у славянъ образованности, долженствовавшей развить въ нихъ сознаніе взаимнаго братства, они почитали крестьянство, которое нигдѣ не представляется въ такомъ видѣ, какъ въ Малороссіи. Право владѣнія крестьянами они считали вредомъ для государства, и имъ казалось, что правительство старается болѣе и болѣе ограничить, смягчить это право, и не проминуетъ случая, когда можетъ освободить крѣпостныхъ. Они думали, что обязанность помѣщиковъ и всякаго имѣющаго средства—какъ по человѣколюбію, такъ и для взаимной выгоды—облегчать положеніе крестьянъ, заводя для нихъ школы, сообразныя съ ихъ земледѣльческимъ бытомъ, на что

правительство не можетъ употреблять суммъ, которыя бы не восполнились; для казенныхъ же крестьянъ заведены школы. Они всегда думали, что правительство невпримѣръ великодушнѣе общества; они полагали, что ихъ стремленія, проистекающія единственно изъ любви къ человѣку, найдутъ у него покровительство; что имъ слѣдуетъ только писать полезныя для народа сочиненія, а оно распространитъ ихъ. Они основывались на томъ, что издаются „Сельское Чтеніе“ и другія книги для простонародья, заводятся для него пріюты, и онъ такъ былъ въ этомъ увѣренъ, что, не смотря на свою неопытность, написалъ начерно проектъ просьбы о заведеніи въ Полтавѣ школы для дѣтей, взятыхъ изъ селеній, въ которой бы обучали закону божію, ремесламъ простымъ, земледѣлію и соприкосновеннымъ съ нимъ свѣдѣніямъ, полезнымъ для домашней сельской жизни, съ тою цѣлію, чтобы обучавшійся, по окончаніи курса, возвратился въ свой домъ и къ занятіямъ своего состоянія, но съ болѣе основательными свѣдѣніями, которыя бы представили ему возможность извлечь больше удобствъ и выгодъ въ своемъ быту. Этотъ проектъ начинается слѣдующими словами: „Благодѣтельнѣйшая цѣль правительства ввести мало по малу образованіе въ бытѣ низшаго класса народа, полезное въ его домашней и сельской жизни, не можетъ быть достигнута вдругъ по причинѣ огромныхъ требованій и недостатка въ дѣятеляхъ-образователяхъ“. Эта мысль показываетъ, что онъ не почиталъ противнымъ правительству стараніе о введеніи образованности въ простой народъ; притомъ онъ намѣревался представить сей проектъ въ палату гос. имуществъ и, въ случаѣ дозволенія, собирать пожертвованія не только денегъ, но и матеріаловъ, потребныхъ для устройства маленькой школы; но ему отсовѣтовали это какъ безполезное и неудобоисполнимое“.

„Чѣмъ болѣе они пріобрѣтали опытности, тѣмъ болѣе увѣрялись въ несообразности своихъ понятій; они видѣли, что общество не можетъ сочувствовать имъ: и ихъ мысли становились правильнѣе, желанія умѣреннѣе и основательнѣе. Названіе „общество“ для нихъ исчезло и даже сдѣлалось смѣшно, ибо не имѣло никакого примѣненія. Костомаровъ по свойству своего

характера, наклоннаго къ строгому изслѣдованію исторіи, обращалъ ихъ вниманіе на изученіе фактовъ и совѣтовалъ бросить славянскую хвастливость; Гулакъ, будучи характера серьезнаго и укрѣпленнаго нѣмецкою ученостью, требовалъ, чтобы Костомаровъ доказывалъ свои мысли фактами: и они соглашались съ нимъ въ томъ, что русскій народъ является въ своей исторіи съ характеромъ мощнымъ и что слѣдуетъ предоставить движеніе славянскихъ племенъ исторіи, коей теченіе долженъ указать представительствующій и предводительствующій имъ народъ русскій. Они согласны были, наконецъ, въ томъ, что для правильности идей необходимо твердое познаніе фактовъ и близкое знакомство съ характеромъ народа, съ его установленіями, поэзіею, нравами и обычаями и проч., и они стали подвергать историческую жизнь славянъ строгому критическому разбору и серьезнѣе заниматься изученіемъ славянскихъ народовъ. Первымъ и главнымъ средствомъ къ этому—языкъ изучаемаго народа, и такъ какъ малорусскій языкъ былъ изъ незнакомыхъ къ нимъ ближайшимъ, то они обратились къ занятію онымъ. Съ этимъ соединилось изученіе русской исторіи, и ихъ стали занимать всѣ подробности древней ея части: они, можно сказать, погрузились тогда въ имена и факты".

„Въ такомъ расположеніи были ихъ умы, когда Марковичъ и Навроцкій познакомились ближе съ Костомаровымъ, ибо съ двумя другими[1]) они были знакомы прежде. Но М. и Н. не сочувствовали тому интересу, какой возбуждали у трехъ друзей славяне, ибо никто, кромѣ сихъ трехъ, не занимался славянствомъ Они въ ту пору находились посреди толковъ трехъ ученыхъ о норманнахъ и варягахъ, о язычествѣ, берендѣяхъ, торкахъ и другихъ народахъ, нѣкогда населявшихъ нынѣшнія земли,—что ихъ мало интересовало. У М. и Н. была только любовь къ родной странѣ, къ языку ея и поэзіи, и вообще ко всему родному и къ наукѣ, ихъ занимало объясненіе религіозныхъ и нравственныхъ истинъ; славянъ же они не знали и потому не могли

[1]) Надо думать, съ Гулакомъ и В. Бѣлозерскимъ.—*Ред.*

сочувствовать вполнѣ воодушевленію, съ которымъ о нихъ говорили три ученые друга."

„Одинъ изъ друзей скоро былъ вызванъ въ Полтавскій корпусъ [1]); Костомаровъ отъ продолжительныхъ и непрерывныхъ занятій заболѣлъ и, по совѣту врачей, отправился для излеченія морскими ваннами въ Одессу. Они разстались охладѣвшіе къ славянской идеѣ и только думали объ изученіи фактическомъ, о собственномъ нравственномъ совершенствованіи и о вѣрномъ выполненіи своихъ обязанностей. Вниманіе ихъ наиболѣе было устремлено теперь къ человѣколюбію и наукѣ".

„Что касается до самобытности славянскихъ племенъ, бывшей предметомъ сужденія трехъ друзей, то ея не представляли политически отдѣльною въ каждомъ, а чѣмъ то подобнымъ тому, какъ семьянинъ въ родной семьѣ, въ которой онъ и зависимъ отъ другого старшаго члена, и вмѣстѣ независимъ по тѣмъ правамъ, какія даетъ ему любовь старшаго. Объ отдѣльной самобытности Малороссіи никто изъ славянистовъ не мечталъ. Желали того только, что пояснено выше, именно освобожденія крестьянъ, просвѣщенія, любви къ своему языку и процвѣтанія литературы. Въ этомъ они полагали самобытность всякаго народа. У славянистовъ желанія склонялись на сторону моральную и отнюдь не къ матеріальной. Просвѣщеніе считали предохранительнымъ средствомъ противъ кровопролитія и насилія. Духъ кротости и миролюбія христіанскаго составлялъ всегда главную заботу славянистовъ, и на многія возстанія народныя въ земляхъ славянскихъ они смотрѣли, какъ на дѣйствія враждебной и вредной для славянъ политики чужеземцевъ. Необразованный человѣкъ, съ грубыми чувствами и понятіями, въ порывѣ гнѣва ужаснѣе звѣря. Мысль о горестныхъ послѣдствіяхъ необразованности раздраженнаго человѣка выражена и въ посланіи къ землякамъ у Шевченка, гдѣ онъ говоритъ: „ибо необразованное око заглянетъ въ вашу душу слишкомъ глубоко." Посему учрежденіе школъ было общимъ желаніемъ всѣхъ, раз-

---

[1]) Повидимому, рѣчь идетъ о В. Бѣлозерскомъ, впослѣдствіи редакторѣ „Основы". *Ред.*

мышлявшихъ о пользѣ общей; особыхъ плановъ, по которымъ бы устраивались школы, не было; содержаніе книгъ, назначенныхъ для простого народа, тоже не было опредѣлено, и денегъ не собиралось, такъ какъ учрежденіе школъ оставалось только предположеніемъ, которое не могло исполниться".

„Нельзя навѣрное опредѣлить ни начала, ни времени учрежденія общества славянистовъ, ни указать, кто желалъ именно того или другого. Приблизительно можно назначить конецъ 1844 и 1845 г.; въ послѣдующее время идеи принимали болѣе правильный ходъ. Никто не наставлялъ и ни отъ кого не учились: мысли были приведены въ движеніе одними учеными занятіями, касающимися славянъ. Въ настоящую эпоху, ни одно занятіе не могло быть столь близко: оттого оно и подѣйствовало сильно на воображеніе. Общество славянистовъ никогда не заключало въ себѣ никакихъ намѣреній, противныхъ государственному порядку. Неправильныя мысли оставались всегда мыслями— не болѣе, и то—въ самомъ маломъ кругу. Если же извѣстныя идеи и были приняты нѣсколькими молодыми людьми, то это произошло единственно оттого, что они не понимали еще той истины, что теорія и практическая дѣйствительная жизнь идутъ совсѣмъ различными путями; при томъ же, всѣ ихъ стремленія ограничивались одною наукой и литературой, которыя и породили панславистическія идеи, да умственными, никогда на дѣлѣ неоказавшимися, заботами о потребности образовать низшій классъ народа. Изъ этого единственно научнаго источника проистекали и къ нему же возвращались всѣ стремленія славянистовъ".

„Дѣйствія Костомарова, имѣвшія кажущееся отношеніе къ задачѣ отщества, состояли въ томъ только, что онъ старался поселить въ ученикахъ своихъ любовь къ родственнымъ славянскимъ племенамъ, основанную на безпристрастномъ судѣ о ихъ достоинствахъ и недостаткахъ. Это, нужно замѣтить, составляло самую малую часть его дѣятельности. Два года былъ онъ учителемъ гимназіи и нѣсколько мѣсяцевъ преподавалъ русскую исторію въ университетѣ. Онъ велъ жизнь уединенную, посвященную прилежнѣйшему изученію историческихъ матеріаловъ и при-

личную человѣку, совершенно преданному наукѣ, составлялъ лекціи по части всеобщей и преимущественно русской исторіи, въ преподаваніи коей имъ было принято за правило не вводить собственныхъ придуманныхъ идей, а представлять лишь живо картину прошедшаго, самые факты исторіи. Выполненіе учительской должности безукоризненнымъ образомъ онъ считалъ своею священною обязанностью, и ничто не могло отвлечь его отъ урока. Въ характерѣ Костомарова была та особенность, что онъ, въ противорѣчіе съ ему свойственнымъ, строго-критическимъ изслѣдованіемъ фактовъ, какъ бы нарочно увлекался какою нибудь, иногда самою обыкновенною идеей, которую онъ хотѣлъ себѣ уяснить, и, доводя, въ своемъ воображеніи, оную до крайности, оставлялъ ее какъ безполезную. Отъ этого, напримѣръ, произошло то, что онъ захотѣлъ видѣть свое сочиненіе „Миѳологія славянъ“ напечатаннымъ церковно-славянскими буквами, а потомъ самъ жалѣлъ объ этомъ. Къ концу сего времени онъ видимо становился серьезнѣе и осторожнѣе и одушевлялся для учено-литературной дѣятельности. Ни съ кѣмъ, кромѣ Гулака и В. Бѣлозерскаго, Костомаровъ не сближался“.

„Гулакъ преимущественно занимался юриспруденціею; первоначально изучалъ римское и германское право, а потомъ законодательство и вообще жизнь славянскихъ народовъ. Изъ дерптскаго университета онъ вынесъ рѣдкія познанія, любовь къ ученымъ занятіямъ и нѣмецкую честность и порядочность. Онъ желалъ, чтобы все существующее вытекало изъ логическихъ законовъ, и осуждалъ всякій поступокъ, который не подходилъ подъ оные. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ выражалась необыкновенная скромность и благоразуміе, свойственныя его характеру; поступки его были напечатлѣны честностію и уваженіемъ къ праву каждаго человѣка на обходительное съ нимъ обращеніе. Сужденіе свое онъ предлагалъ съ величайшею осторожностью и безъ всякой самоувѣренности, какъ бы ни былъ убѣжденъ въ справедливости онаго. Гулакъ не старался о томъ, чтобы распространить идеи, которыя его занимали, а больше заботился о томъ, чтобы объяснять ихъ для самого себя: съ этою цѣлью онъ и хранилъ бумаги, заключавшія въ себѣ предметы, на кои умъ

его нѣкогда устремлялся. Выполненіе закона онъ считалъ непреложнымъ".

„Шевченко, сколько можно было замѣтить въ короткія съ нимъ встрѣчи, всегда являлся какъ поэтъ-сирота, испытавшій въ жизни много горя и, кажется, еще болѣе страдавшій въ себѣ самомъ. Онъ видимо мучился своимъ положеніемъ и, по временамъ, старался погрузиться въ забытье, употребляя горячіе напитки. Въ послѣднее однакожъ время онъ сталъ внимательнѣе замѣчать свои недостатки и заботился о своемъ образованіи. Отъ него почти никогда нельзя было услышать собственнаго его стихотворенія; иногда только онъ начиналъ произносить самъ для себя какіе либо стихи и обыкновенно оканчивалъ словами— не знаю! Едва ли кто слышалъ отъ него какое нибудь патріотическое (?) желаніе или убѣжденіе; онъ не старался никого привлекать на свою сторону. Онъ болѣзновалъ только надъ положеніемъ крестьянъ и выражалъ свою досаду на помѣщиковъ, или разсказывая какой нибудь смѣшной анекдотъ, или съ горькимъ смѣхомъ произнося отрывистую фразу. Иногда онъ говорилъ: „я ничóго нехóчу—тилькы щобъ люде свого не цуралысь". Любилъ онъ пѣть малороссійскія пѣсни, которыя ставилъ выше всѣхъ своихъ произведеній; часто пѣлъ онъ и русскія и восхищался ими. Можно думать, что онъ не имѣлъ никакихъ дерзкихъ намѣреній и въ естественномъ состояніи не сочувствовалъ тому, что написалъ подъ вліяніемъ печальнаго расположенія духа". Съ лѣтами онъ, безъ сомнѣнія, весьма бы перемѣнился; сердце у него доброе, но невоспитанное и несчастное и, быть можетъ, самъ онъ причиною своего несчастія".

Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи.

ПРЕВРАЩЕНІЕ КОЗАЦКОЙ СТАРШИНЫ ВЪ ДВОРЯНСТВО.

ГЛАВА II[1]).

Рескриптъ 26 октября 1781 г.—Указъ 3 мая 1783 г.—Преобразованіе козачьихъ полковъ въ регулярные.—Шляхетскія права и дворянская грамота.—Депутатскія собранія. Затрудненія въ разборѣ дворянства.—Разъясненія Румянцева.—Дворянскія родословія.

Съ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія объединительная политика правительства, ограничивавшаяся до сихъ поръ частичными мѣрами и полумѣрами, дѣлаетъ рѣшительный шагъ. Въ 1782 г. въ Малороссіи вводится учрежденіе о губерніяхъ, а вмѣстѣ съ нимъ и шляхетство въ области мѣстнаго самоуправленія получаетъ всѣ тѣ права, какими въ Великой Россіи пользовалось только родовое дворянство. Въ рескриптѣ Румянцеву отъ 26 октября 1781 г. читаемъ: „Выборъ въ дворянскіе засѣдатели совѣстныхъ и верхнихъ земскихъ судовъ, въ предводители, въ уѣздные судьи и дворянскіе засѣдатели уѣздныхъ и нижнихъ земскихъ судовъ, по точной силѣ учрежденій нашихъ, принадлежитъ дворянству, вотчины и помѣстья свои въ тѣхъ губерніяхъ имѣющему, такъ, какъ и избираемые изъ нихъ же должны быть, не препятствуя тѣмъ изъ нихъ выбраннымъ, кои хотя и въ тамошней военной службѣ находятся, но отъ оной въ земскую перейти пожелали бы". „Дворянствомъ, вотчины и помѣстья

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г., № 1.

свои имѣющимъ", оказался въ Малороссіи именно тотъ классъ, который именовалъ себя шляхетствомъ; къ нему то и перешли всѣ тѣ права, которыя учрежденіе о губерніяхъ предоставляетъ только дворянамъ. Шляхетство было допущено къ выборамъ во всѣ должности, замѣщеніе коихъ, по закону, зависѣло отъ дворянства, и въ этомъ отношеніи достигло полнаго уравненія съ высшимъ сословіемъ имперіи. Введеніе въ дѣйствіе учрежденія о губерніяхъ осуществило и другое давнишнее желаніе шляхетства—желаніе выдѣлиться въ особое сословіе. До сихъ поръ шляхтичъ, даже гербованный, судился въ одномъ судѣ съ какимъ-нибудь козацкимъ подпомощникомъ, и передъ лицомъ украинской Ѳемиды и тотъ, и другой были одинаково равноправными шляхтичами; съ введеніемъ новыхъ учрежденій шляхетство получило свой сословный судъ, въ которомъ уже не было мѣста людямъ козацкой и простонародной породы: для нихъ существовали теперь нижнія расправы. Обособленію шляхетства способствовалъ и обѣщанный рескриптомъ разборъ его правъ. „А какимъ образомъ о разборѣ дворянства поступать—гласилъ высочайшій рескриптъ—мы сообщаемъ вамъ для руководства и для наставленія тамошнихъ дворянскихъ предводителей съ ихъ обществомъ заготовленный нами проектъ главы о дворянствѣ, въ которомъ ясно и подробно описаны всѣ тѣ качества и достоинства, которыя ко утвержденію благородства служатъ и кои вы для такого употребленія прикажите выписать и сообщить имъ" [1]). Осуществлялось такимъ образомъ то, о чемъ шляхетство ходатайствовало еще 15 лѣтъ назадъ черезъ своихъ депутатовъ въ Коммиссію для сочиненія проекта новаго уложенія. Обѣщанный рескриптомъ разборъ долженъ былъ окончательно обособить шляхетство отъ остальныхъ слоевъ населенія, предоставивъ въ его исключительное пользованіе всѣ законныя права и привилегіи благороднаго сословія, на которыя до сихъ поръ имѣли дерзость посягать иногда и люди простонародной породы.

Какъ производился разборъ шляхетства, объ этомъ мы будемъ говорить впослѣдствіи, а пока остановимся на другихъ

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 114; Полн. Собр. Зак., т. XXI, ст. 15265.

распоряженіяхъ правительства, оказавшихъ вліяніе на превращеніе командующаго класса въ дворянство. Такими распоряженіями были: указъ 3 мая 1783 г., запретившій малорусскимъ крестьянамъ вольный переходъ съ мѣста на мѣсто, и указъ 28 іюля 1783 г. о преобразованіи малороссійскихъ козачьихъ полковъ въ регулярные.

Малорусское крестьянство уже давно находилось въ полной зависимости отъ своихъ владѣльцевъ, тѣмъ не менѣе это были только „подданные", а не крѣпостные. Посполитый, отбывавшій на своего пана всякія „работизны и послушенства", пользовался, однако, правомъ въ любое время оставить своего владѣльца и избрать иное мѣсто жительства. Правда, это право было ограничено разными стѣснительными условіями, сводившими его почти къ нулю [1]), тѣмъ не менѣе оно существовало, и юридически посполитый считался все-таки свободнымъ человѣкомъ. Это признавало за нимъ неоднократно и само центральное правительство, не далѣе какъ въ 1763 г. подтвердившее малороссійскому народу право вольнаго перехода. Для малорусскаго панства право владѣнія крѣпостными людьми было самой завидной изъ привилегій русскаго дворянства: объ этомъ краснорѣчиво ораторствовали представители шляхетства на Глуховскомъ съѣздѣ 1763 г., объ этомъ ходатайствовали они въ то время и передъ центральнымъ правительствомъ, доказывая, что закрѣпощеніе подданныхъ будетъ только возстановленіемъ древнихъ правъ и вольностей малороссійскаго народа [2]). Теперь само правительство предоставляло эту привилегію въ руки шляхетства и такимъ образомъ равняло его съ столбовымъ русскимъ дворянствомъ. Указъ 3 мая 1783 г. сдѣлалъ козацкихъ старшинъ такими же точно помѣщиками, какими были потомки лицъ, записанныхъ въ боярскія книги.

Въ томъ же 1783 г. осуществилось и другое давнишнее желаніе малороссійскаго шляхетства—о пожалованіи его „необидными по чинамъ военнимъ и статскимъ классами". При пре-

---

[1]) „Кіев. Стар"., 1885 г., № 7, стр. 477.

[2]) „Кіевская Старина" 1883, № 6, стр. 317 и слѣд.

образованіи малороссійскихъ козацкихъ полковъ въ карабинерные, было велѣно находящихся въ малороссійскихъ полкахъ чиновниковъ, которые захотятъ остаться въ военной службѣ и къ оной отъ главнаго начальства найдены будутъ способными, смотря по степенямъ и заслугамъ, опредѣлить штабъ-и оберъ-офицерами, а прочихъ отъ службы уволить, переименовавъ чинами потому же, или же по ихъ желанію препроводить для опредѣленія къ дѣламъ [1]), а въ слѣдующемъ 1784 г. предписано было прежнихъ малороссійскихъ чиновъ болѣе не давать [2]). Въ результатѣ получилось массовое переименованіе козацкой старшины въ русскіе табельные чины. Оставшіеся въ военной службѣ полковые асаулы, хорунжіе и писари становились теперь ротмистрами, сотниками, поручиками, войсковые товарищи корнетами, а значковые товарищи и сотенная старшина—унтеръ-офицерами. Тѣ изъ старшинъ, которые не захотѣли остаться въ регулярствѣ, выпущены были въ абшидъ съ повышеніемъ однимъ чиномъ: бунчуковые товарищи и полковые обозные—премьеръ-маіорами, полковые хорунжіе, асаулы и писари—секундъ-маіорами, сотники—ротмистрами, а войсковые товарищи и сотенная старшина—корнетами. Бывшіе полковники выпущены въ отставку съ бригадирскими чинами. Что касается тѣхъ старшинъ, которые пожелали переименоваться въ табельные чины къ статскимъ дѣламъ, то и они производились примѣнительно къ военнымъ, хотя, впрочемъ, далеко не всегда однообразно: полковые, напр., писари и асаулы производились въ коллежскіе ассесоры и въ титулярные совѣтники, между тѣмъ какъ равные съ ними по служебному положенію полковые хорунжіе—въ коллежскіе регистраторы, сотники и войсковые товарищи дѣлались иногда титулярными совѣтниками, а иногда только губернскими секретарями [3]). Какъ бы то ни было, „классами“ были пожалованы, всѣ, кто только имѣлъ къ этому охоту. Табельные чины раздавались даже тѣмъ, кто не имѣлъ на это ни малѣйшаго права. Авторъ воспоминаній, изданныхъ не для публики, разсказываетъ,

[1]) Ригельманъ, ч. IV, стр. 52.

[2]) Полн. собр. Зак. т. XXII, № 16117.

[3]) Чтенія Общ. истор. и др. 1861 г., кн. II, отд. V, стр. 103, 107.

что секретарь Румянцевской канцеляріи Дубовикъ, пользуясь довѣріемъ вельможи, между другими неблаговидными изъ корыстныхъ видовъ дѣйствіями, имѣлъ спекуляцію такого рода: кто изъ малороссійскихъ козаковъ могъ взнести ему сто серебряныхъ цѣлковыхъ, тому давалъ онъ (разумѣется, за подписью Румянцева) патентъ на чинъ корнета. Хотя деньги были тогда дороги и трудно было собрать простому козаку такую сумму отъ землепашества, но нѣкоторые изъ козачества не упускали благопріятнаго случая получить внѣ службы оберъ-офицерскій чинъ" [1]). При такихъ условіяхъ непереименованными остались только тѣ, кто почему либо не могъ просить переименованія или не хотѣлъ „по привязанности къ національнымъ малороссійскимъ чинамъ". Такимъ образомъ въ теченіе какихъ нибудь трехъ лѣтъ малорусское шляхетство достигло полнаго уравненія „въ честяхъ и преимуществахъ" съ родовымъ великорусскимъ дворянствомъ: оно участвовало въ дворянскихъ выборахъ, владѣло крѣпостными мужиками и носило такіе же табельные чины, какъ и настоящее служилое дворянство.

Уравненіе „въ честяхъ и преимуществахъ" не могло еще, однако, окончательно пріобщить шляхетство, „въ сообщество единаго тѣла" съ русскимъ дворянствомъ. Причиной этому была, какъ объясняетъ *А. И. Чепа*, „разность не малая" въ правахъ и привилегіяхъ шляхетства и дворянства [2]). „Малороссійскія права", на которыя такъ любилъ ссылаться командующій классъ, были гораздо шире тѣхъ правъ, коими пользовалось русское дворянство. Для того, чтобы эта „разность" могла стереться, нужно было поднять русское дворянство до высоты шляхетскихъ привилегій. Это сдѣлала дворянская грамота 1785 г.

Чтобы понять, какую важную роль сыграла дворянская грамота въ дѣлѣ сліянія малорусскаго шляхетства съ русскимъ дворянствомъ, нужно разсмотрѣть, каковы были шляхетскія права и привилегіи и что дала дворянству грамота 1785 г.

Начнемъ съ шляхетскихъ правъ и привилегій. Шляхетство, по Статуту, есть высшее сословіе въ государствѣ; юридическія

[1]) „Кіевская Старина"; 1895, № 5, стр. 220 221.

[2]) Ibid, 1893, № 1, стр. 54.

права всѣхъ его членовъ „отъ высшаго до низшаго стану“ совершенно одинаковы, не смотря на различія въ общественномъ и имущественномъ положеніи (1 арт. 1 розд.). Шляхетское званіе—званіе наслѣдственное: по 20 арт. 3 розд. шляхтичъ шляхтитъ жену не шляхтянку и родившихся отъ нея дѣтей. Доступъ въ шляхетство людей простой породы допускается только за важныя военныя заслуги, и нобилитація такихъ лицъ, согласно конституціи 1588 г., производится только во время сейма съ соизволенія государя и сенаторской избы [1]). По статуту шляхетское достоинство утрачивается только въ исключительныхъ случаяхъ. Имъ не могутъ пользоваться: государственные измѣнники, убѣжавшіе въ непріятельскую землю (6 арт. 1 розд.); выволанцы, какъ люди лишенные всякаго покровительства законовъ, (5 арт. 11 розд.); лица, побывавшія въ рукахъ палача (57 арт. 11 розд.); бѣглецы съ поля сраженія (4 арт. 2 розд.) и тѣ безземельные шляхтичи, которые лишены чести за самовольный уходъ изъ войска (10 арт. 2 розд.); временная утрата шляхетства установлена статутомъ для тѣхъ шляхтичей, кои стали бы заниматься въ городахъ мѣщанскимъ ремесломъ или торговлей, но до тѣхъ только поръ, пока шляхтичъ занимается мѣщанскимъ дѣломъ (25 арт. 3 розд.). Шляхтичъ судится только шляхетскимъ судомъ; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ находится въ служебной зависимости отъ другого шляхтича, этотъ послѣдній имѣетъ право судить его только „засадивши при собе шляхту людей добрыхъ“ (арт. 11 розд. 3). Безъ судебнаго приговора шляхтичъ не только не можетъ быть лишенъ жизни, чести или имѣнія, но даже и арестованъ (если онъ имѣетъ осѣдлость), кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ пойманъ на „горячемъ учинкѣ“ (10 арт. 3 розд. и 30 арт. 4 розд.). По Статуту никто не карается безъ суда даже за измѣну государству или преступленіе противъ „персоны господарской“ (2 арт. 1 розд.). Согласно конституціи 1565 г. дѣла о чести судятся самимъ королемъ на сеймѣ (28 арт. 1 розд. и 46 арт. 3 розд.), а по конституціи 1454 г. ни

[1]) Экстрактъ изъ указовъ, инструкцій и учрежденій., ч. X. О преимуществахъ и имѣніяхъ шляхетства.

отъ одного шляхтича не можетъ быть отобрано имущество, пока онъ не осужденъ правомъ. За свое преступленіе шляхтичъ отвѣчаетъ только самолично: ни жена за мужа, ни братъ за брата наказанію не подлежатъ; исключенія изъ этого правила допускаются только по дѣламъ объ „ображеньѣ маестату“ верховной власти или измѣнѣ государству (18 арт. 1 розд.). Статутомъ установлены самые разнообразные и притомъ варварскіе способы смертной казни, тѣмъ не менѣе тѣлесное наказаніе въ тѣхъ позорящихъ формахъ, какія признаны Уложеніемъ, въ примѣненіи къ шляхетству совсѣмъ не допускается, равно какъ и пытка. Что касается смертныхъ приговоровъ, то для приведенія ихъ въ исполненіе Статутъ не требуетъ аппробаціи верховной власти; коррективомъ къ этому являлись для малороссійскаго шляхетства и старшины договорныя гетманскія грамоты: по 12 пункту статей Юрія Хмельницкаго мѣстное правительство не имѣетъ права казнить смертью начальствующихъ лицъ безъ царскаго указа; тоже подтверждено въ 16 пунктѣ инструкцій резиденту Наумову и въ рѣшительныхъ пунктахъ 1728 г. Шляхтичъ не былъ избавленъ отъ обязательной военной службы, но эта служба была для него только временной повинностью: являлся онъ на службу только по распоряженію сейма (1 арт. 2 розд.) и по окончаніи войны вновь становился свободнымъ гражданиномъ, не связаннымъ никакими служебными обязательствами. Шляхтичу былъ дозволенъ свободный выѣздъ въ чужіе края, не состоявшіе во враждебныхъ отношеніяхъ съ его отечествомъ „для набитья наукъ, въ письмѣ цвиченья и учинковъ рицерскихъ и теж будучи неспособного здоровья своего для лекарствъ“ (16 арт. 3 розд.). Шляхтичъ имѣлъ право безпрепятственно исповѣдывать ту или другую религію по своему усмотрѣнію (3 арт. 3 розд.).

Шляхетское имѣніе находится въ полномъ распоряженіи владѣльца: онъ имѣетъ право дарить, продавать, завѣщать и вообще, какъ хотѣлъ, „шафовать“ не только благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ, но и родовымъ (41 арт. 3 розд.); въ случаѣ его смерти его имѣніе безпрепятственно переходитъ къ его наслѣдникамъ (17 арт. 3 розд.). Шляхтичъ имѣетъ право селить

на своихъ земляхъ мѣстечки и заводить торги (29 арт. 1 розд.). Онъ можетъ купить себѣ домъ въ городѣ, но занятіе ремесломъ или торговлей лишаетъ его шляхетства до тѣхъ поръ, пока онъ занимается ими (49 и 25 арт. 3 розд.). Шляхтичъ имѣлъ право безпошлинно провозить продукты собственнаго хозяйства, а также и товары, купленные для своего домашняго обихода (не для торговлй) (30 арт. 1 розд.). Свои имѣнія шляхетство имѣетъ право эксплуатировать на поверхности и въ нѣдрахъ, какъ угодно (2 арт. 3 розд.). Шляхетскій домъ въ городѣ свободенъ отъ постоя (49 арт. 3 розд.). Шляхетскія имѣнія съ ихъ подданными свободны отъ податей и всякихъ натуральныхъ повинностей (20 арт. 3 розд.); по привилегіи кіевской землѣ 1569 г. съ панскихъ имѣній взимается подать только въ размѣрѣ 2 грошей польскихъ съ жилой уволоки, а гдѣ уволокъ нѣтъ,—по грошу съ дыма; но 29 арт. 3 розд. Статута количество поборовъ съ панскихъ имѣній опредѣляется самимъ же шляхетствомъ на вальномъ сеймѣ. Панскіе подданные, даже за проступки постороннихъ лицъ, судятся ихъ владѣльцемъ и только въ случаѣ отказа владѣльца въ удовлетвореніи потерпѣвшаго или недовольства его владѣльческимъ судомъ, дѣло переносится въ общія судебныя установленія (48 арт. и 4 розд. и 32 арт. 11 розд.) Уряды, достоинства и имѣнія не могутъ быть даваемы чужеземцамъ (12 арт. 3 розд.) или людямъ не шляхетскаго происхожденія. Безъ суда и разбора дѣла шляхтичъ не можетъ быть лишенъ своего уряда или достоинства (14 арт. 3 розд.); это правило отчасти нашло себѣ подтвержденіе и въ гетманскихъ статьяхъ: по 7 пункту статей Ю. Хмельницкаго гетманъ не можетъ собственною властью отставлять полковниковъ; по 11 пункту статей Мазепы онъ не можетъ безъ царскаго указа мѣнять генеральной старшины; тоже подтверждено инструкціей Наумову и рѣшительными пунктами 1728 г. Шляхетству всецѣло предоставлено было право сословнаго суда, какъ въ низшихъ инстанціяхъ, такъ и въ высшихъ: оно выбирало подкоморыхъ (1 арт. 9 розд.), земскихъ судей, подсудковъ, писарей и возныхъ (1 арт. 4 розд.), а также депутатовъ въ главный трибуналъ. Ему принадлежатъ широкія политическія права. Оно обсуждало на повѣто-

выхъ сеймикахъ не только мѣстныя, но и общегосударственныя нужды и выбирало пословъ въ сеймъ (6 арт. 3 розд.), которые обязаны были по возвращеніи домой отдавать на сеймикахъ отчетъ шляхетству въ исполненіи возложенныхъ на нихъ порученій (9 арт. 3 розд.).

На вальныхъ сеймахъ шляхетство въ лицѣ своихъ депутатовъ, законодательствовало и опредѣляло налоги, объявляло войну и заключало миръ (15 арт. 3 розд. и 2 арт. 2 розд.), а на элекційныхъ избирало даже главу государства (2 арт. 3 розд.).

Таковы были шляхетскія права и вольности, на которыя изъявлялъ притязанія малорусскій командующій классъ. Посмотримъ теперь, каковы были права и вольности русскаго дворянства, дарованныя ему грамотой 1785 г.

Какъ и Статутъ, дворянская грамота признаетъ дворянское достоиство наслѣдственнымъ, передаваемымъ женѣ и дѣтямъ. Отнимается оно только за важнѣйшія преступленія: нарушеніе клятвы, измѣну, разбой, воровство, лживые поступки, преступленія, за кои по законамъ слѣдовать имѣетъ лишеніе чести и тѣлесное наказаніе, и за подстрекательство къ такимъ преступленіямъ. Дворянинъ не можетъ быть лишенъ чести, жизни, дворянскаго достоинства и имѣнія иначе, какъ по суду, а судится онъ только односословниками; судебный приговоръ надъ дворяниномъ, сопряженный съ лишеніемъ его дворянства, чести, или жизни, входитъ въ законную силу только послѣ аппробаціи его государемъ. Дворянинъ избавленъ отъ тѣлеснаго наказанія; въ военной службѣ, хотя бы онъ былъ и нижнимъ чиномъ, его наказываютъ какъ оберъ-офицера. Дворянству дана свобода отъ обязательной службы государству, съ тою, впрочемъ, оговоркою, что въ важныхъ случаяхъ оно все таки обязано являться на службу по призыву правительства; къ тому же нигдѣ не служившій дворянинъ лишается права на участіе въ мѣстномъ самоуправленіи, предоставленномъ дворянству. Дворянству дозволенъ выѣздъ въ чужіе края и поступленіе на службу союзныхъ Россіи государствъ. Дворянинъ имѣетъ право по собственной волѣ распоряжаться благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ, что же касается наслѣдственнаго имѣнія, то въ этомъ отношеніи воля его огра-

ничена закономъ. Наслѣдственное дворянское имѣніе, въ случаѣ осужденія его владѣльца за важное преступленіе, переходитъ къ его наслѣдникамъ. Дворянству принадлежитъ право покупать деревни, продавать продукты своего хозяйства, имѣть у себя въ деревняхъ фабрики и заводы, заводить, съ вѣдома губернскаго начальства, въ своихъ имѣніяхъ мѣстечки и въ нихъ торги и ярмарки. Дворяне могутъ покупать дома въ городахъ, „въ оныхъ заниматься рукодѣліемъ“ и, по желанію, пользоваться городовымъ правомъ. Дворянамъ дозволяется продавать оптомъ, даже и за границу, произведенія своего хозяйства или заводовъ и фабрикъ. Они имѣютъ безусловное право эксплуатировать принадлежащія имъ имѣнія не только на поверхности, но и въ нѣдрахъ. Дворянскій домъ въ деревнѣ свободенъ отъ постоя, а самъ дворянинъ изъемлется отъ личныхъ податей и повинностей.

Таковы личныя преимущества дворянъ, установленныя грамотою 1785 г. Ими, однако, не исчерпываются „выгоды“ дворянскаго состоянія. Дворянская грамота собираетъ разсѣянныхъ по своимъ деревнямъ помѣщиковъ и организуетъ изъ нихъ въ каждой губерніи дворянскія общества. Дворянамъ предоставлено право собираться въ опредѣленные сроки для выборовъ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, для выслушиванія предложеній начальства и разсужденія о своихъ сословныхъ нуждахъ. Право голоса въ собраніяхъ ограничено возрастомъ, имущественнымъ и служебнымъ цензомъ. Опороченный судомъ или сомнительный въ нравственномъ отношеніи дворянинъ можетъ быть исключенъ изъ собранія по его постановленію. Собранія дворянъ выбираютъ уѣздныхъ и губернскаго предводителей, засѣдателей верхняго земскаго и совѣстнаго судовъ, уѣзднаго или окружнаго судью и земскаго исправника, засѣдателей уѣзднаго и нижняго земскаго судовъ и депутатовъ для составленія родословной книги. Дворянское собраніе имѣетъ право представлять генералъ-губернатору о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ и дѣлать черезъ депутатовъ представленія и жалобы какъ сенату, такъ и государю. За законностью постановленій дворянства слѣдитъ губернскій стряпчій. Собраніе дворянства не подлежитъ аресту. Для попеченій о дворянскихъ сиротахъ и вдовахъ при

каждомъ уѣздномъ судѣ состоитъ дворянская опека, предсѣдатель которой—предводитель, а члены—судья и его засѣдатели [1]).

Если сравнить шляхетскія права съ тѣми правами, которыя были даны дворянству грамотой 1785 г., то, конечно, перевѣсъ останется на сторонѣ первыхъ. Вспомнимъ хотя бы политическія права шляхетскаго сословія, его исключительное право на занятіе всѣхъ урядовъ и достоинствъ, право не быть безъ суда лишеннымъ занимаемой должности, не подвергаться аресту безъ судебнаго приговора, судить и наказывать своихъ крестьянъ, распоряжаться по произволу родовымъ и благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ, свободу шляхетскихъ имѣній отъ налоговъ и натуральныхъ повинностей... Но для того, чтобы правильно смотрѣть на дѣло, нужно вспомнить также и то, что многими и многими изъ этихъ правъ малороссійскій командующій классъ совсѣмъ не пользовался въ дѣйствительности. Политическія права шляхетства были въ дѣйствительности только журавлемъ въ небѣ, о которомъ могли мечтать развѣ завзятые идеологи: шляхетство уже давно привыкло безропотно подчиняться всѣмъ распоряженіямъ, идущимъ отъ „вышней команды", къ тому же большинство его состояло не изъ „патріотовъ" въ родѣ Полетики, а изъ самыхъ заурядныхъ сотниковъ, возныхъ, полковыхъ старшинъ, для которыхъ хозяйственные и имущественные интересы были гораздо дороже права разсуждать о законахъ и управленіи: для большинства свобода винокуренія была во всякомъ случаѣ выше свободы политической. Исключительнаго права на занятіе урядовъ малорусское шляхетство никогда не имѣло, а крестьянъ своихъ, такъ же, какъ и русское дворянство, судило только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло не пахло „криминаломъ" [2]).

Къ раздачѣ земель и достоинствъ „чужеземцамъ" оно уже давно привыкло: не одинъ Меньшиковъ сталъ малороссійскимъ помѣщикомъ, и не одинъ Толстой попалъ въ малороссійскіе полковники. Свободы вѣроисповѣданія шляхетству вовсе не было нужно: все оно было православнымъ. Такимъ образомъ, если

[1]) Жалованная грамота дворянству и городовое положеніе. Изд. типогр. Пр. Сената. Москва 1804., стр. 1—15.

[2]) Права, по которымъ судится мал. народъ, стр. 52.

исключить изъ шляхетскихъ правъ все то, чѣмъ малорусское шляхетство въ дѣйствительности не пользовалось, то и останется почти та сумма „преимуществъ и выгодъ", какая дарована была русскому дворянству грамотой 1785 г. Игнорировать этими „выгодами" малорусскому шляхетству было нельзя, хотя бы потому, что права, дарованныя дворянству Высочайшей грамотой, обѣщали быть гораздо болѣе устойчивыми, нежели шляхетскія права, нарушаемыя сплошь и рядомъ. Къ тому же и сами эти права на законномъ основаніи принадлежали только небольшой части шляхетства, тѣмъ немногимъ потомкамъ родовыхъ шляхтичей и дворянъ, которые могли представить „безсумнительныя" доказательства своего благороднаго происхожденія, а большинство, вышедшее изъ козацкой толпы, строило свои притязанія на крайне шаткихъ аргументахъ: ссылались обыкновенно на то, что козацкая старшина есть именно тотъ „рыцарскій станъ", который Статутъ сравниваетъ въ правахъ и преимуществахъ съ родовымъ шляхетствомъ. Ссылались на какую-то таинственную статью Зборовскаго трактата, въ которой будто бы заключено, „чтобы старшина войска запорожскаго по мѣстамъ и повѣтамъ королевства польскаго жили яко шляхта" [1]). Ссылались на 6 статью договора Многогрѣшнаго и 4 статью Мазепы, въ которыхъ только и сказано: „какъ напередъ сего заслуженные пожалованы были честію дворянскою, чтобъ они при томъ же чину и чести пребывали, а которые впредь заслужатъ, а гетманъ и старшина бить челомъ учнутъ, и чтобъ царское пресвѣтлое величество и тѣхъ въ той же дворянской чести изволилъ пожаловать". Аргументы очень сомнительные, изъ которыхъ врядъ ли можно сдѣлать выводъ въ пользу шляхетскихъ правъ старшины.

---

[1]) Наставленіе выборному отъ Мал. Колл. въ коммиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія г. колл. совѣтнику и члену той же коллегіи Дм. Наталину и возраженіе депутата Григорія Полетики на оное наставленіе, Чт. Общ. ист. и др. 1858 кн. 3, отд. V, стр. 91. „Зборовскій договоръ, въ польской редакціи и въ русскомъ переводѣ напечатанный 3 томѣ „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ" № 137, ни словомъ не упоминаетъ ни о чемъ подобномъ. А между тѣмъ на него неизмѣнно ссылались всѣ защитники дворянскихъ правъ старшины, начиная съ Полетики и кончая Рѣпинымъ. Непонятное недоразумѣніе!

При такихъ условіяхъ малорусскому шляхетству не было никакихъ разумныхъ основаній отказываться отъ „преимуществъ и выгодъ“, предложенныхъ ему дворянской грамотой.

И оно не отказывалось. Благоразумные люди, успѣвшіе оцѣнить выгоды дворянскаго званія, успѣли „промыслить“ себѣ дворянство еще за нѣсколько лѣтъ до изданія дворянской грамоты. „Васъ поздравляю искреннѣйше и усерднѣйше новымъ дворянствомъ: промыслили вы благовременно“, писалъ въ 1782 году знаменитый Георгій Конисскій своему бывшему питомцу Г. А. Полетикѣ [1]). Не знаемъ, много ли было изъ среды шляхетства лицъ, благовременно промыслившихъ себѣ дворянское званіе, но какъ только открылись въ Малороссіи дворянскія депутатскія собранія, претендентовъ на это званіе явилась масса. Разборъ дворянства, предписанный рескриптомъ 26 октября 1781 года, долженъ былъ начаться тотчасъ же по введеніи въ краѣ учрежденія о губерніяхъ. Выписки изъ высочайшаго проекта о дворянствѣ были сообщены для наставленія предводителямъ еще 5 и 13 декабря того же 1781 г., но дворянскія коммиссіи состоялись только въ 1784 г. „Губернскіе предводители дворянства,—разсказываетъ А. Марковичъ,—потребовали отъ уѣздныхъ доставленія дворянскихъ списковъ, по составленіи которыхъ они должны были въ каждомъ уѣздѣ со всѣми дворянами и шляхетствомъ избрать депутата для разбора дворянства“ [2]). По дошедшему до насъ ордеру къ Новгородъ-Сѣверскому предводителю дворянства Миклашевскому отъ 29 марта 1784 года, дѣло представляется нѣсколько иначе. Дворянское общество каждаго уѣзда выбирало изъ своей среды 3—4 депутатовъ, „особъ извѣстнѣйшихъ и почетнѣйшаго рода, дворянскаго достоинства“; депутаты эти являлись въ губернскій городъ и здѣсь составляли дворянскіе списки, которые передавались губернскому предводителю. Имъ то вмѣстѣ съ уѣздными депутатами и производился разборъ дворянскихъ доказательствъ [3]).

[1]) „Кіев. Стар., 1895, № 5, страница 239.

[2]) Матеріалы для статистики Россійской имперіи, изд. съ Высочайшаго соизволенія при статистическомъ отдѣленіи совѣта М. В. Д. С.-Петербургъ 1841, отд. IV, страница 7.

[3]) Собраніе рѣдкостей, стр. 146.

Дѣятельность малороссійскихъ депутатскихъ собраній 80-хъ и 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ наши дни стала своего рода притчею во языцѣхъ. Повѣсть о ихъ злоупотребленіяхъ неизмѣнно повторяется во всѣхъ историческихъ изслѣдованіяхъ, касающихся вопроса о малороссійскомъ дворянствѣ. Въ основу сужденій и выводовъ кладутся обыкновенно „Замѣчанія, до Малой Россіи принадлежащія", которыя, несмотря на видимую тенденціозность ихъ автора, признаются за непреложное свидѣтельство истины. А „замѣчанія" рисуютъ цѣнителей дворянскихъ правъ шляхетства въ самомъ непривлекательномъ видѣ. По разсказу ихъ анонимнаго автора, при первомъ открытіи коммиссій для разбора дворянства въ нихъ „выбираемы были депутаты такіе, которыхъ дворянское достоинство какъ природою, такъ и чинами неоспоримо было; но въ послѣдующее время стали въ сіе важное званіе вступать и такіе люди, которые въ виду всѣхъ были купцы, или простые козаки, и разными происками получили чинъ войсковаго или бунчуковаго товарища, или полковой старшины, называли себя дворянами и вступали въ такъ деликатную и важную должность, что стали дѣлать дворянскому достоинству разборъ, по которому они и сами не могли симъ званіемъ пользоваться... Большая часть доказывающихъ свое достоинство бросилась за границу, въ бывшую Польшу, и посредствомъ жидовъ покупала у поляковъ на оное свидѣтельства, причисляя себя къ такимъ фамиліямъ, которыхъ въ Польшѣ нѣтъ и не бывало; многіе жиды вывозили подрядомъ изъ Польши за деньги таковыя свидѣтельства, и коммиссіи, безъ изслѣдованія и увѣренія нашихъ министровъ, въ Варшавѣ тогда бывшихъ, ихъ принимали; многіе простые козаки и самые казенные и владѣльческіе крестьяне поступили симъ обманнымъ образомъ въ дворяне, а депутаты сдѣлали себѣ черезъ то хорошій доходъ, такъ что многіе на оные напрашивались. Словомъ сказать, изъ сего важнаго и святаго дѣла сдѣлалось торжище и лавка, и депутаты, набравъ изъ коммиссій съ пробѣломъ дворянскихъ грамотъ, оными торговали. Говорятъ, что о таковомъ злоупотребленіи былъ въ бывшей новгородъ-сѣверской губерніи на депутата Сахновскаго, въ Сосницкомъ повѣтѣ, въ с. Деговѣ проживающаго, доносъ, кото-

рый будто бы, въ казенной малороссійской палатѣ и по нынѣ неоконченнымъ лежитъ. Невозможно себѣ тѣхъ представить беззаконій, какія въ семъ случаѣ произошли: сапожники, кузнецы, мясники и другіе подобные симъ мастеровые, издревле въ семъ званіи бывшіе и подушнымъ и другимъ окладомъ изстари обложенные, теперь дворянами называются, продолжая при томъ свое ремесло. Всякъ удивится, когда услышитъ, что въ Малой Россіи нынѣ сто тысячъ дворянъ считается, которыхъ по изгнаніи изъ нея поляковъ и сотой доли не было и быть не могло" [1]).

Сдѣланная авторомъ „Замѣчаній" характеристика качественнаго состава депутатскихъ собраній подтверждается и еще однимъ документомъ, дошедшимъ до насъ отъ того же времени; но этотъ документъ только сатира, правда, очень удачная, но все же сатира. Въ ней выведенъ депутатъ переяславскаго шляхетства Плящинскій, котораго авторъ и заставляетъ разсказать свою біографію [2]). Плящинскій—бывшій подданный переяславскаго полковника Сулимы; по освобожденіи отъ подданства получилъ онъ чинъ значковаго товарища; нигдѣ не служа въ дѣйствительности и занимаясь исключительно „шинковымъ промысломъ", Плящинскій черезъ нѣсколько лѣтъ становится войсковымъ товарищемъ, а когда къ шинковому дѣлу онъ присоединилъ торговлю рыбой и солью, получаетъ чинъ полковаго асаула, а еще нѣсколько времени спустя производится въ секундъ-маіоры. „Въ нынѣшнемъ моемъ уже маіорскомъ чинѣ,—разсказываетъ Плящинскій,—по всеприлежнѣйшему моему для удобнѣйшей доправки шинковыхъ долговъ старанію, выбранъ былъ я въ нижній земскій судъ засѣдателемъ, но за многіе мои непорядки и противозаконные поступки по указу Правительствующаго Сената отъ сей должности отрѣшенъ, почему мнѣ быть въ дворянскомъ собраніи вовся невозможно". Плящинскій не хочетъ, однако, торговать дворянскими грамотами, какъ дѣлали депутаты автора „Замѣчаній", а напротивъ, проситъ объ увольненіи отъ депу-

[1]) Чт. Общ. ист. и древн. 1884 г., кн. I, отд. II, стр. 19.

[2]) Въ „Собраніи рѣдкостей", коимъ мы пользовались, Плящинскій названъ Климовичемъ, а прошеніе его адресовано д. с. с. гражданскому малороссійскому губернатору и кавалеру М. П. Миклашевскому. (Собраніе рѣдкостей, страница 707—721).

татской должности, въ которую онъ выбранъ „противъ воли и чаянія“. Онъ пишетъ, что не можетъ себѣ и представить, какъ можно ему оставить излюбленный шинковой промыслъ и сидѣть въ дворянскомъ собраніи, гдѣ „вмѣсто представляющихся мнѣ всегда бутылокъ, кружекъ, стакановъ и чарокъ долженъ я видѣть на столѣ чернильницы, пѣсошницы и бумаги, а вомѣсто ярманковаго и торговаго народнаго шума—чтеніе секретаремъ дѣлъ, вомѣсто же того, что тамъ спрашиваютъ, почему кварта горѣлки, а тутъ только одинъ секретарь будетъ спрашивать, какую наложить резолюцію“ [1]).

Автора „Замѣчаній, до Малой Россіи принадлежащихъ“, ни въ коемъ случаѣ невозможно заподозрить въ безпристрастіи; его тенденціозность, его повальное охужденіе всего того, чѣмъ Малая Россія въ то время отличалась отъ Великой, читаются въ каждой строкѣ его „Замѣчаній“. Если ему повѣрить, то окажется, малороссійская губернія „въ добронравіи, въ просвѣщеніи, въ общежитіи, въ хозяйствѣ, въ торговлѣ, въ рукодѣліи и во всемъ благоустройствѣ отъ всѣхъ прочихъ губерній отстала и во всемъ ихъ хуже“; что „между малороссіянами во всякомъ званіи или вовся нѣтъ, или очень мало дружества, родственнической любви и связи“; что „малороссіяне вообще спесивы, надуты и непривѣтливы, особливо тѣ, которые подлаго состоянія, безъ всякой службы и безъ всякихъ заслугъ, одними деньгами и подарками, въ дворянство вышли: они только или страха ради или по надобности и нуждѣ покорны и низки“; что простой народъ къ лѣности и праздности отмѣнно склоненъ“; что всѣ привилегіи, прерогативы, преимущества и права“ малороссіянъ состояли въ томъ, что ихъ гетманы за одно оскорбленіе его ливреи сѣкли плетьми, а драгуны презирали и нагайками гоняли.

При такихъ условіяхъ вѣрить на слово разсказу автора „Замѣчаній“ довольно рисковано, а тѣмъ менѣе, конечно, можно придавать значеніе „историческаго документа“ пресловутому прошенію Пляцинскаго. Намъ думается, что разсказъ о злоупотребленіяхъ малороссійскихъ депутатскихъ собраній можетъ быть

[1]) „Кіевская Старина“, 1888, № 1, отд. III, стр. 26—28.

принятъ только послѣ тщательной провѣрки всѣхъ относящихся къ этому вопросу документовъ, при чемъ, конечно, не должны быть забыты и обстоятельства мѣста и времени, при которыхъ совершался разборъ малороссійскаго дворянства.

Документальную провѣрку дѣятельности депутатскихъ собраній мы оставляемъ будущимъ изслѣдователямъ этого вопроса, для которыхъ болѣе доступны архивы дворянскихъ собраній, а объ обстоятельствахъ, при коихъ происходилъ разборъ дворянства, скажемъ нѣсколько словъ на основаніи имѣющагося у насъ матеріала.

Для руководства малороссійскихъ депутатскихъ собраній былъ присланъ въ 1781 г., „проектъ главы о дворянствѣ", а въ 1785 году этотъ же проектъ былъ включенъ въ жалованную грамоту. Здѣсь мы находимъ цѣлый рядъ правилъ, по какимъ доказательствамъ то или другое лицо можетъ быть признано дворяниномъ, но нѣтъ ни одного правила, спеціально предназначеннаго для разбора малороссійскаго дворянства. А такія правила для малороссійскихъ депутатовъ были болѣе чѣмъ необходимы въ виду того хаотическаго состоянія, въ какомъ находился въ то время сословный вопросъ въ Малороссіи [1]). Шляхетствомъ здѣсь считались, какъ мы видѣли, не только родовые шляхтичи и дворяне, но и всѣ малороссійскіе урядники и ихъ потомки, все бѣлое духовенство съ его потомствомъ, и, наконецъ, даже козаки выборные и подпомощники. Съ открытіемъ дѣйствій депутатскихъ собраній на дворянство заявили претензію всѣ, кто только пользовался до сихъ поръ шляхетскими преимуществами „по силѣ правъ малороссійскихъ". Иначе, конечно, и быть не могло. Быть или не быть дворяниномъ составляло для всякаго вопросъ не только тщеславія, но и первѣйшей жизненной важности. Дворянство было по тому времени особенная порода людей: оно пользовалось свободой отъ службы, свободой отъ позорныхъ наказаній, свободой отъ податей и личныхъ повинностей, правомъ владѣть крѣпостными людьми.

[1]) Необходимость спеціальныхъ правилъ для разбора малороссійскаго дворянства признавалъ и самъ авторъ „Замѣчаній, до Малой Россіи принадлежащихъ". Чтеніе Общест. Ист. и др. 1848 года, книга I, отд. II, стр. 23—24.

На его сторонѣ были всѣ права и преимущества, а у тѣхъ, кто не принадлежалъ къ нему, не было никакихъ правъ; это была безправная „подлость", гарантированная отъ насилій и произвола иногда даже менѣе, чѣмъ въ наши дни преступникъ, лишенный всѣхъ правъ состоянія. Людямъ, привыкшимъ къ привилегированному положенію, предстояло на вѣкъ, съ настоящимъ и будущимъ потомствомъ, потонуть въ морѣ безправія; удивительно ли, что они изъ всѣхъ силъ старались удержаться на поверхности? Доказывая свое дворянство, они отстаивали не только свои командирскія, но и человѣческія права. При такихъ условіяхъ въ претендентахъ на дворянство не могло, конечно, быть недостатка.

Само собою понятно, что на ряду съ гербованнымъ шляхетствомъ пожелала превратиться въ дворянство вся козацкая старшина. Право свое на дворянство она доказывала патентами на чины, универсалами, а иногда и грамотами на маетности, купчими, закладными, свидѣтельствами 12 дворянъ о благородной жизни отца и дѣда. Духовенство тоже представляло свои аргументы, которыми старалось доказать свое несомнѣнное право на дворянское званіе. До насъ дошло прошеніе, поданное священникомъ м. Смѣлаго Дичковскимъ Конотопскому уѣздному предводителю Шкляревичу, въ которомъ проситель на основаніи цѣлаго ряда цитатъ изъ ветхаго и новаго завѣтовъ и „отъ гражданскихъ законовъ" (даже Морскаго устава) силится доказать, что попы—настоящіе дворяне, а въ заключеніе проситъ „для чести и свободнаго владѣнія имѣніемъ и людьми и для безнуждаго провожденія и продолженія благородной жизни записать его съ фамиліей между шляхетствомъ" [1]. Точно такъ же, какъ Дичковскій, смотрѣло на себя и все духовенство. Къ этому именно относятся „Пункты о духовныхъ чинахъ и ихъ дѣтяхъ бѣлаго священства", гдѣ доказывается, что все священство и его потомки должны быть признаны дворянами, ибо они всегда пользовались шляхетскими вольностями и свободой, судомъ, имѣніемъ, честью и достоинствомъ, равно какъ и голов-

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 335—340.

щина и безчестіе взимались за нихъ, какъ за природныхъ шляхтичей. Къ тому же духовные чины, по объясненію составителей „Пунктовъ", присутствовали и при важныхъ политическихъ актахъ, при договорахъ гетмановъ и въ разныхъ коммиссіяхъ, избираемыхъ для общенародной малороссійской пользы и нужды, а на статьяхъ Самойловича подписывались даже выше сотниковъ; не былъ, конечно, забытъ „Пунктами" и указъ 1734 г., которымъ велѣно поповскихъ дѣтей принимать въ военную службу значковыми товарищами, точно такъ же, какъ и важное обстоятельство, что по закону духовныя правленія „сообщаются" съ верхними и уѣздными судами промеморіями, а не репортами [1]).

Многіе разночинцы, козаки, попы просили внесть ихъ въ родословную книгу на основаніи свидѣтельства 12 человѣкъ несомнѣнныхъ дворянъ о томъ, что отецъ и дѣдъ и сами просители вели благородную жизнь и состояніе, сходно съ дворянскимъ названіемъ, хотя въ дѣйствительности и дѣдъ, и отецъ да и самъ проситель были козаками. Если дворянскія собранія отказывались по такимъ свидѣтельствамъ признавать просителей дворянами, дѣло не рѣдко переносилось въ герольдію. Въ Лубенскомъ повѣтѣ жительствовалъ нѣкій Омельяненко, у котораго сыновья дослужились до войсковыхъ товарищей. При открытіи дѣйствій депутатскихъ собраній Омельяненко задумалъ сдѣлаться дворяниномъ. Онъ представилъ въ кіевскую коммиссію свидѣтельство 12 штабъ-и оберъ-офицеровъ о томъ, что отецъ и дѣдъ его вели благородную жизнь и служили *воинско* и что самъ онъ былъ сотеннымъ повѣреннымъ при выборѣ депутата отъ Лубенскаго полка въ коммиссію для составленія проекта новаго уложенія. Депутатское собраніе нашло доказательства Омельяненка недостаточными и отказало ему. Омельяненко пожаловался собранію дворянства, но и здѣсь получилъ отказъ. Тогда онъ перенесъ дѣло въ герольдію, которая признала свидѣтельство 12 дворянъ законнымъ доказательствомъ и потребовало отъ Кіевской Коммиссіи объясненій о причинѣ отказа [2]).

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 321—334.

[2]) Собраніе рѣдкостей, стр. 173—180.

Дворянскаго званія добивались и многіе другіе разночинцы. Они въ видѣ доказательствъ представляли купчія, закладныя или рядныя на шляхетское имѣніе, дворъ, покосъ, ниву, лѣсокъ или мельницу. Выданы были эти документы лицами несомнѣнно шляхетскаго происхожденія, но выданы козаку, попу или разночинцу. Другіе представляли въ видѣ доказательствъ разрѣшенія гетмановъ или полковниковъ на устройство мельницъ, рудень и т. п. Наконецъ, являлись и перекресты изъ жидовъ и тоже требовали признать ихъ дворянами, ссылаясь на 7 арт. 12 розд. Статута. Разобраться во всемъ этомъ депутатскимъ собраніямъ было очень трудно. Правила, предложенныя дворянской грамотой для разбора, могли не вызвать недоразумѣній только въ Великой Россіи, гдѣ различіе сословій установилось вѣками, а каждый чинъ имѣлъ свои опредѣленныя права и преимущества до выѣзда и ливреи включительно. Въ Малороссіи дѣло было поставлено совсѣмъ иначе. Здѣсь дипломы на шляхетство могли сыскаться у самыхъ бѣдныхъ козаковъ, никогда не поднимавшихся изъ среды рядового товарищества; попъ могъ быть сыномъ или братомъ родового шляхтича или важнаго войсковаго урядника; шляхетское имѣніе могло перейти не только къ шляхтичу или козацкому чиновнику, но и къ рядовому козаку или даже посполитому, а чинъ, полученный въ малороссійской козацкой службѣ, былъ чѣмъ-то очень неопредѣленнымъ. Правилъ о томъ, какой чинъ малороссійской службы какому соотвѣтствуетъ табельному чину, не было установлено, и депутатскимъ собраніямъ приходилось въ этомъ случаѣ примѣняться только къ производству козацкихъ старшинъ при обращеніи малороссійскихъ полковъ въ регулярные. Если войсковые товарищи или сотники, служившіе въ 1783 г., попали въ оберъ-офицеры, а значитъ и въ дворяне, то отчего же не признать дворяниномъ такого же войскового товарища или сотника, не успѣвшаго почему либо получить табельный чинъ? И депутатскія собранія признавали дворянами лицъ, представившихъ патенты на малороссійскіе чины, ибо по 3 пункту 92 статьи дворянской грамоты „патенты на чины, къ коимъ присвоено дворянское достоинство“, считаются доказательствомъ

дворянства. „Купчія, закладныя, рядовыя и духовныя о дворянскомъ имѣніи“ считаются по дворянской грамотѣ доказательствами дворянства; отчего же не признать ихъ доказательствами дворянства какого-нибудь козака или попа, если и попъ, и козакъ до сихъ поръ пользовались такими же правами, какъ и урожденный шляхтичъ? Свидѣтельство 12 человѣкъ благородныхъ установлено дворянской грамотой; какъ же можно игнорировать это свидѣтельство, если оно признается закономъ? Жидъ-перекрестъ ссылается на Статутъ и проситъ признать его дворяниномъ, и отказать ему сомнительно, ибо Статутъ для Малороссіи основной законъ,—законъ, не отмѣненный и съ введеніемъ учрежденія о губерніяхъ.

Трудность въ разборѣ малороссійскаго дворянства увеличивалась и еще однимъ обстоятельствомъ. Въ 1782 г. въ Малороссіи была произведена ревизія, но произведена очень неправильно, а въ 1783 г. послѣдовалъ извѣстный указъ, повелѣвающій каждому изъ малороссійскихъ поселянъ остаться въ томъ званіи, въ которомъ онъ по послѣдней ревизіи записанъ. Вскорѣ, однако, оказалось, что нѣкоторые изъ посполитыхъ были укрѣплены за лицами, не имѣющими правъ владѣть крѣпостными людьми—напр., за купцами, мѣщанами и т. п., а другіе—за лицами, дворянскія права которыхъ были опредѣлены недостаточно: за попами, сотенными старшинами, значковыми товарищами и даже рядовыми козаками. Въ виду такихъ обстоятельствъ, 17 января состоялся сенатскій указъ, коимъ предписывалось: крестьянъ, записанныхъ по послѣдней ревизіи за купцами, мѣщанами и другими людьми, которые ни по какимъ законамъ ихъ собственными почтены быть не могутъ, отобравъ ихъ желаніе, написать или въ купечество, или въ мѣщане, или въ число государственныхъ крестьянъ [1]); что же касается лицъ, шляхетскія права коихъ не выяснены, то о нихъ мѣстное начальство поручило сдѣлать разборъ предводителямъ и депутатамъ, съ цѣлью точнаго опредѣленія ихъ сословныхъ правъ [2]).

---

[1]) Полное соб. зак. т. XXII, № 15907.

[2]) Матеріалы для статист. Россійск. имперіи. Спб. 1841, отд. IV, стр. 7.

Такимъ образомъ въ депутатскія собранія поступила цѣлая масса дѣлъ о дворянствѣ низшихъ чиновъ козацкой старшины и духовенства.

Благодаря неправильностямъ ревизіи, въ депутатскія собранія бросилась также цѣлая масса лицъ, ищущихъ дворянства изъ крѣпостей и окладовъ. Въ 1784 году митрополитъ Самуилъ Миславскій жаловался, что многіе митрополіи его священно—и церковно-служители и ихъ дѣти записаны по ревизіи, при чемъ иные въ вѣдомостяхъ, ихъ состоянію несвойственныхъ, а другіе записаны вдвойнѣ. Въ г. Острѣ, напр., были записаны въ окладъ дѣйствительно служащіе дьячекъ, пономарь, священническія дѣти Якимовичи, обучающіяся въ академіи, и сама вдова попадья Якимовичева. Многіе изъ духовенства, попавшіе въ ревизію, стали заявлять о своемъ дворянствѣ, иные голословно, а иные—ссылаясь на свидѣтельства дворянскихъ предводителей [1]). Права всѣхъ такихъ претендентовъ тоже должны были подвергнуться разбору депутатскихъ собраній.

Тоже самое случилось и со многими козацкими старшинами и ихъ потомками. Черниговская, напр., Казенная Палата указывала на неправильное внесеніе въ 40-алтынный окладъ по г. Хоролу войскового товарища П. Устимовича и сама просила разрѣшенія объ исключеніи его изъ подушнаго оклада [2]). Таже Палата доносила о включеніи въ окладъ сотеннаго атамана Мицкевича, дворянской породы, котораго, по ея мнѣнію, слѣдуетъ освободить отъ оклада, какъ только онъ будетъ внесенъ депутатскимъ собраніемъ въ родословную книгу. Кіевская Казенная Палата рапортовала Румянцеву, что по Кіевской губерніи есть многіе, жалующіеся на неправильное внесеніе въ окладъ и доказывающіе свои права на дворянство, а Кіевскій предводитель дворянства Капнистъ просилъ не взыскивать податей съ дворянъ, попавшихъ при ревизіи въ подушный окладъ. Самъ генералъ губернаторъ соглашался, что ревизія 1782 г. была произведена далеко не удовлетворительно. Въ одномъ изъ своихъ предложеній Черниговской Казенной Палатѣ онъ реко-

[1]) Собр. рѣдк., 147—153.

[2]) Ibid, стр. 189—190.

мендовалъ исключить изъ ревизіи нѣсколько фамилій, которыя, по его мнѣнію, принадлежали къ благороднымъ. Въ 1784 г. онъ указывалъ, что при сочиненіи ревизіи нѣкоторые изъ самыхъ почетнѣйшихъ фамилій оказались записанными своими ближайшими родственниками въ число ихъ подданныхъ, а иные въ козачье званіе [1]). Одинъ, напр., шляхтичъ извѣстной фамиліи оказался записаннымъ за своею родною сестрою, состоявшею въ замужествѣ за нѣкіимъ войсковымъ товарищемъ [2]). Въ 1790 г. шляхтичей, записанныхъ родственниками своими въ семигривенный окладъ, по одной Новгородъ-Сѣверской губерніи числилось 83 человѣка [3]).

Слухи о неправильныхъ дѣйствіяхъ при ревизіи дошли и до Петербурга, какъ это видно изъ письма Румянцева къ Вяземскому отъ того же 1784 г. Здѣсь тоже толковали о томъ, что на Украйнѣ многіе вольные люди и козаки попали въ крѣпостную зависимость и съ изданіемъ указа 3 мая 1783 г. окончательно потеряли право на свободу, ибо суды, ссылаясь на этотъ указъ, отказываютъ всѣмъ ищущимъ свободы изъ крѣпостей. Знали въ Петербургѣ и о случаяхъ уклоненія отъ записи въ ревизію. Нѣкоторые, напр., войсковые и значковые товарищи перешли въ мѣщанство и пользовались мѣщанскимъ и купеческимъ правомъ, тѣмъ не менѣе ни себя, ни дѣтей своихъ въ магистратскую ревизію не внесли, а другіе, мѣщане родомъ, выпросили себѣ небольшіе малороссійскіе чины и на основаніи этого не хотѣли записывать въ подушный окладъ даже тѣхъ своихъ дѣтей, кои родились до полученія чина [4]).

Словомъ, положеніе дѣлъ было таково, что по неволѣ приходилось обращаться къ высшему начальству съ просьбой развязать запутанный ревизорами Гордіевъ узелъ. Румянцевъ донесъ о затрудненіяхъ, вызванныхъ ревизіей, Сенату, а Сенатъ предписалъ Румянцеву изслѣдовать права лицъ, неправильно попавшихъ въ ревизію, а относительно дворянъ донести, почему

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 186—188.
[2]) Матер. для статистики Росс. имп., IV, стр. 8.
[3]) Собраніе рѣдкостей, стр. 285
[4]) Собраніе рѣдкостей, стр. 157—158.

они попали въ окладъ и записаны ли они въ родословную книгу. Въ результатѣ получилось предложеніе предводителямъ и депутатскимъ собраніямъ разобрать права лицъ, ищущихъ дворянства изъ крѣпостей и окладовъ [1]).

Ищущихъ явилась масса. Пока крѣпостное право не было окончательно узаконено, лица, попавшія изъ привилегированнаго положенія въ подданные или подсусѣдки, не чувствовали еще всей тяжести своего положенія, а при сочиненіи ревизіи многіе по малому письменству могли и совсѣмъ не знать, въ какую графу ревизіальныхъ книгъ ихъ записали. Но когда въ 1783 г. они узнали, что свобода, а стало быть и возможность возвращенія въ прежнее состояніе, для нихъ утрачены на вѣки; когда по всей странѣ у хлѣборобовъ „исчезли мирныя утѣхи, игрива рѣзвость, пляски, смѣхи, веселыхъ пѣсенъ гласъ умолкъ“, тогда и недавнимъ привилегированнымъ пришлось вспомнить о своихъ привилегіяхъ. Точно также и всѣ небольшіе панки и пидпанки изъ значковыхъ и сотенной старшины, до сихъ поръ вѣрившіе въ святую неприкосновенность козацкихъ привилегій и безъ опасеній за будущее заявлявшіе ревизорамъ о своей принадлежности къ козацкому званію, послѣ Сенатскихъ распоряженій о правахъ разночинцевъ увидѣли, что дворяне одно, а они совсѣмъ другое. Привилегированнымъ, подошедшимъ „пидъ панивъ“, грозило вѣчное „крѣпацство“, панкамъ, не попавшимъ въ дворяне, грозила опасность на вѣки потерять свое панство. И тѣмъ и другимъ оставался одинъ выходъ изъ труднаго положенія. По приказу начальства двери депутатскихъ собраній для нихъ не были закрыты. И они бросались въ эти открытыя двери толпою.

При такихъ условіяхъ въ ходъ могли, конечно, быть пущены всяческія доказательства, и настоящія, и фальшивыя, и „безсумнительныя“, и наводящія на сомнѣніе. Не нужно, однако, думать, будто бы депутатскія собранія при разборѣ этихъ доказательствъ руководились только собственными своими соображеніями. Въ затруднительныхъ случаяхъ губернскіе предводители очень часто обращались къ генералъ-губер-

[1]) Ibid, стр. 143—145.

натору за разъясненіями, которыми и руководились въ своей послѣдующей дѣятельности. Иногда и самъ генералъ-губернаторъ, замѣчая тѣ или другія неправильности въ дѣйствіяхъ депутатовъ, давалъ имъ совѣты и наставленія. Въ 1784 г., напр., въ кіевской губерніи были внесены въ 4-ю и 5-ю части родословной книги почти всѣ безъ изъятія иностранные роды, не исключая и мастеровыхъ, о дворянствѣ коихъ, повидимому, врядъ-ли могло даже возникнуть у кого-нибудь предположеніе. Румянцевъ узналъ объ этомъ и, упреждая могущія послѣдовать впредь непріятности, разъяснилъ губернскому предводителю, кого именно изъ иностранцевъ, по силѣ высочайшаго проекта о дворянствѣ, слѣдуетъ признавать въ дворянскомъ достоинствѣ [1]). Въ другомъ случаѣ депутатскія собранія спрашивали у него разъясненія по такимъ вопросамъ: имѣютъ ли право на дворянское достоинство земляне или бояре, представляющіе въ видѣ доказательствъ грамоты на земли и имѣнія отъ польскихъ королей? Слѣдуетъ ли принимать свидѣтельство польскихъ урядовъ за доказательство шляхетскихъ правъ, дающихъ дворянское достоинство? Слѣдуетъ ли считать доказательствомъ свидѣтельство 12 польскихъ шляхтичей, утвержденное ихъ печатями? На всѣ эти вопросы отъ Румянцева былъ полученъ утвердительный отвѣтъ, при чемъ по вопросу о свидѣтельствѣ 12 шляхтичей генералъ-губернаторъ разъяснилъ, что такое свидѣтельство должно быть удостовѣрено урядникомъ [2]). Нѣкоторые изъ перекрестовъ жидовъ „нижняго чина“ и лица, оставшіяся въ козакахъ и безъ чиновъ, ссылаясь на 7 арт. 12 разд. Статута, хлопотали о дворянствѣ. Депутатскія собранія были въ нерѣшительности и спрашивали Румянцева. Отвѣтъ былъ полученъ такой, что при разборѣ дворянства депутаты обязаны руководиться только высочайшей грамотой 1785 г. и больше никакихъ законовъ не примѣнять. Дворянства добивались многіе разночинцы, представлявшіе въ видѣ доказательствъ купчія, закладныя или рядныя на дворянское имѣніе, лѣсокъ или мельницу, точно также многіе представляли гетман-

[1]) Собр. рѣдкостей, стр. 159—160.

[2]) Собраніе рѣдкостей, стр, 165—167.

скія и полковничьи дозволительныя свидѣтельства на устройство мельницъ, рудень и гутъ. О такихъ претендентахъ депутатскія собранія тоже просили разъясненій, и генералъ-губернаторъ рекомендовалъ имъ не признавать такого рода доказательствъ достаточными, если сами просители принадлежатъ къ разночинцамъ. Многіе доказывали свое дворянство, ссылаясь на шляхетство матери: отецъ былъ „простонародной породы, а мать— шляхетской; за ней было шляхетское имѣніе, коимъ просители и по сіе время владѣютъ. Румянцевъ разъяснилъ, что одно благородное происхожденіе матери не даетъ еще дворянства рожденнымъ отъ нея дѣтямъ, что же касается имѣнія, то оно, по закону, должно перейти къ лицамъ дворянскаго происхожденія. Въ видѣ доказательства на дворянство депутатскимъ собраніямъ очень часто предлагалось свидѣтельство 12 несомнѣнныхъ дворянъ о томъ, что отецъ и дѣдъ просителя вели благородную жизнь и состояніе, сходное съ дворянскимъ названіемъ. Дворянскія собранія сомнѣвались, можно ли по такимъ доказательствамъ признавать просителей дворянами. Румянцевъ, конечно, не могъ отвергнуть свидѣтельства 12, какъ установленнаго высочайшей грамотой, тѣмъ не менѣе совѣтовалъ депутатамъ освѣдомляться у свидѣтелей, понимаютъ ли они, что такое благородная жизнь, служба и состояніе, а если кромѣ свидѣтельства двѣнадцати есть еще какія-нибудь доказательства, то тогда и свидѣтельства не нужно. Точно также и дворянскія коммиссіи не знали, можно ли признавать дворянами разночинцевъ по свидѣтельству малороссійскихъ дворянъ о томъ,что предки ихъ въ Малороссіи были шляхтой, не обозначая, какой именно, или что предки ихъ были въ Польшѣ шляхтой „безъ свидѣтельства тамошней націи“. Такія свидѣтельства Румянцевъ признавалъ „не обстоятельными“.

Не знаемъ, давалъ ли генералъ-губернаторъ какія нибудь разъясненія по вопросу о томъ, кто именно изъ низшихъ малороссійскихъ чиновъ имѣетъ право на дворянское званіе. Повидимому, депутатскія собранія вопроса объ этомъ не возбуждали, но въ дѣйствіяхъ [1]) своихъ, насколько мы знаемъ, руководились

[1]) Собраніе рѣдкостей. стр. 170—173.

все-таки распоряженіемъ того же Румянцева, даннымъ по одному частному случаю. При введеніи въ краѣ учрежденія о губерніяхъ возникъ вопросъ, какому суду должны подлежать нижніе чины козацкой старшины: значковые товарищи, возные, сотенные старшины, войсковые и полковые канцеляристы. Черниговскій губернаторъ Милорадовичъ хотѣлъ подчинить ихъ, на ряду съ козаками, коронными и ранговыми помощниками и вообще разночинцами, суду нижнихъ расправъ. Румянцевъ нашелъ такое распоряженіе незаконнымъ. Въ письмѣ къ Милорадовичу отъ 11 декабря 1781 года онъ указывалъ, что войсковые и полковые канцеляристы происходятъ изъ шляхетства и чиновниковъ и при старыхъ порядкахъ поступали изъ канцелярій въ „ротные чины“ военные и земскіе; возные, согласно Статуту, выбираются изъ шляхетства, что же касается до значковыхъ товарищей и сотенныхъ старшинъ, то и они не могутъ быть подсудны расправамъ, ибо опредѣлялись „изъ полковничьихъ нижнихъ чиновъ дѣтей“. По разъясненію Румянцева, „всѣ таковые чиновники должны пребывать въ томъ состояніи, изъ котораго они въ тѣ службы опредѣлились, и таковое породы ихъ состояніе принадлежитъ разбору предводителей шляхетства“ [1]). Депутатскими собраніями распоряженіе это толковалось въ томъ смыслѣ, что и низшіе чины козацкой старшины имѣютъ право на дворянское званіе. О высшихъ войсковыхъ товарищахъ, сотникахъ и т. д. вопроса въ то время никѣмъ не возбуждалось: одно переименованіе ихъ въ оберъ-офицерскіе чины устраняло всякое сомнѣніе въ ихъ благородствѣ.

Что касается „духовнаго чина“, то и его претензіи на дворянское достоинство нерѣдко находили себѣ защитника въ лицѣ генералъ-губернатора. Въ 1784 году коммиссія о разборѣ дворянства новгородсѣверской губерніи сомнѣвалась, можетъ ли она признать дворяниномъ переяславскаго протопопа Корнилія Родзимовскаго по урядовому свидѣтельству польскихъ родственниковъ его и другихъ шляхтичей, удостовѣренному подписью польскаго посла при русскомъ дворѣ Ржевусскаго. Такое же сомнѣніе бы-

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 97—99.

ло выражено коммиссіею и по дѣлу священника И. Воланскаго, въ доказательство дворянскихъ правъ предъявившаго патентъ на чинъ войсковаго товарища, въ коемъ онъ, Воланскій, состоялъ до принятія священства. Коммиссія объясняла генералъ-губернатору, что и о другихъ духовныхъ примѣрныя дѣла вступили. Румянцевъ отвѣтилъ коммиссіи, что такія свидѣтельства и патенты должны быть признаны „найдоказательнѣйшими“, тѣмъ болѣе, что въ Малороссіи прежде сего въ духовный чинъ вступали изъ знатнѣйшихъ шляхетскихъ фамилій и чиновъ [1]). Точно также вступался Румянцевъ и за владѣльческія права духовенства. Въ 1787 году намѣстникъ протопопіи Ичанской священ. Романъ Яжевскій жаловался ему, что казенная палата, ссылаясь на указъ сената 20 января 1784 года, отбираетъ отъ него его крѣпостныхъ, всего 35 душъ. Румянцевъ нашелъ нужнымъ сдѣлать по этому поводу „примѣчаніе“ черниговскому намѣстническому правленію, что тутъ де „духовные чины почитаемы были въ числѣ шляхетства и, слѣдственно, всѣмъ тѣмъ могли пользоваться, чѣмъ и все прочее шляхетство“ [2]). Вслѣдствіе такихъ причинъ Румянцевымъ было даже предложено депутатскимъ собраніямъ завесть особую графу въ родословныхъ книгахъ, куда бы могли записываться тѣ дворянскіе роды, которые признаны дворянами изъ духовенства [3]).

„Дворянскія коммиссіи,—разсказываетъ А. Марковичъ,—вносили въ родословныя книги по грамотамъ, отъ россійскихъ государей на дворянство или отъ польскихъ королей на шляхетство даннымъ, и по чинамъ прежней малороссійской службы“ [4]). Грамотъ россійскихъ государей у шляхетства было немного. Изъ старыхъ старшинскихъ фамилій, нобилитованныхъ московскимъ правительствомъ еще въ 17 ст. (Забѣла, Гречаный, Горленко, Дворецкій, Многогрѣшный, Вятязенко, Апостолъ, Ярмоленко, Гвинтовка, Гамалѣя, Остряницъ, Шійкевичъ), къ концу 18 ст. сохранились только не многія (кажется, только Горленки, За-

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 161—163.

[2]) Собраніе рѣдкостей, стр. 551.

[3]) Книга о дворянахъ и старыхъ малор. чинахъ, л. 152.

[4]) Матеріалы для статист. Россійской имперіи ч. IV, стр. 8.

бѣлы да Гамалѣи, при чемъ и эти послѣдніе, какъ видно, не были прямыми потомками Григорія Гамалѣи [1]). Небольшое число фамилій было возведено въ дворянство въ 18 ст. (Лизогубы, Кандыбы, Марковичи), а нѣкоторые, тоже немногіе, дослужились дворянства въ русскихъ табельныхъ чинахъ. (Гр. Бороздна, пожалованный изъ камеръ-лакеевъ въ поручики; Качеревскій, Рубановскій, Божко, Чижевскій—изъ придворныхъ пѣвчихъ и др.). Немного было и такихъ счастливцевъ, у которыхъ какимъ-нибудь чудомъ уцѣлѣли документы на шляхетское достоинство или имѣніе отъ наияснѣйшихъ королей польскихъ (Рубцы, Бороздны, Богуши, Бутовичи, Случановскіе, Бакуринскіе). Большинству приходилось основывать свои доказательства на чинахъ старой малороссійской службы, или же измышлять какую нибудь особенную генеалогію при посредствѣ документовъ сомнительнаго достоинства. Что такія генеалогіи въ то время точно сочинялись,—прекрасно видно хотя бы изъ письма Г. А. Полетки къ Я. А. Гамалѣѣ. Изъ него явствуетъ, что малороссійскій „патріотъ“ сочинялъ родословіе Гамалѣевъ и очень хлопоталъ, чтобы всѣ Гамалѣи „согласно свое родословіе расположили“. Изъ этого же письма видно, что среди малороссійскаго дворянства находились лица, не брезгавшія даже явнымъ извращеніемъ фактовъ, лишь бы придать своему роду блескъ особливой знатности и благородства. Такъ, Михаилъ Гамалѣя желалъ, во чтобы то ни стало, вывесть свой родъ отъ извѣстнаго Григорія Гамалѣя, получившаго дворянство въ Москвѣ въ 1665 году. Несмотря на то, что этотъ Григорій умеръ бездѣтнымъ, и такимъ образомъ приписаться къ нему въ потомство было мудрено; не смотря на то, что остальные Гамалѣи, ближайшіе родственники Михаила, выводили свой родъ отъ какого-то польскаго шляхтича, Михаила Гамалѣя упорно стоялъ на своемъ, а для того, чтобы „закрыть свои ложныя повѣсти“, собирался подать свое родословіе не въ Новгородъ-Сѣверское депутатское собраніе, гдѣ разбирались доказательства остальныхъ Гамалѣевъ, а въ Курское [2]) Просмат-

[1]) „Кіев. Стар.“ 1893, № 6, стр. 501—503.

[2]) „Кіев. Стар.“ 1893, № 5, стр. 502.

ривая родословія малороссійскихъ дворянъ, нельзя не замѣтить во многихъ изъ нихъ значительной доли генеалогическаго тумана, способнаго вызвать сомнѣнія даже и не у скептика. Бѣлецкіе-Носенки, напр., вели свой родъ отъ Дрогицкаго и Мѣльницкаго старосты, князя Юрія Носа и князя Александра Носа [1]), Карновичи—отъ княжеской фамиліи, нѣкогда владѣвшей г. Карновымъ, въ Верхней Силезіи, и затѣмъ переселившейся въ Венгрію [2]); Капписты — отъ какого-то графа Капписсія, кавалера св. Марка [3]), Рославцы — отъ Ходкевичей, Кочубеи — отъ татарскаго мурзы, Афендики — отъ какого то знатнаго молдавана, а такая чисто малорусская фамилія, какъ Иваненки, старалась сдѣлать своимъ родоначальникомъ нѣкоего мифическаго волоха, будто бы бывшаго въ дни оны Дубоссарскимъ гетманомъ, Ивана Богатаго Іоненка [4]), Апостолы считали себя потомками волошскихъ бояръ [5]), Милорадовичи—графовъ Охмулкевичей изъ Рагузской республики [6]); Маркевичи вели свой родъ изъ Сербіи, откуда они потомъ попали въ число Волынской шляхты [7]); Гоголи—отъ гетмана Евстафія Гоголя [8]); Скоропадскіе—изъ Польши, причемъ въ числѣ своихъ предковъ указывали какого-то мифическаго „референдарія надъ тогобочною Украиною“ [9]); Стороженки—отъ старшаго полковника войскъ запорожскихъ, „древняго дворянина Малыя Руси“ Андрея Стороженка [10]). Разумѣется, чѣмъ аристократичнѣе была та или другая фамилія, тѣмъ больше знатности старалась она придать и своимъ предкамъ. Потомки, напр., лемешовскаго козака Грицька Розума придумали себѣ происхожденіе отъ Ро-

---

[1]) Русская родословная книга, изданіе „Русской Старины“, часть I, страница 137.

[2]) Ibid, стр. 188 и 376.

[3]) Русская родословная книга, ч. 2, стр. 6.

[4]) Вѣстникъ Европы, 1891, № 8, стр. 557.

[5]) Русская родословная книга, ч. 1, стр. 122.

[6]) Общій гербовникъ дворянскихъ родовъ Россійской имперіи, ч. 3, № 109.

[7]) Русская родосл. книга, ч. 1, стр. 225.

[8]) Ibid, ч. 1, стр. 149.

[9]) Ibid, ч. 1, стр. 294 и Вѣст. Евр. 1891 г. № 8, стр. 557.

[10]) Ibid, ч. 1, стр. 303.

жинскихъ [1]), а такая чисто простонародная фамилія, какъ Безбородки, какимъ-то чудомъ оказалась по прямой линіи потомствомъ польскихъ шляхтичей Ксенжицкихъ [2]). Большинство дворянскихъ фамилій, доказывавшихъ свое происхожденіе „не отъ здѣшней простонародной породы", выводили свои роды отъ польскаго шляхетства. Изъ фамилій, попавшихъ въ первыя четыре части „Общаго гербовника", потомками польскаго шляхетства значатся: Судіенки, Полетики, Безбородки, Разумовскіе, Гудовичи, Искрицкіе, Кандыбы и даже Худобріи [3]). Даже Будлянскіе, простонародное происхожденіе которыхъ было у всѣхъ на виду, и тѣ старались доказать свое родство съ польскою шляхтой. Въ 1784 г. одинъ изъ Будлянскихъ, представляя доказательства своего дворянства въ Черниговское депутатское собраніе, заявлялъ, что онъ „имѣетъ совершенное свѣдѣніе, что предки его были польскіе шляхтичи, какъ и теперь фамилія ихъ тамо существуетъ и гербомъ печатается, но доказательства о томъ письменнаго теперь за краткостью времени онъ, Будлянскій, представить не можетъ" [4]). Не знаемъ, какъ раздобывали украинскіе паны документы, удостовѣряющіе о ихъ шляхетскомъ происхожденіи, и точно ли „жиды вывозили подрядомъ изъ Польши за деньги" нужныя имъ свидѣтельства, какъ утверждаетъ авторъ „Замѣчаній, до Малой Россіи принадлежащихъ"; но что среди нихъ были лица, разыскивавшія по ту сторону Днѣпра доказательства своего родства съ польскимъ шляхетствомъ,—это несомнѣнно. „Тебѣ, Василька,—пишетъ Г. А. Полетика сыну въ Витебскъ, особливо приказываю, справляйся, пожалуй, у всѣхъ, у кого можешь, нѣтъ ли гдѣ въ Литвѣ нашей фамиліи, или въ гербовникахъ, если есть какіе особливые на Литву. Только справляйся твердо и достовѣрно. Сіе мнѣ нужно для важныхъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ и для будущей вашей пользы" [5]). При-

---

[1]) Общій гербовникъ, ч. 1 № 21.

[2]) Ibid, ч. 1, № 29.

[3]) Общій гербовникъ, ч. 3 № 97, ч. 4, № 127, ч 1, № 29 и 31, ч. 4 №№ 127, 8, 135, 133, 13.

[4]) Записка Черн. Губ. статистич. комитета, кн. 2, стр. 134.

[5]) „Кіевская Старина", 1893, № 6, стр. 499.

мѣру Полетики слѣдовали, конечно, и другіе: не даромъ же у столькихъ фамилій оказались документы, свидѣтельствующіе о происхожденіи отъ польскаго шляхетства. Очень можетъ быть, что депутатскія собранія дѣйствительно принимали такіе документы „безъ изслѣдованія и увѣренія нашихъ министровъ, въ Варшавѣ тогда бывшихъ", но винить ихъ за это все таки трудно. Мы уже видѣли, что губернскіе предводители запрашивали по этому вопросу разъясненій генералъ-губернатора, которыми и руководились при разборѣ дворянскихъ доказательствъ; а генералъ-губернаторъ признавалъ достаточными доказательствами не только удостовѣренія польскихъ урядовъ, но и свидѣтельства 12 шляхтичей, въ подкрѣпленіе коихъ требовалъ не „увѣренія министровъ", а только простой подписи надлежащаго уряда.

Доказательства о происхожденіи отъ польскаго и вообще иностраннаго шляхетства были только у незначительнаго меньшинства, большинство же основывало свои претензіи на чинахъ прежней малороссійской службы. Дворянскимъ коммиссіямъ предлагались патенты и универсалы на чины или на маетности, если же не хватало подлинныхъ документовъ, то въ ходъ пускались копіи, выписки изъ разныхъ старыхъ дѣлъ, въ которыхъ предокъ просителя названъ тѣмъ или другимъ козацкимъ урядникомъ, а въ подкрѣпленіе представлялось свидѣтельство 12 шляхтичей. Въ 1787 г. Кіевское дворянское собраніе внесло во 2-ую часть родословной книги титулярнаго совѣтника Нестеровскаго и братьевъ его, неслужащихъ Григорія и Ивана. Въ видѣ доказательства Нестеровскими представлена была выписка изъ стараго дѣла сотенной Трехтемировской канцеляріи—„листъ" переяславскаго полковника Тамары къ сотнику Рустановичу по спору о сѣножати, выкошенной нѣкіимъ Несторомъ Несторовскимъ, который въ этомъ „листѣ" названъ знатнымъ товарищемъ войсковымъ; затѣмъ тоже вѣроятно въ качествѣ доказательства, представлена была выпись изъ Переяславскаго уѣзднаго суда, изъ коей было видно, что за Нестеровскимъ числится имѣніе, принесенное ему въ приданое женою изъ рода Думитрашковъ, и, наконецъ, свидѣтельство 12 „безсумнительныхъ" шляхтичей, что проситель Нестеровскій и братья его суть дѣй-

ствительно потомки упомянутаго въ „листѣ“ Тамары знатнаго войскового товарища Нестора Нестеровскаго [1]). Такія доказательства, какія были представлены Нестеровскимъ, малороссійскими депутатскими собраніями принимались очень часто, и не только въ описываемое нами время, но и значительно позже, какъ это оффиціально засвидѣтельствовано указомъ 20 марта 1835 г. Въ оправданіе своихъ дѣйствій собранія ссылались обыкновенно на наставленія дворянской грамоты: „доказательства благородства суть многочисленны и болѣе зависятъ отъ испытанія древности, прилежнаго изысканія и разсмотрѣнія доказательствъ, нежели отъ новыхъ предписаній.“ „Точное правосудіе не дозволяетъ изключить ни единаго доказательства котораго рода инако, какъ тутъ, гдѣ слово закона доказательство таковое опровергаетъ“.

Ближайшее будущее показало, что „слово закона“ толковалось малорусскими депутатскими собраніями болѣе снисходительно, чѣмъ этого желало само правительство.

Д. Миллеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

---

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 562—563. Въ видѣ примѣра, какія иной разъ представлялись въ дворянскія комиссіи доказательства, приводимъ слѣдующій курьезный документъ, предложенный Новгородъ-Сѣверскому депутатскому собранію однимъ козакомъ, хлопотавшимъ о дворянствѣ: „Его царского пресвѣтлаго величества войска запорозскаго гетманъ Іоаннъ Скоропадскій. Тоби, скурвому сину, Василію Салогубу, нехай буде вѣдомо, ижъ доносилъ намъ жалобливе панъ Антонъ Трохимовичъ, сотникъ Сребрянскій, же ты зъ своеи мужицкои глупости поважаешъ не легце нашъ рейментарскій указъ по жалобѣ его жъ, пана сотника, пред симъ въ позовномъ листѣ до тебе вираженній, не тилко овецъ ему по уговору не отдалесъ, але и предъ судъ войсковій енералній до насъ в обозъ не сталесъ, зачимъ, умыслнѣ посылаючи отъ боку нашего посланного, приказали ему конечне тебе, якъ собаку, за шию взявши и въ колоду забивши, примкнути до обозу, гдѣ за таковую свою упорчивость и противъ зверхности нашей неповиновеніе не тилко ту тысячу талярій безъ опустне заплатишъ, але и знатного кіевого каранія неувойдешъ, деклируемъ непремѣнно. Данъ въ таборѣ подъ Самарью Августа 11 року 1711. Вишеименованный гетманъ рука власна.“ (Собраніе рѣдкостей, стр. 208.)

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ[1].

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ХМЕЛЬНИЩИНЫ.

IV.

Недалеко отъ Чигирина, въ шести верстахъ не болѣе, живописно раскинулся по пологому берегу Тясмина поселокъ Субботовъ. Рѣчка, извиваясь капризно, льнетъ къ сѣдымъ вербамъ, обступившимъ ее съ двухъ сторонъ, и прячется иногда совершенно подъ ихъ густыми, нависшими вѣтвями, сверкая потомъ, неожиданно, свѣтлымъ плесомъ; опрятныя бѣлыя хатки, кокетничая новыми соломенными, золотистыми крышами, разбѣгаются просторно подъ гору и выглядываютъ игриво изъ-за вишневыхъ „садкивъ“. Дальше за пригоркомъ виднѣется синій куполъ церкви съ золотымъ крестомъ и четырехъ-угольная, на колонкахъ, верхушка звонницы, а ближе, за длинной греблей и мостикомъ, на широкомъ выгонѣ, стоитъ заѣзжая корчма. Строеніе отличается отъ прочихъ хатъ и величиною, и широкою въѣздною „брамою“, и высокою, крытою тесомъ крышей. Надъ „брамой“ прилажена нехитрая вывѣска; на одномъ пруту качается привѣшенная пустая фляжка, а на другомъ пучекъ „шовковой травы“. Широкій въѣздъ ведетъ въ довольно просторный крытый дворъ и раздѣляетъ зданіе на двѣ неровныя половины: направо отъ „брамы“ неуклюже торчитъ узенькая дверь отъ арендаторскаго жилья, полнаго подушекъ, бебеховъ, жиденятъ и разящаго запаха чеснока; налѣво же открывается болѣе широкая дверь въ обширную, но грязную комнату, составляющую и пріютъ для проѣзжающихъ, и ресторанъ, и мѣстный сельскій клубъ.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., № 1.

Закоптѣлыя стѣны во многихъ мѣстахъ ободраны до глины, а то и до деревянныхъ брусковъ, которые кажутся обнаженными ребрами; потолокъ совершенно черенъ; двери притворяются плохо, а надъ ними виситъ излюбленная картина, изображающая козака „Мамая“, благодушно распивающаго „оковыту горилку“ подъ дубомъ, къ которому привязанъ конь. Вдоль стѣнъ тянутся широкія „лавы“ (скамьи), возлѣ которыхъ расположены столы. Двѣ бочки стоятъ на брусьяхъ въ углу; въ одной изъ нихъ въ верхнюю втулку вставленъ „ливеръ“ (родъ насоса безъ поршня, для втягиванья жидкости ртомъ). Черезъ узкія, но довольно высокія окна съ побитыми и заклеенными бумажками стеклами проникаетъ мало свѣта, отчего помѣщеніе кажется еще болѣе мрачнымъ.

Наступалъ уже вечеръ, а посѣтителей никого еще не было; только въ самомъ углу за стойкой сидѣлъ хозяинъ заведенія, Шмуль, съ своею супругою Ривкой и, тревожно прислушиваясь и оглядываясь назадъ, велъ на своемъ тарабарскомъ языкѣ таинственную бесѣду.

— Ой, худо, любуню, вей миръ, какъ погано! Слухъ идетъ, что паны козаковъ разбили, совсѣмъ разбили, на ферфалъ!

Поблѣднѣла Ривка и всплеснула руками, а потомъ, подумавши, замѣтила:

— А намъ-то что? Какой отъ этого убытокъ?

— Какой? А такой, что, того и смотри, или козаки, уходя, разорятъ, или паны, гнавшись за ними, сожгутъ... Ой, вей, вей!...

— Почему жъ, ты, Шмуликъ мой, думаешь, что сюда они прибѣгутъ? Тутъ всегда было тихо... а панъ писарь войсковой такое лицо...

— Но, мое золотое яблоко, что теперь значитъ панъ писарь? Тьфу! и больше ничего! Что онъ можетъ? И разбойники-козаки на него начхаютъ, и вельможное панство на „табаку“ сотретъ... И задля-чего эти козаки только бунтуютъ? Сидѣли бы смирно, и все было бы хорошо, тихо, спокойно—и „гандель“ бы добрый былъ и „гешефтъ“ отмѣнный... А то ахъ, ахъ!

— Да, что ты, Шмуликъ-котикъ, такъ побиваешься? Если козаки свиньи, то имъ и худо, а если сюда наѣдутъ паны, то намъ будетъ еще больше доходовъ; паны вѣдь безъ нашего брата не обойдутся.

— Хорошо тебѣ это говорить, а развѣ не знаешь, что для пана закона нѣтъ: что захочетъ—давай, а то заразъ повѣситъ,—что ему жидъ? Меньше пса стоитъ...

— А развѣ хлопъ лучшій? Та же гадюка!...

— То-то-жъ! Такъ я думаю, любуню, вотъ что: и дукаты, и злоты, и всякое добро, запрятать... закопать гдѣ нибудь въ незамѣтномъ мѣстѣ, чтобъ не добрались... и то не откладывая, а сегодня ночью... ахъ, вей, вей!

— Такъ, такъ, „гитъ!“ Вотъ тутъ забирай деньги,—начала она суетливо отмыкать ящики и вынимать завязанные мѣшочки; Шмуль торопливо ихъ принялъ въ укладистые карманы своего длиннаго „лапсердака“, повторяя шопотомъ: „цвей, дрей, фиръ“... Въ корчмѣ уже было темно.

Вдругъ скрипнула дверь, и въ хату вошли въ „кереяхъ“ съ „видлогами“ (родъ бурки съ капишономъ), звякая скрытыми подъ полами саблями, какіе то люди, страшные великаны, какъ показалось Шмулю, и непремѣнно „розбышаки“.

— Ой! ферфалъ!—вскрикнулъ жидъ и прилегъ на стойку, закрывая ее своими объятіями, а Ривка отъ перепугу какъ стояла, такъ и сѣла на полъ.

Пять фигуръ между тѣмъ остановились среди хаты, не зная въ темнотѣ, куда двинуться; прошла долгая минута; слышалось только тяжелое дыханіе вошедшихъ, очевидно усталыхъ отъ далекой дороги.

— А кто тутъ?—раздался, наконецъ, довольно грубый голосъ.—Конямъ корму, а намъ чего либо промочить горло...

— На Бога, панове!—дрожащимъ голосомъ взмолился Шмуль,—я человѣкъ маленькій... бѣдный! Меня и муха можетъ обидѣть! У меня и шеляга за душой нѣтъ... чтобъ я своихъ дѣтей не увидалъ...

— Да что ты, бѣлены облопался, что ли?—съ досадою прервалъ его тотъ же голосъ:—Съ чего ты „заквилилъ“, жиде? Говорятъ тебѣ, дай конямъ овса и сѣна, а намъ „оковитой“.

— Зразъ, зразъ, ясновельможные паны козаки,—оправился Шмуль, успокоившись нѣсколько на счетъ своихъ гостей,—тутъ все такіе слухи... думалъ,—паны-шляхта... Гей, любуню, зажги „каганецъ“ панамъ козакамъ, а я сейчасъ опоряжу ихъ коней... Да наточи доброй „оковитой“ кварты двѣ... Прошу покорно, паны козаки,—кланялся часто Шмуль, сметая рукою со стола пыль и грязныя лужи.

Вспыхнулъ мутнымъ свѣтомъ „каганецъ“ и освѣтилъ грязную облупленную хату. Козаки усѣлись за дальній столъ, не снимая шапокъ и „керей“, и закурили „люльки“. Ривка, со страхомъ присматриваясь къ нимъ, поставила на столъ большую мѣдную посудину съ водкой и нѣсколько зеленоватыхъ стакановъ.

— Чабака или тарани прикажете, панове?—спросила она, поклонившись.

— Тарани,—отвѣчалъ младшій.

Первый, окликнувшій жида, усѣлся въ самый уголъ и, проглотивъ къ ряду три стакана горилки, склонилъ голову на жилистыя руки и задумался. Длинные, полусѣдые усы его, спустились внизъ и легли пасмами на столѣ; правое ухо дважды обвилъ черный клокъ волосъ—„оселедець“; изъ-подъ нахмуренныхъ, широкихъ, косматыхъ бровей, смотрѣли остро въ глубокихъ орбитахъ глаза и метали иногда зеленоватыя искры. Суровое, загорѣлое, въ легкихъ морщинахъ лицо казалось вылитымъ изъ темной бронзы; наискось на немъ зіялъ отъ правой брови почти до лѣвой стороны подбородка широкій, багроваго цвѣта, шрамъ, свернувшій на сторону половину носа, за что и прозвали козака Кривоносомъ. Этотъ шрамъ, уродуя лицо, придавалъ ему какую то отталкивающую свирѣпость. Другой же, младшій, съ правильными, красивыми чертами лица, былъ совершеннымъ контрастомъ своему сосѣду и производилъ впечатлѣніе родовитаго весольчака-пана; только въ темно-синихъ глазахъ его свѣтилась не панская изнѣженность, а отвага и непреклонная воля. Ему весольчаки, юмористы товарищи, вѣроятно, въ насмѣшку за бѣлизну дали прозвище Чарноты.

Остальные гости прятались какъ-то въ тѣни; но догадаться было не трудно, что всѣ они принадлежали къ козачьему сословію и даже къ старшинѣ: это было видно и по краснымъ верхамъ съ „кытыцями“ ихъ шапокъ, и по кунтушамъ „кармазинового“—ярко-малиноваго цвѣта, выглядывавшимъ изъ-за „керей“, и по дорогому оружію. Каждый изъ козаковъ молча наливалъ себѣ стаканъ водки, подносилъ подъ нависшіе усы, опрокидывалъ, потомъ, причмокивая и сплевывая на сторону, затягивался „люлькой“, пуская клубы дыма; одинъ только бѣлый Чарнота занялся, между прочимъ, таранью, а другіе и не дотронулись.

Послышались подъ окнами шаги и бодрые голоса; дверь отворилась, и въ хату шумно и безцеремонно, какъ въ привычное пристанище, вошло нѣсколько поселянъ; они за-панибрата поздоровались съ Шмулемъ и потребовали себѣ меду и пива, а иные горилки.

Шмуль, обрадованный, что подошли свои и избавили его отъ сообщества самъ-на-самъ съ молчаливыми таинственными гостями, подбодрился и веселѣй забѣгалъ отъ бочки къ столу и отъ стола къ бочкѣ; онъ съ усиліемъ, такъ, что даже пейсы тряслись, вытягивалъ ртомъ изъ „ливера“ воздухъ, вслѣдствіе чего приборъ наполнялся жидкостью; быстро вынувъ его изъ бочки, Шмуль затыкалъ нижнее отвер-

стіе ливера пальцемъ, подносилъ ого въ такомъ видѣ къ столу и наполнялъ требуемымъ напиткомъ стаканы.

— А что, какъ, панове, умолотъ хлѣба?—полюбопытствовалъ Шмуль.

— Добрый,—отвѣтилъ ему, крякнувъ, приземистый поселянинъ въ сѣрой свиткѣ и съ бѣльмомъ на глазу,—пшеница выдаетъ слишкомъ семь мѣрокъ, а жито ажъ девять.

— Ай, ай, „гитъ!"—зацмокалъ губами корчмарь.

— Что и толковать, земли здѣсь „цѣлинныя", жирныя,—какъ отвалишь „скибу", такъ ажъ лоснится,—замѣтилъ другой въ какой то мѣховой курточкѣ.

— Важный грунтъ,—поддержалъ и третій, уже пожилыхъ лѣтъ,—нигдѣ во всей округѣ такихъ урожаевъ нѣтъ, какъ на низинахъ нашего пана писаря Хмеля: сегодня я сбилъ копы двѣ овса, такъ вѣрите, чтобъ меня крестъ убилъ, коли не будетъ семи „корцевъ".

— Гевултъ!—затрясъ пейсами Шмуль.

— Та дай пану Хмелю вѣкъ долгій,—не обманулъ: и грунты оказались добрячими, и самъ онъ хорошимъ козакомъ.

Кривоносъ толкнулъ локтемъ Чарноту и подмигнулъ однимъ глазомъ сосѣду.

— Такого пана поищи, вотъ что!—поддержалъ старикъ.—Живетъ нашъ Хмель съ нами „подсусидками", такъ дай Боже, чтобы другой старшина хоть въ половину такъ обходился: пала ли у тебя „шкапа"—возьми господскую на отработокъ, нѣтъ ли молока дѣткамъ—иди въ панскій дворъ смѣло, къ Ганнѣ.

— Ужъ эта Ганна!—засмѣялся лупоглазый съ бѣльмомъ.—Просто идешь, какъ въ свои коморы и баста!

— Заболѣетъ ли кто на хуторѣ—уже она тамъ: ночь ли, день...—продолжалъ старикъ.

— На что и знахарки—такая печальница-„упадница",—кивнули головами и другіе селяне.

— Антикъ душа!—мотнулъ бородой даже жидъ и побѣжалъ въ свою половину къ Ривкѣ, куда заходили и бабы.

— Кто это—Ганна, человѣче добрый?—отозвался съ дальняго угла Кривоносъ.—Жинка этому вашему Хмелю?

— Нѣтъ, козаче, не жинка,—отвѣтилъ старикъ,—а родичка будетъ, сестра хорунжаго Василя Золотаренка, коли знаешь,—изъ Золотарева,—вонъ, что на Цыбулевкѣ, мили за четыре отсюда. Она еще панна, живетъ тутъ при семьѣ, дѣтей писарскихъ досматриваетъ, господарюетъ, а жинка Богданова, дочка Сомка, безъ ногъ

лежитъ уже почитай лѣтъ пять: послѣ родовъ перепугалась татаръ.

— Вонъ оно что!—протянулъ Кривоносъ.

— Что-же этотъ панъ писарь большіе чинши беретъ за Божью-то, предковскую землю?—вмѣшался въ разговоръ и Чарнота, прищуривъ лукаво глаза.

— Какіе тамъ чинши? Этъ!—махнулъ рукою „Кожушокъ".

— Грѣхъ слова сказать,—закурилъ „люльку" пучеглазый и молодцевато плюнулъ угломъ рта далеко въ сторону.—Двѣнадцать лѣтъ ни снопа, ни гроша не давали, а теперь платимъ десятину, да и то въ неурожайные годы льгота.

— Вѣрно,—подхватилъ и „Кожушокъ", заерзавъ на скамейкѣ и подергивая плечами.—И бей меня Божья сила, коли на его земли не переселятся со всѣхъ околицъ, потому—приволье.

— По-божьему, по-божьему, козаче,—мотнулъ головой и старикъ, отдирая зубами кожку съ хвоста копченой тарани.—Такой чиншъ можно вѣкъ цѣлый платить, не почешешься. Вѣдь пріими въ резонъ, что лѣсъ на постройки отпустилъ даромъ.

— А онъ, небойсь, заплатилъ за него, что-ли?—замѣтилъ злобно Кривоносъ.

— Хотя-бы не заплатилъ, такъ заслужилъ—и батько его, Михайло, и самъ онъ!—старикъ бросилъ на полъ обглоданный хвостикъ и утеръ полою усы.—А это, брате-козаче, все равно: ужъ не даромъ же, а за „послуги" отмежевалъ ему покойный Даниловичъ такой ласый кусокъ. А нашему пану Богдану еще король подарилъ всѣ земли за Тясминомъ; за три дня на конѣ не объѣдешь.

— Про большія услуги Хмеля слыхали, и слѣдуетъ за нихъ наградить его; только вотъ что мнѣ чудно, что благодарятъ то чужимъ добромъ...

— Что то мудрено,—уставился на Кривоноса старикъ.

— На догадъ бураковъ, чтобы дали капусты,—захохоталъ пучеглазый, а за нимъ и другіе.—Только вотъ не къ нашему батьку рѣчь: такихъ пановъ „дидычей" подавай намъ хоть копу,—и заступникъ онъ нашъ и совѣтчикъ... А что земля, такъ ея вольной безъ краю!

— Вонъ оно что!—протянулъ и старикъ.—Только какъ ни прикинь,—своя-ли старшина надѣлила, взялъ-ли самъ „займанщину", а коли уже приложилъ къ землѣ руки, то, значитъ, она твоя.

— Такъ, стало быть, и ляхи, эти чертовы королята,—сверкнулъ глазами Чарнота,—коли разсѣялись на нашихъ родовыхъ земляхъ и приложили къ нимъ свои плети, такъ уже и „дидычами"-властителями стали? Увидите, сколько вольныхъ этихъ земель паны вамъ оставятъ.

— Не объ нихъ рѣчь...

— То-то, что не объ нихъ!—ударилъ Кривоносъ кулакомъ по столу такъ, что стаканы всѣ подскочили съ жалобнымъ звономъ.

— Стой, разольешь!—подхватилъ съ испугомъ Чарнота мѣдную посудину и присунулъ къ себѣ подъ защиту.

— Вотъ это-то и горько, и больно,—зарычалъ Кривоносъ,—что всякъ изъ васъ, какъ только добрался до теплой печи, да до бабы, такъ и плюнулъ сейчасъ на весь свѣтъ: что ему родной край? „Моя хата съ краю—ничего не знаю!“ А вотъ увидите скоро, какъ ваша хата съ краю? Легко смотрѣли, когда сюда исподволь заползали вороги наши клятые и по вѣрѣ, и по „пыхѣ“, и по панству,—прошипѣлъ Кривоносъ,—а теперь вотъ, какъ они раскинули кругомъ паутину, да вбились въ силу, облопались нашего добра,—такъ и старыхъ господарей вонъ... и ничего не подѣлаешь! Эхъ!—заскрежеталъ онъ зубами и отвернулся.

Всѣ какъ будто сконфузились и притихли.

— Что и толковать, козаче,—тихо отозвался, наконецъ, старикъ,—вороги-то они наши точно, да какъ справиться?

— А вотъ какъ,—схватился Чарнота и взялъ стоявшій въ углу вѣникъ,—смотри старина; по прутику-то какъ легко ломается... хрусь, да хрусь! А ну-ка, попробуй переломить всѣ разомъ .. а? То-то!—швырнулъ онъ вѣникъ подъ печку.

Почесали затылки поселяне и одобрительно покачали головами.

— Хе, хе, хе! Ловко!—почесалъ затылокъ себѣ лупоглазый.—Только вотъ, пока мы надумаемся собираться въ вѣникъ, такъ насъ по одиночкѣ и переломаютъ.

— И добре сдѣлаютъ!—зашипѣлъ яростно Кривоносъ,—такъ и слѣдъ! Когда другіе подставляли за васъ свои головы, такъ вы сидѣли за печкой, или возились съ бабьемъ,—ну, а теперь и танцуйте! Дождетесь, гречкосѣи, что васъ самихъ запрягутъ паны въ плугъ... Попомните мое слово,—дождетесь!

— Храни Богъ, козаче,—встряхнулъ сѣдымъ „оселедцемъ“ дѣдъ:—оно точно, что паны укореняются въ нашей землѣ... и про нашихъ даже слухъ идетъ, а про ляховъ и толковать нечего... да что противъ нихъ подѣлаешь? За ними сила, а сила, говорятъ, солому ломитъ. Конечно, „шановный добродій“ правъ, что кабы всѣ разомъ супротивъ этой силы... да, выходитъ, слабъ человѣкъ: и до земли его тянетъ, и до своего угла и до покою... Потому-то и сидитъ въ „закутку“, пока не доймутъ, не „дошкулятъ“...

— Эхъ, народъ!—ударилъ Кривоносъ по столу кухлемъ,—а еще христіане! Братья гибнутъ... врагъ сатанѣетъ... звѣремъ пе-

кольнымъ станетъ, надъ всѣмъ издѣвается, „знущается“, всѣхъ терзаетъ,—а они...—козакъ отвернулся, склонилъ на руку голову и началъ дышать тяжело.

Всѣ замолчали, подавленные правдой этихъ словъ.

— Ой, такъ, такъ! —засуетился, послѣ долгой паузы, „Кожушокъ“—что и говорить—подло: всякъ вотъ только за себя...

— Да что-жъ ты, братъ, противъ силы?—уставился на „Кожушка“ пучеглазый,—паны со всѣхъ сторонъ такъ и лѣзутъ, такъ и прутъ...

— Что-о?!—вскрикнулъ задорно Чарнота:—а вотъ, хоть бы по прутику ломать эту силу: завелся панокъ—трахъ! и „нема“... приползла гадина—трахъ! и „чортма“!

— Ага! переглянулись значительно поселяне,—этакъ то... оно конечно... способъ добрячій. .

— Да мы не за пановъ, чтобъ имъ пусто было,—началъ было пучеглазый, но увидя входившаго жида, замялся:—а мы за своего Хмеля, потому что, козаче, душа человѣкъ... однимъ словомъ—„друзяка“ и шабашъ!

— Такъ, что на него и положится можно?—спросилъ Чарнота, подмигивая Кривоносу.

— Какъ на себя, какъ на свою руку!—отвѣтили всѣ.

— Ну, а гдѣ же онъ теперь, дома?

— Кажись, нѣтъ,—отозвался „Кожушокъ“.

— А куда-же „посунулъ“?

— По войсковымъ, вѣрно, дѣламъ.

— Ой-ли?

— Да разно говорятъ...—замялся, косясь на дѣда, пучеглазый.

— Мало-ли что брешутъ, не переслушаешь,—нахмурился дѣдъ,—а что дома нѣтъ, такъ правда: я сегодня самъ былъ во дворѣ.

— Неудача,—шепнулъ Кривоносу Чарнота.

— Благоденственнаго житія и мирнаго пребыванія,—загремѣла вдругъ у древей октава и заставила всѣхъ обернуться.

У порога стоялъ въ длинной свитѣ, подпоясанный ремнемъ, средняго роста, но атлетическаго сложенія новый субъектъ, очевидно изъ причта; красное угреватое лицо его было обрамлено всклокоченной бородой грязно-краснаго цвѣта, а на головѣ торчала цѣлая копна рыжихъ волосъ; большія уши и на-выкатъ зеленые глаза придавали его физіономіи выраженіе филина.

— А! Звонарь изъ Золотарева! Чаркодзвонъ! Вепредавъ!—послышались радостныя восклицанія изъ кружка поселянъ.

— Азъ есмь!—подвинулся грузно къ своимъ знакомымъ звонарь, и, поздоровавшись, провозгласилъ громогласно:—Жажду!

— Гей, Шмуле,—засуетился Кожушекъ,—наливай пріятелю въ „кухоль“ полкварты.

Шмуль прибѣжалъ сразу на зовъ и поднесъ съ привѣтливою улыбкой звонарю требуемую порцію.

— Во здравіе и во чревоугодіе,—произнесъ тотъ торжественно и, не переводя духу, выпилъ весь кухоль до дна.

— Эхъ, важно пьетъ, братцы,—не удержался отъ восторга Чарнота,—чтобъ мнѣ на томъ свѣтѣ и корца меду не нюхать, если не важно; такихъ добрыхъ „піяковъ“ поискать теперь! „Почоломкаемся“, дяче: съ такимъ пріятелемъ любо!—всталъ онъ и, обнявъ звонаря, поцѣловался на крестъ съ нимъ трижды.

— А что, дяче, не выпьешь-ли и со мной для знакомства „михайлика“ [1])?

— Могу, во вся дни живота моего,—крякнулъ звонарь.

— Го-го! Не выдастъ!—загоготали селяне,—только не на пусто... капусты бы, соленыхъ огурцовъ...

— Тащи все сюда, жиде!—крикнулъ Чарнота, любуясь новымъ знакомцемъ.—Вотъ фигура, такъ надежная! Фу-ты, какая ручища!... Этакою погладить пана ляшка, такъ останется доволенъ!

— Что тамъ пана?—пожалъ пучеглазый плечами,—онъ вепря кулакомъ успокоилъ!

— Что ты?

— Ей-Богу! Взялъ я его разъ выгонять звѣря; онъ такъ съ голыми руками и пошелъ... Только гдѣ ни возьмись одинецъ, да ему прямо подъ ноги; шарахнулся дякъ въ сторону, да какъ лупанетъ его кулакомъ въ голову, такъ кабанъ заоралъ только рыломъ.

— Молодецъ! И такой лыцарь только въ звоны звонитъ?

— Луплю во славу Божію,—икнулъ звонарь,—но могу лупить и во славу человѣческую...

— Чокнемся же, брате,—передалъ ему „кухоль“ Чарнота, и оба пріятеля, прильнувъ губами къ посудинѣ, не отняли ихъ, пока не осталось и капли горѣлки.

— Лихо! Пышно!—послышались одобренія со всѣхъ сторонъ.

— Вотъ выискалъ таки Иванъ товарища себѣ,—замѣтилъ Кривоносъ,—этотъ, пожалуй, выдудлитъ бочку.

— Нѣтъ, пане отамане,—покачалъ головою, глотая капусту, звонарь,—человѣкъ бо есть не скотина, больше ведра не выпьетъ.

Расходился Чарнота, увлекшись обнаруженною у звонаря способностью къ доблестнымъ подвигамъ, и подсѣлъ уже совсѣмъ къ

[1]) Такъ въ сѣчи называлась большая стопа.

кружку новыхъ знакомыхъ; появились на столѣ и огурцы, и капуста, и тарань, „коновки“ пива и меду,—и пошелъ пиръ горой; жидокъ только бѣгалъ по корчмѣ и потиралъ руки; полы его „лапсердака“ развѣвались, что крылья вампира, а пейсы игриво тряслись. Возгласы, хохотъ, заздравицы стояли такимъ пестрымъ шумомъ, въ которомъ трудно было разобрать слово; нѣкоторые начинали уже пѣть, другіе перебивали, пока не возгласилъ звонарь зычнымъ голосомъ „вонмемъ“ и, откашлявшись, началъ:

„Ой, ударю въ звоны я,
Да возьму колодія!“

А собесѣдники подхватили:

„Звоны мои—бовъ та бовъ,
А я—до ляховъ-пановъ!“

Звонарь пьянымъ голосомъ запѣвалъ, размахивая бутылкою, словно камертономъ, а хоръ все съ большимъ и большимъ ожесточеніемъ подхватывалъ „звоны мои бовъ та бовъ“, варіируя послѣднюю строфу различными вставками.

А Кривоносъ, подвинувшись къ своимъ товарищамъ, не обращалъ вниманія на стоящій въ корчмѣ гвалтъ и что-то горячо говорилъ, ударяя по столу кулакомъ. Въ сдержанномъ голосѣ, клокотавшемъ злобой, прорывались иногда то проклятія, то угрозы, то брань:

— А этотъ Гуня? Ежа бы ему противъ шерсти въ горлянку! Сдаваться! Да еще кому?—Собакѣ бѣшеной! Вотъ и сдались,—лихорадка имъ всѣмъ! Самъ то удралъ, а вы теперь и цѣлуйтесь. А!—кусалъ онъ до крови кулакъ и металъ изъ своихъ глазъ искры...

— Да вѣдь не сила была держаться,—вздохнули товарищи.

— Можно было... съ голоду не пухли... конины вволю... а о таборъ нашъ поломалъ бы зубы, не то что пропойца Потоцкій, а и самъ дьяволъ Ярема,—этотъ антихристъ проклятый, перевертень, обляшекъ, Іуда!... Вотъ теперь, когда распустило, и потанцовали бы у меня ляшки: я ихнихъ гусаровъ и драгонію загналъ бы по брюхо въ грязь, да и сажалъ бы потомъ паничей, какъ галушки, на копья.

— Да, теперь бы съ ними справиться легче.

— То-то! Но пусть моя мать мнѣ на томъ свѣтѣ плюнетъ въ глаза, пусть батько вырветъ мнѣ усъ, пусть моя горлица, мои дѣти... если я не отомщу этой гадинѣ!... Ухъ, поймать бы мнѣ его...—вотъ ужъ натѣшился бы, такъ натѣшился!

— Трудновато... длинныя у него руки,—покачали головой собесѣдники.

— Богъ не безъ милости, козакъ не безъ доли!—произнесъ съ затаенной отвагой Кривоносъ,—а тутъ вотъ что: Ярема будетъ возвращаться въ Лубны... нужно устроить,—понизилъ онъ голосъ до шепота и началъ уже сообщать что-то на ухо. Товарищи слушали его напряженно, перегнувшись совсѣмъ черезъ столъ, и—то утвердительно кивали чупринами, то разводили руками.

— Братія, вонмемъ!—перервалъ вдругъ пѣніе звонарь.—Я обогналъ на гребляѣ псалмопѣвца Степана съ бандурою; какъ мыслите, не запросить ли его сюда, пѣснопѣнія ради?

— Эхъ, да и дурень же ты, пане звонарь!—укорилъ его, покачнувшись, Чарнота,—какъ же ты не сказалъ этого раньше? Да безъ бандуриста и „бенькетъ не въ бенькетъ". Тащи дида сюда на первое мѣсто.

— А такъ, такъ!—подхватили другіе.

— Да я... со духомъ, какъ обухомъ!—рванулся къ двери звонарь и наткнулся на какую-то сгорбленную фигуру.

— Да онъ здѣсь на лицо, братіе,—окликнулся звонарь.—Вотъ сюда, сюда, диду, къ свѣту.

— Давно уже нѣтъ для меня этого Божьяго свѣта,—вздохнулъ дѣдъ, ощупью идя за звонаремъ.

Чарнота вскочилъ навстрѣчу и привѣтавшись съ бандуристомъ, усадилъ его на скамеечкѣ почти среди хаты, а вошедшій за нимъ поводарь незамѣтно и робко улегся за печкой въ углу.

— Чѣмъ же васъ потчивать, диду?—порывались одинъ за другимъ поселяне.—Може, повечерять хотите или подкрѣпиться огнистой?

— Нѣтъ, спасибо вамъ, дѣтки,—не лѣзетъ мнѣ кусокъ въ горло, а окаянной душа не принимаетъ... Развѣ вотъ немного медку—промочить горло... потому что черезъ мѣру горько.

Старецъ съ бѣлой, какъ молоко, бородой тяжело вздохнулъ и поднялъ вверхъ свои серебристыя рѣсницы, и открылись, вмѣсто глазъ, глубокія, зажившія раны.

И благородныя черты страдальческаго лица, и согбенная фигура дряхлаго старца, и переполненный скорбными тонами голосъ произвели на подкутившую компанію сильное впечатлѣніе и заставили всѣхъ сразу присмирѣть и притихнуть.

— А може-бъ вы, старче Божій, спѣли намъ... наставили бы святымъ словомъ,—попросилъ тихо Чарнота, поднося ему въ руки налитый медомъ стаканъ.

— Спѣть то можно, отчего не спѣть, миръ хрещеный, людъ благочестный,—отхлебнулъ онъ нѣсколько глотковъ влаги и отдалъ обратно стаканъ,—наступаютъ-бо такія времена, что и пѣсня за-

мретъ, и веселье потухнетъ и только разнесется стонъ по родной землѣ, да разольются рѣками слезы.

Тяжелый вздохъ послышался въ отвѣтъ на эти пророческія слова.

Дрожащими руками дотронулся старецъ до струнъ, и заныли онѣ тоской-жалобой, зазвенѣли похоронным звономъ.

А старецъ, поднявши голову и устремивъ куда-то свои незрячія очи, запѣлъ дребезжащимъ голосомъ, напрягая чаще и чаще свою костлявую, обнаженную грудь:

„Земле Польска, Украино Подольска!
Та вже тому не годъ и не два минае,
Якъ у христіянскій земли добра немае,
Якъ зажурылась и заклопоталась бидна вдова,
Та то-жь не бидна вдова, то наша ридна земля!“

Съ каждой фразой сильнѣе и сильнѣе звучалъ голосъ; въ немъ слышались жгучія слезы, трепетавшія въ безрадостныхъ звукахъ. Поникнувъ головами, сидѣли и слушали поселяне и козаки эту жалобу-пѣсню; она отзывалась стономъ въ ихъ мощныхъ грудяхъ и пригибала чубатыя головы.

Кривоносъ же при первыхъ звукахъ народной думы, словно ужаленный въ самое сердце, встрепенулся и всталъ, снявъ свою шапку. Опершись одною рукою на столъ, а другую сжавши въ кулакъ, онъ закаменѣлъ, подавшись впередъ и понуривъ свою бритую голову съ длиннымъ клокомъ волосъ. Вся его мощная фигура, готовая броситься на врага, выдѣлялась мрачно въ углу. Изъ-подъ сдвинутыхъ косматыхъ бровей сверкали дико глаза; но въ этихъ вспышкахъ огня можно было подмѣтить накипавшую злобу и превышающее мѣру страданіе.

А старецъ вдохновенными словами-рыданіями рисовалъ картину наступившихъ отъ польскихъ пановъ угнетеній: и что земли-грунты отбираютъ, на панщину, на работу, какъ скотъ, гоняютъ, что не вольно уже ни въ рѣкахъ рыбу ловить, ни звѣря въ лѣсу бить, что издѣваются уже надъ вольными козаками не только паны и подпанки, но даже и жиды.

„Тожъ ляхы, мосцивые паны,
По козакахъ и мужикахъ велыки поборы вымышлялы:
Одъ ихъ ключи одбиралы,
Да сталы надъ ихъ домами господарямы:
Хозлина на конюшню осылае,
А самъ изъ ёго жоною на подушкы злягае“...

Заскрежеталъ зубами Кривоносъ и, сжавши въ кулаки руки, двинулся на одинъ шагъ впередъ. А въ дверяхъ никѣмъ незамѣченный стоялъ уже новый посѣтитель—молодой красавецъ-козакъ.

Статная, гибкая, фигура его рѣзко отличалась отъ всѣхъ присутствовавшихъ; дорогой, изящный костюмъ лежалъ на немъ красиво и стройно; черты лица его были благородны и дышали беззавѣтной отвагой; орлиный взоръ горѣлъ пылкимъ огнемъ.

А голосъ старца возвышался до трагизма и пророчествовалъ страшную долю:

„Ой наступають презліи, страшніи годыны,
Не пизнае братъ брата, а маты дытыны;
Нехрещени диты будуть вмераты,
Невинчани пары, якъ звири хожаты...
Ой, застогне Вкраина на многія лита...
Та чи й не до кинця свита?“

Оборвалъ дѣдъ аккордъ и склонилъ на грудь дрожащую голову.

Наступило тяжелое, могильное молчаніе; всѣ были подавлены и потрясены думой.. Вдругъ пьяненькій „Кожушекъ“, вѣроятно, желая перебить удручающее впечатлѣніе, робко попросилъ старца:

— А что нибудь бы веселенькое...

Всѣ даже вздрогнули и отшатнулись, какъ отъ чего то гадливаго, а стоявшій у дверей козакъ энергически вышелъ впередъ и возмущеннымъ, взволнованнымъ голосомъ вымолвилъ:

— Будь проклятъ тотъ, кто запоетъ отнынѣ веселую пѣсню; радость и смѣхъ изгнаны изъ нашей растерзанной родины.... стонъ только одинъ раздается у матери-Украины... Пой, старче Божій,— бросилъ онъ въ руку дѣда червонецъ,—пой только такія пѣсни, какія бы рвали наше сердце на части и превращали слезы въ кровавую месть!

— Богунъ!—крикнулъ Кривоносъ, и заключилъ юнака въ свои широкія объятія.

V.

Роскошная усадьба у войскового писаря пана Хмельницкаго! На отлогомъ пригоркѣ стоитъ шляхетскій „будынокъ“. Высокая крыша его покрыта узорчасто гонтомъ, играющимъ на солнцѣ золотистыми отливами ясени; на самомъ гребнѣ крыши и по ребрамъ ея наложенъ изъ того же гонта зубчатый бордюръ; по срединѣ ея, со двора, далеко выступаетъ впередъ „наддашникъ“ надъ „ганкомъ“—крылечкомъ, а съ другой стороны къ саду—такой же „наддашникъ“, только поднятый выше, прикрываетъ небольшой мезонинъ; „наддашники“ заканчиваются плоскимъ зашелеваннымъ отрубомъ съ окошечкомъ и поддерживаются толстыми колоннами; послѣднія опираются на широкія террасы—„рундуки“, огражденныя

по сторонамъ точеною баллюстрадой. Домъ не высокъ, но обширенъ; стѣны его обвальцованы и обмазаны глиной такъ гладко, что и съ штукатуркой поспорятъ, а выбѣлены — словно снѣгъ блестятъ и виднѣются даже съ Чигиринскаго замка. На крышѣ возвышаются двѣ фигурныхъ бѣлыхъ трубы. Окна въ домѣ небольшія и при каждомъ двухстворчатыя ставни; ставни и наличники окрашены въ яркую зеленую краску, а по ней муміей проведены красныя линіи и кружки, изображающіе, вѣроятно, цвѣты; на колоннахъ, тоже по зеленому фону, искусно выведены муміей хитрыя завитушки, а баллюстрада вся выкрашена яркимъ сурикомъ. Внизу, кругомъ дома, идетъ широкая завалинка, блистающая желтой охрой съ синимъ бордюромъ вверху... Да, такимъ „будынкомъ“ можно-бъ было похвастать и въ Чигиринѣ!

Дворъ у пана писаря широкій, зеленый. Въ центрѣ его вырытъ колодезь; срубъ надъ нимъ затѣйливо выложенъ изъ липовыхъ досокъ; вблизи сруба стоитъ высокая „соха“, а къ верхней распоркѣ ея привѣшенъ на поршнѣ длинный, качающійся рычагъ—„журавель“, съ прикрѣпленнымъ къ нему на висячемъ шестѣ ушатомъ—„цебромъ“. По краямъ двора стоятъ хозяйскія всякаго рода постройки—амбары, сараи, „стайни“, людскія хаты и кухни; всѣ онѣ выстроены по старосвѣтски, прочно, изъ дубовыхъ бревенъ; крыши на нихъ крыты мелкимъ тростникомъ подъ щетку, съ красивыми загривками и „остришками“, одна только рубленая комора покрыта, какъ и домъ, гонтомъ. Направо за коморой и амбарами возвышается и господствуетъ надъ всѣми постройками широчайшая крыша „клуни“, доходящая почти до самой земли; вокругъ нея рядами стоятъ длинныя скирды и пузатенькіе „стожки“ всякаго хлѣба, отливая разными оттѣнками золота, — отъ свѣтло-палеваго жита до темно-красной гречихи. Первый дворъ обнесенъ рѣшеткой съ вычурными воротами, а кругомъ всей усадьбы вырытъ широкій и глубокій ровъ, съ довольно порядочнымъ валомъ, огражденнымъ двойнымъ дубовымъ частоколомъ; это маленькое укрѣпленіе замыкается дубовою же, окованною желѣзомъ „брамой“ [1]),— необходимая осторожность для тѣхъ смутныхъ временъ.

Но не этимъ славится усадьба Хмельницкаго, а славится она дорогимъ и роскошнѣйшимъ садомъ, заведеннымъ еще покойнымъ отцомъ Богдана, Михайломъ... и садъ этотъ выросъ на чудо, на славу,—такого до самого Кіева не было слышно! И чего только въ этомъ саду не родилось! Яблоки всякихъ сортовъ—бѣлыя, нѣжныя папировки, сочныя съ легкимъ румянцемъ ружовки,

[1]) Родъ въѣздной башни.

большія зеленоватыя оливки и темно-красныя, широкія цыганки; груши чуднаго вкуса — и краснобочки, и плахтянки, и бергамоты, и зимовки, и глывы... а сливы какія—зеленыя, желтыя, красныя, сизыя... а теренъ, а черешни, а вишни, а всякая еще мелкая ягода?... Господи! И не сосчитать, и не перепробовать всего!

Раскинулся этотъ садъ широко по волнистымъ пригоркамъ и надвинулся кудрявою зеленью къ рѣчкѣ. Передъ „будынкомъ" лежитъ небольшая полукруглая площадка; на ней посрединѣ высоко поднялся вершиной и раскинулся просторно вѣтвями могучій столѣтній дубъ; вокругъ него разбросаны нехитрые цвѣтники—просто гряды со всевозможными простыми цвѣтами: царской бородкой, гвоздиками, чернобровцами, зарей, аксамитками, горошкомъ и обязательными кустами „собачои рожи", высоко подымавшей свои унизанные алыми и розовыми цвѣтами стебли. Всѣ гряды окаймлены бордюрами изъ барвинка, любистка, канупира и непремѣннѣйшихъ „васылькивъ". Справа и слѣва обнимаютъ цвѣтникъ кусты розъ и сирени, а вдоль стѣны у „будынка" стоитъ рядкомъ кудрявая и нарядная, въ красныхъ гроздьяхъ, рябина. За площадкой уже, къ лѣвой части „будынка" понадвинулся высокой темной стѣной цѣлый „гай"—отрубной лѣсокъ, къ которому примкнулъ разведенный садъ. Прихотливыми группами выступаютъ впереди вѣтвистыя липы, за ними прячутся свѣтлые, широколиственные клены, между которыми темнѣютъ мрачные, раскидистые дубы, а надъ волнистыми вершинами лѣсной шири особняками вырѣзываются вверхъ—то стройный, кокетливый яворъ, то свѣтлый, радостный ясень. Отъ этого задумчиво шумящаго лѣса вѣетъ мрачною глушью и дикою прелестью, а разбѣгающійся широко и просторно, сравнительно низкій, фруктовый садъ производитъ впечатлѣніе отрадной, рѣзвящейся юности. Темнымикоридорами врѣзываются въ лѣсъ проѣзжія дороги; отъ нихъ змѣятся тропинки по густняку, а по саду протоптаны тоже немного шире тропинки, безъ всякой симметріи и плана, а просто по прихоти и хозяйскимъ потребностямъ,—то къ пасѣкѣ, помѣщающейся на южномъ склонѣ, то къ сушнѣ, то къ огородамъ, то къ Тясмину; нѣкоторыя изъ этихъ тропинокъ обсажены кустами различныхъ ягодъ, а другія вьются между густымъ вишнякомъ и высокимъ терновникомъ. Только въ самомъ низу, у рѣки, идетъ широкой дугой природная тѣнистая аллея; съ одной стороны окаймляютъ ее высокіе, граціозные тополи, а съ другой, прирѣчной—мягкіе контуры задумчивыхъ ивъ, перемѣшанныхъ съ вѣчно дрожащей осиной и стыдливой калиной.

Послѣ дикой шутки природы, нагнавшей въ первыхъ числахъ октября неслыханную для южныхъ странъ зиму, наступило вдругъ

бабье лѣто: возвратилось тепло, растаялъ безвременный снѣгъ, и оживилась прибитая холодомъ зелень. Стоялъ теплый роскошный день, одинъ изъ тѣхъ дней, какими даритъ насъ иногда осень. Солнце склонялось къ закату, обливало розовымъ свѣтомъ садъ и мягкія дали, и рдѣло на сухой верхушкѣ осокора, поднявшейся властно надъ всѣми деревьями гая; теплые лучи его трогательно ласкали и грѣли, какъ прощальные поцѣлуи возлюбленной.

На широкой ступени крыльца сидѣла молодая дѣвушка, нагнувшись надъ лежавшимъ у нея на колѣняхъ „хлопчикомъ", лѣтъ четырехъ. Ея наклоненная головка особенно выдавала сильно развитый лобъ, на которомъ характерно и смѣло лежали пьявками,—какъ выражается народъ,—черныя брови. Чрезмѣрно длинныя, стрѣльчатыя рѣсницы закрывали совершенно глаза и бросали косую полукруглую тѣнь на блѣдныя щеки. Темные волосы еще болѣе оттѣняли матовую блѣдность лица; они были зачесаны гладко и заплетены въ одну косу, что лежала толстой петлей на спинѣ, перегнувшись черезъ плечо на колѣни; въ конецъ ея была вплетена алая лента. На строгихъ чертахъ лица дѣвушки лежала привычная дума и дѣлала выраженіе его немного суровымъ; но когда она поднимала свои большіе сѣрые глаза, то они лучились такою глубиной чувства, отъ которой все лицо ея озарялось кроткою прелестью.

Хлопчикъ въ синихъ шароварахъ и бѣломъ суконномъ куртушикѣ лежалъ съ закрытыми глазами; красноватыя вѣки его сквозили на солнцѣ, а личико было золотушно-зеленаго цвѣта.

Изъ отворенныхъ дверей слышится молодой голосъ, читающій какую-то славянскую книгу; его поправляетъ почти черезъ слово другой—старческій, хриплый.

— „И ре-че онъ, бысть мнѣ во спа...ніе",—раздается въ свѣтлицѣ.

— Не „во спаніе", а „во спасеніе",—досадливо вторитъ ему другой,—не „злягай", паничу, и не сопи... слово титла зри и указку держи сице... ну, слово, покой, азъ—спа ..

— Да я уже намучился... глаза, пане дяче, слипаются.

— Охъ, охъ, охъ!—вздыхаетъ очевидно профессоръ,—рачительство оскудѣваетъ... нужно будетъ просить вельможнаго пана о воздѣйствіи посредствомъ канчука и лозы... Хоть до кахтызмы окончимъ.

И снова раздается тоскливое и сонное чтеніе.

А изъ-за двора доносится стукъ молотильныхъ цѣповъ, скрипъ „журавля" у колодца и какая-то ругань. Тучи голубей, сорвавшись откуда-то, шумно несутся со свистомъ надъ садомъ и, сдѣлавъ въ

воздухѣ большой кругъ, снова устремляются назадъ, вѣроятно, на „токъ“. На цвѣтникѣ между грядъ, ходитъ дѣвочка лѣтъ десяти и, собирая сѣмена, поетъ пѣсенку; дѣтскій голосокъ звучитъ ясно, а въ словахъ особенно выразительно слышится: „выступцемъ, выступцемъ!“ На дѣвочкѣ баевая, зеленая съ красными усиками корсетка и яркая, шелковая плахта.

— Галю! Царская бородка высыпалась!—повернула она къ дѣвушкѣ свое огорченное личико.

— А я тебѣ говорила, Катрусе,—подняла голову та,—что высыпится: нужно было собирать раньше.

— Галочко, что же дѣлать?—чуть не плачетъ Катря.

— Не огорчайся: я тебѣ привезу изъ Золотарева, сколько хочешь.

— О? Вотъ спасибо! Я на тотъ годъ вездѣ ее насѣю... Какъ я тебя, Галя, люблю!—подбѣжала она вдругъ и обняла Ганну. Да, это была та самая Ганна Золотаренковна, о которой отзывались съ такой похвалой поселяне.

— Геть!—заплакалъ мальчикъ, отстраняя рученками дѣвочку,—геть къ цолту!

— Юрочко! Гай-гай, такъ сердиться!—строго покачала головой Ганна,—если ты посылаешь Катрю, такъ и я пойду съ нею туда.

— Галю! Я не бу-ду!—уже всхлипывалъ мальчикъ, обнимая ея колѣни и пряча въ нихъ головку.

— Ну, не плачь-же и никогда не бранись,—погладила она его по бѣлокурымъ жидкимъ волосикамъ,—Катруся—твоя сестра, тебѣ нужно любить ее. Ну, полно же, полно, не капризничай! Вотъ смотри, какъ Катруся побѣжала собирать сѣмена. Когда придетъ весна, мы бросимъ ихъ въ землю, а Бозя прикажетъ солнышку пригрѣть—вотъ они и станутъ расти, какъ и ты.

— А я вылосту,—улыбается уже хлопчикъ,—лоскази мнѣ, люба, цаца, казоцку.

— Ну, слушай!

Въ это время съ визгомъ и крикомъ выбѣжали изъ „гаю“ мальчикъ и дѣвочка. Дѣвочка лѣтъ восьми бѣжала впереди, вся раскраснѣвшись и растопыривъ рученки; на лицѣ ея играли страхъ и восторгъ; она, постоянно озираясь назадъ, улепетывала, изображая татарина, и кричала во всю глотку: „Ай, шайтанъ! Козакъ, козакъ!“ А мальчикъ, вылитый портретъ дѣвочки, гнался за ней съ азартомъ и подгикивалъ: „Гайда! Не уйдешь, голомозый!“. Онъ держалъ въ лѣвой рукѣ лукъ и стрѣлы, а въ правой—собранный въ петлю шнурокъ; останавливаясь на мгновенье, металъ онъ стрѣлу, и при промахѣ пускался догонять дѣвочку снова.

— Попалъ, въ ногу попалъ!—крикнулъ онъ.—Падай, Оленко: ты ранена, ты мой „бранецъ!“ [1]).

— Нѣтъ, Андрійко, не попалъ!—возражаетъ, убѣгая, Оленка; хоть у нея отъ стрѣлы уже синякъ на ногѣ и страшная боль.

— Такъ вотъ же тебѣ!—съ ожесточеніемъ пускаетъ стрѣлу Андрійко и попадаетъ дѣвочкѣ въ спину.

— Ой—ухватилась та за ушибленное мѣсто и присѣла.

— Андрійко! —съ испугомъ встала Ганна, обнаруживъ свой стройный и высокій ростъ, и пошла быстро къ игравшимъ,—какъ же не грѣхъ тебѣ такъ ударить сестру?

— А почему она не падала?—надувши губы и смотря изъ-подлобья, буркнулъ Андрійко.

— Да для чего же ей падать?

— Я ее ранилъ въ ногу, такъ она и должна была упасть,—убѣжденно доказывалъ онъ, —я бы тогда ее въ плѣнъ взялъ, а если она начала удирать, то я долженъ былъ добить ее... татарина.

— Фу, какъ не стыдно подражать нашимъ ворогамъ!

— Я ее оттого и убилъ... Дидъ говоритъ, что нельзя татарина живымъ пускать... а то онъ убьетъ,—тутъ кто кого.

— Да зачѣмъ же играть въ такую злую игру,— гладила Ганна по головкѣ Оленку и вытирала слезы на ея глазкахъ,—вотъ и обидѣлъ сестру, а вѣдь вы близнята, должны бы сильно любить другъ дружку!

— Я не хотя,—потупился въ землю Андрійко.

— Да, нехотя... а вотъ хорошо еще что въ спину, а если бы въ глазъ? Нельзя играть въ то, гдѣ одинъ обижаетъ другого.

— Я не настоящими стрѣлами, это только „очеретяныя“, смолою налѣпленныя,—оправдывался хлопецъ.

— Все равно, тоже больно бьютъ.

— Такъ я буду накидывать арканомъ, а стрѣлы и лукъ кину,—видимо желалъ помириться Андрійко.

— Мнѣ уже не больно,—бросилась цѣловать Ганну Оленка,—совсѣмъ не больно, Галюню .. Будемъ играть, Андрійку!

— Ну, ну,—повеселѣлъ тотъ,—а то я не хотя... Отбѣгайже впередъ!

— Осторожнѣе только,—поправила ему Ганна „чуприну“ и пошла обратно къ террасѣ, гдѣ ее на ступенькѣ все ждалъ Юрко.

— А я Галю... не плякалъ,—улыбался онъ, болтая ножками,—а казоцки ждалъ.

---

[1]) Плѣнникъ.

— Вотъ и молодецъ, запорожскій козакъ,—усѣлась Ганна.

А близнята, подхвативъ себѣ еще двѣ пары дѣтей, неслись съ звонкимъ смѣхомъ и радостнымъ крикомъ черезъ бурьяны, черезъ гряды снова въ темный гаекъ.

— Я тебѣ разскажу про недобрую козу,—начала Ганна.—Жилъ себѣ дѣдъ та баба, и былъ у нихъ внучекъ хорошій, хорошій, послушный, а хозяйства всего на всего—только коза. Жалѣютъ всѣ эту козоньку,—поятъ, кормятъ, гулять посылаютъ; а козонька „ме-ке-ке“, да „ме-ке-ке“... жалуется, что ее голодомъ морятъ. Вотъ разъ дѣдъ посылаетъ ее.

— А что себѣ думаетъ панна Ганна?—прервалъ разсказъ незамѣтно подошедшій дѣдъ,—что у насъ ульевъ „нема“?...

Сѣдая борода дѣда спускалась до пояса, а изъ-за широкихъ желто-бѣлыхъ нависшихъ бровей еще свѣтились огнемъ черныя очи.

— А для чего же вамъ, дѣду, теперь ульи?

— Хе, для чего? Для роевъ,—усмѣхнулся дѣдъ, покачавъ головою.—вотъ тебѣ, панно, и диво! Господарь нашъ, продли ему Господь вѣку, все козакуетъ, а мы тутъ ему господарюемъ; вотъ солнышко пригрѣло, а муха Божья и взыграла, да сегодня намъ ажъ пять ройковъ прибыло...

— Такъ поздно?—изумилась Ганна.

— А что жъ ты думаешь, панно моя люба, если позднѣе, такъ ни на что и не нужны? Какъ бы не такъ! Не такой дидъ, чтобы имъ „рады“ не далъ. Такъ то, моя крале! Вотъ мнѣ и нужно новыхъ штукъ десять ульевъ, да не вербовыхъ, а липовыхъ... Хе, для такой пышной силы липовыхъ!

— Есть у меня, диду, еще пять ульевъ, на чердаку.

— А цто-зе дидъ сдѣлалъ?—дернулъ за рукавъ Ганну, Юрко, укладываясь на ступенькѣ.

— Постой, родненькій мой, я вотъ только...—хотѣла было встать Ганна.

— Что дидъ сдѣлалъ, козаче? А вотъ собралъ, медкомъ накормилъ... Хе! да ты уже никакъ спишь? Чѣмъ козакъ гладокъ? Наѣлся и на бокъ! То-то,—продолжалъ словоохотливый дѣдъ,—поздніе! И поздніе, и ранніе—всѣ нужны: вотъ ты ранняя у меня, а стбишь може сотни позднихъ, а я вотъ поздній, древній, а еще, если гукнутъ кличъ, такъ мы и за раннихъ справимся... Ого-го! Еще какъ!—потрясъ онъ кулакомъ.

— Гдѣ ужъ вамъ!—улыбнулась Ганна.

— Ты съ дида, крале, не смѣйся,—понюхалъ дѣдъ табаку изъ тавлинки,—заходилъ это ко мнѣ человѣкъ Божій, дакъ говоритъ, что вы, диду, избрали благую часть, что у васъ тутъ любо

да тихо, какъ въ ухѣ, а тамъ, говоритъ, на Брацлавщинѣ, стономъ стонъ стоитъ, паны захватываютъ въ свои руки предковѣчныя степи, отнимаютъ отъ нашихъ людей дѣдовское добро... Налетитъ, говоритъ, съ ватагою панъ—и только пепелъ, да кровавыя лужи остаются отъ людскаго поселка.

— Боже правый!—всплеснула руками Ганна.

— То-то, моя „жалобнице!“ Такъ если бы сюда, на нашу краину, налетѣли такіе коршуны-лиходѣи, какъ ты думаешь, крале, —я усидѣлъ бы въ пасикѣ? Ого-го! Да коли бъ на дида не хватило кривули, такъ я съ косой бы пошелъ... съ „уликомъ“... Думаешь, не пошелъ бы? Ого!

— Вѣрю, вѣрю, диду,—взглянула на него ласково Ганна,— а вотъ у меня души нѣтъ за дядька Богдана...

— Э, панно,—мотнулъ бородой дѣдъ,—за дядька не бойся; не такой онъ... Козачья душа у Христа за пазухой...

Дѣдъ направился къ калиткѣ, а Ганна повернулась и увидѣла, что на порогѣ свѣтличныхъ дверей стоитъ престарѣлый „профессоръ“ старшаго сына Богдана, Тимка.

— Ясновельможная панно,—жаловался онъ, держа на широкомъ поясѣ сложенныя руки,—съ юною отраслію славнаго рода вельможнаго панства познанія идутъ зѣло неблагопотребно.

Сморщенное, какъ печеное яблоко, лицо жалобщика, съ клочковатой бородкой и торчащей косичкой, было крайне комично.

— А что, лѣнится развѣ Тимко?

— Смыкаетъ зѣницы, дондеже не воспрянетъ отъ бремени науки.

— Я, отче Дементій, попрошу его,—улыбнулась Ганна.

— „Наука потребуетъ дрюка“, рече Соломонъ мудрый,—поклонился низко профессоръ,—впрочемъ, если панская ласка, то просилъ бы сырцу малую толику и свиннаго смальца.

— Идите къ Мотрѣ; она все выдастъ.

„Профессоръ“ съ низкимъ поклономъ ушелъ. а Ганна обернулась къ Юрку и увидѣла, что головку его поправляла уже сутуловатая, почтеннаго вида старуха, въ длинной, повязанной вокругъ „очипка“ и лица бѣлой „намиткѣ“, концы которой спускались сзади до самаго долу, и въ темнаго цвѣта „халатѣ“—особаго рода женской верхней одеждѣ, почти исчезнувшей нынѣ въ народѣ.

— Бабусю серденько,—обратилась къ ней Ганна,—а что это Мотря приходила еще за харчами, прибавилось молотниковъ, что ли?

— Какое молотниковъ,—вздохнула старуха,—со всѣхъ концовъ, дальнихъ даже мѣстъ, сбѣгается людъ —то погорѣлый, то отъ висѣлицъ и канчуковъ, то сироты...

— Матерь небесная!—поблѣднѣла Ганна и порывисто встала.— Отнесите Юрка, а я пойду, распоряжусь... всѣхъ нужно устроить, пригрѣть.

— Да, вотъ они и ждутъ тебя.

— Боже! Спаси насъ!—произнесла дрогнувшимъ голосомъ панна и подъ наплывомъ горькихъ тревогъ и тяжкихъ предчувствій, тихо пошла въ людскую, наклонивъ низко голову. „Тамъ въ углу Сулы, думалось ей, теперь напряглись всѣ наши силы, тамъ кладутъ головы за волю борцы, тамъ льется кровь за родную землю, и что же сулитъ намъ судьба? Можетъ, это предвѣстники ея безчеловѣчнаго приговора?“

Прошелъ часъ. Въ саду утихли веселые крики дѣтей, и на „току“ мѣрные удары цѣповъ. Катря два раза относила въ свою свѣтлицу мѣшечки. Солнце начало близиться къ закату.

Отворилась широко дверь на террасѣ и двѣ дюжихъ дѣвки съ плечистымъ парнемъ внесли туда на „топчанчикѣ“ (родъ дивана) больную жену Богдана; не смотря на средніе годы, она выглядывала совсѣмъ старухой.

— Вотъ такъ, впоперекъ поставьте,—попросила тихо больная—да, да... добре теперь, спасибо вамъ; идите, любые.

Несчастная страдалица приподнялась на локтѣ и жадно начала вдыхать живительный воздухъ. Лице ея, изможденное, желтое, болѣзненно напрягалось при поднятіи запавшей грудной клѣтки; подпухшіе глаза блуждали кругомъ, словно спѣша всмотрѣться и насладиться еще разъ знакомыми, родными картинами. А онѣ были дѣйствительно хороши.

Не смотря на позднюю осень, природа еще стояла въ пышномъ уборѣ, хотя и поблекшемъ, но не лишенномъ элегической прелести. Съ террасы открывался широкій просторъ. Высокій, могучій, нѣсколько дикій „гай“ и болѣе правильными группами разсаженный садъ лежали у ногъ полуобнаженные, но переливали еще порѣдѣвшими волнами разноцвѣтной окраски—отъ темной бронзы дуба, до яркаго золота клена и серебра явора; между этими волнами были вбрызнуты и кровавыя пятна. Красно-бурыми лентами алѣли теперь межь полуобнаженной гущиной усѣянныя листьями тропинки. Слѣва сквозь просѣку въ сизомъ туманѣ бѣлыми пятнами и шпилями виднѣлся городъ; прямо внизу, далеко между деревьями, игралъ въ каймѣ изъ „осоки“ Тясминъ, а направо къ запрудѣ, у водяныхъ мельницъ, разливался онъ широкимъ водянымъ пространствомъ. Сквозь косые лучи солнца сверкала радужнымъ дождемъ и бѣлой пѣной вода, спадавшая съ мельничныхъ, высокихъ колесъ; а за мельницами, вдали, разноцвѣтными плахтами лежали сжатыя нивы,

окутанныя синѣющими лугами... Нѣжною красой и раздольемъ вѣяло отъ этихъ мирныхъ луговъ и полей, отъ этой рѣзвой игриво-шумящей рѣки, отъ этого задумчиваго „гайка“ и отъ свѣтлаго, обнявшаго землю высокаго неба,—чарующей прелестью и тихой лаской ложилась эта картина на душу и отгоняла отъ нея мятежныя бури и грозы...

Умилилась и больная.—Боже, какъ тепло и чудесно!—отрывисто шептала она.—Пожелтѣлъ мой садикъ, какъ и я... только онъ все-же пышный, а я... уже и руки сложила,—провела она рукой по глазамъ.—Вонъ яблони, что я съ Богданомъ садила... Какими онѣ были тогда прутиками, а теперь ишь какъ подняли, раскинули вѣтви... А я... вѣрно въ послѣдній разъ садочкомъ любуюсь...

Съ шумомъ вбѣжала Катря и припала къ матери.

— И мама вышла погулять?

— Не вышла, доню, а вынесли,—улыбнулась больная.

— Мамо, мамо,—издали закричали близнята, несясь взапуски на террасу.—Гляньте, какъ насъ причесала Галя!

— Славно, славно!—обняла своихъ дѣтокъ больная.—А гдѣ же ваша Галя?

— А вотъ!—ухватилась Оленка за сподницу поднимавшейся уже на ступеньки Ганны.

— Вотъ, вотъ!—бросился въ объятія и Андрійко.—Галя, любочка, серденько!—ласкались и обнимали ее дѣтки.

— Любятъ они тебя,—умилилась пани, глядя на эту сцену,—да и что мудренаго? Вѣдь ты для нихъ, что мать родная... да еще и поищи такой матери на бѣломъ свѣтѣ...

— Что вы, титочко, вамъ такъ кажется,—конфузилась отъ этой похвалы Ганна,—люблю я ихъ всей душой—это вѣрно...

— И мы Галю любимъ... вотъ какъ!—развела руками Оленка...

— И любйте, дѣтки,—продолжала больная, и глаза ея заблистали слезами,—она для васъ вторая мать: Богъ посѣтилъ меня, да и пожаловалъ, послалъ въ утѣшеніе Галю... она васъ до ума доведетъ...

— Ахъ, куда мнѣ!—покраснѣла уже совсѣмъ Ганна и, чтобы замять разговоръ, обратилась къ близняткамъ:—Ну, гайда въ свѣтлицу, тамъ уже „подвечирокъ“ васъ ждетъ.

Съ шумомъ бросились дѣтки къ дверямъ, толкая другъ друга; Катря тоже побѣжала съ ними.

— Не слыхала-ли ты, Галю, чего-либо про Богдана? У меня просто душа „холонетъ“... Такія времена—и ни чутки, ни вѣсти...

— Не тревожьтесь, титочко,—удержала тяжелый вздохъ Ганна; а сама почувствовала, словно ножъ ее ударилъ подъ сердце,—вѣрно по войсковымъ дѣламъ... Богъ милостивъ!

— А все таки, куда-бъ онъ уѣхалъ? Не сказалъ-ли хоть тебѣ?

— Нѣтъ, ничего... мало-ли мѣстъ? Не знаю... Но въ глубинѣ души Ганна знала, гдѣ могъ быть Богданъ: тамъ, гдѣ орлы-бѣлозорцы,—тамъ и онъ! Онъ даже намекнулъ ей; но она его тайны не выдастъ... Только теперь, когда чуются какія-то смутныя вѣсти, а на небѣ собираются тучи, она трепещетъ и боится объяснить себѣ этотъ трепетъ.

— Охъ, всѣмъ-то намъ тяжело,—простонала тоскливо больная,—а ему то, бѣдному и подавно: бѣгай, хлопочи, подставляй голову, а утѣхи никакой! Вѣдь онъ еще молодой и здоровый, а вотъ довелось вдовцомъ быть, чернецомъ: что я ему? Ни мать дѣтямъ, ни жена, ни хозяйка.., а колода только „никчемная", да и все! Хорошо, что тебя Богъ послалъ...

— Титочко,—подошла и поцѣловала руку Богданихи Ганна,—къ чему такія печальныя думки? Еще выздоровѣете...

— Нѣтъ, моя „квиточко",—погладила она по щекѣ Ганну,—не вставать мнѣ... а жить такъ—калѣкой, колодой—эхъ, какъ тяжко и нудно! Сама я себѣ надоѣла.. Свѣтъ только заступаю. Когда-бы Господь смиловался да принялъ меня къ себѣ... и мнѣ бы легче было, да и всѣмъ.

— Господи! Да что-же вы такое, титочко?—всплеснула Ганна руками, и изъ очей ея брызнули слезы.

— Я обидѣла тебя?! Серденько, рыбонько!—прижала она къ своей груди Ганну.—Я тебя такъ люблю и его, и всѣхъ... я отъ „щирого" сердца, изъ любви, безъ всякой думки, жалѣючи,—вздохнула она и добавила:—Скажи, однако, чтобъ внесли меня: пора!

Ганна подошла къ черному крылечку, отдала приказаніе прислугѣ, а сама быстро удалилась въ темную липовую прогалинку и, усѣвшись на пнѣ, дала волю слезамъ. Она сама не знала, почему онѣ, крупныя, катились и катились изъ глазъ. Или ей безконечно жаль было безпомощной страдалицы, пережившей давно свое счастье, или ей было больно, что та самоотверженно уступала свое мѣсто другой, или ей страшно было за Богдана, за родину?

Обрывочно и бурно на нее налетали думы, но разобраться въ нихъ она не могла; она чувствовала только, что любить здѣсь всѣхъ, а Богдана боготворить и вѣрить въ его могучую силу. Она знала, что въ молитвахъ своихъ о близкихъ первымъ всегда по-

минала его... Да, какъ отъ тревоги по немъ болитъ ея сердце, какъ оно приросло здѣсь ко всему, прикипѣло!...

Ганна сидитъ, сцѣпивши на колѣняхъ руки, и смотритъ въ темнѣющую глубину лѣса. Лицо ея, блѣдное, словно мраморное, какъ бы застыло; на немъ палевыми и лиловыми пятнышками лежатъ тѣни отъ листьевъ, и только на длинной рѣсницѣ дрожитъ жемчужиной слеза.

Вдругъ лицо ея вспыхнуло... поблѣднѣло и она вся двинулась впередъ и застыла въ порывѣ...

Передъ ней стоялъ Богунъ. Темная „керея“ падала кругомъ его могучей и статной фигуры; шапка была надвинута низко на черныя брови и придавала необычайно красивому лицу энергію и удаль; но выраженіе его не предвѣщало ничего добраго. Весь пожелтѣвшій садъ горѣлъ теперь червоннымъ золотомъ подъ огненными лучами заходящаго солнца, и на этомъ яркомъ фонѣ темнымъ силуэтомъ стоялъ передъ Ганной козакъ. Она хотѣла броситься къ нему, хотѣла задать ему тысячу вопросовъ; но мрачный видъ козака поднялъ въ ея душѣ страшное предчувствіе: боязнь истины сжала ей горло. Ганна хотѣла сказать слово, и слово не шло у ней съ языка. Богунъ видѣлъ, какъ поблѣднѣла при видѣ его Ганна, какъ расширились ея глаза, какъ занѣмѣла она вся, протянувши къ нему руки.. У него почему то особенно дрогнуло сердце, и онъ не рѣшался заговорить. Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія. Наконецъ, Ганна овладѣла собой.

— Живъ? Въ плѣнъ взятъ? Убитъ? —едва смогла она выговорить нѣсколько рвущихся словъ.

— Не знаю, панно; я самъ спѣшилъ къ тебѣ разспросить о немъ.

— Боже! —всплеснула Ганна руками. —Но, вѣдь, онъ былъ тамъ? Былъ?

— Да, и оказалъ намъ рыцарскую услугу, а потомъ... —остановился онъ.

— Потомъ? —перебила его Ганна, сжимая до боли руки.

— Онъ исчезъ непримѣтно... уѣхалъ... говорятъ къ Днѣпру.

При этихъ словахъ Ганна почувствовала вдругъ, что съ груди у ней точно камень свалился, и страшная слабость, такая слабость, что Ганна должна была снова опуститься на пень, охватила все ея существо.

— Матерь Божья, слава Тебѣ, слава Тебѣ! —прошептала она упавшимъ голосомъ, чувствуя какъ набѣгаютъ ей на глаза теплыя слезы, —значитъ спасся, уѣхалъ въ Кодакъ...

Наступило снова молчаніе. наконецъ, Ганна, отерла глаза и обратилась къ Богуну, еще смущенная за свои слезы:

— Прости мнѣ, козаче, минутную женскую слабость; страхъ за Богдана, за нашего оборонца... вызвалъ слезы на эти глаза... Но скажи мнѣ, отовсюду доходятъ тревожные слухи... Что случилось? Какимъ образомъ ты здѣсь? Какъ наши бойцы? Снята ли осада?

— Увы!—горько вырвалось у козака,—тамъ погибло все...

Ганна схватилась рукою за голову и отшатнулась назадъ. Упало страшное слово, и никто не рѣшался прервать наступившаго оцѣпенѣнія. Наконецъ, Богунъ заговорилъ горячо и бурно:

— Да, погибло все... но не приди этотъ дьяволъ Ярема, клянусь тебѣ, панно, не стоялъ бы я такъ передъ тобою... Про Голтвянскую битву ты, вѣрно, слыхала. О, какъ разбили мы „польнаго“ гетмана! Надо было видѣть, какъ бѣжали обезумѣвшіе отъ страха ляхи! Подъ Лубнами нашъ гетманъ снова даетъ имъ битву. Бой длился цѣлый день; побѣда клонилась на нашу сторону, и если мы не побѣдили, то только черезъ рейстровыхъ козаковъ. Будь трижды проклятъ тотъ день и часъ, когда довелось мнѣ это увидѣть!—вскрикнулъ онъ, сжимая руку:—братья шли противъ братьевъ! И мужество ихъ, Іудъ проклятыхъ, казалось возрастало еще больше при видѣ братней крови!

Ганна тихо простонала и закрыла руками лицо.

— Но Богъ справедливъ,—продолжалъ еще горячѣе козакъ,—и не далъ имъ въ руки побѣды! Мы двинулись дальше, ожидая отовсюду вспомогательныхъ войскъ, а польный гетманъ Потоцкій послалъ къ Яремѣ. Къ намъ шелъ Путивлецъ... Ты знаешь его, панно,—славный былъ, вѣрный козакъ, и доблести великой, и тяжелой руки. Его настигаетъ Потоцкій, окружаетъ со всѣхъ сторонъ. Долго сражались козаки, долго отбивались—одинъ на двадцать враговъ! Но видитъ Путивлецъ,—не сила—ни пробиться, ни устоять... онъ пишетъ къ польному гетману и проситъ пощады. Гетманъ даетъ рыцарское, „гоноровое“ слово—всѣхъ отпустить безнаказанно, если упадетъ его, атамана, голова! О, панно... ты же его знаешь, славнаго Путивльца... Онъ собираетъ на раду всѣхъ и рѣшаетъ самъ, предать себя въ руки гетмана, ради братьевъ. Всѣ хотятъ умереть вмѣстѣ, разомъ... но онъ требуетъ, что для борьбы, для родины они должны купить себѣ жизнь... и пошелъ! Да, если бъ ты видѣла, какъ заплакали кругомъ козаки, прощаясь со своимъ батькомъ,—слезы не перестали-бъ до самой смерти орошать твои очи! А гетманъ,—самъ сатана устыдился бы такой подлости, пусть не знаютъ дѣти его счастья, пусть сынъ его не увидитъ ры-

царской славы во вѣки,—какъ онъ свое гоноровое, гетманское слово сдержалъ! Когда покатилась славная голова Путивльца, и козаки положили оружіе, гетманъ велѣлъ окружить „жолнерами“ беззащитныхъ бойцовъ... и выбилъ, слышишь панно, выбилъ копьями всѣхъ до единаго!

Сдавленный крикъ послышался со стороны Ганны; но Богунъ не слыхалъ его и продолжалъ все горячѣй и горячѣй.

— Приходитъ къ намъ Іеремія, волкъ дикій, чующій носомъ козацкую кровь, и союзниковъ нашихъ всѣхъ перехватываетъ... Раненъ Скиданъ... Погибъ Сикирявый... Бордюгъ! Мы уходимъ, панно, но не бѣжимъ, нѣтъ, а идемъ такой оборонной рукой, что ляхамъ не удается приблизиться къ намъ. О, если бъ ты видѣла, какъ отъ бѣшенства Ярема блѣднѣлъ, получая отовсюду желѣзный отпоръ! Но мы окапываемся, становимся таборомъ около Старицы... Поляки открываютъ штурмъ: самъ Ярема ломаетъ крылья своихъ гусаръ о наши возы. Съ пѣною у рта бросается онъ съ тяжелою „гусаріей“ и стремительною „драгоніей“ на нашъ таборъ; но сколько не налѣталъ этотъ дьяволъ, а прорваться и разорвать нашъ лагерь ему не удалось. Тогда они выстроили громадные валы и втащили на нихъ пушки; ядра ихъ стали достигать до средины нашего табора. Мы съузили его и окопались валами. Они давай томить насъ штурмами, но мы ихъ перехитрили: ночью отрядъ отчаянныхъ удальцовъ вырвался изъ лагеря... Мы смѣшались съ рейстровыми и узнаемъ польскій военный пароль... бросаемся къ ихъ окопамъ.—„Есть ли языкъ?“—спрашиваетъ насъ часовой.—„Есть,—отвѣчаемъ мы,—больше чѣмъ надобно вамъ“—и кидаемся къ ихъ пушкамъ... Тревога поднимается во вражьемъ станѣ; но клянусь, пока они прибѣжали, мы заклепали ихъ пушкамъ затравки навѣки!

Лицо козака загорѣлось молодой удалью и нельзя было не заглядѣться на эту могучую красоту.

— Но что дѣлаетъ отъ безсильной злобы самъ польный гетманъ?—продолжалъ онъ, заскрежетавъ зубами,—будь онъ проклятъ, собака, на вѣки вѣковъ! Посылаетъ войска и на семь верстъ въ окружности выжигаетъ все до тла, вырѣзываетъ безъ сожалѣнія всѣхъ,—стариковъ, женщинъ, неповинныхъ дѣтей... Зарева отъ пожаровъ стоятъ передъ нами... Простой народъ бѣжитъ къ намъ въ таборъ и приноситъ вопли и стоны неповинныхъ людей... А мы,—вскрикнулъ онъ, встряхнувши такъ сильно молодое дерево, что листья посыпались кругомъ,—мы не можемъ броситься изъ табора и растерзать этого страшнаго пса, эту шипящую гадину на тысячи кусковъ!

— Боже, Боже! —вырвалось у Ганны со слезами,—Ты-же видишь все и молчишь...

— Да, панно,—продолжалъ Богунъ,—этотъ звѣрюка съ аспидомъ Яремой разлили потоки неповинной крови, но насъ не сломили. Они открыли самую свирѣпую осаду: къ намъ не допускали никого, а къ нимъ все прибывали и прибывали свѣжіе запасы и войска; отъ ржанія ихъ коней у насъ не слышно было голоса другъ друга. Въ таборѣ поднялся голодъ; его увеличивали прибывавшія массы люду, спасавшіяся отъ убійцъ и грабителей. Эти несчастные въ концѣ концовъ насъ погубили. На всѣ просьбы и уступки Гуни—онъ только молилъ за козачьи права и за пощаду невинныхъ—эти псы отвѣчали лишь усиленными штурмами, и клянусь честью козацкой, что каждый штурмъ имъ дорого стоилъ и не давалъ ни пяди земли! Но голодъ одолѣлъ не насъ, а эту несчастную непривычную голытьбу. Она начала роптать, что дальнѣйшее сопротивленіе—безумство, что оно вызоветъ лишь бо́льшую месть, и просила, требовала, чтобъ мы сдались на вельможную милость. Мы возмущались, сопротивлялись, но „черная рада“ [1])—такъ и порѣшила. Не отстоялъ своей воли на ней Гуня: побоялся, очевидно, измѣны, выдачи старшинъ, а потому, кто рискнулъ своею буйною головой прорваться сквозь цѣпь враговъ, тотъ не подчинился „радѣ“; остальные же сдались на панскую милость.

Козакъ замолчалъ. Молча стояла и Ганна, съ лицомъ блѣднымъ, какъ бы за одно мгновеніе похудѣвшимъ, съ глазами, широко раскрытыми, глядящими съ ужасомъ въ темнѣющую даль.

Съ дальнихъ болотъ подымался сѣроватый туманъ, тишину прерывалъ только тоскливый стонъ ночной птицы, тихо падалъ съ вѣтвей влажный отяжелѣвшій листъ.

— Что дѣлать? Что дѣлать?—слетѣло едва слышно съ побѣлѣвшихъ губъ Ганны.—Неужели погибло все?

— Нѣтъ!—вскрикнулъ Богунъ, энергически хватаясь за саблю, и глаза его сверкнули молніей,—имъ не согнуть насъ! Мы ищемъ Богдана... посовѣтоваться... написать петицію къ королю. Покуда еще осталась хоть капля козацкой крови, борьба будетъ идти не на жизнь а на смерть!

— На смерть! На смерть!—лихорадочно подхватила за нимъ Ганна, поднимая къ небу руки,—и Богъ отъ насъ не отступится!...

По широкимъ ступенямъ крыльца поднялись Ганна съ Богуномъ въ будынокъ. Просторныя сѣни дѣлили его на двѣ отдѣльныя половины: налѣво помѣщались горница и писарня пана Богдана,

[1]) Рѣшеніе черни.

направо была свѣтлица и покои самой пани съ обширною при нихъ хатой, въ которой долгими зимними вечерами, при свѣтѣ „каганцевъ", дивчата и молодицы собирались прясть, мережить сорочки, ткать полотна и ковры Ганна распахнула дубовую одностворчатую дверь и вошла въ большую горницу.

Налѣво отъ двери въ большой печи, имѣвшей нѣчто среднее между очагомъ и „грубкой", пылалъ веселый огонь. Печка вся была обложена зеленоватыми изразцами, на которыхъ были разрисованы яркими красками всевозможныя бытовыя картины: панна въ колымагѣ, дивчына съ прялкой, козакъ на бочкѣ и цѣлое собраніе диковинныхъ, никогда небывалыхъ птицъ, рыбъ и звѣрей. Бѣлыя стѣны комнаты до половины были обвѣшены „коцями" (узкими и длинными ковриками), а между оконъ висѣли длинные персидскіе „килимы", ковры. Самыя окна были небольшія, поднимавшіяся половиной рамы вверхъ; но всѣ стеклушки въ нихъ были отдѣланы въ круглыя оловянныя гнѣзда; надъ окнами висѣли шитые бѣлоснѣжные рушники. Вдоль стѣнъ шли длинныя рѣзныя дубовыя полки; серебряные кубки, фляжки и тарелки живописно красовались на нихъ. Свѣтъ огня игралъ на блестящей посудѣ яркими пятнами и придавалъ комнатѣ еще болѣе нарядный видъ. У стѣнъ стояли широкія липовыя лавы со спинками, покрытыя краснымъ сукномъ; такіе же маленькіе „дзыглыкы" или „ослончики" (деревянные табуреты), обитые тоже краснымъ сукномъ, стояли вокругъ стола. Весь передній уголъ занятъ былъ дорогими иконами; шитыя полотенца, вѣнки изъ сухихъ цвѣтовъ окружали ихъ. Большая серебряная лампада освѣщала темные лики святыхъ красноватымъ свѣтомъ. Подъ иконами стоялъ длинный гостепріимный столъ, покрытый бѣлою скатертью; хлѣбъ и соль лежали на немъ.

Черезъ длину всей комнаты, подъ чисто выбѣленнымъ потолкомъ, посрединѣ тянулся толстый дубовый „сволокъ" — балка, съ вымереженнымъ красивымъ узоромъ. Посреди него снизу вырѣзанъ былъ старинный восьмиугольный крестъ, а подъ нимъ стояли слова: „Року Божого, народженія Христова 1618, храмину сію збудовалъ рабъ Божій Михаилъ Хмель, подстароста Чигиринскій". Съ одной стороны „сволока" было вырѣзано большими славянскими буквами: „блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ", а съ другой стороны стояло: „да благословитъ домъ сей десница Твоя".

И на Богуна, и на Ганну пахнуло сразу теплomъ, уютностью и радостью жизни. Двое близнецовъ сидѣли на корточкахъ у каминка, подбрасывая сухія щепочки и дрова; ихъ личики раскраснѣлись отъ жара, и веселый смѣхъ наполнялъ пышную свѣтлицу. Небольшая дверь въ сосѣднюю горенку была открыта; изъ-за нея

виднѣлась широкая, обложенная бѣлыми подушками, кровать; на ней лежала жена Богдана, приподнявшись на локтѣ, стараясь слѣдить за живительнымъ огонькомъ. Подлѣ нея прикурнула Катря, а въ ногахъ, подперши щеку рукой, сидѣла приходившая къ Ганнѣ старушка.

Богунъ снялъ шапку и керею, поклонился иконамъ, а Ганна обратилась громко къ Богданихѣ, стараясь придать своему голосу веселый тонъ:

— Титочко, посмотрите-ка, я вамъ гостя привела.

— Кого, кого?—всполошилась больная и, увидѣвъ Богуна, вскрикнула радостно:—а! Иванъ! Иди, сыну, сюда!

Богунъ перешагнулъ черезъ порогъ, склонившись подъ низкою дверью. Въ этой маленькой комнаткѣ было затхло и душно: всюду торчали засунутыя за „сволокъ“ сухія пахучія травы; пучки ихъ висѣли и по стѣнамъ, и подлѣ иконъ; тамъ же теплилась и лампадка; большія сулеи и маленькія бутылки стояли на окнахъ. Пахло мятой и яблоками.

Богданиха приподнялась на локтѣ къ нему навстрѣчу, а Богунъ склонился къ ея рукѣ.

— Ну, какъ вамъ, титочко? Давно не видѣлъ васъ...

— Что обо мнѣ, сыну!—перебила его прерывающимся голосомъ больная,—съ Богомъ не биться... А вотъ, что съ Богданомъ, не слыхалъ ли ты? Душой вся измучилась. Сердце за него мое переныло.

— Благодарите Бога, титочко,—съ Богданомъ благополучно: онъ въ Кодакѣ... Вернется вѣрно съ Конецпольскимъ.

— Матерь Божья, Царица Небесная!—подняла больная глаза къ темному лику, крестясь исхудалой рукой.—Ты услышала мою молитву! Ганна, голубко... акаѳистъ бы завтра отслужить!

— Хорошо, титочко,—отвѣтила Ганна, останавливаясь въ дверяхъ.

— Ну, а ты присядь, мой голубь,—обратилась больная къ Богуну, указывая на „ослончикъ“ возлѣ себя,—присядь... ты „издорожился“ вѣрно... Да разскажи намъ, что тамъ съ нашими козаками? Вѣсти худыя отовсюду спѣшатъ... Ты вѣрно знаешь... Скажи!

— И вѣсти худыя спѣшили недаромъ!—мрачно понурившись, отвѣтилъ Богунъ.—Погибло все, сдались козаки... Потоцкій и Ярема разгромили таборъ.

Тихій женскій плачъ наполнилъ комнату. Никто не утѣшалъ никого. Старуха плакала, покачивая головой, и маленькая Катря рыдала, прижавшись къ матери; даже „близнятки“ со страхомъ прильнули къ Ганнѣ, вытирая кулакомъ глазки. Никто не говорилъ

ни слова; казалось, покойникъ лежалъ на столѣ. Наконецъ, больная отерла глаза и обратилась къ Ганнѣ:

— Что-жъ, Ганнуся, на все Божья воля... Будемъ Его милости просить... А ты приготовь людямъ добрымъ вечерю... Идите дѣтки, идите, милые,—проговорила она ласково, кладя дѣтямъ на голову руки,—вечеряйте на здоровье, покуда еще есть хоть кровъ надъ вашею головой.

Подали на столъ высокія свѣчи въ мѣдныхъ шандалахъ, появилась незатѣйливая, но обильная вечеря и пузатыя фляжки меду и вина. Богуна усадили въ передній уголъ; дѣти и старуха-нянька умѣстились по сторонамъ. Дверь скрипнула и въ комнату вошли еще три обитателя: старый дѣдъ-пасѣчникъ, а за нимъ козакъ средняго роста, необычайно широкій въ плечахъ. Одѣтъ онъ былъ очень просто; лицо его было угрюмо и некрасиво; узкіе глаза смотрѣли изподлобья; брови поднимались косо къ вискамъ; сквозь разсѣченную пополамъ верхнюю губу выставлялись большіе лопастые зубы. За козакомъ вошелъ и молодой, лѣтъ 13-ти хлопчикъ, старшій сынъ Богдана, Тимко, ученикъ знакомаго уже намъ профессора. Лицо мальчика было не изъ красивыхъ, совершенно рябое отъ оспинъ и веснушекъ, съ свѣтло-карими, смотрѣвшими остро глазами.

— Ганджа!—изумился Богунъ, при видѣ вошедшаго козака,—какимъ родомъ изъ Сѣчи?

— Далъ слово Богдану... доглядать семью, хуторъ—отвѣтилъ тотъ хриплымъ голосомъ, и затѣмъ прибавилъ, бросая на него изподлобья угрюмый взглядъ,—все знаю... не говори ничего...

Богунъ вздохнулъ тяжело и отвернулся; его взглядъ упалъ на молодаго хлопца, что неуклюже стоялъ возлѣ стола, словно не въ своей одежѣ.

— Тимошъ? Ей-Богу, не узналъ,—обнялъ Богунъ покраснѣвшаго „хлопца“.

Ужинъ начался въ мрачномъ молчаніи. Ганджа ѣлъ много и скоро, пилъ и того больше; изъ остальныхъ почти никто не прикасался ни къ пищѣ, ни къ питью.

— Нужно въ частоколѣ перемѣнить двѣ пали,—не подымая головы, обратился къ Ганнѣ Ганджа,—осматривалъ, подгнили двѣ совсѣмъ.

— Ну что-жъ, тамъ есть дерево.

— Не годится... нужно дубъ... срубить въ „гаѣ“.

— Тутъ жалко, а въ круглякѣ?

— Далеко... нужно заразъ.

— Тамъ, отъ рова, есть какъ разъ такой,—угрюмо замѣтилъ Тимко.

— Жалко, Тимосю.

— Не срубимъ—еще жальче будетъ,—коротко возразилъ Ганджа, выпивая свой кубокъ,

— О, Господи, Господи, Господи!—прошептала старуха, покачивая головой.

Снова наступило молчаніе, перерываемое только тихими стонами больной.

— Да еще мнѣ съ коморы... пищалей,—снова обратился Ганджа,—нужно раздать...

— И мнѣ Ганно, и мнѣ,—оживился дѣдъ,—даромъ, что я старый, а еще постоять съумѣю... Ого-го! Будутъ они знать, мучители проклятые!—дѣдъ задрожалъ и смахнулъ съ глаза поспѣшно слезу.—Я имъ, псамъ, ульями разсажу головы!

Всѣ молчали.

Андрійко уронилъ ложку; всѣ переглянулись, и опять—то же суровое молчаніе.

— Ганджа!—обратился къ нему Богунъ,—я остаюсь на ночь въ хуторѣ.

— Добре,—взглянулъ на него многозначительно Ганджа,—но при людяхъ не ходи... Разосланы „батавы“... хватаютъ.

— Проклятіе!—прошипѣлъ Богунъ, ударяя кулакомъ по столу.

Настало молчаніе, да такъ и не прорвалось до конца вечери.

— Дай мнѣ, Ганно, ключъ отъ погреба,—заявилъ Ганджа, уже подымаясь отъ стола,—выкатить пороху боченокъ, свинцу...

— Я съ дядькомъ пойду,—сказалъ не то съ просьбой, не то заявилъ лишь Тимошъ.

Ганна молча согласилась, молча сняла ключъ и молча передала черезъ Тимоша Ганджѣ; тотъ нахлобучилъ на брови шапку и вышелъ въ сопровожденіи дѣда и хлопца.

Помолилась старуха на образъ и, взявши за руки дѣтей, хотѣла ихъ увести, но маленькій Андрійко заартачился.

— Я не пойду спать... я не пойду до „лижка“.., я къ козакамъ хочу.

— Что ты, блазень? Спать пора... и то засидѣлся,—проворчала коротко старуха.

— Не хочу!—упорствовалъ капризно Андрійко.—Тимка пустили, и я пойду оборонять. Галю, Галюсю!—подбѣжалъ онъ къ Ганнѣ,—пусти меня къ дядькѣ Ивану ляховъ бить!

— А ихъ же какъ оставишь однихъ? вмѣшался Богунъ, погладивъ хлопчика по головкѣ.

— Да, насъ некому защищать здѣсь,—улыбнулась и Галя.

— Такъ я,—подумалъ нѣсколько хлопчикъ,—останусь здѣсь возлѣ тебя, а все-таки,—упорно онъ топнулъ ногою,—все-таки, бабусю, спать не пойду... я буду цѣлую ночь стеречь Галю... вотъ только захвачу лукъ и стрѣлы.

— Ишь, что выдумалъ,—начала было няня; но Галя подмигнула ей бровью.

— Оставьте его,—сказала она,—онъ козакъ,—и когда хлопчикъ побѣжалъ за оружіемъ, добавила:—онъ уснетъ сейчасъ... я его принесу.

Няня, покачавъ головой, вышла. Двѣ черноволосыхъ дѣвушки убрали со стола вечерю, оставивъ Богуну лишь фляжку да кубокъ.

Ганна подвинула къ огню высокій „дзыглыкъ“, а вернувшійся съ лукомъ и стрѣлами Андрійко усѣлся на скамеечкѣ у ея ногъ. Лицо ея было печально и блѣдно, но ни тѣни страха не отражалось на немъ: Богунъ склонилъ голову на руку и, казалось, думалъ о чемъ то горько и тяжело; огонь отъ каминка освѣщалъ ихъ. Такъ тянулись мучительныя безмолвныя минуты.

— Что-жъ,—произнесъ, наконецъ, Богунъ, подымая голову,—снова бѣги отсюда... являйся лишь по ночамъ, какъ пугачъ, сторонись свѣта Божьяго и добрыхъ людей!

— Куда-жъ ты, козаче, поѣдешь?—подняла на него Ганна свои глубокія, сѣрыя очи.

— На Запорожье, панно: одна у меня родина, одна матерь, одинъ пріютъ!—съ горечью воскликнулъ козакъ.

Ганна молчала, рука ея задумчиво скользила по волосамъ ужъ дремавшаго ребенка.

А Богунъ продолжалъ съ возрастающей горечью:

— И нѣтъ у меня, панно, на цѣлой Украйнѣ теплаго своего „кутка“... Вотъ я гляжу на тебя и вспоминаю; была, вѣдь, когда-то и у меня мать, гладила и она когда-то такъ головку малаго сына... Только не помню я ни батька, ни матери... убили ляхи... все отняли, псы проклятые,—и радость, и волю, и права!

Красивая голова козака опустилась на грудь.

— Гдѣ же ты выросъ, козаче, и какъ?—тихо спросила Ганна.

— Не знаю, кто привезъ меня на Запорожье, панно, только вскормили меня братчики-сѣчовики... Не пѣла надо мной мать нѣжныхъ, жалобныхъ пѣсенъ—звонъ оружія, да „сурмленіе“ запорожскихъ трубъ привыкъ я слушать съ дѣтской поры! Не чесала мнѣ „ненька“, не мыла головки—чесали мнѣ ее терны густые, да дожди дробные. Не сказывала родная мнѣ тихихъ разсказовъ—ревѣлъ передо мною Славута-Днипро! Не ласку женскую слышалъ я съ дѣтства, а строгій козацкій наказъ!

— За то они научили тебя, козаче, той безпредѣльной отвагѣ,—съ чувствомъ произнесла Ганна,—которая вознесла тебя между всѣхъ козаковъ.

— Такъ, панно, такъ!—вскрикнулъ Богунъ, подымаясь съ лавы, и глаза его загорѣлись молодой удалью, и неотразимо прекраснымъ стало отважное лицо.—Они научили меня не дорожить жизнью и славу козацкую добывать. Съ тѣхъ поръ нѣтъ страха въ этой душѣ. Люблю я летѣть въ „чайкѣ“ подъ свистомъ бури, чтобъ вѣтеръ рвалъ парусъ на клочья и мачтой ралилъ по сѣдой вершинѣ волны. Люблю я мчаться степью въ перегонку съ буйнымъ вѣтромъ... Люблю летѣть въ толпу враговъ впереди войска, гарцовать на кровавомъ пиру, смерти заглядывать въ очи и дразнить безумной отвагою смерть...—Богунъ остановился и перевелъ дыханіе; грудь его высоко подымалась.

Блѣдныя щеки Ганны покрылъ легкій румянецъ; она засмотрѣлась на козака; Андрей, склонивши голову, спалъ у ея ногъ.

— Вотъ видишь ли, козаче, душа твоя вся въ войсковой справѣ,—тихо сказала Ганна; но Богунъ перебилъ ее горько:

— Такъ, панно... Но близкихъ нѣтъ у меня никого.

— Ты говоришь о близкихъ,—поднялась стремительно Ганна,—что близкіе люди, когда вся Украйна протягиваетъ къ вамъ, къ тебѣ руки? Что женскія и дѣтскія слезы, когда слезы тысячей бездольныхъ рвутся къ вамъ съ воплями?

— Клянусь Богомъ, ты говоришь правду, Ганно,—вскрикнулъ козакъ, не отводя отъ дѣвушки своихъ восторженыхъ глазъ,—но есть ли гдѣ на цѣломъ свѣтѣ такое чудное сердце, какъ у тебя, Ганно?

— Развѣ я одна?—вспыхнула Ганна.—Всякій долженъ положить сердце за родину...

— Да! Ты права,—поднялъ козакъ къ иконамъ глаза,—все это сердце—для родины, вся кровь до послѣдней капли будетъ литься на погибель іудамъ-врагамъ!... Но въ эту минуту,—заговорилъ онъ болѣе тихо, подходя къ Ганнѣ,—когда мнѣ надо бѣжать отсюда, скрываться въ пустынныхъ ярахъ, бросаться въ новую сѣчу,—въ эту минуту, Ганно, нѣтъ у меня любящей руки, которая обняла бы козацкую голову, положила бы на нее благочестивый крестъ!..

Богунъ стоялъ передъ Ганной, и его отважное и закаленное въ бояхъ лицо было грустно въ эту минуту, а глаза глядѣли печально и мягко.

Ганна тихо подняла на него свои серьезныя, влажныя очи.

Вдругъ въ дубовыя ворота ограды раздалось нѣсколько дерзкихъ, поспѣшныхъ ударовъ... Ганна вздрогнула и застыла на мѣстѣ .. Богунъ обнажилъ свою саблю... Раздался короткій топотъ. Кто-то поспѣшно взбѣжалъ на порогъ. Распахнулась дубовая дверь: на порогѣ стоялъ Ахметка, блѣдный, измученный, съ комьями грязи на жупанѣ и на лицѣ.

— Спасайте! — крикнулъ онъ прерывающимся голосомъ. — Батько схваченъ.. заключенъ въ Кодакѣ!

VI.

У коронаго гетмана, каштеляна Краковскаго, Станислава Конецпольскаго, въ его старостинскомъ замкѣ, въ Чигиринѣ, идетъ великое пированіе. Гости размѣщены по достоинствамъ въ разныхъ покояхъ, а самая отборная знать собралась въ трапезной свѣтлицѣ. Комната эта была отдѣлана съ чрезвычайной роскошью, для чего приглашены были гетманомъ знаменитые волошскіе мастера. Довольно обширная комната о трехъ высокихъ стрѣльчатыхъ окнахъ вся отдѣлана дубомъ да ясенемъ, да еще заморскимъ диковиннымъ деревомъ; высокій потолокъ крестами пересѣкаютъ частыя, мережанныя дубовыя балки; образовавшіеся между ними квадраты блестятъ полированнымъ свѣтлымъ ясенемъ съ причудливыми рѣзными бордюрами, фестонами и рельефными наугольниками, а посрединѣ каждаго квадрата виситъ искусно вырѣзанная изъ розоваго дерева виноградная гроздь. Стѣны тоже выбиты ясенемъ, такъ гладко, что пазъ даже незамѣтно, и отливаютъ онѣ нѣжно палевымъ мраморомъ. Вверху вдоль стѣнъ лежитъ широкимъ бордюромъ барельефъ изъ темнаго дуба, изображающій гирлянды фруктовъ, перевитыя виноградной лозой. По стѣнамъ на ясень наложены изъ дорогого орѣха продолговатые медальоны, украшенные сверху гербами; на медальонахъ художественно изображены мозаикой изъ цвѣтного дерева охотничьи сцены. Между этими медальонами торчатъ головы лосьи, косульи, кабаньи. Полъ искусно выложенъ въ узоръ разноцвѣтными изразцами. Съ потолка спускаются двѣ люстры, выточенныя тоже изъ дуба, а въ четырехъ углахъ стоятъ медвѣжьи чучела съ свѣчницами въ лапахъ. На дверяхъ и окнахъ висятъ тяжелыя штофныя занавѣси бронзоваго темнаго цвѣта.

Посрединѣ трапезной свѣтлицы стоитъ длинный столъ, накрытый пятью бѣлоснѣжными скатертями, подобранными фестонами такъ искусно, что всѣ онѣ бросаются сразу въ глаза и даютъ гос-

тямъ знать, что обѣдъ будетъ состоять изъ пяти перемѣнъ. На столѣ блеститъ всякая серебряная и золотая посуда затѣйливыхъ формъ съ барельефами шаловливыхъ похожденій боговъ; посрединѣ въ вычурныхъ хрустальныхъ сосудахъ пѣнится черное пиво и искрится оранжевый легкій медъ, а между ними въ перемежку стоятъ золотые кувшины, съ тонкими длинными шейками; они изукрашены пестрой, въ восточномъ вкусѣ, эмалью и наполнены настоянной на листьяхъ, корняхъ, травахъ и спеціяхъ водкой. Винъ еще нѣтъ: въ старину подавались онѣ уже послѣ обѣда, вмѣсто десерта.

Въ люстрахъ зажжены восковыя свѣчи; у медвѣдей въ лапахъ горятъ тоже свѣчницы, а на столѣ стоятъ еще три массивныхъ золотыхъ канделябра со множествомъ зажженныхъ свѣчей. Пламя ихъ колеблется, трепещетъ на полированныхъ стѣнахъ, лучится въ золотыхъ кувшинахъ и кубкахъ и сверкаетъ алмазами въ граняхъ хрусталя.

За столами, на дубовыхъ стульяхъ съ высокими спинками, увѣнчанными рѣзными гербами, возсѣдаетъ именитое, титулованное панство, а вокругъ столовъ шумно суетится многочисленная прислуга, за которой наблюдаетъ почтенный согбенный дворецкій. Возлѣ каждаго вельможнаго пана стоитъ за спиной еще по одному приближенному клеврету, а подъ столами и между прислугой шныряютъ собаки — и густопсовыя, и волкодавы, и медвѣжатники.

На среднемъ господарскомъ мѣстѣ сидитъ самъ хозяинъ, выглядывающій теперь еще болѣе моложавымъ и свѣжимъ; по правую руку отъ него почетнѣйшее мѣсто занялъ князь Вишневецкій, а по лѣвую—патеръ Дембовичъ,—худая, желтая фигура, въ черной сутанѣ. За княземъ сидитъ молодой щеголь, князь Любомірскій, далѣе—тучный, среднихъ лѣтъ, князь Корецкій, комисаръ запорожскихъ войскъ Петръ Комаровскій и инженеръ Бопланъ; за патеромъ сидятъ: серьезный и симпатичный воевода панъ Калиновскій, пожилыхъ лѣтъ съ слащавою улыбкой черниговскій подкоморій Адамъ Кисель, изрытый оспой Чарнецкій, ротмистръ Радзѣевскій и другая вельможная шляхта, удостоенная почетнаго мѣста за этимъ столомъ. Теперь одежда на всѣхъ сотрапезникахъ играетъ яркостью цвѣтовъ венеціанскаго бархата, турецкаго „блаватаса“, московскаго „златоглава“, блистаетъ золотомъ, искуснымъ шитьемъ, сверкаетъ драгоцѣнными камнями на запястьяхъ. Шумъ стоитъ необычайный въ этомъ трапезномъ покоѣ: паны спорятъ, бряцаютъ оружіемъ; слуги толкаются, роняютъ посуду и ругаются вслухъ; собаки рычатъ и грызутся за брошенные куски со стола.

На столѣ вовсе нѣтъ нашихъ современныхъ горячихъ щей, борщей, суповъ и т. д., а навалено грудами на серебряныхъ полумискахъ и мискахъ всякаго рода и приготовленія мясо, медвѣжьи и вепрьи окорока, поросята, маринованная бужанина, отварная въ острой чесночной подливкѣ баранина, воловьи языки подъ сливами, курятина подъ „сафоркою“ и сало. Гости тащатъ руками облюбованные куски на свои тарелки и распоряжаются ими при помощи ножа, исключительнѣе—пальцевъ; недоѣденные куски бросаютъ собакамъ, а излишніе передаютъ своимъ клевретамъ.

— Что же это, дорогіе гости мои, вельможное панство, „келеховъ“ (чаръ) вы не трогаете?—привѣтливо обращается ко всѣмъ гостепріимный хозяинъ.—„Вѣкъ нашъ круткій, выпіемъ вудки.

— Правда, правда!—отозвались кругомъ.—За здоровье ясновельможнаго пана гетмана и каштеляна! – поднялись „келехы“ вверхъ.

— И за ваше, пышное панство,—улыбается всѣмъ хозяинъ и опоражниваетъ солидную чару.—Что же князь не дѣлаетъ чести моимъ поварамъ?

— Да я, ясновельможный пане Краковскій, плохой ѣдокъ... А его гетманская мосць не знаетъ еще, какой результатъ послѣдуетъ въ сеймѣ на петиціи козаковъ?

— Вѣроятно, откажутъ.

— А намъ на сеймикахъ нужно подготовить...

— Конечно... Но отвѣдай, княже, „вепржинки“,—подложилъ два куска Конецпольскій,—поросятина сама себя хвалитъ... А ваша велебность?

— Я занялся бужанинкой, ясновельможный гетмане: не о единомъ бо хлѣбѣ...

— А панъ подкоморій что же такъ плохъ?—обратился хозяинъ и къ Киселю.

— Вниманіе ясновельможнаго пана гетмана дороже для меня всѣхъ снѣдей,—отвѣтилъ тотъ сладко:—подобно источнику въ пустынѣ, оно насыщаетъ душу величіемъ чести, а сердце—преданнѣйшими чувствами къ ясной мосци...

— Спасибо, пане; однако, нельзя же обижать и утробу.

— Она, ваша ясновельможность, не будетъ забыта: въ гетманскомъ замкѣ обиліе неисчерпаемое, а панское гостепріимство и щедроты извѣстны на всю корону.

Вишневецкій поморщился отъ такихъ хвалебныхъ гимновъ хозяину и, бросивъ презрительный взглядъ въ сторону Киселя, обратился къ Дюбомірскому, кормившему въ это время собаку.

— Отличная борзая! Гдѣ его княжья мосць добылъ такого?

— У одного мурзы, княже; песъ беретъ волка съ налету... по силѣ и по быстротѣ не имѣетъ соперника.

— Но...— откинулся назадъ Вишневецкій и подкрутилъ усъ,— князь не знаетъ еще моей псарни... А любопытно, что взялъ за пса мурза?

— Пустое,—двадцать хлопокъ на выборъ.

— Ай, ай!—покачалъ укорительно головой Конецпольскій — такое пренебреженіе къ прекрасному полу!

— Прекрасный полъ? Ха, ха!—разразился смѣхомъ князь Любомірскій,—панъ гетманъ обижаетъ нашихъ дамъ, называя такъ подлое быдло.

— Князь еще молодъ, и въ этомъ случаѣ опытность, конечно, за мной: булка можетъ пріѣсться и взамѣнъ ея изрѣдка кусокъ ржаного хлѣба превкусенъ... Неправда ли, панове?

— Правда, правда!—оживились многіе, а патеръ, вспыхнувъ, скромно и невинно опустилъ долу очи.

Шумъ, крики, хохотъ и плоскія остроты перемѣшались со стукомъ стульевъ и звономъ стакановъ.

Конецпольскій задумался; Кисель вздохнулъ, а Радзіевскій, пожавъ плечами, обратился тихимъ шепотомъ къ сосѣду.

Первая скатерть была снята, а на чистую вторую принесены были и разставлены рыбныя блюда: въ серебряномъ массивномъ корытѣ, на пряномъ гарнирѣ, лежалъ угрюмо осетръ; въ позолоченныхъ, фигурныхъ лоханкахъ пышилась и парилась стерлядь; на „полумискахъ“, въ сладкой, красной фруктовой подливкѣ, оттопыривали важно бока коропы; на большихъ сковородахъ нѣжились въ подрумяненной сметанѣ караси, а на изразцовой длинной доскѣ лежала огромная фаршированная по-жидовски щука.

— Ясное панство,—угощалъ радушный, любившій и самъ покушать, хозяинъ: обратите вниманіе на это чудовище,—указалъ онъ на осетра,—изъ Кодака гость; теперь у меня ихъ ловятъ тамъ и въ бочкахъ сюда доставляютъ живьемъ.

— Попробуемъ, попробуемъ,—раздались голоса,—этого козацкаго быдла!...

— Присмирѣло, небось, ударившись о кодацкія стѣны,—замѣтилъ комисаръ Комаровскій.

— О, cerfenement! Онѣ отшибутъ хвостъ,—добавилъ самодовольно Бопланъ.

— А безхвостые попадаютъ въ гетманскія бочки,—сверкнулъ зелеными глазами Чарнецкій.

— И служатъ лишь для утучненія шляхетскихъ тѣлесъ,—подмигнулъ Любомірскій на Корецкаго, уписывавшаго осетра.

— Ха, ха, ха! Браво, браво, княже!—загремѣло кругомъ,—великая за то слава коронному гетману, пану хозяину!

Кодакъ составлялъ гордость и больное мѣсто для гетмана, а потому съ особенно ласковою улыбкой поблагодарилъ онъ за доброе слово пышныхъ гостей; но надменному Вишневецкому это хвастовство Кодакомъ не понравилось; пятнистое лицо его искривилось злобной улыбкой, и онъ, прищуривъ высокомѣрно глаза, ѣдко замѣтилъ:

— Не выловить Кодаку осетровъ, пока не явлюсь на Низы я съ своими баграми и неводомъ!

— Княжья удаль и храбрость извѣстны,—мягко отвѣтилъ хозяинъ.—Но Марсъ теперь къ намъ не взываетъ, а взываетъ лишь Бахусъ.. И этого веселаго божка намъ нужно почтить, пышное панство, тѣмъ болѣе, что и вѣкъ нашъ не „длугій", то и выпьемъ по „другій"... За здоровье моего почтеннаго гостя и славнаго рыцаря, яснаго князя Вишневецкаго!—поднялъ онъ „келехъ".

— Виватъ, виватъ!—зашумѣла шляхта и полѣзла чокаться съ княземъ; но тотъ отвѣчалъ холодно, не осиливъ еще вспыхнувшей злобы.

Сняли слуги вторую скатерть и уставили столъ третьей перемѣной блюдъ. Появились въ глубокихъ мискахъ и чашахъ разные соусы, паштеты, каши, пироги, вареники, бигосы и крошеное въ кваскѣ сало. За третьей скатертью слѣдовала уже главная перемѣна—жаркія; здѣсь уже фигурировала больше всякаго рода дичь: лосина, сайгаки, зайцы, дрохвы, стрепеты, утки и гуси. Все это было искусно зажарено и изукрашено диковинно хитро. Къ жаркому поданы были цѣлыя вазы разныхъ соленій и маринадовъ.

И третья, и четвертая перемѣны были такъ лакомы для гостей, что они приберегали особенно для нихъ свой аппетитъ, поддерживая его спеціальными настойками, и таки одолѣли, наконецъ, все и молча теперь отдувались, обливаясь потомъ.

Изъ дальней свѣтлицы доносилось уже нестройное пѣніе.

„Сидѣла голубка на соснѣ,
Запѣла голубка по веснѣ:
„Охъ, охъ!
Кто не любитъ князь-Яремы,
Его жонки Розалемы,
То пусть бы издохъ!"[1])

[1]) Польская пѣсенка того времени.

Снявъ четвертую скатерть и убравъ всю посуду, слуги поставили среди стола огромные золотые жбаны и хрустальные кувшины, наполненные старымъ венгерскимъ, дорогимъ рейнскимъ, золотистою малагой, а между ними размѣстились скромно украшенныя вѣковымъ мохомъ и плесенью бутылки литовскаго меду. Поставивъ передъ каждымъ гостемъ еще по два золотыхъ кубка, слуги, наконецъ, совершенно удалились изъ этой свѣтлицы; одинъ лишь дворецкій остался у дверей для выполненія панскихъ желаній.

— Ну, мои дорогіе гости, теперь и до „венгржины“,—налилъ Конецпольскій сосѣдямъ и себѣ кубки.— Еще дѣдовская, изъ старыхъ погребовъ... Сдѣлаемъ же возліяніе румяному богу. Эхъ, подобало бы сіи жертвоприношенія творить совмѣстно съ усладительницами нашей бренной жизни; но я здѣсь по походному, въ пустынѣ, въ „халупѣ“, и лишенъ очаровательныхъ фей...

— Я, напротивъ, этому обстоятельству радъ,—замѣтилъ сухо Ярема,—вино и женщины, панове, у насъ становятся, кажется, единственнымъ кумиромъ, и я боюсь, чтобъ ему въ жертву не была принесена наша отвага и доблесть!

— Во вѣки, княже!—брязнули въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сабли.

— Да хранитъ ее Богъ!— попробовалъ патеръ вино и одобрительно почмокалъ губами.

— Въ моихъ погребахъ лучшее,—шепнулъ Любомірскій Яремѣ.

— При томъ Марсъ любовался Венерой,— поднялъ гетманъ свой кубокъ,—и отъ этого его мечъ не заржавѣлъ. Такъ за красоту, панове, и за мужество, за этотъ вѣчный прекрасный союзъ!

— За нихъ, за нихъ и за нашъ добрый, веселый „гуморъ!“,— раздались вокругъ голоса.

— И за наше добродушіе и врожденную истымъ шляхетскимъ родамъ милость!—добавилъ Кисель.

— Великую истину изрекъ панъ,—одобрилъ Киселя молчавшій до сихъ поръ Калиновскій.

— Тѣмъ паче,—заключилъ Радзіевскій,—что ласка Фортуны располагаетъ къ кичливой гордынѣ и злу.

Конецпольскій сочувственно наклонилъ голову; остальные крикнули „виватъ“ и осушили весело кубки.

Поднялся говоръ и смѣхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и хвастовство другъ передъ другомъ оружіемъ, погребами, конями и псами.

— Рекомендую вашимъ вельможностямъ и малагу,— угощалъ радушный, привѣтливый гетманъ,—маслянисто и ароматна... Отвѣдайте, ваша велебность... Теперь вѣдь мы можемъ предаваться съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ земнымъ радостямъ, ибо, благодаря его княжьей мосци, гидрѣ мятежа срѣзаны головы...

— Не всѣ, ваша мосць, панъ Краковскій: есть еще одна голова на Запорожьѣ, и повторяю тысячу разъ вамъ, панове,—застучалъ ножемъ по столу князь Ярема, поднявъ до рѣзкихъ нотъ голосъ,—пока эта голова не отсѣчена, не знать коронѣ покоя. Змій этотъ мятежный живучъ, у него на мѣсто отрубленныхъ головъ выростаютъ новыя...

— Плетями ихъ, „канчуками“ собьемъ,—отозвались нѣкоторые изъ подвыпившей шляхты,—какъ съ лопуха листья!

— Ха, ха! Какъ вы самонадѣянны—презрительно засмѣялся Ярема,—воображаете козака клочьемъ... Да у этихъ собакъ такіе волчьи зубы, что и медвѣдей изорвать могутъ. Мало ли пролито черезъ нихъ благородной шляхетской крови, въ пекло бы ихъ всѣхъ, къ сатанѣ въ ступу! Такъ это хваленое добродушіе,— ожегъ онъ Киселя стальнымъ, злобнымъ взглядомъ,—нужно по боку, къ „дьяблу“, а поднять слѣдуетъ желчь, пока она не смоетъ съ лица земли этихъ шельмъ!

— Dominus vobiscum произнесъ набожно патеръ и прибавилъ, нагнувшись къ гетману,—малага дѣйствительно отмѣнна, ей позавидовали бы и въ Римѣ.

— Смыть, разгромить и прахъ развѣять!—забряцали саблями многіе.

— Veni, vidi, vici и баста!—крикнулъ кто то изъ юныхъ.

— На погибель быдлу!—поддержалъ и князь Любомірскій.

Въ сосѣдней свѣтлицѣ поднялся шумъ; послышались брань и угрозы. Дворецкій, по зн ку гетмана, выбѣжалъ, захвативъ надворныхъ атамановъ, охладить разгоряченныя головы.

— Мое мнѣніе на этотъ счетъ мосця князь знаетъ,—съ достоинствомъ поднялъ голосъ гетманъ, и всѣ притихли.—Я глубоко убѣжденъ, что козаки... да, что козаки—наше храброе войско, и уничтожать ихъ—значитъ... значитъ—себѣ обрѣзывать крылья. Слѣдуетъ сократить, покарать, зауздать, поставить нашихъ вѣрныхъ начальниковъ, что я и сдѣлалъ,—указалъ онъ на Комаровскаго, который при этомъ поклонился.—Но Запорожье,—это... это нашъ пограничный оплотъ.

— Я размечу это чортово гнѣздо!—дернувъ стуломъ, синѣя и нервно дыша, крикнулъ Ярема.

— И этимъ бы причинилъ князь несчастье отчизнѣ,—загорѣлся огнемъ и Конецпольскій.— Нельзя истребить нашу лучшую пограничную стражу... да... лучшую. Она еще сослужитъ намъ службу, а разметать—это... это открыть татарамъ всю нашу грудь.

— Построить другой Кодакъ на мѣстѣ ихъ гадючьяго гнѣзда,—шипѣлъ Ярема,—третій, четвертый...

— Если бы князю удалось заковать даже Днѣпръ,—снисходительно улыбнулся Конецпольскій,—то какими... какими цѣпями перегородитъ онъ Буджакскія степи?

— Моими гусарами, драгунами,—съ пѣною у рта уже рычалъ князь.

— До первой погибели въ пустынѣ,—процѣдилъ гетманъ.

— Вѣрно, какъ Бога „кохамъ", — присовокупилъ Калиновскій,—наши не могутъ переносить пустынныхъ лишеній, а граница такъ безпредѣльна... Врагъ прорвется вездѣ.

— И тогда, княжья мосць,—замѣтилъ отдуваясь, Корецкій,—всѣ наши благодати обратятся лишь въ одно воспоминаніе.

— Никогда!—ударилъ по столу рукой князь.—Я за свою шкуру не боюсь и отстоять ее съумѣю... Только у страха глаза велики ..

— Не у страха, мосци-княже,—замѣтилъ сдержанно гетманъ,—а у благоразумія.

— Родные братья,—даже отвернулся Ярема.

— Не безумная отвага и ненависть,—уже дрожалъ Конецпольскій,—созидаетъ царства... созидаетъ и упрочаетъ благо... Нѣтъ! здѣсь нужны не запальчивость, а проницательность и благоразуміе... Вѣдь князь и вы, шляхетные панове, не должны забывать, что вѣдь это... это не завоеванная страна, а перешедшая добровольно... вмѣстѣ... Литва и она... И эти козаки и хлопы тутъ, до насъ, были у себя хозяевами.

— Да продлитъ Богъ вѣкъ его гетманской мосци—сказалъ съ чувствомъ Кисель.

Послышался и сочувственный, и непріязненный шепотъ.

— Гетманъ, кажется,—прищурилъ Іеремія глаза,—къ своей булавѣ желаетъ присоединить и трибунскую палицу.

— Я, княже, не заискиваю у плебса,—гордо отвѣтилъ гетманъ, поблѣднѣвъ даже подъ румянами,—но... но... не одному врагу, но я и правдѣ привыкъ смотрѣть прямо въ глаза... Да, хозяевами были, это намъ нужно помнить и въ нашихъ же интересахъ дѣйствовать осторожнѣе, не раздражать... Мятежниковъ мы усмирили, но корня мятежа—нѣтъ! Онъ кроется именно въ томъ, именно... что вотъ они были хозяевами. Мы несемъ сюда свѣтъ и жизнь, и потому владычество должно принадлежать намъ; но мы должны помнить, да... помнить, что они были хозяевами, а потому,—заикался все больше и задыхался гетманъ,—а потому и имъ должны оставлять крохи, успокоить строптивыхъ, усыпить, обласкать и поднять надежныхъ, вѣрныхъ, нобилитировать, да... да исподоволь приручать, избѣгая насилія.

— Политика вельможнаго гетмана,—улыбнулся одобрительно патеръ,—весьма тонка и остроумна; она рекомендуется и нашимъ безсмертнымъ Лойолой; но она медлительна, а въ иныхъ случаяхъ...

— Это смерть!—оторвалъ князь Ярема.

Одобрительный въ пользу гетмана говоръ снова притихъ; но Конецпольскій продолжалъ смѣло:

— Иначе мы истощимъ силы въ „домовой“ борьбѣ и если задавимъ козаковъ, то. . то... татары, Москва... нахлынутъ, и... и... защищать будетъ некому.

— Развѣ, кромѣ этихъ собакъ, нѣтъ подъ вашими хоругвями храбрецовъ? Если нѣтъ, такъ у меня ихъ хватитъ на всѣхъ!—ударивъ себя въ грудь, гордо обвелъ рукою Вишневецкій собраніе.

— Никто не сомнѣвается въ вашихъ храбрецахъ, княже,—задыхался совсѣмъ Конецпольскій,—но это. . это... не даетъ пану права сомнѣваться и въ нашихъ!

Всѣ смутились и замолчали. Князь Ярема почувствовалъ себя тоже неловко и съ досады крутилъ свою бородку.

— Въ войнѣ съ дикими ордами, позволю себѣ замѣтить и я,—началъ Кисель тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ, воспользовавшись общимъ молчаніемъ,—беретъ перевѣсъ не храбрость, а знаніе врага, изученіе всѣхъ его уловокъ и хитростей,—такъ сказать, полное уподобленіе природы своей природѣ врага. Такое уподобленіе, панове, пріобрѣтается не сразу, а десятками лѣтъ... Какъ пересаженное съ полуденныхъ полей древо гибнетъ среди чуждой ему пустыни, такъ гибли бы непривычные къ степямъ новые воины... и сколько бы пало жертвъ, дорогихъ для отчизны! А между тѣмъ сыны этихъ степей—козаки...

— Да, вотъ ихъ и подставлять подъ удары татарскихъ сабель и стрѣлъ,—прервалъ Любомирскій,—а не шляхетныхъ рыцарей польскихъ!

— Почаще бы ихъ, именно, въ самый огонь!—зарычалъ Чарнецкій.

— Досконально! „Кохаймося“!—послышались крики, и болѣе разгоряченныя головы полѣзли чокаться кубками и обниматься.

— Да, „кохаймося“!—поднялъ кубокъ Кисель,—пусть будетъ межъ нами миръ и любовь, пусть они породятъ у насъ кротость и снисхожденіе къ побѣжденнымъ... къ меньшей братіи... Она за это воздастъ намъ сторицею. Теперь открывается, вельможное панство, новая Америка... Въ нѣдрахъ этихъ земель, не вѣдавшихъ желѣза, кроются неисчерпаемыя животворныя силы... и если эти пространства заселятся нашимъ трудолюбивымъ народомъ, то широкими рѣками потечетъ къ намъ млеко и медъ.

— Вельможный панъ правъ,—эта мысль должна руководить всѣми нами!—дружно заговорило шляхетство, затронутое въ своихъ интересахъ.

— Она озабочиваетъ меня, — замѣтилъ Конецпольскій, —а равно и Корону.

— Разумѣется, теперь нужно вельможной шляхтѣ захватывать пустоши,—отозвался Чарнецкій,—и заселять ихъ хлопами.

— Пся кревъ!—вскрикнулъ снова Ярема, теряя самообладаніе,—расплаживать этихъ схизматовъ?

— О, sancta veritas!—всплеснулъ патеръ руками, сложивъ ихъ молитвенно.—Невѣрные схизматы не могутъ быть ни гражданами, ни охранителями Рѣчи-Посполитой, матери вѣрныхъ святѣйшему престолу сыновъ, носительницы благодатнаго святаго католицизма,—не могутъ, ибо они въ глубинѣ души, пока не примутъ латинства, враги ей и могутъ продать ее всякому съ радостію.

— Еще-бы!—отодвинулся отъ стола съ шумомъ Ярема.

— Велебный отче!—обратился Кисель къ патеру, взволнованный и оскорбленный.—Называя всѣхъ схизматовъ невѣрными сынами отечества, вы оскорбляете бо́льшую половину его подданныхъ и оскорбляете невинно! — возвысилъ онъ голосъ.—Во мнѣ горитъ и чувство личной обиды, и чувство любви къ великому отечеству, которое вы желаете разодрать на два стана. Я ручаюсь сѣдою головой, что вражды этой между народами нѣтъ, а создаютъ и разжигаютъ ее служители алтаря кроткаго и милосерднаго Бога.

Послышались глухіе, враждебные возгласы: „Ого, схизматъ!“

— Да, я схизматъ, я греческаго благочестія сынъ,—окинулъ смѣло глазами всѣхъ черниговскій подкоморій,— и не измѣню, какъ другіе, вѣрѣ моихъ предковъ.

При этомъ словѣ, какъ ужаленный, вскинулся князь Ярема, ухватившись за эфесъ сабли.

— Не измѣню!—почти вскрикнулъ Кисель.— Но я люблю искренно нашу общую мать Рѣчь Посполитую, люблю, можетъ быть, больше, чѣмъ вы! Да, я ей желаю мира, спокойствія, процвѣтанія, блага. Какъ солнце одно для земли, такъ и Богъ единъ для вселенной; какъ солнце одинаково свѣтитъ для добрыхъ и злыхъ, и всѣхъ согрѣваетъ, такъ и Творецъ небесный есть источникъ лишь милосердія и любви. Какъ же мы можемъ призывать всесвятое имя Его на вражду и на брань противъ братьевъ?

— Ради спасенія заблудшихъ овецъ,—смиренно возразилъ патеръ,—и ради снисканія имъ царствія небеснаго...

— Не заботьтесь, велебный отче, о чужихъ душахъ: пусть каждая сама о себѣ печется!

— О, слѣпое упорство!—воздѣлъ высоко патеръ руки и опустилъ на грудь отяжелѣвшую отъ вина голову.

— Панове!—воскликнулъ взволнованнымъ голосомъ Кисель.—Святѣйшіе іерархи молятся о братскомъ примиреніи христіанъ, а мы насиліемъ сѣемъ, на радость сатанѣ, злобу. Изъ великой мысли братскаго единенія церквей создаемъ варварскую, ненавистную тиранію.

— Огнемъ и мечемъ!—схватился съ мѣста, ударивъ о полъ саблей, Ярема; ударъ былъ такъ бѣшенъ, что ближайшій кувшинъ съ малагой упалъ, разливъ по скатерти драгоцѣнную влагу.—Довольно я здѣсь наслушался кощунствъ надъ моей святой вѣрой и обидъ величію моей отчизны!

Сдержанная злоба теперь вырвалась изъ удилъ и съ пѣной и свистомъ вылетала сквозь посинѣвшія губы; по лицу у Яремы бѣгали молніи, глаза сверкали фанатическимъ огнемъ, рука была готова обнажить мечъ. Всѣ непроизвольно отшатнулись отъ стола; нѣкоторые ухватились за сабли, и только головы немногихъ лежали уже безчувственно на столѣ.

— Конечно, панове, вамъ дороже всего своя шкура,—побагровѣлъ Вишневецкій, при чемъ пятна на его лицѣ сдѣлались синими,—оттого вы и слушаете искушенія, а я вотъ клянусь,—поднялъ онъ правую руку,—или всѣ церкви въ своихъ маетностяхъ обращу въ костелы, или пройдусь огнемъ и мечемъ по схизматамъ, приглашу вмѣсто нихъ на свои земли поляковъ, нѣмцевъ, жидовъ; но ни одинъ схизматскій колоколъ не зазвонитъ въ моихъ владѣніяхъ!

— И за сей подвигъ отпуститъ святѣйшій отецъ всѣ грѣхи твои, княже!—провозгласилъ съ умиленіемъ патеръ, поднявши очи горѣ.

А князь порывисто продолжалъ. Въ религіозномъ экстазѣ его стальной голосъ смягчился, и въ сухихъ глазахъ заблестѣла влага.

— Теперь, сломивши врага, позаботимся сначала, панове, не о своей утробѣ, а о благѣ великой нашей католической церкви, которая одна только можетъ сплотить нашу отчизну. Отбросимъ-же личныя выгоды и соблазны, а употребимъ всѣ наши усилія для расчищенія путей въ дебряхъ схизмы, чтобы могли по нимъ проникнуть изъ Рима лучи и озарить свѣтомъ заблудшихъ; тогда только водворится золотой миръ, тогда только отдохнетъ наша отчизна.

— Благословенно чрево, родившее тебя, княже,—сказалъ съ пафосомъ патеръ, воздѣвъ набожно руки.—Самъ святѣйшій отецъ преклонился бы передъ священнымъ огнемъ, пылающимъ въ твоемъ доблестномъ сердцѣ. Да будетъ оно благословенно во вѣки! —возложилъ онъ руки на склоненную голову Вишневецкаго.

— Клянусь!—произнесъ тотъ дрогнувшимъ голосомъ, обнаживъ драгоцѣнную саблю.—Это сердце и мечъ принадлежатъ лишь моей вѣрѣ и отчизнѣ, которую съ ней я сливаю, и я не остановлюсь ни передъ чѣмъ для торжества ихъ славы.

— Аменъ!—заключилъ торжественно патеръ.

Настало тяжелое молчаніе. Всѣ были подавлены грозною минутой и не замѣтили, какъ тревожно изъ комнаты вышелъ дворецкій.

Іеремія тяжело опустился на стулъ и, склонивъ голову на руку, устремилъ куда-то пронзительный взглядъ. По лицу его пробѣгали судороги: онъ страдалъ видимо отъ пожиравшаго его внутренняго огня.

Длилась минута тяжелаго молчанія. Дикій, мрачный, но искренній фанатизмъ князя упалъ на всѣхъ неотразимою, подавляющею тяжестью и разбилъ игривое настроеніе; не раздѣлявшіе такой демонской злобы, во имя Христа, были огорчены этою выходкой, а раздѣлявшіе находили ее во всякомъ случаѣ неумѣстной и разстраивающей общее веселье... Всѣ чувствовали себя какъ-то неловко и желали отдѣлаться отъ гнетущаго замѣшательства.

Вошелъ дворецкій и доложилъ, что какая-то панна настоятельно желаетъ видѣтъ ясновельможнаго гетмана.

— Меня?—очнулся и удивился гетманъ.—Панна?

— Это любопытный сюрпризъ,—улыбнулся князь Любомірскій.

Послышался сдержанный смѣхъ. Всѣ лица сразу оживились, обрадовшись случаю, могущему возстановить утраченное расположеніе духа, и случаю при томъ весьма пикантному.

— Да ты сказалъ ли этой паннѣ, что я теперь занятъ и никого по дѣламъ не принимаю? У меня такіе дорогіе гости,—искусственно раздражался Конецпольскій, желая подчеркнуть особое свое уваженіе къ сотрапезникамъ.

— Сказывалъ, ваша гетманская милость; но панна просто гвалтомъ желаетъ явиться къ его мосци.

— Что такое?—растерялся даже Конецпольскій.

— Не смущайтесь, ваша мосць, пане Краковскій. Мы не помѣшаемъ... Вѣдь правда, ясное панство,—подмигнулъ ехидно всѣмъ Любомірскій,—мы можемъ на нѣкоторое время отпустить пана гетмана въ отдѣльный покой, для пріятныхъ дѣлъ службы. Обязанность, видимо, неотложная! Ну, а мы здѣсь, панове, совершимъ возліяніе богинѣ Кипридѣ, да ниспошлетъ она и кудрямъ сребристымъ...

— Долгіе годы сладостей жизни!—подхватило большинство развеселившихся вновь собутыльниковъ.

— Благодарю, пышные гости,—улыбнулся Конецпольскій таинственно и самодовольно, покраснѣвши даже кстати, какъ ему показалось.—Но здѣсь я предвижу, такъ сказать, не шалость проказника-божка, да... а нѣчто другое, и въ доказательство я приму при васъ эту панну... Вводи просительницу сюда—отдалъ онъ приказаніе дворецкому.

— Браво, браво!—встрепенулись многіе и начали молодцовато приводить въ порядокъ костюмъ, оружіе, волосы и усы.

— Это десертъ намъ, панове,—потеръ себѣ хищно руки Корецкій.

— Благовѣстница—блондинка, непремѣнно блондинка,—замѣтилъ, поправляя костюмъ, весь залитый въ бархатъ и золото ротмистръ,—съ небеснаго цвѣта глазами и ангельскимъ взоромъ,—divina celesta!

— „Слово гоноре“,—возразилъ, подкручивая усики, блѣдный шляхтичъ, съ заспаннымъ лицомъ,—шатенка, мягкая, сочная, какъ груша „глыва“.

— Нѣтъ, пане, „на-закладъ“,—блондинка!

— Шатенка, „якъ маме кохамъ“, на что угодно.

— Стойте, панове,—вмѣшался князь Любомірскій,—я помирю васъ: ни то, ни другое, а жгучая брюнетка съ украденнымъ у солнца огнемъ,—таковъ долженъ быть выборъ ясновельможнаго гетмана.

— Браво, браво!—захлопалъ Корецкій.—За неувядаемую силу Эрота и за торжество вѣчной любви!

— Виватъ!—поднялись кубки вверхъ съ веселымъ хохотомъ и радостными восклицаніями; послѣднія заставили вздрогнуть и дремавшаго уже было патера.

Въ это время дворецкій остановился на дверяхъ, отдернувъ портьеру, и на темно-бронзовомъ фонѣ появилась стройная женская фигура, съ чрезвычайно блѣднымъ лицомъ и огромными выразительными глазами; изъ-подъ черныхъ рѣсницъ они теперь горѣли агатомъ, а въ выраженіи ихъ отражалось столько тревоги и скорби, что игривое настроеніе небрежно размѣстившейся группы оборвалось сразу.

— Чѣмъ могу служить паннѣ?—привсталъ вѣжливо Конецпольскій и сдѣлалъ пухлою рукою жестъ, приглашающій ее сѣсть.—И съ кѣмъ имѣю честь...

— Я сотника Золоторенка сестра... Живу теперь въ родной мнѣ семьѣ войскового писаря Богдана Хмельницкаго,—промолвила та отрывисто, высоко вздымая стройную грудь и жмурясь немного отъ сильнаго блеска свѣчей; она стояла неподвижно, какъ статуя,

не замѣтивъ гетманскаго жеста, или не желая воспользоваться его приглашеніемъ.

— Золотаренко... Золоторенко...—почесалъ себѣ переносье гетманъ.—Помню: изъ Золотарева? Да, такъ, такъ. Ну, я слушаю панну.

— Простите, что я перервала вашъ пиръ,—нѣсколько оправилась Ганна,—но меня сюда привели...—запиналась она—возмутительная несправедливость и грубое насиліе, что творится въ славной Рѣчи-Посполитой надъ доблестными гражданами и вѣрными вашей гетманской милости слугами...

— Гдѣ? Что? Надъ кѣмъ?—спросилъ встревоженный гетманъ.

Князь Ярема тоже очнулся и остановилъ на блѣдной паннѣ свой взглядъ. Гости переглянулись и присмирѣли совсѣмъ.

— Въ Кодакѣ, надъ войсковымъ панскимъ писаремъ: тотчасъ послѣ отъѣзда вашей гетманской милости Богдана Хмельницкаго арестовалъ комендантъ и бросилъ связаннымъ въ подземелье, какъ какого-либо невѣрнаго „поганца“, или какъ пса!—уже громче звучалъ ея голосъ, и въ немъ дрожало струной чувство оскорбленнаго достоинства.

— За что? По какому праву?—спросили разомъ князь Ярема и гетманъ.

— Ни по какому и ни за что!—отвѣтила, одушевляясь больше и больше, панна Ганна,—и самъ комендантъ не сказалъ дядьку причины, да и не могъ; развѣ вельможный панъ гетманъ и ясный князь не знаетъ этого доблестнаго „лыцаря“? Онъ преданъ отчизнѣ и шляхетному панству... Скажите, пышные панове, я обращаюсь къ вашему гонору!

Большинство одобрительно зашумѣло; только весьма немногіе прикусили языкъ и молчали.

— Удивительно! Это какая-то злобная интрига,—продолжалъ гетманъ,—но правда ли? Мнѣ, что-то, не вѣрится, чтобъ безъ моего приказа... да, именно, безъ приказа... и мой же подвластный на моего, такъ сказать, слугу наложилъ руку! Вѣдь это, это...

— Къ сожалѣнію, истинная правда.

— Да кто ее принесъ?

— Ахметка, слуга Богдана; при немъ связали пана писаря и повели въ „лѣхъ“... А Ахметка, котораго хотѣли было бросить въ яму, какъ-то ушелъ и прискакалъ сюда сообщить о злодѣйскомъ насиліи надъ его паномъ.

У Ганны дрожалъ уже голосъ, а на глазахъ блестѣли слезы: сердечное волненіе и тревога боролись видимо съ мужествомъ.

— Значитъ, правда!—возмутился уже и Конецпольскій.—Но какая дерзость, какая наглость! Безъ моего вѣдома...

— Предполагать нужно что-нибудь экстренное,—вмѣшался Чарнецкій,—и вѣроятно панъ Гродзицкій не замедлитъ сообщить вашей гетманской мосци причины.

— Положимъ, но однако, все-таки—отрывисто и заикаясь, соображалъ Конецпольскій.

Но Ганна перебила его, испугавшись, что замѣчаніе Чарнецкаго успокоитъ гетманскую совѣсть и заставитъ ожидать полученія отъ Гродзицкаго разъясненій.

— Я знаю, ясновельможный гетмане, эти причины: мнѣ Ахметка передалъ ихъ... Панъ Ясинскій, бывшій войсковый товарищъ у „ясноосвѣцонного“ князя, уволенный его княжескою милостью за самоуправство, которое хотѣлъ онъ учинить надъ Богданомъ, теперь мститъ за свою отставку: взвелъ коменданту на дядька какую-то нелѣпую клевету, а тотъ захотѣлъ показать свою власть... обласкалъ Ясинскаго, а вашего войскового писаря связалъ и бросилъ на муки.

— Да, я подтверждаю гетманской мосци,—вскипѣлъ задѣтый Ярема,—что Ясинскаго я вышвырнулъ изъ своей хоругви за наглое нарушеніе дисциплины и превышеніе власти... Я не за хлоповъ-схизматовъ,—перевѣшай онъ тысячи ихъ, не поведу усомъ,—а за дисциплину и подчиненіе: это первыя условія силы войска. А этотъ Ясинскій, при бытности моей въ лагерѣ, безъ доклада осмѣлился было сажать на колъ и кого? Служащаго въ коронныхъ войскахъ гетманскаго писаря... И безъ всякой причины, безъ всякой, говорю пану, а съ пьянаго толку, какъ удостовѣрился я лично. Удивляюсь и весьма удивляюсь, какимъ образомъ гетманскій подчиненный даетъ пріютъ у себя изгнаннымъ мною служащимъ?

— Я этого не зналъ,—смѣшался неловко гетманъ,—это, конечно, дерзко... да, дерзко! Развѣ Ясинскій скрылъ...

— Конечно, вѣроятно скрылъ... Кто же можетъ знать?—началъ было снова защищать коменданта Чарнецкій.

— Неправда, пане!—вскрикнулъ Ярема рѣзко, повернувшись на стулѣ.—Если Ясинскій и промолчалъ, то все мое „атаманье“ объ этомъ болтало: мое распоряженіе подтянуло ихъ всѣхъ! А Гродзицкій это въ пику... Мы, стоящіе наверху,—обратился снова къ гетману князь,—должны уважать распоряженія одинъ другаго, иначе мы допустимъ въ войскахъ такую распущенность и разнузданность, что ихъ будутъ бить не тольно козаки и татары, а самые даже подлые хлопы!

— Конечно, мосци-княже, конечно,—поспѣшилъ словно оправдаться панъ-гетманъ,—этому Гродзицкому влетитъ... а Ясинскій нигдѣ въ моихъ полкахъ не будетъ.

Князь Ярема поблагодарилъ гетмана гордымъ наклоненіемъ головы. У Ганны глаза заискрились радужною надеждой при такомъ благопріятномъ для нея расположеніи духа владыкъ. Она ступила шагъ впередъ и дрожащимъ отъ радости голосомъ прибавила:

— Неужели великій и славный гетманъ замедлитъ протянуть свою мощную руку вѣрному слугѣ, придавленному заносчивымъ своеволіемъ и черною местью врага?

Красота и сила экспрессіи всей фигуры просительницы, ея лучистые, сіяющіе глаза, пылающія отъ волненія щеки въ этотъ мигъ дѣлали панну просто красавицей и приковывали къ ней взоры восхищенныхъ зрителей.

Конецпольскій тоже залюбовался и сразу не смогъ ей отвѣтить, а Ганна, переведя духъ, продолжала, увлекаясь до самозабвенія:

— Развѣ долголѣтней службой отечеству не доказалъ Богданъ своей преданности? Развѣ онъ былъ уличенъ когда либо въ измѣнѣ, предательствѣ или лжи? Развѣ безкорыстіемъ и правдой не заслужилъ себѣ вѣры? Развѣ не оказалъ своимъ свѣтлымъ умомъ многимъ и многимъ услугъ? Развѣ безчисленными бѣдами, испытанными имъ при защитахъ отчизны, не купилъ онъ защиты себѣ? Развѣ онъ, отважный и доблестный, не несъ своей головы всюду въ бой за благо и честь великой Рѣчи-Посполитой? Развѣ онъ запятналъ чѣмъ-либо славный рыцарскій мечъ, дарованный яснѣйшимъ крулемъ за храбрость? И вотъ, у него теперь этомъ славный мечъ отнятъ, а самъ борецъ связанъ, опозоренъ и ввергнутъ въ адское мѣсто, гдѣ холодъ, и голодъ и мракъ подорвутъ на смерть его силы, полезныя для отечества и для васъ, вельможная и пышная шляхта!

Ганна оборвала рѣчь и стояла теперь, трепетная и смущенная, сама не сознавая, какъ она отважилась столько сказать? Правда, у нея, во все время пути къ Чигирину, толпились тысячи мыслей про заслуги Богдана для отчизны, про его значеніе для родины, про его великія доблести, про его высоко одаренную Богомъ натуру, про то уваженіе и любовь, которыя всѣ должны, обязаны ему показывать, благоговѣть даже передъ нимъ и беречь его, какъ зѣницу ока,—все это вихремъ кружилось въ ея головѣ, жгло сердце, окрыляло волю, но вмѣстѣ съ тѣмъ подкрадывался къ ней и ужасъ, что она ничего не съумѣетъ, не сможетъ сказать, что ее засмѣетъ панство, и она, пожалуй, еще разрыдается—и только. Эти два теченія мыслей поднимали въ ней страшную, мучительную борьбу, которая подъ конецъ нашла себѣ исходъ въ одной короткой, безмолвной молитвѣ:

„Господи, утверди уста мои! Укрѣпи меня, Царица небесная! Открой имъ сердца!“ Съ молитвой она вошла и въ эту свѣтлицу, исполненную разнузданнаго и грубаго веселья насыщенной плоти. Страшный блескъ ослѣпилъ ее, неулегшійся хохотъ оледенилъ кровь, и она, блѣдная, закрывъ рѣсницами очи, только шептала молитву... и вдругъ, послѣ первыхъ, пламенемъ скользнувшихъ минутъ, у нея радугой засіяло въ душѣ, что Господь услышалъ мольбу, смирилъ гордыню враговъ, открылъ ихъ сердца, и она дерзнула передъ этимъ пышнымъ собраніемъ словомъ, и слово это само какъ-то вылилось въ сильную рѣчь.

А рѣчь дѣйствительно произвела на всѣхъ неотразимое впечатлѣніе.

— Досконально! Пышно!—послѣ долгой паузы послышались робкіе хвалебные отзывы съ разныхъ сторонъ.

— Демосѳенъ, „до правды“, панове, Демосѳенъ!—отозвался до сихъ поръ молчавшій Доминикъ Заславскій, обозный „кварцянаго“ [1]), войска, среднихъ лѣтъ, но дородства необычайнаго, конкуррирующаго съ паномъ Корецкимъ; Заславскій до сихъ поръ былъ занятъ сосредоточенно и серьезно насыщеніемъ своего великаго чрева, и только появленіе и рѣчи панны Ганны могли разбудить его пищеварительное спокойствіе.

— Illustrissime! — не воздержался отъ похвалы и патеръ, старавшійся въ истомѣ приподнять красныя вѣки.

— Все это сильно потому, — подчеркнулъ ротмистръ Радзѣевскій,—что справедливо и искренно, отъ души!

— Я это подтверждаю,—отозвался, наконецъ, и князь Ярема. Его гордую душу всегда подкупала отвага, а здѣсь она, въ чудномъ образѣ этой панны, была обаятельна.—Этотъ писарь Хмельницкій уменъ и храбръ несомнѣнно.

— Да, да, князь совершенно правъ,—заволновался и Конецпольскій,—это доблестный воинъ и полезный, такъ сказать, а... весьма полезный для насъ человѣкъ,—въ это время въ головѣ Конецпольскаго мелькнули необозримыя плодородныя пустоши,—я его лично знаю: и преданный, испытанный. Такихъ именно нужно защищать и отличать. Я къ другимъ тоже строгъ, и желаю затянуть удила строптивому и бѣшенному коню... да, затянуть, но преданныхъ нужно поощрять.

— Да наградитъ Богъ ясновельможнаго пана гетмана,—произнесла восторженнымъ голосомъ Ганна; у нея на днѣ души трепетала радость, а глаза застилалъ какой-то туманъ.

---

[1]) Войско, содержавшееся на четвертую часть дохода изъ Старостинскихъ имѣній.

— Не безпокойся, панно,—отвѣтилъ ей Конецпольскій.— Отважное участіе въ судьбѣ писаря, панскаго родича, Богдана, и похвально, и трогательно. Я напишу наказъ и съ первою оказіей пошлю въ Кодакъ.

— На Бога!—прервала рѣчь гетмана Ганна, всплеснувши руками и застывши въ порывистомъ движеніи,—не откладывайте вашей благодѣтельной воли ни на одинъ день, ни на часъ... Злоба и зависть не спятъ: они злоупотребятъ своимъ произволомъ, не остановятся, быть можетъ, даже передъ пыткой, передъ истязаніемъ, и тогда гетманское милосердіе опоздаетъ.

— Она права,—замѣтилъ Ярема.—Разъ самоволецъ Ясинскій допущенъ и обласканъ, то всего можно ожидать.

— Я ихъ скручу,—ударилъ по столу кубкомъ панъ гетманъ,—и немедленно же.

— Молю ясновельможнаго пана,—добавила Ганна—дайте мнѣ сейчасъ гетманскій наказъ: я его поручу надежнымъ рукамъ и пошлю немедленно.

— Хорошо,—улыбнулся ласково Конецпольскій, тяжело подымаясь со стула,—хотя и непріятно мнѣ оставить на время моихъ пышныхъ гостей, но—ce que la femme veut, Dieux le veut!

За замковою „брамой“, во мракѣ осенней, непроглядной ночи, двигалась нетерпѣливо и порывисто какая-то тѣнь; она останавливалась иногда у массивныхъ воротъ, прислушиваясь къ долетавшимъ звукамъ разгула, и снова, ударивъ кованымъ каблукомъ въ землю и брякнувъ саблей, продолжала двигаться вдоль высокихъ зубчатыхъ „муровъ“. Невдалекѣ гдѣ-то ржали и фыркали кони.

— Перевертни! Вражье отродье!—раздался наконецъ звучный, хотя и сдержанный молодой голосъ.—И какъ разсчитывать на панскую милость! Да они смердящему псу сострадать скорѣй будутъ, чѣмъ нашему брату! Нѣтъ на нихъ упованія! Вотъ только на что единая и вѣрная надежда!—потрясъ говорившій съ угрозою саблей.—Эхъ, только бы собрать удальцовъ-юнаковъ!... Свистну посвистомъ, гикну голосомъ молодецкимъ, и полетимъ тебя, Богдане нашъ любый, спасать... Костьми ляжемъ, коли не выручимъ, а ужъ и ляжемъ, то не даромъ! Только время идетъ. Каждая минута дорога... Они еще ее тамъ задержатъ... Проклятіе! Скорѣй туда! А если хоть тѣнь одна обиды... то попомнятъ псы Богуна!—и онъ стремительно бросился къ „брамѣ“ и началъ стучать эфесомъ сабли въ желѣзную скобу воротъ.

Въ это время послышался приближающійся топотъ нѣсколькихъ лошадей и показались въ темнотѣ безформенные силуэты всадниковъ. Богунъ остановился и началъ вглядываться въ непроницаемую тьму. Послышался тихій крикъ филина; Богунъ откликнулся пугачемъ.

— Ты? Ганджа?—спросилъ онъ тихо у приблизившагося всадника.

— Я самый,—отвѣтилъ тотъ хрипло.

— А еще кто?

— Семеро надежныхъ... Коней четырнадцать... и твой... и припасы...

— Спасибо, добре! Значитъ и въ путь?

— Конечно. Тутъ и дѣдъ управится съ селянами, а тамъ бѣда: вонъ кто въ неволѣ! Тысяча головъ за ту голову!

— Такъ, соколъ мой, такъ! А тутъ вотъ панну Ганну, кажись, задержали ироды, выходцы изъ пекла... Пойдемъ, братъ, спасать!

— Вмигъ! Готовъ!—соскочилъ Ганджа съ лошади и сталъ вмѣстѣ съ Богуномъ стучать въ ворота.

Наконецъ, форточка въ нихъ отворилась, и привратникъ впустилъ козаковъ въ „браму“, но вторыхъ воротъ во дворъ не отперъ, а послалъ оповѣстить пана „дозорца“, такъ что козаки очутились взаперти, досадуя на свою непростительную оплошность.

Между тѣмъ со стороны города подъѣхала къ „брамѣ“ повозка; изъ нея выскочилъ знакомый намъ хлопецъ Ахметка, а за нимъ встала и другая кряжистая и объемистая фигура.

— Гей, паны козаки!—обратился Ахметка къ стоявшимъ вдали всадникамъ,—здѣсь панъ Богунъ и дядько Ганджа?

— Тутъ были,—послышался отвѣтъ,—да пошли, кажись, въ „браму“.

— Ладно. Такъ подождемъ, пока выйдутъ.

— Аминь!—раздалась и покатилась октава,—но бдите, да не внидите въ напасть!

Звонарь и Ахметка подошли ближе къ воротамъ и остановились въ ожиданіи.

— Такъ выросла, пане дяче, ваша дочечка Оксанка?—заговорилъ тихо Ахметка.

— Выросла, хлопче, зѣло; все тебя вспоминаетъ, какъ купно съ ней созидалъ гребли, млиночки...—рокотала октава.

— Да мнѣ вотъ не довелось съ полгода быть тамъ,—засмѣялся хлопецъ,—а то вѣдь, прежде бывало часто ѣзжалъ и гостилъ... привыкъ очень къ дѣткѣ, какъ къ сестренкѣ родной,

ей-Богу! Передайте ей, что Ахметка соскучился... гостинца привезетъ... въ черные глазки поцѣлуетъ...

— Да, вотъ гостинца... подобало-бы: она дитя малое, такъ гостинца бы надлежало...

— Не приходилось въ городѣ бывать... А что у нея волосики все курчавятся?

— Суета суетъ!... Вотъ гостинца бы...

— Стойте, пане дяче,—вспомнилъ Ахметка,—хоть купить не купилъ, да „купила“ добылъ... Такъ вотъ передайте моей любой крошкѣ три червонца.

— Велелѣпно!—сжалъ дьякъ золото въ мощной длани.

— Только, пане-дяче,—замялся Ахметка,—передайте ей, а не Шмулю...

— Да не смущается сердце твое...

— Нате вамъ лучше для этой надобности еще дукатъ.

— Всякъ даръ совершенъ,—опустилъ дьячекъ въ бездонный карманъ четыре червонца,—а ты славный хлопецъ... и восхвалю тя во вѣки... И Оксанѣ скажу, чтобы всегда помнила и любила,—истинно глаголю, аминь!

Зазвенѣли ключи, отворились ворота, и изъ нихъ вышла Ганна, въ сопровожденіи Богуна и Ганджи; она держала бумагу въ рукахъ, и въ темнотѣ, по быстрымъ, энергическимъ движеніямъ дѣвушки, можно было замѣтить ея возбужденное состояніе.

— Спасла! Господь мнѣ помогъ! Онъ сохранилъ для насъ это сердце, и вотъ гдѣ спасеніе!—Махала она радостно бумагой и прижимала ее къ груди.

— Если ты, панно, могла своимъ словомъ пробить эти каменныя сердца, то ты всесильна!—сказалъ восторженно Богунъ.

— И колдуну такая штука не по плечу,—крякнулъ Ганджа.

— Не я, панове, не я... а заступница наша Пречистая Матерь: Ей я молилась, и моя грѣшная молитва была услышана,—значитъ, еще не отвратили Небесныя Силы отъ насъ очей, а коли Богъ за насъ, такъ и унывать нечего!

— Правда, святая правда!—съ чувствомъ промолвилъ Богунъ.

— Панове, нужно спѣшить...—заторопилась Ганна,—и летѣть туда, не теряя минуты. Кому довѣрить бумагу, кто повезетъ?

— Я,—отозвалея твердо Богунъ,—дай мнѣ, панно, ее, и скорѣе голову мою сорвутъ съ плечъ, чѣмъ вырвутъ эту бумагу.

— Лучшаго хранителя не найти,—передала Ганна пакетъ,—но неужели по степи панъ „лыцарь“ поѣдетъ одинъ?

— Нѣтъ, со мной ѣдетъ Ганджа и пять козаковъ.

— И я еще съ паномъ „лыцаремъ“ ѣду,—отозвался, гарцуя уже на конѣ, Ахметка.

— Да куда тебѣ,—возразилъ Богунъ,—взадъ и впередъ крестить степь, не слѣзая съ коня и безъ отдыха, вѣдь просто свалишься.

— Что-о?—вскрикнулъ Ахметка,—чтобы я оставилъ на другихъ своего батька, когда онъ въ опасности? Никогда! Ахметка съ радостью издохнетъ за батька, а его не покинетъ!

— Дай мнѣ твою голову, любый,—подошла Ганна и, обнявши, поцѣловала наклоненнаго хлопца въ чело.—Да хранитъ Богъ твое золотое сердце и да наградитъ тебя за твою преданность и любовь!

— А меня панна не поблагословитъ?—спросилъ тихо Богунъ, наклонивъ свою буйную голову.

Ганна подняла глаза къ беззвѣздному небу и тихо коснулась устами козачьей удалой головы.

М. Старицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРЕЖНІЕ ИЗЫСКАТЕЛИ МАЛОРУССКОЙ СТАРИНЫ.

III. Александръ Михайловичъ Марковичъ [1]).

(р. 1790†1865).

II. Интересъ къ прошлому своей родины. — Чтеніе дѣдовскаго дневника. — Отзывъ о водевилѣ „Козакъ-стихотворецъ". — Изданіе бумагъ изъ семейнаго архива. - Отрывки изъ „Описанія Малороссіи". — „Малороссійская свадьба". — Выборная служба. — „Записка о дворянскомъ сословіи Черниговской губерніи". — Представленіе объ уничтоженіи „маршалковско-коммисарскаго суда".

Кругъ чтенія М—ча не ограничивался одною тогдашнею печатною литературою. Довольно рано онъ началъ интересоваться доставшимися ему въ наслѣдство фоліантами дѣдовскаго дневника, впослѣдствіи имъ изданнаго. Дневникъ дѣда М—чъ началъ читать со второго десятилѣтія настоящаго столѣтія, причемъ чтеніе это происходило систематически. Это мы видимъ хотя бы изъ того тома дневника, въ которомъ описаны годы 1731—1736 [2]). На этой рукописи имѣется замѣтка М—ча: „началъ читать 1 іюля 1819. Окончилъ читать 19 августа 1819". Систематическое чтеніе М—чемъ рукописи видно изъ непрерывнаго ряда его замѣтокъ, написанныхъ чернилами сбоку листовъ. Замѣтки заключаютъ въ себѣ сокращенныя свѣдѣнія о томъ или другомъ упоминаемомъ въ дневникѣ фактѣ, служа такимъ

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г., № 1.

[2]) Рукопись въ листъ, 271 полулистовъ мелкаго письма. Весь Дневникъ Якова М—ча состоитъ изъ десяти томовъ.

образомъ указателемъ содержанія. Во всякомъ случаѣ, изъ отмѣтокъ о времени чтенія дѣдовскаго дневника мы видимъ, что къ тридцатилѣтнему своему возрасту М—чъ хорошо былъ съ нимъ знакомъ, а слѣдовательно хорошо былъ знакомъ и съ бытомъ своей родины въ XVIII в. Эта область историческаго знанія была почти невѣдома тогдашнимъ историкамъ Малороссіи (Бант.-Каменскому, Мартосу...), такъ какъ ничего подобнаго дневнику Якова М—ча въ тогдашней печатной литературѣ не было, да и впослѣдствіи явилось не скоро.—Изъ чтенія дѣдовскаго дневника М—чъ обязательно знакомился со всѣмъ частнымъ и общественнымъ строемъ жизни своихъ предковъ и мало по малу становился такимъ знатокомъ бытовой исторіи Малороссіи, какихъ тогда положительно не могло и быть. Къ этому нужно добавить, что М—чъ хорошо зналъ и обыденную жизнь современной ему Малороссіи. Историко-этнографическія особенности послѣдней ему до мелочей были знакомы. Въ этомъ отношеніи очень любопытно то впечатлѣніе М—ча, которое онъ вынесъ, впервые увидѣвъ на столичной сценѣ извѣстный водевиль кн. Шаховскаго „Козакъ-стихотворецъ“. Замѣтивъ въ водевилѣ бросавшіяся въ глаза отступленія отъ условій мѣстной жизни, М—чъ немедленно хотѣлъ указать публикѣ бытовыя несообразности, которыми авторъ наполнилъ свое произведеніе, и съ этою цѣлью замѣчанія свои изложилъ въ письменной формѣ, вѣроятно, разсчитывая „письмо“ это напечатать въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ. Однако-жъ оно осталось ненапечатаннымъ, и мы приводимъ его здѣсь, въ видѣ отзыва тогдашняго знатока о тѣхъ несообразностяхъ, которыя введены въ водевиль, какъ мѣстныя особенности.— „М. г.! Я пріѣхалъ недавно въ Москву по надобности и въ первый разъ навѣку своемъ попалъ въ большой городъ. Вы можете себѣ представить, съ какимъ любопытствомъ разсматривалъ я здѣсь все то, что для меня было ново. Между прочимъ театръ наиболѣе обратилъ мое вниманіе. Но что почувствовалъ я, когда въ объявленіи 15 сентября между дѣйствующими лицами увидѣлъ я повѣтоваго писаря, *ибо я самъ земскій писарь* одного изъ повѣтовыхъ (уѣздныхъ) судовъ малороссійской полтавской губерніи.

Бѣгу въ контору, беру билетъ, въ мѣста за креслами, и объявленіе (афишу?), и возвращаюсь домой. Я ожидалъ, признаюсь, съ нетерпѣніемъ назначеннаго времени, чтобы видѣть какимъ образомъ будутъ представлять меня. Разбирая однако же объявленіе, я не понималъ, почему повѣтовый писарь названъ въ ономъ Грицкомъ, тогда какъ *у насъ* всякого повѣтоваго писаря называютъ по имени и отчеству, какъ дворянина и чиновника, служащаго по выборамъ дворянства. Сіе недоумѣніе еще болѣе возбуждало мое любопытство. Наконецъ я въ театрѣ. Пріятная музыка напоминаетъ мнѣ *родимую сторону*. Поднимается занавѣсъ. Являются Маруся, князь и деньщикъ его; но мнѣ не они были надобны; мнѣ нуженъ былъ повѣтовый писарь... Каково было мое изумленіе, когда вмѣсто повѣтоваго писаря выглянула въ окошко отвратительная фигура въ бѣлой рубашкѣ, а потомъ та же самая фигура появилась въ красныхъ сапогахъ и въ красномъ платьѣ, съ чуприною, коверкаясь какъ обезьяна и кланяясь униженно мужику Прудіусу. Видно сочинитель не заглядывалъ въ *статутъ*, не знаетъ, что повѣтовый писарь всегда избирался изъ дворянъ и чиновниковъ, что должность его была совсѣмъ другая, а не та, какую возложилъ на него сочинитель комедій. Полно!—это значитъ много требовать. Зналъ ли г. сочинитель чтó есть повѣтъ?... Были ли и тысяцкіи въ Малороссіи, объ этомъ я не спорю, ибо *не знаю*, только безъ справки не повѣрю г. сочинителю, потому что мнѣ кажется по всему, что Малороссія для автора лежитъ въ тридевятой землѣ, въ тридесятомъ царствѣ. Но покорнѣйше васъ, м. г., прошу позволить мнѣ для чести своей сообщить всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что ни одинъ повѣтовый писарь во всей Малороссіи не похожъ на Грицка, и никогда не былъ похожъ, и что поступки ихъ никакъ не могутъ быть сходны съ поступками сего чудовищнаго Грицка. Правда, что въ этой комедіи все само на себя не похоже, но до того нѣтъ мнѣ дѣла“...

Въ этомъ письмѣ мы видимъ протестъ малоросса противъ извращенія чертъ его общественнаго быта въ литературѣ. Послѣдняя, какъ видно, не затруднялась изображать секретаря уѣзднаго суда 20-хъ годовъ—„въ красномъ платьѣ и красныхъ са-

погахъ", предполагая, что „повѣтовые писари" это—какой-нибудь остатокъ козаччины, въ одеждѣ которыхъ поэтому красный цвѣтъ долженъ преобладать. Появленіе „чудовищнаго Грицка" на сценѣ вызывало, конечно, полное удовольствіе зрителей... Но такое извращеніе особенностей мѣстнаго быта у М—ча вызвало протестъ, вѣроятно единственный между тогдашними зрителями...

За симъ обращаемся къ перечисленію и пересмотру ученолитературныхъ работъ М—ча, касавшихся Малороссіи.

Изданіе бумагъ семейнаго архива. Въ Украинск. журн. 1824 г., въ 2-хъ книжкахъ, (№ 19—20, стр. 43—55, и № 21, стр. 128—136) подъ заголовкомъ „*Малороссійская старина*", напечатано девять документовъ съ поясненіемъ, что они представляютъ „копіи съ подлинныхъ бумагъ". Сдѣланныя къ „Старинѣ" примѣчанія подписаны буквою *М*, подъ которою несомнѣнно слѣдуетъ разумѣть А. М. М—ча, такъ какъ напечатанныя бумаги, видимо, взяты были изъ Сварковскаго архива, обладателемъ котораго въ это время былъ онъ, А. М. М—чъ. Напечатанныя бумаги касались бытовой исторіи Малороссіи. Начитавшись дѣдовскаго дневника, М—чъ понималъ цѣну подобныхъ бумагъ, какъ объяснительныхъ документовъ по исторіи народной жизни Малороссіи. Появленіе „Малороссійской старины" было, во всякомъ случаѣ, первымъ опытомъ обнародованія бумагъ семейнаго архива, при чемъ очень интересенъ и выборъ ихъ: это не жалованныя грамоты и не универсалы, которыми любили хвалиться потомки козацкой старшины, а документы историческіе, поясняющіе общественный и частный бытъ этой старшины. По рѣдкости Укр. Ж—ла перечисляемъ эти бумаги. 1. Универсалъ Ю. Хмельницкаго, 1661 г., какому то „Омельяновѣ Цвѣчевскому, который презъ лѣтъ двадцать въ неволѣ былъ турецкой", на грунта, отошедшіе, во время его плѣна, въ чужое владѣніе. 2. Универсалъ Мазепы 1704 г., объ уплатѣ въ „войсковой скарбъ" „арендовой раты", съ объясненіемъ, что „скарбецъ войсковый велми есть истощанлій черезъ уставичные и значнедѣючіеся росходы". 3. Универсалъ Скоропадскаго, 1720 г., съ приказомъ козакамъ м. Веремѣ-

евки, чтобы они „не заглядаючися на власть п. Галагана, полковника прилуцкого, и не страхаючися его похвалокъ, нашихъ, гетманскихъ, указовъ слухали"... 4. Универсалъ того же гетмана, 1710 г., „Татьянѣ Васильевой Кулябковнѣ" съ подтвержденіемъ на хуторъ „ведлѣ села Бурумлѣ". 5. Письмо гетм. Скоропадскаго къ полковнику лубенскому Марковичу [1]) о переписи купцовъ луб. полка, „гендлюючихъ" съ Шліонскомъ, Гданскомъ и Кролевцомъ (Кенисбергомъ), „пенкою, смалчугою, саломъ, воскомъ" и проч., съ тѣмъ, чтобы эти товары впредь—„до пристаней на Балтійскомъ морѣ найдуючихся провадили", подъ страхомъ смертной казни. 6. Письмо гетм. Скоропадскаго къ зятю Марковичу, 1712 г., съ извѣстіемъ о смерти тестя. 7. Письмо луб. полк. писаря Степана Савицкаго къ Якову М—чу, изъ Спб., 1718 г. и 8. Письмо луб. полковника Петра Апастола къ тому же Якову М—чу, 1743 г. Особенно интересны три послѣднія письма. Въ письмѣ къ Андрею Марковичу о смерти тестя, Скоропадскій, выражая свое сожалѣніе, что не могъ быть „при концу житія" его, добавляетъ, что „особливе Настуся (гетманша) на серцу доживотне поносити муситъ, же и остатнего зъ живыхъ устъ пана (умершаго) благословенія родительского не получила и до отданя винной, по должности своей, услуги на похоронаніе (*sic*) змерлого тѣла прибути не можетъ"... Содержаніе письма Петра Апостола указываетъ, что это былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей въ средѣ малорусской старшины пол. XVIII в. [2]). Подобныхъ писемъ и по настоящее время извѣстно, въ печати, не болѣе двухъ-трехъ. Выборъ напечатанныхъ М—чемъ бумагъ изъ семейнаго архива—едва-ли можно назвать случайнымъ; скорѣе можно допустить, что, познакомившись съ частнымъ бытомъ малорусскаго общества по дѣдовскому дневнику, М—чъ сознательно выбиралъ такіе документы, которые могли служить дополненіемъ къ недоговоренному въ дневникѣ. М—чу принадлежитъ заслуга начинателя въ обнародованіи документовъ изъ частныхъ архивовъ, заслуга тѣмъ бо-

[1]) Письмо означено 1709 г., но это ошибка, тк. кк. Андр. М—чъ сталъ луб. полковникомъ только въ 1714 г.

[2]) Письмо Апостола перепечатано нами въ Русск. Арх. 1875 г., I, 94.

лѣе значительная, что послѣ этого начинанія еще очень долго пришлось ждать, пока семейные архивы были тронуты.

Описаніе Малороссіи. Въ бумагахъ М—ча сохранилось лишь нѣсколько листовъ, указывающихъ, что онъ предполагалъ заняться „описаніемъ Малороссіи". Судя по синей бумагѣ и почерку М—ча, это начинаніе относится къ двадцатымъ годамъ. Сохранились слѣдующіе отрывки, не безъинтересные для исторіи авторства М—ча въ изученіи Малороссіи. а) *Статистическія замѣчанія о Малороссіи.* „Надобно удивляться размноженію жителей въ Малороссіи. Въ теченіи 150 лѣтъ безпрестанно выходятъ изъ нея поселенцы. Слободско-украинская губернія, часть воронежской, земля донскихъ козаковъ, часть курской губерніи, новороссійскій край,—всѣ эти мѣста населены малороссіянами, и между тѣмъ въ самой Малороссіи не замѣтно ни мало уменьшенія народонаселенія. Къ сему умноженію народа, конечно, способствуетъ здоровой климатъ, не курныя избы, но опрятныя, необремененіе работами во время вольнаго перехода, не странническая (?) жизнь поселянъ и лучшая пища, бо́льшее попеченіе о дѣтяхъ и проч.—Климатъ въ степной Малороссіи отмѣнно здоровъ. Вечера лѣтніе восхитительные. Люди и животныя вообще тамъ крупнѣе, нежели въ лѣсной части. Деревянныя строенія тоже отмѣнно долго сохраняются въ цѣлости". б) *О наружномъ видѣ страны.* „Дорога отъ Глухова, пограничнаго города отъ курской губерніи, на Роменъ: какъ скоро вы переѣзжаете Сеймъ, страна похожа дѣлается на степь, хотя несовершенно; иногда выходятъ пространства, покрытыя лѣсами. Дорога отъ мѣст. Хмѣлова до Ромна гориста, но прелестна. Лѣса похожи на сады, и виды прекрасны. Роменъ стоитъ на прекрасномъ мѣстѣ и имѣетъ прелестные виды. Вообще города на Сулѣ: Ромны, Лубны—имѣютъ мѣстоположенія картинныя. За Ромнами проѣзжаешь нѣсколько малозначущихъ городовъ: Лохвицу, Пирятинъ. Тутъ видите вы сіи необозримыя степи, которыя не полагаютъ препонъ ни глазу, ни летучимъ мыслямъ. Мы такъ привыкли видѣть землю воздѣланную, что видъ сихъ тучныхъ пажитей, остающихся въ теченіи вѣковъ въ первобытной своей природѣ, возбуждаетъ въ насъ новыя

мысли. Воображаешь и теперь видѣть сихъ народовъ блуждающихъ, для коихъ сіи степи были домами. Есть еще отдаленныя степи, гдѣ и теперь находятся стада дикихъ коней. Зимою въ новыхъ (?) степяхъ скотъ кормится въ полѣ"... в) *Умственныя способности, смышленность, остроуміе, языкъ малороссіянъ.* „Анекдоты, разказываемые на щетъ простодушія малороссіянъ, сочинены ими самими. Они очень любятъ забавляться сами надъ собою, и русскіе не могли бы такъ искустно оныхъ составить. Сіи анекдоты гораздо предосудительнѣе для великороссіянъ, ибо они всегда представляются въ оныхъ обманщиками. Въ языкѣ ихъ (малороссіянъ) есть множество особенныхъ выраженій, напр., никчемный, нисчимный.—Многіе изъ простыхъ мужиковъ, не будучи грамотны, знаютъ въ какой недѣльный день будутъ подвижные праздники чрезъ цѣлый годъ, когда настанетъ мѣсяцъ; но только грамотные изъ нихъ знаютъ щотъ времени по мѣсяцамъ; прочіе всегда щитаютъ по числу недѣль отъ свѣтлаго праздника или отъ рождества Христова. Если свѣтлый праздникъ бываетъ поздно, они говорятъ, что лѣто будетъ коротко"... г) *Нравы, обычаи и проч. Малороссіи.*—„Когда отецъ или мать приближаются къ кончинѣ, то окружающіе смертный одръ не спятъ ночи и стараются вывести изъ комнаты дѣтей умирающихъ, утверждая, что умирающіе гораздо тяжелѣе умираютъ, если въ одной комнатѣ съ ними находятся ихъ дѣти. Мысль прекрасная!"

„Въ лѣтнее время большія дороги въ Малороссіи покрыты пѣше шествующими молельщиками, которые идутъ къ св. Афанасію, въ Лубны, или въ Кіевъ. Часто нѣкоторые изъ нихъ, изнуренные путемъ и постомъ, находятъ на сихъ путяхъ свои могилы. Сопутствующіе погребаютъ ихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ покойный скончался, и, иногда, посреди дороги вы увидите свѣжую могилу и огромную палку вмѣсто креста. Въ русскомъ народѣ ведется суевѣрное мнѣніе, что въ молодости содѣянные грѣхи можно очистить путешествіями ко святымъ въ старости..."

Приведенными замѣтками только и ограничилось начинаніе М—ча относительно описанія Малороссіи. Повидимому, у него не было ни плана, ни матеріала для такой большой работы.

Можетъ быть, въ это время М—чъ началъ другую работу, посвященную изученію бытовой стороны своей родины, озаглавленную „Малороссійская свадьба“. Здѣсь, какъ видно, М—чъ хотѣлъ представить въ разсказной формѣ бытъ малороссійскихъ пановъ втор. полов. XVIII в. Работа эта также не окончена, но изъ написанныхъ 4-хъ главъ видно, что она есть результатъ внимательнаго чтенія дѣдовскаго дневника, причемъ авторъ пользовался и живымъ преданіемъ о томъ—какъ жили и чѣмъ интересовались его предки. „Малороссійская свадьба“ хотя и не кончена, но по бытовымъ своимъ подробностямъ, нынѣ исчезнувшимъ, сохраняетъ значеніе историческаго мемуара и заслуживаетъ изданія, тѣмъ болѣе, что тутъ же М—чъ высказываетъ и личный взглядъ на исторію своей родины.

Рядомъ съ литературною дѣятельностью, съ 1820 г. началъ М—чъ и дѣятельность общественную, которая, при его деревенской жизни, выразилась службою по выборамъ. Въ октябрѣ 1820 г. М—чъ былъ выбранъ глуховскимъ повѣтовымъ (т. е. уѣзднымъ) судьею, но черезъ годъ и оставилъ эту службу. Затѣмъ, въ 1826 г., М—чъ былъ выбранъ глуховскимъ предводителемъ дворянства [1]), но на этой должности оставался всего

[1]) Вѣроятно, къ этому времени относятся двѣ рѣчи М—ча, найденныя въ его бумагахъ, одна—сказанная (?) въ повѣтовомъ судѣ, а другая—въ „нижнемъ“, т. е. въ томъ учрежденіи, которое до 60-хъ годовъ представляло собою теперешнее полицейское управленіе. Приводимъ отрывки изъ обѣихъ рѣчей. Въ повѣтовомъ судѣ М—чъ говоритъ: „М.м. г.г.! Когда помыслю я, что вы, м.м. г.г., занявъ сіи мѣста, приняли на себя обязанность давать судъ, защищать обиженныхъ, вдовъ, сиротъ, сберегать ихъ имущества, быть посредниками въ различныхъ сдѣлкахъ между людьми всѣхъ состояній; когда помыслю, что многотрудное служеніе ваше не только не сопряжено съ выгодами, соотвѣтственными оному, но еще отвлекаетъ васъ отъ семействъ и домовъ вашихъ... то не могу не изъявить предъ вами искреннихъ моихъ привѣтствій и поздравленій съ избраніемъ васъ въ званіе столь великаго почтенія достойное“ и проч. Въ рѣчи, обращенной къ исправнику, его помощнику („непремѣнному члену“) и становымъ приставамъ, читаемъ слѣдующее, „М.м. г.г.! Привѣтствую васъ съ началомъ служенія, на кое избраны вы довѣріемъ и уваженіемъ согражданъ своихъ. Свою и не только свою, но и другихъ состояній безопасность и охраненіе поручило вамъ благородное дворянство. Вы избраны быть защитниками угнетенныхъ, блюстителями порядка и добрыхъ нравовъ, вамъ поручено сохраненіе народнаго здравія, попеченіе о его (народа?) имуществѣ,

одинъ годъ, такъ какъ въ 1827 г. онъ былъ выбранъ генеральнымъ судьею. Извѣстно, что по указу императора Павла I, (30 ноября 1796 г.) открытыя въ 1782 г., намѣстничества были упразднены, а взамѣнъ ихъ образована была, сначала, одна—малороссійская губернія, а позже (1802 г.) двѣ: черниговская и полтавская. Тогда же было возобновлено и „прежнее судопроизводство"; открытъ былъ и генеральный судъ съ двумя департаментами, въ которыхъ предсѣдательствовали генеральные судьи. Однимъ изъ такихъ судей былъ избранъ и М—чъ. Прослуживъ до конца трехлѣтія въ 1829 г., (М—чъ занялъ должность генер. судьи во второй годъ трехлѣтія, вѣроятно, изъ кандидатовъ), М—чъ былъ выбранъ генер. судьею и на слѣдующее трехлѣтіе, но черезъ полгода, весною 1830 г., подалъ прошеніе объ отставкѣ Генералъ-губернаторомъ въ то время былъ князь Репнинъ. Получивъ просьбу М—ча объ отставкѣ, онъ отвѣчалъ: „желая сколько нибудь содѣйствовать вамъ къ увольненію васъ отъ должности генер. судьи, я отзывался къ Григорію Степановичу Тарновскому, состоящему по васъ кандидатомъ, о вступленіи въ оную, но получилъ отъ него прошеніе, коимъ онъ проситъ, по состоянію его почетн. смотрителемъ борзенскаго повѣтоваго училища, увольненія отъ занятія упомянутой должности... (Посему) я обязанъ буду собрать дворянство для избранія кандидатовъ на генер. судью и потомъ о утвержденіи одного изъ нихъ представить государю императору. Но съ симъ вмѣстѣ обнаружится, что вы оставили занимаемую должность и уѣхали изъ губернскаго города, не получивъ на то отъ меня дозволенія,

---

поощреніе къ земледѣлію и трудолюбію, прекращеніе насилій, истребленіе нищеты и праздности. Въ васъ найдутъ защитниковъ *бѣдные поселяне*, въ васъ обрящутъ они примирителей въ своихъ распряхъ. Подъ человѣколюбивымъ покровительствомъ вашимъ поживетъ *сей полезный и почтенный классъ народа* въ мирѣ и тишинѣ. Скорымъ разборомъ ихъ дѣлъ и уваженіемъ къ ихъ правамъ и нуждамъ вы водворите въ жилищахъ ихъ спокойствіе" и проч. Рѣчи М—ча не были новостью въ тогдашней Малороссіи: *такія* рѣчи были произносимы гораздо раньше (въ 1803 1805, 1809 г. г.) „маршаломъ Роменскаго повѣта" Вас. Гр. Полетикою. Рѣчи Полетики тогда же были напечатаны въ Вѣстн. Европы. См. Указатель къ этому журналу, Полуденскаго, стр. 15, 32 и 65. Несомнѣнно, что М—чу рѣчи Полетики были извѣстны.

чего вы ни въ какомъ случаѣ сдѣлать были не въ правѣ... Все сіе побуждаетъ меня просить васъ покорнѣйше возвратиться къ должности вашей сколь можно поспѣшнѣе... Вы всегда видѣли, съ какимъ удовольствіемъ я служилъ съ вами и отдавалъ справедливость вашимъ трудамъ и правиламъ, почему я не могу и помыслитъ, чтобы *вражда сосѣдей вашихъ ко мнѣ отклоняла васъ отъ служенія*, а напротивъ надѣюсь немедленнаго исполненія приглашенія моего..." Намекъ въ этомъ письмѣ на причину отставки М—ча нѣсколько объясняется изъ отвѣта послѣдняго, гдѣ онъ писалъ: „относительно подозрѣнія в. с—ва на счетъ причины, побудившей меня отказаться отъ должности, я не опасаюсь объясниться со всею искренностью. Я и братъ мой обязаны сосѣдямъ нашимъ (?) за доброжелательное участіе и вспомоществованіе во время важныхъ тяжебъ, грозившихъ состоянію нашему разстройствомъ. Всякое благородное чувство найдетъ мѣсто въ сердцѣ вашемъ и вы бы конечно осудили бы меня, если бы я не остался имъ за это благодаренъ и не принялъ бы участія въ ихъ радости и огорченіи. Но не признательность моя, ни честь не предписывали мнѣ отказываться отъ должности по происшедшему неудовольствію между в. с—вомъ и ими. Я могу, напротивъ того, смѣло сказать, что я даже имъ не поставлялъ сего причиною моего удаленія отъ должности и что они весьма настоятельно уговаривали меня продолжать службу..." Затѣмъ М—чъ пишетъ, что главная причина его отставки—болѣзнь. На что́ намекалъ кн. Репнинъ въ своемъ письмѣ къ М—чу остается неизвѣстнымъ.—Оставивъ такимъ образомъ въ 1830 г. выборную службу, М—чъ черезъ два года снова согласился ее продолжать. На этотъ разъ онъ былъ выбранъ губернскимъ предводителемъ дворянства и оставался на этой должности два трехлѣтія.

Поставленный въ ближайшія отношенія къ оффиціальной жизни черниговскаго дворянства, какъ сословія, М—чъ по своей пытливой природѣ, началъ изучать его исторію и экономическій бытъ. Съ этою цѣлію онъ составилъ слѣдующую для себя программу. *Глава I.* О дворянствѣ малороссійскомъ до перваго разбора, вслѣдствіе высочайшаго проекта о дворянствѣ. Права ихъ.

NB. Здѣсь же и о образованіи сословія козаковъ и правахъ ихъ. *Гл. II.* О дворянскомъ сословіи со времени перваго разбора и въ послѣдующее до настоящаго времени. *Гл. III.* Объ имѣніяхъ дворянскихъ. Какимъ образомъ пріобрѣтались права на владѣніе имѣніями. Различные роды имѣній, владѣльческія, ранговыя, монастырскія и проч. Права имѣній дворянскихъ. Повинности. Наборы посполитыхъ. Причины черезъ повинности. *Гл. IV.* О винокуреніи и свободной продажѣ вина. *Гл. V.* О прежнемъ состояніи хозяйства, промышленности, торговли въ дворянскихъ имуществахъ. Цѣны. Мѣры. *Гл. VI.* О нынѣшнемъ состояніи хозяйства помѣщичьихъ имѣній.

По этому плану М—чъ началъ подбирать матеріалъ, какъ видно изъ его замѣтокъ, уже въ маѣ 1837 г. Прежде всего, онъ обратился къ дневнику дѣда и сдѣлалъ выписки изъ него, начиная съ 1728 г. и оканчивая 1767-мъ г. Слѣдовательно, М—чъ просмотрѣлъ для этого *весь* дневникъ. Затѣмъ, М—чъ обратился къ черниговскому дворянскому архиву и сдѣлалъ обширныя „выписки изъ дѣлъ черниговскаго дворянскаго депутатскаго собранія, касающіяся до дворянства". По времени, эти выписки обнимали собою періодъ съ 1783 г. до 1801 г. включительно, т. е. время, когда происходила регламентація всего русскаго дворянства, какъ сословія. Изъ печатныхъ источниковъ М—чъ пользовался исторіей Мал. Россіи Б.—Каменскаго и „Историч. Извѣст. объ Уніи" Б.—Каменскаго-отца. Повидимому, еще раньше М—чъ познакомился съ литовскимъ статутомъ и много перечелъ тѣхъ „конституцій", на которыя Гр. А. Полетика впервые указалъ малорусскому шляхетству, какъ на источникъ де его правъ. Съ такою подготовкою М—чъ приступилъ къ написанію своей „Записки о дворянскомъ сословіи Черниговской губерніи". Началъ онъ эту „Записку" съ великокняжескаго періода.—„Извѣстно", говоритъ М—чъ, „что уже въ позднѣйшее время образовалось въ настоящемъ видѣ въ Россіи дворянское сословіе. Былъ въ самой древней Руси высшій классъ людей, который пользовался правами, которыя и теперь составляютъ права дворянства, т. е. правами, происходящими отъ владѣнія имѣніемъ, пріобрѣтеннымъ государственною службою; но никогда ни сіи

владѣльцы имѣній, ни люди, находившіеся въ много различныхъ чинахъ и должностяхъ придворныхъ, военныхъ и гражданскихъ, не составляли сословія, какъ нынѣ, пользующагося общими правами дворянства... Съ царствованія (*кажется*) императора Петра (В.) снова дворянство вошло только въ употребленіе, какъ названіе сословія... Въ Малой Россіи гораздо прежде составилось сословіе дворянское подъ именемъ шляхетства. Конституціями королей польскихъ дарованы или подтверждены оному права, одинаковыя съ шляхетствомъ польскимъ...“ Въ такомъ видѣ началъ было изложеніе своей „записки“ М—чъ, но въ печати она значительно сокращена. Повидимому, авторъ нашелъ нужнымъ обойти вопросы спорные и малоразработанные. Но, тѣмъ не менѣе, нужно же было опредѣлить исходную точку его взгляда на дворянство малорусское. Авторъ, повидимому, не сомнѣвался въ тѣсной связи того дворянства, о которомъ говорили польскіе короли въ „конституціяхъ“, съ тѣмъ, которое явилось послѣ изданія дворянской грамоты 1785 г. Во всякомъ случаѣ, записка о малорусскомъ дворянствѣ М—ча для насъ очень любопытна, какъ историческое изслѣдованіе автора, повидимому, свободнаго отъ предвзятыхъ взглядовъ. Поэтому мы укажемъ главные исходные пункты записки по ея печатному тексту.

„Записка“ начинается такъ: „Въ то время, какъ южная часть древней Руси, получившая впослѣдствіи названіе Малороссіи, присоединена была къ Литвѣ, оставались въ семъ краю люди именитые, потомки прежнихъ удѣльныхъ владѣтелей, князья и бояре. Безъ сомнѣнія, есть и теперь дворянскіе роды, принадлежавшіе къ высшему классу людей въ русскихъ княжествахъ; но зависимое положеніе края, разореніе отъ татаръ, войны, притѣсненія чужеземныхъ властителей, гоненія за вѣру—были виною многимъ превратностей въ судьбѣ частныхъ людей и причиною недостатка письменныхъ документовъ, которые бы свидѣтельствовали о состояніи предковъ еще въ періодѣ, предшествовавшемъ владѣльчеству Литвы и Польши. Почти всѣ дворянскіе роды черниговской губерніи ведутъ свое начало или со времени присоединенія Малороссіи къ Польшѣ или со времени

возвращенія первой къ Россіи, а это еще не доказываетъ, чтобы нѣкоторые изъ нихъ не были древнѣе. Самыя прозванія, по которымъ слѣдуетъ, кажется, заключать о ихъ польскомъ происхожденіи, могли замѣнить прозванія болѣе древнія: извѣстно, какъ произвольно они перемѣнялись вездѣ и какъ различны бывали иногда даже у дѣтей родныхъ братьевъ. Въ Малороссіи же такому измѣненію способствовало и продолжительное чужеземное господство. Доказательствомъ, что нѣкоторые дворянскіе роды, нынѣ существующіе, ведутъ свое начало отъ временъ, предшествовавшихъ завоеванію (Польшею?), служатъ находящіеся въ дѣлахъ (хотя и немногихъ) подтвердительные на имѣнія польскіе акты, въ которыхъ говорится, что при отдачѣ или размежеваніи тѣхъ имѣній, владѣльцы представляли польскимъ комисарамъ грамоты отъ великихъ князей русскихъ, предкамъ на ихъ добра наданныя [1]). При разборѣ правъ на дворянство были представляемы и другія свидѣтельства о древности происхожденія; но *строгая историческая критика не можетъ признать ихъ основательными*". Въ послѣднихъ словахъ мы видимъ, что М—чъ не вѣрилъ тѣмъ документамъ, по которымъ нѣжинскіе мѣщане Тарасевичи происходили будто бы отъ Тараса Трясила, а сосницкіе козаки Троцкіе выводили своихъ предковъ изъ троцкаго воеводства... [2]).

Затѣмъ М—чъ говоритъ, что во время принадлежности Малороссіи къ Польшѣ, высшее сословіе первой именовалось „шляхтою", причемъ права послѣдней назывались „вольностями шляхетскими". Представивъ послѣ этого, на основаніи статута, юридическій очеркъ правъ и обязанностей шляхты, М—чъ, желая слить исторію послѣдней съ дворянствомъ, явившимся въ к. XVIII в., разсказываетъ вкратцѣ исторію приднѣпровскаго козачества. „Когда въ полов. XV в. основалась крымская орда, въ Малороссіи возникло военное сословіе козаковъ запорожскихъ. Долго это сословіе не имѣло ничего опредѣлительнаго и состояло изъ небольшого числа всякаго званія, шляхетскаго и

[1]) Сколько намъ извѣстно, только въ „дѣлѣ" о дворянствѣ Бороздна есть упоминаніе о такихъ грамотахъ, но и то—голословное.

[2]) См. Опис. Ст. Малор., II, 43 и 290.

духовнаго происхожденія, городскихъ и сельскихъ жителей, туземцевъ и чужеземцевъ. Короли польскіе, находя ихъ полезными *пограничными стражами*, дали имъ земли для заселенія и выше днѣпровскихъ пороговъ,—города Каневъ и Трахтемировъ. Тамъ только первоначально и жили они; но впослѣдствіи времени, особенно къ концу XV вѣка, размножилось число ихъ. Во многихъ мѣстахъ воеводства кіевскаго записывались въ козачьи реестры или списки—люди свободные *всѣхъ состояній* и составляли уже не одну запорожскую стражу, а находились при войскахъ польскихъ въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, подъ названіемъ реестровыхъ. Польское правительство не дозволяло имъ селится повсюду; опредѣлены были для жительства ихъ нѣкоторые города и селенія... Но когда возгорѣлась война за независимость Малороссіи и вся она обратилась въ военную республику, тогда жители всѣхъ городовъ и селеній, безъ различія, начали вписываться въ козачьи списки, оставляя за собою свои имѣнія. *Само собою разумѣется, что для сверженія чужеземнаго ига, высшее сословіе преимущественно приняло* (подняло?) *оружіе.* Не только шляхта грекороссійской, но и римско-католической вѣры участвовала въ войнѣ. Хмельницкій, призывая всѣхъ шляхетныхъ и посполитыхъ людей къ оружію, обратился въ особенности съ воззваніемъ къ шляхетно-урожонымъ козакамъ. *Вѣроятно*, шляхта занимала преимущественно и высшія должности въ войскѣ; однако же и простой реестровый козакъ могъ быть не только полковымъ, но и генеральнымъ старшиною, а, слѣдовательно, и правителемъ края [1]). Въ воинской республикѣ, какою сдѣлалась Малороссія, естественно, что военное званіе взяло верхъ надъ другими и что при производствѣ въ старшины не столько смотрѣли на происхожденіе, сколько на

[1]) Первоначально, какъ видно изъ рукописи, М—чъ нѣсколько иначе объяснялъ происхожденіе малорусскаго дворянства: „Права какъ шляхетства, такъ и козаковъ не были рѣзко обозначены и трудно положить между ими различіе. Козаки составились изъ разныхъ состояній, въ томъ числѣ и изъ дворянскаго, и потому безъ сомнѣнія пользовались они и правомъ сего званія. Впрочемъ тогда никто не думалъ ни о важности сихъ правъ и никто не полагалъ препятствія въ пользованіи оными. Воинское званіе взяло по положенію края преимущество предъ прочими...“

заслуги и способности къ военной службѣ. Такимъ образомъ, во время войны и въ продолженіе войскового правленія, многіе изъ реестровыхъ козаковъ, *получивъ званіе старшинъ, сдѣлались владѣльцами имѣній населенныхъ, а потомки ихъ вошли въ дворянское сословіе*... Хотя войсковые старшины пользовались тѣми же и еще большими правами, нежели шляхта (ибо одно военное сословіе избирало войску главнаго начальника, который впослѣдствіи былъ и правителемъ края), однако и при польскихъ короляхъ и еще долго по присоединеніи Малороссіи къ Россіи—шляхетское дворянское достоинство считалось для старшинъ особенною честью... Императоры и императрицы всероссійскіе жаловали малороссіянамъ русское дворянство до временъ Екатерины II; но какъ весь край носилъ названіе *войска козацкаго народа* (курсивъ въ подлинникѣ) и правленіе въ немъ было войсковое, а земскіе суды, избраніе коихъ законъ предоставлялъ шляхетству, не существовали дѣйствительно, то названіе шляхты или дворянства вышло изъ употребленія.... Первыя собранія *шляхетства* были по случаю избранія предводителя и депутата, вслѣдствіе проекта для составленія новаго уложенія. Со временъ жъ учрежденія въ Малороссіи намѣстничествъ, шляхетство малороссійское сравнялось, въ правахъ и въ порядкѣ дѣлъ своихъ, съ велико-россійскимъ и составило дворянское сословіе на общихъ государственныхъ установленіяхъ."

Изложивъ исторію образованія дворянскаго сословія въ Малороссіи, М—чъ, по составленному имъ плану, долженъ, былъ сказать о пріобрѣтеніи этимъ сословіемъ правъ на владѣніе имѣніями, а слѣдовательно долженъ былъ коснутся и исторіи крестьянства. По этому поводу М—чъ говоритъ: „Имѣнія, которыя теперь находятся во владѣніи дворянъ, частію пожалованны предкамъ ихъ великими князьями русскими, королями польскими, императорами всероссійскими и гетманами малороссійскими, частію населены ими самими на земляхъ свободныхъ или купленныхъ у людей другихъ сословій, преимущественно же у козаковъ... Независимо отъ воздѣлыванія земли и прочихъ хозяйственныхъ работъ на владѣльцевъ, посполитые платили такъ называемую осенщину, или деньгами или хлѣбомъ съ сохи.

Встрѣчались и другіе сборы, напр.. чиншъ или оброкъ, очковое, пчеловое и проч... Посполитые (т. е. свободные крестьяне (жившіе?) на владѣльческихъ земляхъ) имѣли право вольнаго перехода изъ одного владѣльческаго помѣстья въ другое. Но указомъ 1738 г. велѣно было имъ съ мѣста на мѣсто не переходить, пока войсковая канцелярія перепишетъ не только дворы, но и хаты, а въ хатахъ семьи [1]). По окончаніи переписи, это обстоятельство подало поводъ владѣльцамъ противиться обычному переходу посполитыхъ, считать перешедшихъ бѣглыми и возвращать ихъ себѣ, не смотря на указъ 18 августа 1742 г., гдѣ сказано, „чтобы имъ свободный переходъ съ мѣста на мѣсто имѣть“. Впрочемъ, говоря вообще, до указа 1783 г. мая 3 дня, которымъ велѣно свободнымъ крестьянамъ оставаться тамъ, гдѣ внесли ихъ въ ревизію 1782 г., они жили у владѣльцевъ по уговору или по условію, произвольно оставляя одного для другого и только задолжавшихъ позволялось не отпускать до уплаты долга. Достаточные и усердные, напротивъ того, даже покупали грунты, т. е. земли, доселѣ остававшіеся собственностью ихъ въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ... Еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ Малороссіи скрывалось множество бѣглыхъ людей, хотя великороссійскихъ крестьянъ запрещено было принимать въ малороссійскихъ имѣніяхъ, а великорусскимъ помѣщикамъ—крѣпить малороссіянъ. Всѣ государи издавали объ этомъ строгіе указы, но самое повтореніе указовъ свидѣтельствуетъ уже о частомъ нарушеніи ихъ. И дѣйствительно, владѣльцы имѣли крѣпостныхъ людей, особливо дворовыхъ, пріобрѣтенныхъ ими отъ великороссійскихъ помѣщиковъ, а также взятыхъ въ плѣнъ или купленныхъ (обыкновенно малолѣтками) татаръ и калмыковъ, которые обращались господами своими въ христіанскую вѣру [2])“...

---

[1]) Въ дневникѣ Як. М—ча записано (29 іюня 1738 г.)—„Новымъ образомъ, по указу войск. канцеляріи, велѣно переписывать дворы, а въ хатахъ семьи и чтобъ обыватели съ мѣста на мѣсто не переходили, а наипаче за рубежъ не бѣжали“.

[2]) Всѣ эти свѣдѣнія имѣются въ дневникѣ Якова М—ча.

Такимъ образомъ изъ приведенныхъ выписокъ мы видимъ, что М—чъ прежде всего желалъ установить происхожденіе явившагося послѣ 1782 г. въ Малороссіи дворянства отъ той „шляхты", о которой говоритъ лит. статутъ. Но относясь съ свойственною ему добросовѣстностью къ работѣ, М—чъ тутъ же долженъ былъ признать два факта: 1) что при разборѣ правъ на дворянство были представляемы такія „свидѣтельства о древности происхожденія," которыхъ „строгая историческая критика не могла признать основательными" и 2) что потомки тѣхъ „реестровыхъ козаковъ", которые получили во владѣніе населенныя имѣнія, „вошли въ дворянское сословіе". Такимъ образомъ не смотря на то, что „записка" М—ча явилась около 60-ти лѣтъ назадъ, главные ея выводы относительно исторіи малорусскаго дворянства очень близки къ тѣмъ историческимъ знаніямъ по сему вопросу, которыми мы обладаемъ и въ настоящее время. Несомнѣнно, что изъ среды той православной шляхты, которую застало возстаніе Хмѣльницкаго на лѣвомъ берегу Днѣпра, нѣкоторые „приняли оружіе для сверженія польскаго ига", но это были лишь отдѣльныя личности (Бороздны, Рубцы, Бакуринскіе...), а не все „сословіе", о численности котораго—на лѣвомъ берегу Днѣпра—у насъ имѣется и теперь весьма неопредѣленное представленіе... Но за то происхожденіе (хотя части) малорусскаго дворянства отъ козацкой старшины М—чемъ высказано было впервые, при чемъ это положеніе неохотно принимается нѣкоторыми и въ позднѣйшее время...

Относительно „владѣльческихъ" крестьянъ М—чъ въ своихъ краткихъ замѣткахъ сообщаетъ свѣдѣнія правильныя, основанныя главнымъ образомъ на внимательномъ чтеніи дѣдовскаго дневника. Если мы сравнимъ историческія свѣдѣнія М—ча о дворянствѣ и крестьянствѣ съ тѣми, напр., которыя появились у Б.—Каменскаго во 2-мъ изданіи (1830 г.) его Исторіи Малой Россіи, то должны признать, что въ послѣдней имѣются по этому предмету лишь взятыя изъ лит. статута свѣдѣнія безъ всякой ихъ связи съ тѣми сословными группами, которыя явились въ лѣвобережной Малороссіи при гетманахъ. Вторую часть „за-

писки" М—ча составляютъ свѣдѣнія о „разборѣ дворянства", т. е. краткая исторія составленія дворянскихъ списковъ въ Малороссіи. Вся эта часть „записки" основана на тщательномъ изученіи рукописнаго матеріала, хранящагося въ черниговскомъ дворянскомъ архивѣ, и представляетъ собою и до настоящаго времени единственную работу по этому предмету, не обходимую при изученіи образованія въ Малороссіи дворянскаго сословія. Собранныя М—чемъ статистическія свѣдѣнія того времени о дворянскомъ сословіи, не смотря на ихъ краткость, сохраняютъ научную цѣну и теперь, будучи результатомъ ближайшаго знакомства со стороны М—ча съ экономическою жизнью своей родины.

Засимъ, мы, кажется, не преувеличимъ значенія „записки" М—ча въ малорусской исторіографіи, если скажемъ, что она представляетъ собою *изслѣдованіе*, не потерявшее научнаго значенія и теперь [1]).

Предводительская служба дала возможность М—чу также близко познакомиться съ однимъ изъ архаическихъ судебныхъ учрежденій—*маршалковско-комисарскимъ судомъ*, который по лит. статуту составлялъ апелляціонную инстанцію для подкоморскаго или межеваго суда. Маршалковско-коммисарскій судъ, по своему устройству, давалъ возможность тянуть межевые споры десятки лѣтъ... Изложивъ исторію происхожденія этихъ судовъ и крайнее неудобство ихъ процедуры, М—чъ, по должности губ. предводителя дворянства, представилъ, въ январѣ 1835 г., министру вн. дѣлъ объ уничтоженіи означеннаго учрежденія. Повидимому, представленіе это было уважено, такъ какъ затѣмъ рѣшенія марш.-комисарскихъ судовъ болѣе не встрѣчаются [2]).

---

[1]) „Записка" М—ча напечатана въ 1839 г., въ перв. т. „Матеріаловъ для статистики Россійск. импер.", а затѣмъ перепечатана въ 1894 г., въ Черниговѣ, гр. Г. А. Милорадовичемъ, при чемъ въ предисловіи ошибочно сказано, что „записка" въ первый разъ была напечатана въ 1852 г.

[2]) Представленіе М—ча напечат. въ одномъ изъ примѣч. къ Словарю малорусск. старины, Ломиковскаго, Кіевск. Стар. 1894 г., іюль.

III. Оставленіе должности губернскаго предводителя.—Литературныя работы Марковича по исторіи Малороссіи: историческіе очерки г. Глухова и Гамалѣевскаго монастыря.— Изданіе „Дневныхъ Записокъ" Якова Марковича.—Проектъ Марковича объ увольненіи своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.—Участіе его въ губернскомъ комитетѣ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.—Избраніе уѣзднымъ земскимъ гласнымъ.—Завѣщаніе и смерть. Перечень литературныхъ работъ Марковича по общимъ вопросамъ.

Почти одновременно съ окончаніемъ своей „Записки", М—чъ пересталъ быть губернскимъ предводителемъ. Оставленіе имъ этой должности произошло при обстоятельствахъ исключительныхъ. Осенью 1838 г. оканчивалось второе трехлѣтіе службы М—ча въ должности губернскаго предводителя; но еще въ началѣ іюня этого года онъ подалъ просьбу объ отставкѣ. Какія причины вызывали эту просьбу, мы незнаемъ, и вообще по этому обстоятельству намъ извѣстно немного. Малороссійскимъ губернаторомъ въ 1838 г. былъ гр. А. С. Строгоновъ. Какъ видно, онъ настолько цѣнилъ служебную дѣятельность М—ча, что проѣзжая въ это время (т. е. послѣ подачи прошенія объ отставкѣ) чрезъ Глуховъ, нарочно видѣлся съ М—чемъ, съ цѣлію отклонить его отъ отставки, при чемъ и получилъ было обѣщаніе—продолжать предводительскую службу. Но спустя нѣкоторое время М—чъ писалъ Строгонову уже другое: „чувствуя въ полной мѣрѣ вниманіе в. с—ва, съ которымъ вы изволили войти въ объясненіе со мною по сему предмету, (т. е. объ отставкѣ), при чемъ я сдѣлалъ извѣстными вамъ причины, заставляющія меня увольниться, мнѣ весьма прискорбно, что я не могу дослужить срока, на который избранъ дворянствомъ, и весьма бы пріятно было продолжать службу подъ начальствомъ вашимъ, и самыя непреоборимыя препятствія могли только меня заставить просить увольненія за четыре мѣсяца до срока. Главнѣйшая есть худое состояніе моего здоровья. Смѣю надѣятся, что в. с—во не усумнитесь въ справедливости словъ моихъ и окажете уваженіе къ моей просьбѣ". Послѣ этого письма прошеніе М—ча объ отставкѣ было отослано въ Петербургъ. Но прежде чѣмъ отставка была разрѣшена, начались, въ к. сентября, губернскіе выборы, на которые однакожъ М—чъ не поѣхалъ, послявъ заявленіе, что отъ дальнѣйшей службы онъ отказывается.—

Тѣмъ не менѣе, 8-го октября, прибылъ въ Сварковъ изъ Чернигова „нарочный чиновникъ“ и привезъ постановленное 7 октября опредѣленіе дворянскаго губ. собранія о томъ, что „дворянство черниговской губерніи вмѣнитъ себѣ въ особенную честь, если А—ръ М—ловичъ дозволитъ балотировать себя на настоящихъ выборахъ и тѣмъ откроетъ случай доказать ему ту неизлагаемую, неизмѣнную признательность свою, которою дворянство черниговской губерніи не престанетъ быть одушевляемо“. Въ отвѣтѣ своемъ, посланномъ въ Черниговъ 14 октября по эстафетѣ, М—чъ благодарилъ дворянство „за новый знакъ его благорасположенія“, при чемъ добавлялъ: „кратковременная отлучка замедлила отвѣтъ мой до сего времени; полагаю, что выборы кончились, въ противномъ случаѣ, исполненный чувствами глубочайшей признательности, готовый забыть на себя (*sic*), я предоставилъ бы почтенѣйшему дворянству располагать мною по его благоразсмотрѣнію“. Но дворянское собраніе въ ожиданіи отвѣта, повидимому, не закрылось, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ М—чъ былъ выбранъ губернскимъ предводителемъ на третье трехлѣтіе. Согласно закону, выборъ этотъ былъ представленъ въ Петербургъ на утвержденіе. Между тѣмъ просьба М—ча объ отставкѣ, поданная лѣтомъ, была разрѣшена только 20 сентября, о чемъ гр. Строгоновъ увѣдомилъ черниговскаго губернатора въ полов. октября. Это извѣщеніе не остановило однакожъ представленія о выборѣ М—ча губ. предводителемъ на третье трехлѣтіе. Представленіе было отослано министру вн. дѣлъ, но государь не утвердилъ этого выбора. Причины неутвержденія изъ бумагъ М—ча не объясняются; въ послѣднихъ сохранилось лишь письмо, которое М—чъ писалъ, въ октябрѣ 1839 г., гр. Строгонову, тогдашнему министру вн. дѣлъ, принося благодарность за пожалованіе полученнаго въ это время чина. Въ письмѣ этомъ читаемъ: „Ваше с—во! Мнѣ объявлено, что государю императору благоугодно было всемилостивѣйше пожаловать меня въ надворные совѣтники. Какъ я удостоенъ сей высочайшей милости по представленію в. с—ва, то позвольте мнѣ принести вамъ глубочайшую мою за то признательность. Въ этомъ случаѣ я обязанъ двойною благодарностью в. с—ву. Если я приз-

нанъ былъ государемъ императоромъ недостойнымъ занять должность, въ которую избрало меня дворянство, то по крайней мѣрѣ имѣю счастіе видѣть, что не вовсе лишенъ я милости его величества. Но кто понесъ на себѣ всенародное изъявленіе негодованія своего государя, тотъ не долженъ быть ничѣмъ утѣшенъ, пока не будетъ удостовѣренъ, что оправданъ въ глазахъ его величества. Я былъ удостоенъ три раза утвержденія государя императора въ должностяхъ по выбору дворянства, я считалъ это самою лестною наградою на службѣ и послѣ этого— быть признаннымъ недостойнымъ!... Ни то, что я по крайнимъ обстоятельствамъ увольнился прежде наступленія новаго трехлѣтія, ни то что, по лестному для меня убѣжденію дворянства, снова забылъ на свои затрудненія, не могло кажется навлечь на меня гнѣва моего государя. Во всякомъ случаѣ, безропотно покоряюсь волѣ его величества. Вѣрно, если не этимъ, такъ другимъ я заслужилъ гнѣвъ его величества. Государь не можетъ напрасно оскорбить своего подданнаго. Да позволено будетъ только мнѣ сказать, что никогда гнѣвъ государя не падалъ на подданнаго болѣе вѣрнаго и болѣе преданнаго. Имѣя примѣръ въ предкѣ моемъ, оказавшемъ въ смутныя времена Малороссіи вѣрность и непоколебимую преданность достославному прародителю его величества [1]), я при всякомъ моемъ дѣйствіи не имѣю другой цѣли, ни другого желанія, кромѣ того, чтобы нелицемѣрно выполнить мою присягу его величеству не устами только, но и сердцемъ [2]). Какъ прежде, такъ и теперь жизнь мою и все мое счастье не оставилъ бы я принести въ жертву для пользы его величества".

Намъ неизвѣстны причины, по которымъ М—чъ не былъ утвержденъ въ предводительской должности и теперь, по давности событія, едва ли и можно разсчитывать на ихъ объясненіе.

---

[1]) М—чъ разумѣетъ своего прадѣда Андрея Марковича, который, услыхавъ объ измѣнѣ Мазепы, поспѣшилъ къ Меншикову, подъ Батуринъ, заявить свою „вѣрность", за что поставленъ былъ Глуховскимъ сотникомъ. Опис. Ст. Малор., II, 421.

[2]) За симъ слѣдуетъ зачеркнутая фраза: „тѣ, которые приписали дѣйствіямъ моимъ несвойственныя мнѣ побужденія, конечно не знаютъ, что для меня не только легкой, но и вождѣленной обязанностью было бы"...

если только этотъ случай не описанъ въ какихъ нибудь, еще невѣдомыхъ намъ, того времени мемуарахъ...

Послѣ предводительской службы М—чъ продолжалъ заниматься учено-литературными работами, но дальнѣйшее изученіе малорусской старины было отодвинуто въ сторону; подъ старость М—ча стали болѣе интересовать вопросы публицистическаго характера и преимущественно тѣсно связанные съ бытомъ народа.

Изъ работъ М—ча, сороковыхъ годовъ, относившихся къ малорусской старинѣ, могутъ быть названы двѣ: историческій очеркъ г. Глухова и—„исторія Гамалѣевскаго монастыря". Въ очеркѣ Глухова сохранено много любопытныхъ историческихъ свѣдѣній, о которыхъ М—чъ разсказываетъ, какъ очевидецъ, напр., о зданіи Румянцовской коллегіи, объ уничтоженіи глуховскихъ архивовъ, заключавшихъ въ себѣ оффиціальную исторію Малороссіи XVIII в. [1]).—Другой очеркъ—Гамалѣевскаго монастыря—написанъ М—чемъ, главнымъ образомъ, по бумагамъ семейнаго архива, такъ какъ основательницею м—ря была гетманша Скоропадская,—родная сестра прадѣда автора Андрея Марковича. Исторія Гамалѣевскаго м—ря напечатана архіеп. Филаретомъ Гумилевскимъ въ его „Описаніи Черниговской епархіи" (IV, 19—54), но безъ указанія на авторство М—ча.

Послѣднимъ трудомъ М—ча по исторіи Малороссіи было изданіе имъ „*Дневныхъ Записокъ генер. подск. Якова Марковича*" (Москва 1859. 8 д., 2 части, въ 1-й: XIV+520 и во 2-й: 414 стр.) Въ настоящее время мы знаемъ, что дневникъ своего дѣда М—чъ издалъ съ значительными сокращеніями и съ поновленнымъ языкомъ [2]), но это обстоятельство не особенно важно при оцѣнкѣ того значенія, которое имѣло изданіе этого памятника. Значеніе это было очень велико. Можно сказать, что изданіемъ „Дневныхъ Записокъ" М—чъ снялъ завѣсу съ бытовой исторіи Малороссіи XVIII в. и поставилъ насъ лицомъ къ лицу съ об-

[1]) Отрывки изъ очерка Глухова напечатаны нами въ Опис. Стар. Малор. II, 431 и слѣд.

[2]) См. предисловіе къ первой части Дневника Якова Марковича въ изд. „Кіевск. Старины".

щественною и частною жизнью нашихъ предковъ того времени. Въ „Дневныхъ Запискахъ“ мы впервые увидѣли оживотворенными, и гетмановъ (Апостола и Разумовскаго)—и окружавшую ихъ старшину, увидѣли ихъ въ частной, закулисной жизни, о которой до тѣхъ поръ имѣли лишь смутныя свѣдѣнія [1]). Заслуга М—ча въ изданіи дѣдовскаго дневника на столько велика, что если бы онъ литературную свою дѣятельность ограничилъ только напечатаніемъ этого памятника, то уже и за это имя его не было бы забыто въ малорусской исторіографіи.

Въ настоящее время, хотя и начато полное изданіе Дневника Як. Марковича, но, въ виду обширности этого памятника, изданіе это если и будетъ приведено къ концу, то, конечно, очень нескоро, и мы еще долго будемъ пользоваться изданіемъ 1859 г. и помнить заслугу его издателя.

Остальныя литературныя работы М—ча не касались уже исторіи Малороссіи. Ниже (въ „Приложеніяхъ“) мы перечисляемъ всѣ остальныя статьи М—ча, съ коротенькимъ показаніемъ ихъ содержанія. Тутъ мы видимъ нѣсколько статей философскаго содержанія, но большинство ихъ касается быта народа, среди котораго М—чъ жилъ. Заботясь о нуждахъ этого народа и всячески стараясь прійти къ нему на помощь, М—чъ постоянно указывалъ на необходимость развитія въ народѣ грамотности, при чемъ прибавлялъ, впрочемъ, что „обученіе грамотѣ лишь тогда принесетъ народу надлежащую пользу, когда рядомъ съ обученіемъ будетъ идти и *воспитаніе*“. Но говоря о воспитаніи народа, М—чъ тутъ же встрѣчался съ фактомъ, что „воровство между крѣпостными крестьянами распространено болѣе, чѣмъ между свободными“ (т. е. козаками и казенными крестьянами) и тутъ же поясняль, что указанный фактъ есть слѣдствіе „самого установленія (т. е. крѣпостнаго состоянія), основаннаго на неправдѣ“... Слѣдуетъ думать, что мысль о *неправдѣ* крѣпостнаго

[1]) Годомъ раньше изданія „Дневн. Запис.“, былъ изданъ Бодянскимъ *Діаріушъ* Н. Ханенка, заключающій въ себѣ тоже цѣнныя свѣдѣнія по бытовой исторіи XVIII в., но этотъ памятникъ ограничивался лишь однимъ годомъ. Полностью *Дневникъ* Н. Ханенка былъ изданъ только черезъ 25-ть лѣтъ послѣ „Дневныхъ Записокъ“ Як Марковича.

права родила у М—ча намѣреніе уничтожить эту неправду по отношенію къ своимъ крестьянамъ. По этому предмету въ бумагахъ М—ча сохранилась копія слѣдующаго „конфиденціальнаго“ отзыва министра вн. дѣлъ гр. Перовскаго къ черниговскому губ. предводителю дворянства, писаннаго 8 мая 1852 г.—„Помѣщикъ черниговской и полтавской губерній надв. сов. Марковичъ представилъ мнѣ проектъ положенія объ увольненіи крестьянъ его изъ крѣпостнаго состоянія, на особыхъ правилахъ, прося исходатайствовать у его императорскаго величества утвержденіе сему проекту.—По сему проекту помѣщикъ Марковичъ предполагаетъ уволить своихъ крестьянъ, въ числѣ 979 рев. душъ, не въ государственные крестьяне, водворенные на собственныхъ земляхъ и не въ обязанные, а въ особое сословіе—вольныхъ поселянъ, живущихъ на земляхъ владѣльческихъ, не испрашивая согласія кредитныхъ мѣстъ, въ коихъ заложено имѣніе въ суммѣ 49250 р. Земля, принадлежащая къ увольняемому имѣнію, остается во владѣніи помѣщика въ количествѣ 4856 дес.; крестьяне же, оставаясь на жительствѣ въ увольняемомъ имѣніи, пользуются данною имъ отъ помѣщика землею за условленныя повинности и работы. Они могутъ пріобрѣтать земли отъ помѣщика и отъ другихъ лицъ, но въ первомъ случаѣ имѣютъ право продать оную только помѣщику и его наслѣдникамъ, а въ послѣднемъ—должны брать отъ помѣщика въ пользованіе землю за особыя повинности. Нежелающій подвергнуться сему условію или не нуждающійся въ землѣ обязанъ искать себѣ другое званіе или другихъ способовъ существованія. Порядокъ исполненія рекрутской повинности остается прежній, съ тѣмъ, что владѣлецъ имѣетъ право освобождать одного въ каждый наборъ по каждому участку... Усматривая, что представленный г. Марковичемъ проектъ содержитъ въ себѣ существенныя отступленія отъ главныхъ началъ увольненія крестьянъ изъ крѣпостного владѣнія (ст. 760—795 и 903—913 св. зак. т. IX) я покорнѣйше прошу, в. пр—во, объявить г. Марковичу, что засимъ я не считаю себя въ правѣ представить проектъ его на высочайшее усмотрѣніе“. Къ сожалѣнію, въ бумагахъ М—ча

не сохранилось самого проэкта, изъ котораго можно было бы увидѣть его частности.

На сколько М—чъ интересовался осуществленіемъ своего проэкта, это видно изъ слѣдующаго письма, тогда же писаннаго къ нему Д. В. Кочубеемъ (въ то время членомъ государств. совѣта).—„Продолжительное молчаніе мое на письмо ваше могло уже быть принятымъ вами за худое предзнаменованіе и внушить вамъ сомнѣніе на счетъ ожидаемаго рѣшенія дѣла для васъ интереснаго, ибо оно касается устройства будущей судьбы вашихъ крестьянъ. Къ сожалѣнію, ваши предчувствія сбылись, если вы ожидали неудачи.—Въ самомъ началѣ, по полученіи вашего прошенія, я замѣтилъ, что дѣло это встрѣтитъ препятствія и возраженія; не менѣе того, не терялъ надежды, что эти затрудненія будутъ устранены нѣкоторыми измѣненіями въ проектѣ, вами составленномъ, а главныя условія будутъ утверждены, но впослѣдствіи, и то весьма недавно, я убѣдился, что подобнаго рода предположенія, при теперешнемъ духѣ и мысляхъ, не находятъ здѣсь сочувствія, что имъ не довѣряютъ и какъ будто страшатся отъ нихъ вредныхъ послѣдствій. *Нельзя не сознаться, что въ нѣкоторомъ отношеніи эти опасенія не безосновательны.* Поэтому-то, какъ кажется, привято теперь за правило строго держаться изданнымъ на этотъ случай узаконеніямъ и какъ скоро представленный проектъ не вполнѣ съ оными согласуется, то, не входя въ разборъ онаго, просто отказываютъ. Въ прошломъ году послѣдовало два подобныхъ отказа, а теперь и ваше предположеніе подверглось той же участи и по тѣмъ же причинамъ... Изъ сего легко вы можете заключить, что участіе мое въ ономъ не могло измѣнить общаго направленія, принятаго для дѣлъ сего рода, и что въ настоящее время невозможно было достигнуть желаемой вами цѣли. Я понимаю, что вы не равнодушно примите это извѣстіе, узнавъ, что благія намѣренія ваши не могутъ осуществиться... Впрочемъ, объ этомъ, какъ о многомъ другомъ, мы переговоримъ подробнѣе по прибытіи моемъ на родину".

Письмо Кочубея указываетъ также, что тѣ „опасенія", которыя возбуждали подобные проэкты у правительства, находили

себѣ мѣсто и у „высокопоставленныхъ“ сосѣдей М—ча, на помощь которыхъ онъ разсчитывалъ при просьбѣ объ осуществленіи своего проекта... Обращаясь къ этому проэкту, изъ оффиціальнаго извѣщенія министра мы видимъ, что М—чъ предоставлялъ крестьянамъ только личную свободу, сохраняя за ними однакожъ право на пользованіе землею „за условленныя *повинности и работы*“. Конечно, въ условіяхъ пользованія землею заключалась вся сущность вопроса... Мы не знаемъ, какія мѣры были проэктированы при этомъ на случай неисполненія крестьянами условій, но конечно мѣры такія были указаны, при чемъ примѣненіе ихъ на практикѣ могло приводить къ результатамъ противоположнымъ намѣренію М—ча... Впрочемъ, эти соображенія не уничтожаютъ того факта, что М—чъ готовъ былъ принести значительную матеріальную жертву для уничтоженія у себя „неправды“ крѣпостнаго состоянія...

Черезъ шесть лѣтъ послѣ не осуществившейся мысли М—ча—дать своимъ крѣпостнымъ личную свободу, въ Черниговѣ былъ открытъ „губернскій комитетъ объ улучшеніи и объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ“, въ который вошло по два члена отъ каждаго уѣзда; однимъ изъ членовъ отъ глуховскаго уѣзда былъ выбранъ и М—чъ. Черниговскій комитетъ, наравнѣ съ другими, выработалъ свой „проектъ улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ“, при чемъ, для представленія правительству нужныхъ свѣдѣній и объясненій при разсмотрѣніи этого губернскаго проэкта, должны были отправиться въ Петербургъ два члена комитета, по выбору послѣдняго. Въ Черниговѣ этими членами были выбраны М—чъ и В. О. Подвысоцкій. При этомъ слѣдуетъ добавить, что при образованіи губернскихъ комитетовъ,—въ каждый изъ нихъ назначены были правительствомъ особо по два члена—для защиты интересовъ крестьянъ, при чемъ въ черниговскій комитетъ такими членами были назначены Г. П. Галаганъ и В. В. Тарновскій († 1866 г.). Засимъ, при составленіи губернскихъ проэктовъ предоставлено было комитетамъ таковые составить не только *большинству*, но и *меньшинству* комитета, если послѣднее того пожелаетъ. Въ черниговскомъ комитетѣ меньшинство особаго проекта не составляло, ограничившись лишь указаніемъ своихъ

возраженій противъ тѣхъ или другихъ параграфовъ общаго проэкта. Эти возраженія *меньшинства* подписалъ и М—чъ. Затѣмъ, когда въ Петербургѣ рѣшено было пригласить въ редакціонныя коммиссіи по два члена отъ губернскихъ комитетовъ („для представленія нужныхъ объясненій"), то одинъ изъ нихъ долженъ былъ представлять большинство, а другой—меньшинство. При вызовѣ этихъ членовъ въ Петербургъ, М—чъ получилъ отъ губернатора такое приглашеніе: „имѣя въ виду, что в. в—діе избраны въ комитетѣ членомъ для поѣздки въ Петербургъ и что хотя меньшинствомъ черниговскаго комитета не было составлено особаго проэкта положенія, но *вы изволили подписать возраженія, сдѣланныя меньшинствомъ* на нѣкоторыя главы общаго положенія, я имѣю честь увѣдомить васъ, м. г., о распоряженіи г. министра (о пріѣздѣ членовъ въ Петербургъ къ 15 августа 1859 года) и покорнѣйше прошу отправиться къ назначенному сроку въ Петербургъ, для представленія правительству нужныхъ свѣдѣній и объясненій *отъ меньшинства* черниговскаго дворянскаго комитета".

Такимъ образомъ, при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса М—чъ фактически выдѣлился изъ „консерваторовъ..."

По мягкости своего характера, М—чъ не могъ быть въ крестьянскомъ вопросѣ тѣмъ энергическимъ противникомъ „большинства", какими являлись, напр., Галаганъ и Тарновскій, но тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству близкихъ къ М—чу людей, онъ *искренно радовался* освобожденію крестьянъ, а съ бывшими своими крѣпостными разошелся такъ, что добрыя съ ними отношенія у М—ча продолжались и послѣ 1861 года, чему примѣры, какъ лично намъ извѣстно, были очень рѣдки. *Искреннее человѣколюбіе* М—ча чувствовалось всѣми, въ томъ числѣ и бывшими его крѣпостными... Это же человѣколюбіе звучитъ и въ его завѣщаніи, (написанномъ въ 1857 г.), въ которомъ, между прочимъ, М—чъ говоритъ: „Завѣщаю наслѣдникамъ моимъ, извѣстнымъ мнѣ своими благородными качествами [1]), управлять имѣніемъ моимъ на

[1]) А. М. М—чъ не былъ женатъ и наслѣдниками его явились родные его племянники.

тѣхъ человѣколюбивыхъ правилахъ, которыми я старался руководствоваться, и сохранять тѣ установленія, какія при мнѣ существуютъ, какъ то: платить за всѣхъ крестьянъ моихъ, какъ доселѣ, всѣ подати, служителямъ моимъ выдавать не менѣе того содержанія деньгами и протчимъ, какое они получаютъ, награждать ихъ за хорошее поведеніе и похвальныя чувства, продолжать содержать въ Сварковѣ больницу для сифилистической и другихъ острыхъ болѣзней, принимать въ оную всѣхъ приходящихъ больныхъ безплатно, содержать въ Сварковѣ и Перервенцахъ сельскія школы[1]), пѣвчихъ для церковнаго пѣнія, фельдшеровъ, оказывать всякое возможное пособіе бѣднымъ болящимъ, и своимъ и чужимъ, и, между протчимъ, снабжать бандажами страждущихъ грыжами, давать положенныя годовыя платки священникамъ и причту, за молебствія и панахиды[2]). Надѣюсь— наслѣдники мои священною обязанностью и достойнымъ удовольствіемъ почтутъ все вышеписанное продолжать исполнять, особенно же содержать въ селѣ Сварковѣ находящуюся больницу для сифилитической болѣзни. Это простое заведеніе, учрежденное достойнымъ памяти дѣдомъ моимъ Яковомъ Марковичемъ, завѣщалъ онъ своимъ наслѣдникамъ содержать, и съ тѣхъ поръ около ста лѣтъ содержалась она бабкою моею, родителями и наконецъ мною. Оно такъ полезно и такъ немного стоитъ, что грѣшно его пренебречь или уничтожить. Всегда болѣе ста больныхъ страдальцовъ и съ тяжкими язвами, въ продолженіе года въ немъ приняты бываютъ и, какъ изъ больничныхъ списковъ видно, почти всегда исцѣляются, по милости Божіей и помощію

---

[1]) Сельская школа въ Сварковѣ такъ заботливо содержалась при А. М—чѣ, что сюда помѣщали своихъ дѣтей и нѣкоторые мѣстные бѣдные дворяне. Эту школу мы видѣли лѣтомъ 1862 года, т. е. черезъ годъ послѣ освобожденія крестьянъ, и въ ней ученіе продолжалось *во всемъ на прежнемъ основаніи*: М—чъ продолжалъ платить жалованье учителю и продолжалъ содержать училищный домикъ въ прежнемъ порядкѣ... Это былъ исключительный примѣръ *продолженія прежнихъ добрыхъ отношеній помѣщика къ бывшимъ своимъ крестьянамъ*..

[2]) Въ 1834 году М—чъ установилъ было опредѣленную плату сварковскому причту за требоисправленіе, заключивъ съ причтомъ особый объ этомъ договоръ, при чемъ на эти договорныя отношенія согласились и сварковскіе козаки. См. „Кіев. Стар.“, 1896 г., апрѣль.

великаго угодника его, святителя Николая Мирликійскаго, нашего сельскаго покровителя [1]). Да низведутъ молитвы и благодаренія сихъ болящихъ на владѣльцевъ села Сваркова и на весь сію (т. е. на Сварковъ) благословеніе и милость Господа за пріютъ и исцѣленіе несчастливцевъ, которые безъ того могли бы заражать другихъ, или же сами были бы отвергаемы своими семействами. Мы должны благодарить Господа, что въ фамиліи нашей былъ достойный мужъ, которому пришла такая достойная мысль еще въ то время, когда филантропическія понятія мало были распространены..."

Умеръ А. М. М—чъ 15 декабря 1865 года, при чемъ мѣсяца за три до смерти онъ былъ избранъ уѣзднымъ гласнымъ только что нарождавшагося тогда земства... Несомнѣнно, что если бы М—чъ жилъ нѣсколько позже, то онъ сталъ бы виднымъ земскимъ дѣятелемъ... Земская дѣятельность наиболѣе подходила къ его заботамъ о благѣ ближняго [2]).

Ал. Лазаревскій.

Приложенія [3]).

1) *Совѣты молодымъ дѣвицамъ.* Статья эта состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій: а) О благодати божіей, б) О обязанностяхъ нашихъ къ Богу и т. д.

2) *Правила къ руководству.* Рядъ мыслей по разнымъ вопросамъ обыденной жизни.— «Беречь деньги, но совсѣмъ не то, чтобы только прятать ихъ въ сундукъ. При издержкѣ смотрѣть нѣтъ ли полезнѣе или нужнѣе предмета, на который я бы могъ или долженъ

---

[1]) Одинъ изъ близкихъ родственниковъ М—ча разсказываетъ, что существовавшую въ Сварковѣ больницу для сифилитиковъ А. М. значительно увеличилъ, устроивъ въ ней 24 кровати, при чемъ при больницѣ имѣлся особый фельдшеръ, а докторъ больницу посѣщалъ изъ Глухова. Въ больницу принимались *всѣ приходившіе* больные, хотя бы и изъ чужихъ губерній, при чемъ содержаніе и одежду они получали отъ М—ча.

[2]) Бумаги, по которымъ составленъ настоящій очеркъ, предоставлены были въ наше пользованіе П. Я. Дорошенкомъ, за что и приносимъ ему сердечную нашу благодарность.

[3]) Указываемыя здѣсь статьи расположены, по возможности хронологически.

былъ употребить деньги. Богатый человѣкъ не долженъ быть излишне бережливъ. Онъ долженъ часть своихъ денегъ издержать для общества, для людей, которые живутъ своею работою. Моты полезнѣе даже скупца».—«Старайся во всякомъ случаѣ побѣждать малодушіе, робость, боязливость. Не бойся несчастій, ни смерти. Не имѣй робости передъ начальникомъ или передъ высшими лицами и въ обществахъ, въ которыхъ не привыкъ быть».—«Стараться всегда возможное добро сдѣлать. Самое великое добро, кажется, состоитъ въ томъ, чтобы все то дѣлать, что послужить можетъ къ исправленію человѣка».—«Беречь время. Игра въ карты»...

3) *О ложности сужденій и мнѣній.*—«Чрезвычайно много зла существуетъ въ семъ мірѣ, потому только, что мнѣнія наши ложны и превратны; весьма много люди сдѣлали и дѣлаютъ вреда не потому единственно, что они сами имѣютъ ложныя заключенія, но и потому, что эти заключенія равно приняты, если не вообще, то значительнымъ большинствомъ...—Нѣтъ ничего для благосостоянія рода человѣческаго вреднѣе, какъ наше неразборчивое удивленіе дѣламъ людей ума необыкновеннаго. Это, вѣроятно, было одною изъ причинъ, породившихъ столько завоевателей, столько коварныхъ министровъ. Что сужденія наши не сдѣлались правильными, доказываютъ еще произшествія недавнихъ временъ. Что мы читаемъ и слышимъ о Наполеонѣ? Человѣкъ, который долженъ бы... (носить?) на себѣ тягость негодованія и презрѣнія народовъ, есть до сихъ поръ идолъ многихъ... Есть люди, которые будутъ утверждать, что появленіе и дѣйствія Наполеона произвели многія добродѣтельныя послѣдствія. Быть можетъ, несчастіе есть великій урокъ, но гораздо лучше, если бы эти послѣдствія пришли позже и сами собою или не отъ причинъ столь тяжкихъ»...

4) *Нѣкоторыя замѣчанія о положеніи малороссійскихъ козаковъ.*—Замѣчанія касаются экономическаго быта козаковъ, при чемъ М—чъ указываетъ тѣ мѣры, которыя могли бы помочь уменьшенію числа бѣдныхъ дворовъ и освободить ихъ отъ зависимости богатыхъ. Замѣчанія написаны послѣ изданія Устава 17 января 1838 года и заключаютъ въ себѣ указаніе на полезность нѣкоторыхъ въ немъ поправокъ.

5) *Разсказы сельскаго жителя.*—(1838). Рядъ мыслей о томъ, въ чемъ заключается счастье людей и отъ чего оно зависитъ. «Всякаго мыслящаго человѣка поразитъ то, что люди, добиваясь такъ собственнаго благополучія и страшась его потерять, такъ мало чувствительны

къ несчастіямъ другихъ, такъ легкомыслены и недоброжелательны въ поступкахъ, и дѣйствіяхъ, и словахъ, могущихъ имѣть вліяніе на счастіе другого и такъ мало заботятся о счастіи тѣхъ, коихъ участь въ ихъ рукахъ. Одного, столь не труднаго, повидимому, правила достаточно было бы, чтобы родъ человѣческій наслаждался большимъ спокойствіемъ и счастіемъ: не дѣлай и не желай того другому, чего себѣ не желаешь..».

6) *Путешествіе за границу въ 1841 и 1842 г. г.*— Во время своей двухлѣтней поѣздки заграницу М—чъ велъ дневникъ, на основаніи котораго и составилъ полный о ней разсказъ, заглавленный—*Путешествіе въ нѣкоторыя европейскія государства въ 1841 и 1842 г.г.*[1]). Въ предисловіи читаемъ: «Въ послѣдніе годы издано, подъ разными названіями, столько путешествій по Европѣ, что приводя свои дорожныя замѣтки въ порядокъ, невольно подумываю, слѣдуетъ ли ихъ *издавать*? Не только для другихъ, но можетъ быть и для себя, не лучше ль было бы оставить ихъ въ рукописи. При томъ, скоро некому будетъ читать путешествій по Европѣ...» Изъ этого видно, что М—чъ свои записки имѣлъ въ виду напечатать; однакожъ и они остались въ рукописи.

Изъ этого «Путешествія» приводимъ небольшой отрывокъ касающійся правобережной Малороссіи.

«Мы выѣхали изъ Кіева 25 мая 1841 года. Дорога хорошая; почти исправная; обсажена красивыми деревьями и часто тополями. Мнѣ показались губерніи, черезъ которыя мы проѣзжали, по строеніямъ и по виду народа, въ хорошемъ положеніи. Лошади крестьянскія однако худы. Работаютъ землю плугами. Народъ въ кіевской и волынской губерніяхъ говоритъ помалороссійски[2]); въ послѣдней однако больше по-польски. Есть по дорогѣ богатыя мѣстечка владѣльцевъ и старинные города, на которые можно взглянуть съ любопытствомъ, особенно на остатки и развалины старинныхъ зданій, замковъ костеловъ, укрѣпленій...

Города Новградъ-Волынскій, Острогъ, Дубно, которые мы проѣзжали, наполнены жидами. Иногда подумаешь, что заѣхалъ въ Палестину. Эти жиды, мужчины, женщины, дѣти, всѣ вѣчно на улицахъ, всѣ въ вѣчномъ движеніи. Никого не увидишь, кромѣ жидовъ.

---

[1]) На 17 листахъ писчей бумаги мелкаго письма.

[2]) Какъ мало знали тогда правобережную *Малороссію* даже такіе образованные лѣвобережные малороссіяне, какимъ былъ М—чъ...

Я думаю, что имъ не совсѣмъ весело: некого обманывать, одуривать, обирать. Нѣтъ нашихъ мужичковъ. За то, надобно видѣть, какое важное происшествіе составляетъ проѣздъ или проходъ кого либо. Все приходитъ въ движеніе, въ суету—нельзя ли чѣмъ поживиться при этомъ случаѣ? Остановишся только наминуту; жиды и жидовки тотчасъ окружатъ васъ: «не нужно ли бритвъ, мыла, ваксы, мѣнять денегъ. Посмотрите то, посмотрите другое, не угодно ли кушать?—у насъ здѣсь все есть, что угодно; недавно гр. Витгенштейнъ у насъ обѣдалъ; всѣ знатные здѣсь останавливаются, если угодно я провожу...» Въ Бродахъ тоже биткомъ набито жидами и тоже все это на улицахъ. Но нигдѣ не представляются они въ такомъ жалкомъ видѣ, какъ въ таможнѣ. Они безпрестанно переходятъ изъ Россіи въ Австрію и изъ Австріи въ Россію, имѣя въ виду мелкіе выигрыши или выгоды; напр., пойдетъ въ старомъ платьѣ, тамъ его оставитъ и возвращается въ новомъ. Всякія поруганія не только мужчины, но и женщины готовы вытерпѣть, чтобъ только ихъ пропустили туда или оттуда»...

Какъ видно, евреи привлекли особенное вниманіе М—ча, несмотря на то, что онъ былъ постоянный житель Малороссіи, но дѣло въ томъ, что 55 лѣтъ назадъ въ лѣвобережной Малороссіи евреевъ *было еще мало*, даже и въ городахъ...

Переѣхавъ заграницу, М—чъ замѣчаетъ: «У поселянъ одежда родъ нашихъ степовыхъ кафтановъ, ушита тясмами и шнурками. Довольно красиво. Поселянки некрасиво одѣваются. *Видъ здѣшнихъ костюмовъ напоминаетъ мнѣ старинныя одежды у насъ въ Малороссіи*» ..

7) *О нравственной жизни человѣка.* (1844 г.) «Это сочиненіе есть слѣдствіе разговоровъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, котораго участь была близка сочинителю. Разсужденіе о томъ, что есть нѣкоторые предметы постоянныхъ заботъ человѣка, напр. здоровья, счастья, воспитанія, исправленія нравственности и проч. предметовъ первой важности для человѣка въ частности и для человѣчества вообще...» «Что между тѣмъ человѣчество, такъ много заботясь о себѣ, мало преуспѣваетъ». Затѣмъ авторъ излагаетъ свои мысли о томъ, какими способами можно подвинуть самоусовершенствованіе...

8) *Отвѣтъ на задачу, предложенную ученымъ комитетомъ м—ва госуд. имуществъ для конкурса на 1842—43 г.*— «Разсужденіе о настоящемъ состояніи хозяйства у крестьянъ земледѣльцевъ съ объясненіемъ причинъ экономическихъ и нравственныхъ, препятствующихъ развитію его и съ указаніемъ средствъ къ отвращенію оныхъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ—«Краткое, но ясное наставленіе, заключающее въ

себѣ основныя правила земледѣлія, доступныя понятіямъ и средствамъ крестьянъ и приноровленныя къ одной изъ трехъ полосъ Россіи: средней, сѣверной и южной или степной». Сочиненіе это удостоено золотой медали и, кажется, было тогда же напечатано. Для исторіи крестьянскаго быта и хозяйства въ южной Россіи оно не потеряло своего значенія и теперь.

9) *Наставленіе земледѣльцамъ.* — Рядъ указаній, которыя могутъ способствовать улучшенію экономической жизни крестьянъ. — Повидимому, составляетъ дополненіе къ предыдущему.

10) *Земледѣльческій календарь.* (2 листа писчей бумаги)—составленъ въ 1849 г., по просьбѣ Гоголя, который писалъ М—чу: — «Подстрекаемый добротою вашей и расположеніемъ дѣлать пріятное пріятелямъ, безпокою васъ слѣдующею убѣдительною просьбою: составьте для меня маленькой сельской календарь годовыхъ работъ, какъ они производятся у васъ въ черниговской губерніи. По днямъ, т. е. съ какого святого какая начинается работа, какъ она и съ какими обрядами производится и какія существуютъ по этому поводу народныя поговорки и замѣчанія, обратившіяся въ правила и руководства...». Письмо это писано Гоголемъ въ к. іюня 1849 г., изъ Москвы, а 6 декабря онъ благодаритъ М—ча «за календарь[1])». Составленный по этому случаю календарь заключаетъ въ себѣ коротенькій дневникъ народныхъ праздничныхъ обычаевъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, гораздо подробнѣе нынѣ описанныхъ въ сборникахъ Чубинскаго и др.

11) *О распространеніи грамотности,* брошюра, напечатанная въ 1851 г. (М. 8°. 13 стр.) съ объясненіемъ, что эта записка была читана въ засѣданіи (московскаго) общества сельскаго хозяйства, въ

---

[1]) Древн. и Нов. Рос. 1879 г. № 1, 63—64. Письма Гоголя къ А. М. М—чу (числомъ 9), сообщенныя Ф. М. Уманцомъ, который при этомъ приводитъ и коротенькія свѣдѣнія о М—чѣ, съ выдержками изъ его дневниковъ. Относительно этихъ свѣдѣній замѣтимъ, что М—чъ учиться въ С.-Петербургск. университетѣ не могъ уже и потому, что послѣдній былъ открыть только въ 1819 году. Въ одномъ изъ примѣчаній, Ф. М. У—цъ, между прочимъ говоритъ, что А. М. М—чъ „находился въ близкомъ родствѣ съ историкомъ Малороссіи Н. А. Марковичемъ, и постоянно съ нимъ переписывался. Почти каждое письмо историка касается древностей Малороссіи". Родство А. М. М—ча съ авторомъ Исторіи Малороссіи было очень далекое; оба они были потомки двухъ разныхъ линій и были родичами не ближе какъ въ 8 степ. Письма Н. А. М—ча, о которыхъ говоритъ Ф. М. У—цъ напечатаны въ „Кіев. Стар." (1885 года, декабрь, 690), а „древности" заключаются въ свѣдѣніяхъ о портретѣ предка Марковичей и въ перечнѣ документовъ о М—чахъ. Здѣсь же, между прочимъ, *историкъ* М—чъ называетъ прилуцкаго полковника Дм. Горленка—*зятемъ Мазепы*...

ноябрѣ 1850 г. Высказывая мысли свои о необходимости грамотности въ народѣ, М—чъ говоритъ, что однакожъ «первое при этомъ условіе состоитъ въ томъ, чтобы съ ученіемъ шло нераздѣльно воспитаніе». Возражая противъ тѣхъ, кто говоритъ, что «поселяне» по выходѣ изъ школы забываютъ выученное, М—чъ говоритъ: «если бы это и въ самомъ дѣлѣ было, то и то нельзя сказать, чтобы вовсе безполезно для дѣтей прошло время, въ которое они учились. Но несомнѣнно извѣстно, что развѣ очень немногіе изъ учившихся забываютъ грамоту, а всѣ рады случаю и возможности почитать...» Далѣе М—чъ говоритъ о необходимости обучать и дѣвочекъ, находя, что «онѣ еще большую надобность имѣютъ въ воспитаніи, чѣмъ мальчики», но «для успѣха въ воспитаніи дѣвочекъ, должно непремѣнно имѣть учительницъ...» Желая распространенія школъ по селамъ, М—чъ указываетъ, что заведеніе школъ «владѣльцами» не можетъ быть связываемо съ какою нибудь матеріальною выгодою. «Распространяя грамотность въ своихъ селахъ, владѣльцы имѣли въ виду (т. е. должны имѣть въ виду) только нравственное возвышеніе человѣка, уваженіе къ земледѣльцу, собственное свое удовольствіе...»

12) *О пользѣ ученія и о неохотѣ учиться.*—(Октябрь 1861 г.) Тетрадь въ 12-ть л., заключающая въ себѣ мысли о необходимости просвѣщенія вообще какъ для народа, такъ и для высшихъ классовъ, при чемъ авторъ приводитъ свои соображенія—какими путями удобнѣе всего распространять просвѣщеніе. Засимъ излагается кодексъ нравственнаго воспитанія, основаннаго на религіи, подробное изложеніе истинъ христіанскаго ученія, обязанности гражданскія по отношенію къ обществу и государству, примѣры изъ русской исторіи о лицахъ, отличившихся исполненіемъ гражданскаго долга.—Особенно много распространяется авторъ о необходимости грамотности и воспитанія для народа. По поводу распространенія грамотности М—чъ приводитъ примѣры—съ какою охотою народъ идетъ учиться и говоритъ: «когда въ недавнее время открылись воскресныя школы, то къ великому утѣшенію доброжелательныхъ людей, явились многія доказательства, какъ велико въ народѣ желаніе учиться. Напримѣръ, мальчики и дѣвочки, которые прежде съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали воскресенія или другого праздника, чтобы все время ничего не работать и ничѣмъ не заниматься, спѣшили въ воскресную школу даже гораздо прежде времени, назначеннаго для открытія училища; взрослые молодые люди, находившіеся въ ученіи у ремесленниковъ, къ несчастію обыкновенно провождающіе праздники непорядочно,

также приходили въ классъ. Самъ я видѣлъ солдатъ, сидящихъ рядомъ съ мальчиками за букваремъ; видѣлъ даже земледѣльца женатаго, поселянъ уже взрослыхъ, семейныхъ, неграмотныхъ, которые упрашивали или нанимали мальчиковъ грамотныхъ, чтобъ они учили ихъ азбукѣ. Вилѣлъ семьянина приходившаго за 25 верстъ отъ города и нанявшаго въ городѣ квартиру для того, чтобы ходить въ воскресную школу..»

Относительно воспитанія народнаго авторъ указываетъ на значеніе при этомъ «картинъ и другихъ изображеній» и говоритъ: «каждый годъ въ Кіевъ приходитъ много странниковъ и странницъ, которые съ пребольшимъ любопытствомъ разсматриваютъ иконописныя работы, внутри и внѣ храмовъ, и желаютъ узнавать ихъ значеніе. Они обращаются къ незнакомымъ господамъ, прося ихъ разъясненія, или же складываются и договариваютъ монаха или причетника для истолкованія изображеній. Однажды мнѣ случилось видѣть, что на хорахъ нѣкоторое число женщинъ, осматривая мозаичную работу въ Софійскомъ кіевскомъ соборѣ, обратились къ одному господину [1]), спрашивая его объясненій. Господинъ, который самъ на это вѣжливо согласился, между прочимъ, указалъ имъ въ мозаикѣ изображеніе пресвятой Дѣвы Маріи, которая прядетъ. Эти женщины съ изумленіемъ услышали о томъ и съ большимъ напряженіемъ старались разсмотрѣть изображеніе и удостовѣрившись въ томъ, весьма были тѣмъ удивлены. Одна изъ нихъ сказала: «вотъ мы грѣшныя скучаемъ и жалуемся, когда намъ надо прясть, а сама Царица Небесная пряла». Господинъ имъ на это сказалъ: «конечно, любезная странница, можно иногда поскучать и пожаловаться, когда вамъ приходится прясть особенно много, но можетъ быть вамъ никогда не приходила мысль о томъ, какое доброе дѣло вы дѣлаете, когда занимаетесь этою работою. Вы трудами своими одѣваете и родителей своихъ, и мужей, и дѣтей...»

13) *Замѣтки по тюремному дѣлу.*—(1861г.). Говоря о преступленіяхъ и ихъ причинахъ, М—чъ пишетъ: «Между крестьянами крѣпостными воровство болѣе распространено было, чѣмъ между крестьянами свободными. Это произошло, конечно, не по винѣ владѣльцевъ, но по свойству самого установленія, основаннаго на неправдѣ. Народъ, конечно, чувствовалъ несправедливость и не считалъ за грѣхъ и стыдъ обкрадывать своихъ господъ...» Затѣмъ М—чъ указываетъ, какъ на одну изъ причинъ переполненія тюремъ, на медленность судопроизводства.

[1]) По всѣмъ вѣроятіямъ, этотъ „господинъ" былъ самъ М—чъ,—такъ это не него похоже...

14) *Замѣчанія о народномъ здравіи*—были присланы М—чемъ, въ 1863 г, въ черниговскій губернскій статистическій комитетъ, въ отвѣтъ на извѣщеніе объ избраніи его въ члены комитета. «Удостоенный избраніемъ въ члены черниговскаго статическаго комитета и понимая всю важность науки, которая имѣетъ цѣлію уменьшить сумму бѣдствій человѣчества и прибавить, что возможно къ его благоустройству, я желалъ бы имѣть и болѣе познаній, и болѣе средствъ, чтобы быть въ возможности хотя вмалѣ содѣйствовать комитету въ полезныхъ его занятіяхъ...». Такъ М—чъ благодаритъ комитетъ за избраніе и на первый разъ представляетъ свои «замѣчанія о народномъ здравіи». Въ этихъ замѣчаніяхъ авторъ говоритъ, что «забота первой важности всякаго благоустроеннаго правительства есть охраненіе народнаго здоровья»—Затѣмъ, онъ высказываетъ свои мысли объ уменьшеніи пьянства, о предупрежденіи развитія въ народѣ сифилиса и о помощи больнымъ грыжею, при чемъ М—чъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ, по «которымъ народъ подвергается этому можно сказать, несчастію, (грыжамъ) указываетъ на «худое состояніе дорогъ...»

«Замѣчанія» М—ча прежде всего указываютъ на ближайшее его знакомство съ жизнью народа во всѣхъ ея мелочахъ: онъ, напр., разсказываетъ, какія причины чаще всего вызываютъ у крестьянъ воспаленіе легкихъ и т. д.

КЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ СЪѢЗДУ ВЪ КІЕВѢ[1].

Засѣданія предварительнаго комитета по устройству съѣзда въ Москвѣ, 4-го, 5-го и 6-го января с. г.

На послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ было рѣшено, какъ уже извѣстно, слѣдующему, XI-му, съѣзду собраться въ Кіевѣ, въ 1899 году. Благодаря энергичной дѣятельности Московскаго Археологическаго Общества возможно было уже теперь, въ январѣ, устроить засѣданія предварительнаго комитета, на которыя были приглашены депутаты отъ университетовъ и различныхъ ученыхъ обществъ. Засѣданія происходили 4-го, 5-го и 6-го января въ Москвѣ, въ старинномъ зданіи, гдѣ помѣщается Археологическое Общество. Депутатовъ собралось болѣе 50-ти: отъ университетовъ, духовныхъ академій, археологическихъ обществъ, архивныхъ коммиссій, статистическихъ комитетовъ и т. п. Къ сожалѣнію, предварительному комитету пришлось собираться при не совсѣмъ благопріятныхъ обстоятельствахъ: засѣданія его совпали съ болѣзнью предсѣдателя Мос-

[1]) Подъ такой рубрикой редакція „Кіевской Старины" имѣетъ намѣреніе помѣстить, по мѣрѣ поступленія матеріала, все, что такъ или иначе будетъ касаться предстоящаго съѣзда. Въ виду того большого значенія, какое съѣздъ можетъ имѣть для дѣла изученія и разработки прошлаго Южной Россіи, редакція, помимо помѣщенія свѣдѣній о дѣятельности предварительныхъ комитетовъ по устройству съѣзда, открываетъ страницы журнала для всѣхъ, кто пожелаетъ высказать то или другое мнѣніе, сдѣлать запросъ, предложеніе или затронуть тотъ или другой вопросъ, имѣющій отношеніе къ съѣзду;—все это и будетъ помѣщаться подъ вышеприведенной рубрикой.—*Ред.*

ковскаго Археологическаго Общества графини П. С. Уваровой, по той-же причинѣ не могъ пріѣхать въ Москву и иниціаторъ кіевскаго съѣзда—проф. В. Б. Антоновичъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи, не слѣдя день за днемъ за дѣятельностью комитета, мы постараемся указать на то, въ чемъ вообще выразилась эта дѣятельность, а затѣмъ, въ концѣ, перечислимъ вопросы и запросы, предложенные съѣзду.

Дѣятельность комитета открылась избраніемъ предсѣдателя и секретаря. Предсѣдателемъ единогласно избрана гр. П. С. Уварова, секретаремъ—секретарь Московск. Археологич. Общества В. К. Трутовскій; временнымъ предсѣдателемъ—вице-предсѣдатель того-же общества академикъ Д. Н. Анучинъ; подъ руководствомъ послѣдняго и происходили засѣданія комитета.

Прежде всего было приступлено къ выработкѣ правилъ будущаго съѣзда; для руководства взяты правила послѣдняго рижскаго съѣзда и отчасти кіевскаго (1874 г.). Въ общемъ приняты правила рижскаго съѣзда—измѣненія коснулись только нѣкоторыхъ частностей, въ зависимости отъ мѣста будущаго съѣзда. Какъ и рижскій, кіевскій съѣздъ будетъ собираться съ 1-го по 20 августа, при чемъ двѣ первыя недѣли посвящаются рефератамъ, послѣдняя—экскурсіямъ. Подготовительныя работы къ съѣзду будутъ находиться въ вѣдѣніи предварительныхъ комитетовъ; постановлено образовать такой постоянный комитетъ въ Москвѣ и предоставить ему право учреждать по мѣрѣ необходимости мѣстные комитеты. Конечно, необходимо будетъ прежде всего устроить такой комитетъ въ Кіевѣ, и на засѣданіяхъ даже было высказано пожеланіе, чтобы предсѣдателемъ его былъ В. Б. Антоновичъ. Что касается отдѣловъ или секцій, на которыя обыкновенно раздѣляются съѣзды, то рѣшено образовать новую—древностей южныхъ и западныхъ славянъ, съ цѣлью привлечь западныхъ славянскихъ ученыхъ; объ этомъ особенно хлопоталъ депутатъ унив. св. Владиміра проф. Т. Д. Флоринскій; по его предложенію рѣшено заблаговременно разослать приглашеніе этимъ ученымъ, чтобы дать время подготовить рефераты; по заявленію нѣкоторыхъ другихъ членовъ комитета признано желательнымъ участіе въ съѣздѣ также мадь-

ярскихъ и румынскихъ ученыхъ, хотя высказывались и опасенія, чтобы національная рознь этихъ представителей борющихся народностей не отразилась и на дѣятельности съѣзда—опасенія эти, разумѣется, вполнѣ неосновательны. Довольно оживленные дебаты поднялъ вопросъ о выставкахъ при съѣздѣ; нѣкоторыя заявленія по этому поводу, въ формѣ уже принятыхъ рѣшеній (о нихъ—ниже), дали поводъ высказать и другія пожеланія, напр. объ устройствѣ этнографической выставки; постановлено на томъ, что при устройствѣ выставокъ должна быть принята во вниманіе программа съѣзда; программа эта, какъ извѣстно, довольно широка: въ нее входятъ различныя отрасли исторической науки, и все конечно будетъ зависѣть отъ средствъ и силъ мѣстнаго комитета, на который и падетъ вся тяжесть по устройству выставокъ. Наконецъ, нѣкоторыя добавленія внесены въ параграфъ о языкѣ, на которомъ могутъ читаться рефераты; изъ иностранныхъ къ французскому и нѣмецкому добавлены южно-и западно-славянскіе языки.

Проф. В. Б. Антоновичъ, не будучи въ состояніи лично принимать участіе въ предварительномъ комитетѣ, представилъ свои соображенія касательно съѣзда письменно и намѣтилъ рядъ темъ для сообщеній; послѣднія мы приводимъ ниже, теперь-же остановимся на общихъ соображеніяхъ. В. Б. Антоновичъ обращаетъ главное вниманіе на Волынь, основываясь на постановленіи рижскаго съѣзда, гдѣ высказывалось желаніе, чтобы будущій съѣздъ былъ посвященъ главнымъ образомъ изученію Волыни. Что касается раіона, который долженъ войти въ программу изученія, то проф. Антоновичъ считаетъ нужнымъ выйти за границы теперешней Волынской губерніи и присоединяетъ къ ней Холмскую Русь, нѣкогда входившую въ составъ Волынскаго княжества, а также и югъ гродненской губерніи, куда двигалась въ XII и XIII вв. волынская колонизація. Въ теченіе трехъ предстоящихъ лѣтъ, при участіи мѣстныхъ силъ—а силы такія найдутся—путемъ экскурсій, раскопокъ и т. п. проф. Антоновичъ надѣется справиться съ научной подготовкой съѣзда; лично-же онъ обѣщаетъ составить археологическую карту Волыни. Подготовительными работами въ Кіевѣ займется предварительный комитетъ, къ которому проф. Антоновичъ счита-

етъ нужнымъ привлечь и Кіевскую Археографическую Коммиссію. Для предполагаемой къ устройству при съѣздѣ археологической выставки раіонъ взятъ шире—всѣ 5 губерній кіевскаго учебнаго округа; главное руководство по устройству выставки можетъ быть поручено Историческому Обществу Нестора Лѣтописца, которое могло бы войти въ сношеніе съ владѣльцами частныхъ коллекцій, какъ въ Кіевѣ, такъ и въ другихъ городахъ Южной Россіи; вообще проф. Антоновичъ обѣщаетъ, что выставка можетъ быть полной, дастъ ясное представленіе о древностяхъ юга и не уступитъ напр. выставкѣ рижскаго съѣзда; предполагается также и каталогъ выставки. Скажемъ за одно и о другихъ намѣченныхъ выставкахъ. Проф. В. З. Завитневичъ, депутатъ Кіевской Духовной Академіи и Церковно-археологическаго Общества, заявилъ, что при Академіи предполагается устроить спеціальную выставку церковныхъ древностей, а также палеографическую, старопечатныхъ книгъ и печатей. Библіотекарь унив. св. Владиміра В. А. Кордтъ съ своей стороны предложилъ проектъ устройства въ помѣщеніи университетской библіотеки историко-географической выставки, на которой были-бы собраны атласы, карты, планы, виды мѣстностей и т. д. всей Россіи, включая и азіатскія владѣнія, по времени-же—до конца XVIII ст. Проектъ В. А. Кордта представляется намъ слишкомъ широкимъ, а потому и трудно выполнимымъ,—ужъ черезчуръ громадна область, указанная въ проектѣ; мы хорошо знаемъ напр., какихъ усилій, матеріальныхъ средствъ и т. д. потребовало устройство географической выставки въ Москвѣ въ 1892 г., при международномъ археологическомъ съѣздѣ,—тѣмъ труднѣе устройство географической выставки въ Кіевѣ; правда, предполагаемая кіевская по задачамъ нѣсколько уже—она историко-географическая, но именно такого рода матеріалъ и труднѣе добываемъ; и потому, намъ кажется, что съ этимъ дѣломъ, въ принципѣ вполнѣ желательнымъ, полезнымъ и интереснымъ, было бы легче справиться, если ограничить территорію одной Южной Россіей: это находилось-бы въ соотвѣтствіи и съ характеромъ предстоящаго съѣзда. По поводу выставокъ были высказаны пожеланія и болѣе частнаго характера, напр., чтобы

на археологическую выставку поступили нѣкоторые предметы изъ Археологической Коммиссіи, чтобы на той-же выставкѣ находились фотографіи предметовъ, которые по какимъ-либо причинамъ не могли быть выставленными, и т. п.;—всѣ эти и тому подобные вопросы удобнѣе всего конечно будетъ рѣшить предварительнымъ комитетамъ, которые образуются по утвержденіи правилъ съѣзда.

Кромѣ засѣданій, на которыхъ сообщаются рефераты, на археологическихъ съѣздахъ устраиваются также раскопки и экскурсіи—первыя, чтобы дать наглядное представленіе о томъ или другомъ погребальномъ типѣ, практиковавшемся въ данной мѣстности, вторыя—чтобы познакомить пріѣзжихъ членовъ съ характеромъ мѣстности, осмотрѣть достопримѣчательности и т. д. Проф. Антоновича касается и этой стороны будущаго съѣзда; для раскопокъ онъ намѣчаетъ нѣсколько пунктовъ, имѣя въ виду главнымъ образомъ близость ихъ отъ Кіева, именно: могильникъ у Вышгорода—около 80-ти кургановъ, могильникъ въ Китаевѣ—до 300 кургановъ и могильникъ на Батыевой горѣ надъ Лыбедью—около 100 кургановъ; изъ болѣе отдаленныхъ проф. Антоновичъ указываетъ на могильники у с. Демидова, у г. Переяславля и на Бѣлокняжескомъ полѣ. Оставляя въ сторонѣ эти послѣдніе, такъ какъ за отдаленностью ихъ отъ Кіева (верстъ 30—40) едва ли представится возможность произвести тамъ раскопки, и останавливаясь на первыхъ трехъ, мы позволяемъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія; намъ кажется, что производить раскопки во всѣхъ трехъ пунктахъ представляется мало интереснымъ, въ виду однообразія похороннаго типа—это относится главнымъ образомъ къ Китаеву и къ Батыевой горѣ; нашъ югъ именно и интересенъ замѣчательнымъ разнообразіемъ встрѣчающихся памятниковъ старины, поэтому было-бы болѣе цѣлесообразнымъ, кромѣ кургановъ, обратить вниманіе и на другія мѣста, гдѣ можно найти древности другого рода; мѣста такія найдутся на территоріи самого Кіева; такъ напр. предметы каменнаго вѣка и даже жилища въ формѣ пещеръ въ изобиліи находятся на возвышенности, составляющей одну изъ сторонъ Кирилловской улицы; изслѣдованія по-

слѣдняго времени показали, насколько богата эта мѣстность въ археологическомъ отношеніи; можно было бы взять какой-нибудь пунктъ ея и во время съѣзда произвести раскопки; такимъ пунктомъ могъ-бы быть напр. крайній сѣверный конецъ этой возвышенности, представляющій изъ себя какъ бы мысъ: лежитъ онъ за Кирилловскими богоугодными заведеніями и здѣсь нѣсколько лѣтъ назадъ, во время осмотра нами этой мѣстности, былъ еще виденъ входъ въ одну изъ пещеръ, повидимому еще ни кѣмъ не тронутую (входъ этотъ теперь засыпанъ осыпавшейся сверху землей), тутъ-же встрѣчались и черепки грубой посуды, раковины, кости и т. п. Такимъ образомъ, здѣсь мы могли бы имѣть памятники каменнаго вѣка; производя-же раскопки кургановъ одного изъ указанныхъ проф. Антоновичемъ могильниковъ имѣли бы памятники языческаго славянства; можно затѣмъ найти мѣсто и для великокняжеской эпохи, и одно изъ такихъ мѣстъ прямо напрашивается на раскопки—говоримъ о сѣверо-восточномъ склонѣ горы Киселевки или Флоровской; ее бы можно было приберечь, оградивъ отъ расхищеній, которымъ она подвергается въ настоящее время, и раскопать во время съѣзда. Въ успѣшности результатовъ раскопокъ сомнѣваться нѣтъ основаній: тутъ вся почва пропитана древностями, очень многія изъ которыхъ представляютъ типичные образцы княжескаго времени. Но и этотъ вопросъ будетъ, разумѣется, детально разобранъ мѣстнымъ предварительнымъ комитетомъ, такъ какъ и самъ проф. Антоновичъ, намѣчая вышеуказанные пункты для раскопокъ, сдѣлалъ это лишь въ формѣ предположенія.

Для экскурсій проф. Антоновичъ намѣчаетъ два пути; во время перваго предполагается посѣтить и осмотрѣть цѣлый рядъ волынскихъ городовъ, лежащихъ по линіи желѣзной дороги или въ недалекомъ разстояніи въ сторону, именно: Бердичевъ, Житомиръ, Дубно, Кременецъ, Почаевъ, Луцкъ, Ковель и Холмъ; второй посвящается кіевской землѣ: по желѣзной дорогѣ черезъ Бѣлую Церковь и Корсунь до Черкассъ, а оттуда пароходомъ вверхъ по Днѣпру, съ остановками въ Каневѣ, Переяславлѣ, Трактомировѣ, Трипольѣ; проф. Антоновичъ добавляетъ, что для

этихъ экскурсій можно будетъ составить спеціальный путеводитель съ историческими очерками тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя будетъ лежать путь. И эти маршруты экскурсій только лишь намѣчены проф. Антоновичемъ: они подробно будутъ выработаны мѣстнымъ предварительнымъ комитетомъ и могутъ быть и измѣнены; уже и теперь, въ Москвѣ, высказывались предположенія замѣнить напр. вторую экскурсію поѣздкой на Пороги или въ Черниговъ; многое будетъ зависѣть также отъ количества времени, которое останется на поѣздки, отъ числа участниковъ и т. п.,—это все выяснится уже въ теченіе самого съѣзда. Вотъ тѣ общія соображенія, которыя проф. Антоновичъ счелъ нужнымъ предложить предварительному съѣзду.

Упомянемъ также, что проф. Флоринскій, по порученію университета св. Владиміра, заявилъ о полной готовности со стороны университета оказать содѣйствіе съѣзду, предоставленіемъ послѣднему помѣщеній для засѣданій, выставокъ и т. д.

Страннымъ намъ показалось отсутствіе на предварительномъ съѣздѣ представителя отъ комитета по устройству въ Кіевѣ историко-художественнаго музея, и вообще на засѣданіяхъ ни однимъ словомъ не было упомянуто ни объ этомъ музеѣ, ни о предполагаемомъ къ учрежденію въ Кіевѣ новомъ обществѣ любителей древностей и искусствъ; а вѣдь цѣли археологическаго съѣзда съ одной стороны и музея равно какъ общества съ другой должны были-бы находиться въ тѣсной связи...

Переходимъ теперь къ „вопросамъ и запросамъ“. „Вопросами“ по терминологіи правилъ археологическихъ съѣздовъ именуются предложенныя темы, на которыя предложившій обязывается дать отвѣтъ въ формѣ сообщенія или реферата, „запросами“—темы, которыя предложившій считаетъ нужнымъ заявить, съ цѣлью вызвать отвѣты отъ спеціалистовъ или путемъ совмѣстнаго обсужденія ихъ. Но оказывается, что гораздо легче поставить вопросы и запросы, чѣмъ дать или получить отвѣты на нихъ; результатомъ этого явилась масса такихъ не рѣшенныхъ вопросовъ и запросовъ, которые остались отъ десяти предшествующихъ съѣздовъ. Упорядоченіе этого дѣла и было поставлено на очередь въ засѣданіяхъ предварительнаго съѣзда.

Отъ нѣсколькихъ членовъ поступили различныя предложенія по этому поводу; предлагалось напр. изготовить общій списокъ всѣхъ вопросовъ и запросовъ (это отчасти и было уже сдѣлано къ 8-му съѣзду, но не привело ни къ какимъ результатамъ), предлагалось затѣмъ разсылать спеціалистамъ отдѣльные вопросы; указывалось, что, если нельзя получить прямой отвѣтъ, то хорошо было-бы получить хоть бы матеріалъ, относящійся къ данной темѣ; высказывались разныя мнѣнія и относительно того, на какія изъ темъ слѣдуетъ обратить вниманіе: одни стояли за вновь предложенныя, другіе за то, что бы къ новымъ присоединить и не рѣшенныя темы перваго Кіевскаго съѣзда; предлагалось также изъ всѣхъ темъ выбрать болѣе интересныя и на нихъ обратить исключительное вниманіе. Въ концѣ концовъ было рѣшено, что вообще необходимо принять мѣры къ упорядоченію этого „вопроса о вопросахъ“, что же касается формы, въ какой онѣ должны быть осуществлены, то предоставить это усмотрѣнію московскаго и кіевскаго комитетовъ. Болѣе частный характеръ носило предложеніе одного изъ членовъ о мотивировкѣ вновь вносимыхъ вопросовъ и запросовъ.

Приступая къ перечисленію заявленныхъ на кіевскій съѣздъ вопросовъ и запросовъ нужно замѣтить, что, въ виду поздняго полученія приглашеній къ участію въ предварительномъ съѣздѣ, не всѣ изъ приглашенныхъ могли доставить ихъ; въ теченіе трехъ предстоящихъ лѣтъ ихъ будетъ заявлено, несомнѣнно, гораздо больше, а затѣмъ, какъ это показала практика предыдущихъ съѣздовъ, многіе будутъ заявлены уже въ теченіе самого съѣзда; въ этихъ-то послѣднихъ обыкновенно и заключается вся суть, такъ какъ—на что указано выше—значительная часть раньше предложенныхъ попадаетъ въ списокъ „мертворожденныхъ“. Мы отмѣтимъ вопросы, спеціально касающіеся Южной Россіи или имѣющіе общій интересъ.

На первомъ мѣстѣ стоитъ длинный рядъ темъ, поставленныхъ проф. *В. Б. Антоновичемъ* и касающихся исключительно прошлаго Волыни въ томъ объемѣ, какой считалъ нужнымъ принять проф. Антоновичъ: 1) Стоянки каменнаго вѣка въ Волынскомъ Полѣсьи, 2) Стоянки каменнаго вѣка въ гористой, за-

падной Волыни, 3) Памятники каменнаго вѣка въ долинѣ рѣки Норыни, 4) Мастерскія каменныхъ орудій на Волыни, 5) Мастерскія пряслицъ изъ краснаго шифера и краснаго желѣзняка въ Волынскомъ Полѣсьи, 6) Мастерскія полированныхъ и отбивныхъ орудій въ Дубенскомъ и Острожскомъ уѣздахъ, 7) Нѣтъ-ли пещеръ со слѣдами жизни первобытнаго человѣка въ гористой части Волыни?, 8) Нѣтъ-ли мегалитическихъ сооруженій въ гористой, западной Волыни?, 9) Нѣтъ-ли слѣдовъ свайныхъ построекъ въ большихъ озерахъ сѣверной части Владимірскаго и Ковельскаго уу. (озера: Туръ, Свитязь, Пулемецъ, Крымно и др.)?, 10) Найдены ли чашечные камни (pierres à écuelles) на Волыни?, 11) Какія данныя о предметахъ бронзоваго вѣка извѣстны въ западной Волыни, особенно въ бассейнѣ Западнаго Буга?, 12) Похоронные типы каменнаго вѣка, найденные понынѣ на территоріи Волыни, 13) Похоронные типы въ курганахъ Волынской губерніи: a) въ Волынскомъ Полѣсьи, b) въ гористой Волыни, c) въ степной Волыни, d) въ восточной Волыни (земля древлянъ), 14) Похоронные типы въ Холмской землѣ, 15) Похоронные типы въ курганахъ южной части Гродненской губерніи (уѣзды: Брестскій, Кобринскій, Пружанскій, Слонимскій); не возможно-ли было-бы опредѣлить типы кургановъ: ятвяжскій и славянскій, и указать ихъ распредѣленіе и взаимное отношеніе?, 16) Есть-ли на территоріи Волыни курганы скиѳскаго типа и, если есть, то до какой сѣверной широты они простираются?, 17) Гдѣ находился древній городъ „Волынь“ и какіе слѣды его остались понынѣ?, 18) Какіе памятники старины остались отъ городовъ, упоминаемыхъ лѣтописью въ княжеское время: a) Владиміръ, Турійскъ, Камень Коширскій, Мельница, Любомль, Устилугъ, Чарторыйскъ; b) Луцкъ, Дубровица, Степань, Муровица, Дубенъ, Пересопница, Мыльскъ, Перемысль, Дорогобужъ; c) Шумскъ, Торчевъ, Тыхомль; d) Вручевъ, Искоростъ, Возвягель, Мычекъ, Котельничь, Райгородъ, 19) Опредѣлить мѣстоположеніе волынскихъ городовъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ, но нынѣ не существующихъ: Небель, Всеволожъ, Городенъ Волынскій, Гнойница, Выгошевъ, Колодяжинъ и, если возможно, опредѣлить ихъ мѣстоположеніе, то ука-

зать памятники старины, оставшіеся отъ княжескаго времени, 20) Какіе памятники старины княжескаго времени остались въ городахъ Холмской земли (Холмъ, Угрускъ, Верещинъ, Столпіе, Комовъ, Бусовно, Андреевъ)?, 21) Памятники старины княжескаго времени, оставшіеся въ г. Каменцѣ-Литовскомъ, 22) Мѣстоположеніе какихъ Болоховскихъ городовъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи, можетъ быть опредѣлено, и какіе памятники старины отъ нихъ остались, 23) Свѣдѣнія о церкви св. Василія въ Овручѣ, 24) Церкви княжескаго времени въ г. Владимірѣ-Волынскомъ: Успенскій соборъ, церковь св. Василія „Старая Катедра", 25) Какіе замки литовскаго времени остались на Волыни; характеристическія черты этихъ замковъ: фортификаціонные пріемы, контуры укрѣпленій, кладка стѣнъ (Луцкъ, Кременецъ, Острогъ, Корецъ, Клевань и т. д.), 26) Церкви, построенныя въ литовское время; особенности ихъ архитектуры и кладки (Острогъ, Зимно, Нискиничи и т. д.), 27) Могилы социніанъ въ западной Волыни (такъ наз. „Синготы"), 28) Древнѣйшія синагоги на Волыни XIV—XV ст. (Луцкъ, Любомль), 29) Татарскія поселенія на Волыни, 30) Топографія битвы у Берестечка и оставшіеся отъ нея слѣды, 31) „Переметьевы валы" и историческое ихъ происхожденіе. Что касается выполненія этой программы, составленной съ присущей автору систематичностью, то самъ проф. Антоновичъ замѣчаетъ, что для большей части изъ приведенныхъ вопросовъ могутъ быть собраны указанія и составлены рефераты, для нѣкоторыхъ-же (№№ 7, 8, 9, 14, 15, 19) матеріалъ отсутствуетъ, и ихъ нужно поставить въ разрядъ запросовъ; вопросы 13, 18, 19 и 25 слишкомъ обширны, и проф. Антоновичъ поясняетъ, что ихъ можно будетъ расчленить и изъ каждаго составить нѣсколько вопросовъ.

Не мало вопросовъ поставлено также *К. В. Корвинъ-Піотровскимъ;* здѣсь затронуты древности какъ всего Юго-Западнаго края, такъ и въ частности Волыни; можно только пожелать, чтобы у автора хватило энергіи дать отвѣты на нихъ; вопросы эти слѣдующіе: 1) Обзоръ развитія археологическихъ изслѣдованій въ Юго-Западномъ краѣ за послѣднее пятидесятилѣтіе, 2) О мѣрахъ къ сохраненію памятниковъ зодчества въ Юго-За-

падномъ краѣ, 3) Памятники каменнаго вѣка, найденные въ Юго-Западномъ краѣ, 4) Территорія Волыни въ княжеское время, 5) Археологическіе памятники города Луцка, 6) Домъ гетмана Мазепы въ Черниговѣ, 7) Русская и польская генеалогическая литература, 8) Церковно-археологическіе памятники города Владиміра-Волынска и мѣстечка Киселина Волынской губерніи, 9) Городище и т. наз. „Витольдова башня“ и „Витольдовый гай“ въ с. Большіе Подгайцы луцкаго у. Волынской губ. 10) О нѣкоторыхъ памятникахъ армянской письменности, сохранившихся въ библіотекахъ и архивахъ Западнаго края, 11) Ревизіи и инвентари Волынскихъ замковъ въ XVI и XVII стол.

Съ своей стороны мы поставили два вопроса и два запроса; первый изъ вопросовъ по темѣ тотъ-же, что и первый г. Корвинъ-Піотровскаго; разумѣется, это не помѣшаетъ дѣлу, а наоборотъ—можетъ служить къ пользѣ его; остальные касаются главнымъ образомъ Холмской земли и находятся въ соотвѣтствіи съ программой проф. Антоновича; вопросы: 1) Обзоръ археологическихъ изслѣдованій Юго-Западнаго края за послѣдніе 25 лѣтъ, 2) Обзоръ археологическихъ изслѣдованій Холмской земли; запросы: 1) Желательно обслѣдовать въ археологическомъ отношеніи берега рѣки Западнаго Буга въ предѣлахъ Волынской, Гродненской, Люблинской и Сѣдлецкой губерній, 2) Желательно, чтобы къ съѣзду была составлена археологическая карта Люблинской и Сѣдлецкой губерній.

Не разбивая вопросы и запросы по спеціальнымъ группамъ, приводимъ ихъ дальше такъ, какъ они были заявлены отдѣльными лицами.

В. А. Городцовъ, занимающійся изслѣдованіемъ дюнныхъ стоянокъ первобытнаго человѣка по берегамъ Волги и Оки, предлагаетъ вопросы, касающіеся темныхъ культурныхъ слоевъ на дюнахъ, являющихся, по мнѣнію г. Городцова, результатомъ выжиганія растительности первобытнымъ человѣкомъ; вопросы: 1) Происхожденіе пепелисто—или углисто-темныхъ культурныхъ слоевъ на дюнахъ рр. Волги и Оки, 2) Существуютъ-ли подобные слои на дюнахъ р. Днѣпра и другихъ рѣкъ Южной Россіи, и можно-ли происхожденіе ихъ объяснить одною и тою-же

причиною, какая дѣйствовала въ образованіи культурныхъ слоевъ на рр. Волгѣ и Окѣ?, 3) Древность пепелисто—или углисто-темныхъ культурныхъ слоевъ на рѣчныхъ дюнахъ Россіи.

В. И. Сизовъ, придавая важное значеніе вопросу о погребеніяхъ съ конемъ, которому на прошломъ рижскомъ съѣздѣ былъ посвященъ рефератъ Н. Е. Бранденбурга, ставитъ вопросъ: Опредѣленіе стиля вещей въ курганахъ съ погребеніемъ коней (по р. Роси); другой вопросъ В. И. Сизова касается одной мѣстности, гдѣ въ большомъ числѣ встрѣчаются предметы разнообразныхъ культуръ: каменной, бронзовой, скифской, греческой; формулированъ вопросъ такъ: Культурная исторія урочища Каменка на Днѣпрѣ по находкамъ и раскопкамъ.

Проф. Ѳ. Г. Мищенко и на этотъ разъ темой своего реферата избираетъ Геродота и предлагаетъ вопросъ: Геродотъ, какъ археологъ и этнографъ.

Проф. Э. Р. фонъ-Штернъ ставитъ вопросъ: Очеркъ исторіи Херсонеса и его отношеній къ древней Руси, на основаніи новыхъ археологическихъ открытій, и дѣлаетъ запросъ: Опредѣлить по археологическимъ даннымъ, особенно по находкамъ кладовъ, какъ далеко распространялись въ приднѣпровскій бассейнъ сношенія съ классическими народами, и ихъ вліяніе.

Проф. Д. Я. Самоквасовъ, вопросы: 1) О происхожденіи трупосожженія у Славянъ и 2) О происхожденіи и значеніи крестьянскаго перехода въ древней Россіи.

Проф. В. З. Завитневичъ, запросы: 1) Объяснить происхожденіе названія и опредѣлить границы географическаго распредѣленія Руси: бѣлой, черной и желтой; 2) Установить по курганнымъ раскопкамъ различіе между славянскимъ и литовскимъ типами погребальнаго обряда и указать границу ихъ соприкосновенія въ области р. Нѣмана.

А. Четыркинъ, также запросы: 1) Какимъ путемъ удобнѣе подвинуть впередъ вопросъ о народности племенъ, заселявшихъ среднюю Россію до XI ст.?, 2) Насколько археологическія изслѣдованія подтверждаютъ достовѣрность лѣтописнаго извѣстія о языческомъ похоронномъ обрядѣ Кривичей и Вятичей?, 3)

Можно-ли считать вполнѣ установленнымъ мнѣніе объ обращеніи кожаныхъ денегъ на Руси до XV ст.?...

Цѣлый рядъ интересныхъ вопросовъ и запросовъ касается памятниковъ древняго зодчества и искусства вообще.

Акад. В. В. Сусловъ, вопросы: 1) Главнѣйшія черты русскаго зодчества за всѣ періоды его развитія, 2) Тождественность нѣкоторыхъ формъ въ русскихъ и западныхъ памятникахъ архитектуры, 3) Періодъ упадка русскаго зодчества; запросы: 1) Охарактеризовать отрасли искусства въ древнемъ быту русскаго народа (по вещественнымъ памятникамъ), 2) Постепенное искаженіе памятниковъ русской архитектуры и средства къ ихъ охраненію.

Акад. К. Быковскій, вопросъ: Архитектурные памятники Кіева XI в. и отношеніе ихъ къ сооруженіямъ той же эпохи въ другихъ мѣстностяхъ древней Руси.

Проф. Е. К. Рѣдинъ, вопросъ: Обзоръ русско-византійскихъ памятниковъ искусства, находящихся въ церквяхъ Кіева и найденныхъ на почвѣ его.

Проф. Н. В. Покровскій, запросы: 1) Какія требованія должны быть предъявляемы къ научной реставраціи памятниковъ старинной русской архитектуры?, 2) Какія требованія должны быть предъявляемы къ научной реставраціи памятниковъ стариннаго русскаго иконописанія?, 3) Черты русской самобытности въ памятникахъ искусства кіевскаго періода (X—XII в. в.).

Ѳ. И. Титовъ затрагиваетъ одинъ изъ вопросовъ топографіи древняго Кіева: Что было въ древности на мѣстѣ нынѣшней Кіево-Андреевской церкви?

Проф. М. Н. Бережковъ ставитъ вопросъ: Гдѣ мѣстность „Нѣжатиной нивы“, на которой была извѣстная битва 1078 года?

Проф. И. А. Линниченко, вопросъ: Сношенія кіевской Руси (до нашествія татаръ) съ Западной Европой; запросъ: Общій очеркъ сношеній кіевской Руси (до татаръ) съ востокомъ.

Проф. А. Кочубинскій кромѣ вопроса: О названіяхъ нѣкорыхъ пороговъ у Багрянороднаго, предлагаетъ и нѣсколько за-

просовъ: 1) Ономастиконъ Старой Бессарабіи по грамотамъ славяно-русскимъ, 2) Происхожденіе православно-уніатскихъ мадьяръ въ сѣверо-восточной Венгріи, 3) Теорія д-ра Милетича о „Болгарахъ" Трансильваніи, 4) Райцы и Райляне въ нынѣшней сѣверной Бессарабіи.

Наиболѣе полно въ вопросахъ и запросахъ обрисовалась настоятельная потребность у насъ въ преобразованіяхъ и въ правильной постановкѣ архивнаго дѣла.

Укажемъ прежде всего на запросъ нижегородской архивной коммиссіи, къ которой присоединилась Ярославская, да по нашему убѣжденію присоединятся и другіе: О выработкѣ общей программы дѣятельности архивныхъ коммиссій.

А. Львовъ, депутатъ архива св. Синода, ставитъ на обсужденіе XI съѣзда слѣдующіе вопросы: 1) Принципъ русскаго законодательства объ архивѣ, 2) Принципы западно-европейскаго и преимущественно французскаго законодательства относительно архивнаго дѣла вообще и въ частности разработки архивныхъ матеріаловъ, 3) Правительственныя и частныя мѣропріятія, обнаружившіяся у насъ за послѣднія десятилѣтія къ урегулированію архивнаго дѣла и результаты этихъ мѣропріятій, 4) Что было бы желательно предпринять нынѣ для болѣе правильной постановки у насъ архивнаго дѣла?

В. Н. Сторожевъ предлагаетъ запросы: 1) Не слѣдуетъ ли принять скорыя и рѣшительныя мѣры по вопросу о предоставленномъ губернскимъ ученымъ архивнымъ коммиссіямъ правѣ оцѣнки архивныхъ документовъ съ точки зрѣнія необходимости одни сохранить, другіе подвергнуть уничтоженію, 2) Выработать пріемы систематическаго и строго научнаго описанія и изданія документовъ центральныхъ и областныхъ учрежденій Россіи XVIII столѣтія, 3) Составить обозрѣніе хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи документовъ, касающихся исторіи Малороссіи вообще и Кіева въ частности, при чемъ желательно, чтобы особенное вниманіе обращено было: а) на дѣла Кіевскаго стола Разряда, малороссійскаго приказа, петровскихъ сената и коллегій, б) на данныя экономическаго быта и в) на точное и окончательное уясненіе отношенія, въ какомъ

находятся изданные Н. И. Костомаровымъ и Г. Ѳ. Карповымъ документы XVII столѣтія къ тѣмъ, которые остались неизданными, и на то, чтобъ характеризованы были самые издательскіе пріемы двухъ названныхъ лицъ. Одинъ вопросъ г. Сторожева касается другой области: Пересмотръ вопроса о существованіи человѣческихъ жертвоприношеній у славянъ и финновъ и сводъ литературныхъ мнѣній по этому вопросу русскихъ и западноевропейскихъ ученыхъ.

Проф. Д. И. Багалѣй, вопросы: 1) О необходимости преобразованія харьковскаго историческаго архива въ центральный, 2) О составленіи историко-археологическихъ словарей губерній и областей Россіи, 3) Двухсотпятидесятилѣтіе г. Харькова, планъ труда и матеріалы для него.

О. И. Левицкій, вопросы: 1) О судьбѣ актовыхъ книгъ, относящихся къ исторіи юго-западнаго края и Малороссіи, 2) Къ исторіи учрежденія центральныхъ архивовъ (Кіевскаго, Виленскаго и Витебскаго).

И. М. Каманинъ, вопросъ: О южно-русской памеографіи.

Проф. Н. И. Петровъ, запросы: 1) Желательны были бы разборъ и приведеніе въ извѣстность содержанія стараго архива Кіевской Духовной Консисторіи, 2) Желательно было бы имѣть ко времени съѣзда описаніе собранія кіево-софійскихъ рукописей, какъ единственно остающихся въ Кіевѣ безъ описанія, 3) Желательны: точная формулировка „спорныхъ вопросовъ по топографіи древняго Кіева“ и особенно относительно плана Кіева 1638 года, возбужденныхъ проф. С. Т. Голубевымъ, и рѣшеніе этихъ вопросовъ, 4) Данныя для исторіи православной Гойской или Гощинской коллегіи на Волыни XVII вѣка, 5) Кіевская старина по древнимъ энколпіонамъ, крестикамъ и образкамъ.

М. М. Плохинскій, запросы: 1) Архивныя данныя о заселеніи нѣмецкими колонистами Бѣловѣжской пустоши, 2) Необходимость составленія объяснительнаго словаря товаровъ, которыми торговали на Руси въ XVII—XVIII в. в., особенно на югѣ.

Ѳ. П. Истоминъ, вопросъ: О началѣ и развитіи книгопечатанія въ Кіевѣ.

Нѣсколькими лицами заявлены вопросы и запросы спеціально по малорусской исторіи.

Проф. Д. П. Миллеръ, вопросы: 1) Права и привилегіи малороссійскаго шляхетства и козацкой старшины въ періодъ гетманщины, 2) Положеніе лѣвобережнаго козачества отъ времени Богдана Хмѣльницкаго до введенія въ Малороссіи учрежденія о губерніяхъ; запросъ: Судебное устройство въ Малороссіи отъ 1648 г. до реформы 1763 г.

В. Эйнгорнъ, вопросы: 1) Малороссійское поспольство въ лѣвобережной украйнѣ по даннымъ переписи 1666 г., 2) Рада полковниковъ при лѣвобережныхъ гетманахъ третьей четверти XVII в., 3) Сношенія Стеньки Разина съ малороссійскимъ козачествомъ, 4) Малороссійскіе купцы на Макарьевской ярмаркѣ и вообще въ Великой Россіи во вторую пол. XVII в., 5) Монетное дѣло въ Малороссіи послѣ ея присоединенія къ Вел. Россіи, 6) Печатные источники исторіи Малороссіи и необходимыя въ настоящее время изданія.

П. Радаковъ, вопросъ: Компуты и ревизіи, какъ матеріалъ для исторіи Малороссіи.

Таврическая Ученая Архивная Коммиссія поставила два вопроса: 1) Объ отношеніяхъ между Крымомъ и малороссійскимъ козачествомъ, 2) О нападеніи Татаръ на Волынь и Подоліе.

Проф. А. И. Маркевичъ, вопросъ: О путяхъ изъ Черноморія ни Волынь и Подоліе въ XIV—XVII в. в.

Д. И. Эварницкій, вопросы: 1) О направленіи трактовъ въ Запорожьи. 2) Объ уцѣлѣвшихъ въ Новороссіи каменныхъ бабахъ.

М. П. Истоминъ, вопросъ: Объ особенностяхъ южно-русской церковной живописи.

Проф. Т. Д. Флоринскій поставилъ 16 вопросовъ; большая часть ихъ касается южныхъ и западныхъ славянъ, нѣкоторые же имѣютъ общее значеніе, именно, вопросы: 1) Научная классификація славянскихъ языковъ и нарѣчій, 2) Значеніе новѣйшихъ наблюденій въ области славянской діалектологіи для рѣшенія вопроса о происхожденіи старославянскаго языка, 3) О вліяніи южнославянскаго эпоса на русскій, 4) О сношеніяхъ южныхъ славянъ съ Русью въ до-турецкую эпоху, 5) О важности состав-

ленія общей программы собиранія и изученія остатковъ старины у славянскихъ народовъ; запросъ: пересмотръ (въ цѣломъ и частяхъ) вопроса о разселеніи Славянъ и образованіи славянскихъ народностей на основаніи новѣйшихъ данныхъ исторической этнографіи и діалектологіи.

Вопросы и запросы *проф. П. В. Владимірова* относятся къ древне-русской письменности, вопросы: 1) Къ какимъ научнымъ выводамъ можно придти по чтеніямъ затруднительныхъ мѣстъ „Слова о Полку Игоревѣ"?, 2) Можно ли указать слѣды неизвѣстныхъ русскихъ сочиненій въ до-монгольскій періодъ на основаніи дошедшей до насъ литературы?, 3) Вопросъ объ объемѣ и характерѣ литературной дѣятельности Нестора Лѣтописца; запросы: 1) Существовали ли въ древней Руси до XV столѣтія правильно организованныя школы и если существовали, то гдѣ искать ихъ слѣдовъ? 2) Какіе переводы съ греческаго и другихъ языковъ были сдѣланы въ предѣлахъ древней Руси до XIV столѣтія?

Проф. Н. П. Дашкевичъ, вопросы: 1) Въ какой степени измышленное лицо Илья Муромецъ? 2) О происхожденіи южнорусскаго козачества; запросы: 1) Установить границу земель Древлянской и Полянской, 2) Древлянскія историческія преданія.

Проф. Е. Ѳ. Карскій, вопросъ: О вліяніи малорусскаго нарѣчія на старое и новое бѣлорусское нарѣчіе.

А. С. Хахановъ, запросы: 1) Поселенія грузинъ въ полтавской и харьковской губерніяхъ, 2) Грузинскія древности въ ризницахъ кіевскихъ храмовъ; запросъ: Отраженіе апокрифовъ въ сказаніяхъ народовъ Кавказа.

Г. Холостьянцъ, вопросы: 1) Армянскія колоніи въ Крыму и въ Юго-западной Руси, начиная съ XI столѣтія, 2) Армянско-турецкія мѣстности Каменецъ-Подольска за XV, XVI и XVII вѣка и значеніе ихъ для исторіи сношеній Польши съ сосѣдями вообще и съ юго-западной Русью въ особенности.

Наконецъ, *В. Кордтъ* ставитъ вопросъ общаго характера: Къ исторіи картографіи Россіи.

Какъ видимъ, приведенный выше списокъ заявленныхъ вопросовъ и запросовъ уже и теперь достаточно великъ и разно-

образенъ; несомнѣнно, что впослѣдствіи къ нему будутъ добавлены новыя темы, какъ напр. этнографическія, которыя въ настоящее время почти совершенно отсутствуютъ. Въ вышеприведенномъ спискѣ мы замѣчаемъ, съ одной стороны, не мало вопросовъ общаго характера: по систематизаціи памятниковъ старины, по исторической этнографіи, діалектологіи и т. д., съ другой—цѣлый рядъ темъ касается мѣстныхъ древностей, въ широкомъ значеніи этого слова, и въ общемъ, если даже не все, что намѣчено, будетъ выполнено, то, во всякомъ случаѣ, можно надѣяться, что кіевскій съѣздъ сослужитъ не малую службу дѣлу развитія у насъ историческаго знанія...

Н. Вѣляшевскій.

Москва,
12 января, 97 г.

ПЕТРЪ ГАВРИЛОВИЧЪ ЛЕБЕДИНЦЕВЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

3 декабря минувшаго 1896 года скончался кіевскій каѳедральный протоіерей *Петръ Гавриловичъ Лебединцевъ*. Смерть его составляетъ большую утрату какъ для лицъ, близко связанныхъ съ нимъ узами родства и дружбы, такъ и для тѣхъ, кому дороги интересы родного края, блюстителемъ которыхъ въ разныхъ направленіяхъ былъ покойный. Полную оцѣнку его дѣятельности просвѣтительной и ученой дать придется еще не такъ скоро, и во всякомъ случаѣ не на свѣжей еще могилѣ, но общую характеристику ея обязанъ представить всякій органъ печати, такъ или иначе соприкасающійся съ тѣми теченіями, въ которыхъ игралъ роль П. Г. Лебединцевъ. Нашъ журналъ по отношенію къ покойному имѣетъ нѣкоторыя исключительныя обязательства, такъ-какъ не только считаетъ П. Г. Лебединцева въ числѣ своихъ постоянныхъ сотрудниковъ, но и самое свое возникновеніе ставитъ въ тѣсной связи съ его нравственнымъ обликомъ. Напомнимъ нашимъ читателямъ, что первымъ редакторомъ-издателемъ „Кіевской Старины“ былъ родной братъ покойнаго, Ѳеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ, который, по окончаніи службы своей, чувствуя въ себѣ еще достаточно силъ для работы, обратился къ брату за совѣтами, что́ бы ему предпринять теперь въ качествѣ свободнаго человѣка. П. Г. Лебединцевъ, неоднократно и раньше толковавшій совмѣстно съ другими любителями изученія своей родной старины о настоятельной

нуждѣ въ изданіи мѣстнаго ученаго органа въ Кіевѣ, но не находившій возможности осуществить этотъ планъ, теперь ухватился за мысль предложить брату употребить свою силу и опытность на организацію и веденіе этого дѣла. Не касаясь пока подробностей, какими сопровождалось возникновеніе нашего журнала, мы скажемъ только, что ободряющій голосъ П. Г. Лебединцева былъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ рычаговъ, направившихъ окончательно Ѳеофана Гавриловича на этотъ путь издательства. И вотъ, въ теченіе 15 лѣтъ, покойный Петръ Гавриловичъ постоянно былъ личностью, органически связанной съ интересами нашего дѣла, и, не смотря на многоразличныя свои работы, всегда удѣлялъ часть досуговъ на участіе въ журналѣ. Эти страницы въ его жизни, помимо общаго значенія личности покойнаго П. Г. Лебединцева, обязываютъ насъ, отлагая на будущее время полную оцѣнку его научныхъ трудовъ, касающихся исторіи нашего края, теперь представить хоть краткій очеркъ его жизни и ученой дѣятельности.

Родился П. Г. Лебединцевъ 21 декабря 1819 года въ с. Зеленомъ, звенигородскаго у. кіевской губерніи. Жизнь и воспитаніе въ семьѣ бѣднаго сельскаго священника нашей Украины въ первыя десятилѣтія нынѣшняго вѣка болѣе или менѣе обрисовываются намъ въ типичномъ представленіи, и хотя мы не имѣемъ пока подробныхъ указаній, какъ сложилась личная обстановка жизни П. Г. Лебединцева, но приблизительно можемъ нарисовать себѣ эту картину, зная, что особо выдающихся условій въ данномъ случаѣ не было; поэтому, всѣ лучшіе проблески въ дальнѣйшей судьбѣ Петра Гавриловича относимъ къ талантливой, природѣ его, подтверждающейся и тѣмъ, что вся семья ихъ, состоявшая изъ пяти братьевъ, сумѣла выйти изъ круга обыденности и занять то или другое выдающееся положеніе въ свѣтѣ. На долю Петра Гавриловича выпало пройти обыкновенный для духовенства путь школы начальной въ Богуславскомъ духовномъ училищѣ, гдѣ онъ воспитывался до 1833 года, т. е. до 14 лѣтъ. Это были первые годы существованія училища, въ то время игравшаго роль въ *Каневщинѣ* просвѣ-

тительнаго центра [1]). Затѣмъ, онъ поступилъ въ Кіевскую духовную семинарію, откуда перешелъ, какъ лучшій воспитанникъ, въ Кіевскую духовную академію, которую и окончилъ въ 1843 году съ причисленіемъ къ 1-му разряду.

Первые служебные шаги пришлось П. Г. Лебединцеву совершить въ далекихъ краяхъ отъ родины—въ Орловской духовной семинаріи, куда онъ былъ назначенъ въ октябрѣ 1843 года „учителемъ по 2 классу словесности и соединенныхъ съ нею предметовъ". Получивъ уже здѣсь отъ св. Синода утвержденіе въ званіи *магистра богословія* съ производствомъ класснаго оклада по сей степени, онъ былъ переименованъ въ *профессора* и, сохраняя эту должность, исполнялъ одновременно обязанности помощника инспектора и секретаря семинарскаго правленія. „Какъ уроженецъ Малороссіи и съ юныхъ лѣтъ украинофилъ по воззрѣніямъ и убѣжденіямъ" (такъ говоритъ о немъ свящ. Ѳ. Титовъ [2]), П. Г. Лебединцевъ стремился, конечно, на родину, чего и достигъ черезъ полтора года, такъ какъ въ 1845 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ состоялся переводъ его въ кіевскую семинарію „на классъ логики и психологіи". Впрочемъ, пребывая здѣсь до 1851 года, онъ временами преподавалъ нѣмецкій и французскій языки, а также былъ экономомъ семинаріи и членомъ семинарскаго правленія. Служба его здѣсь, какъ преподавателя, отмѣчается въ отзывахъ бывшихъ воспитанниковъ съ лучшей стороны, что цѣнилось и начальствомъ, выдававшимъ ему разныя награды.

Съ 1851 года рѣзко измѣняется служебное положеніе П. Г. Лебединцева: онъ рукоположенъ во священника къ Преображенской церкви м. Бѣлой Церкви и одновременно назначенъ законоучителемъ бѣлоцерковской гимназіи. О времени пребыванія его здѣсь свидѣтельствуютъ какъ данныя формулярнаго списка о его службѣ, такъ и воспоминанія лицъ, знавшихъ его въ тотъ періодъ; пишущему эти строки, между прочимъ, тоже приходится связывать годы своего отдаленнаго дѣтства съ симпатичнымъ

[1]) См. Кіев. Епарх. Вѣд. 1879 и 1880 г.г.

[2]) Труды Кіевской Духовной Академіи, 1897 г. № 1.

обликомъ тогда еще сравнительно молодого священника, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ среди мѣстнаго общества, и гуманнаго, очень симпатичнаго наставника въ гимназіи. Формулярный списокъ, конечно, сухо передаетъ только такіе факты: „съ октября 1851 года по 1 февраля 1854 преподавалъ Законъ Божій безмездно нижнимъ чинамъ въ баталіонной школѣ 6-го сапернаго баталіона и исполнялъ христіанскія требы въ баталіонномъ лазаретѣ; по случаю недоразумѣній, возникшихъ между крестьянами, по распоряженію епархіальнаго начальства былъ командированъ въ разные уѣзды кіевской губерніи для содѣйствія гражданскому начальству во вразумленіи взволнованныхъ крестьянъ, каковое порученіе исполнялъ съ 23 марта по 1 іюня 1855 года". За эти заслуги получалъ онъ отъ начальства разныя награды, помѣченныя въ формулярѣ, и между ними есть одна такая: „въ выраженіе признательности гражданскаго начальства къ особенно усердной и полезной дѣятельности при заведеніи школъ для крестьянскихъ дѣтей, выдано ему 100 р. изъ суммъ, назначенныхъ въ награду лицамъ, отличающимся въ краѣ полезною дѣятельностью". То, что въ казенномъ послужномъ спискѣ указывается съ обычной оффиціальной сухостью, получаетъ нѣкоторое оживленіе въ личныхъ разсказахъ.

Мы воспользуемся для этого напечатанными въ только что вышедшей статьѣ свящ. Ѳ. Титова [1]) матеріалами изъ автобіографической записки П. Г. Лебединцева. „Въ теченіе долгой моей службы,—разсказываетъ онъ въ одной изъ своихъ автобіографическихъ замѣтокъ,—нѣсколько лѣтъ, именно въ 50-хъ годахъ, пришлось мнѣ прожить въ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви, кіевской губерніи... Странное, гнетущее впечатлѣніе производила она на меня во все время пребыванія моего въ ней. Проѣзжему человѣку эта древняя козачья твердыня не могла показаться чѣмъ либо другимъ, какъ польско-русскимъ мѣстечкомъ. Памятниковъ, слѣдовъ прежней русской жизни не осталось никакихъ. Гдѣ была, по преданію, первая русская церковь, тамъ красовался теперь костелъ; на мѣстѣ другой православной церкви

[1]) Труды Кіев. Дух. Акад. 1897 г., № 1. „Кіево-Соф. каѳедральный протоіерей Петръ Гавр. Лебединцевъ".

красовался панскій палацъ; отъ замка, много разъ перестраивавшагося, едва виднѣлись остатки валовъ и рвовъ. Графини А. В. Браницкой, оставившей послѣ себя двѣ каменныя церкви вмѣсто семи прежнихъ деревянныхъ, не было уже въ живыхъ; вся экономическая интеллигенція состояла исключительно изъ поляковъ, подъ различными наименованіями: главноуправляющаго, просто управляющаго, маршалковъ и инспекторовъ—двора, сада, мельницъ, псовъ и проч. и проч., а также массы писарей и подписарей; польская рѣчь слышалась въ палацѣ и костелѣ, въ садахъ и павильонахъ, въ экономическихъ канцеляріяхъ и другихъ учрежденіяхъ, въ лавкахъ, заѣздахъ, на базарныхъ площадяхъ и улицахъ. Картину довершали, съ одной стороны, несмѣтныя богатства, роскошь, великолѣпіе, наслажденіе безъ мѣры, покой и праздность безъ конца, и съ другой покосившіяся хатки, загорѣлыя лица и руки, и вѣчный, нескончаемый трудъ. Общее населеніе Бѣлой Церкви простиралось тогда до 20000; изъ нихъ половина жидовъ, горсть поляковъ, остальное православное крестьянство. Но въ средѣ закабаленнаго люда были старики, помнившіе времена златой вольности, едва начинавшейся панщины, большаго простора и довольства. Вызывать ихъ на воспоминанія не представлялось надобности; при моихъ частыхъ сношеніяхъ съ ними, они сами вызывались на разсказы о своей прежней долѣ и многомъ другомъ. Я слушалъ ихъ со вниманіемъ, любопытствомъ и невольнымъ участіемъ, а придя домой, иногда же и на мѣстѣ, записывалъ ихъ разсказы слово въ слово... Тутъ своя исторія, несвязная, неполная, но въ короткихъ простыхъ словахъ слышится иногда больше присутствія угасшей жизни, чѣмъ на десяткахъ страницъ положительной исторіи". Эти строки служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что П. Г. Лебединцевъ еще въ тѣ годы, когда не обнаруживалась въ печати его научная дѣятельность на почвѣ изученія родной исторіи, такъ сказать, окунулся уже въ эту область родиновѣдѣнія и подготовлялъ себя къ будущимъ работамъ въ этомъ направленіи. Одновременно съ этимъ шла у него въ Бѣлой Церкви и другая просвѣтительная дѣятельность на почвѣ народнаго образованія: онъ организуетъ школы для крестьянскихъ дѣтей не только въ

самомъ мѣстечкѣ, но и въ окрестностяхъ. Насколько трудно было въ тѣ времена это дѣло, свидѣтельствуетъ другой отрывокъ изъ его автобіографической записки.

„Въ октябрѣ 1859 года", – разсказываетъ П. Г. Лебединцевъ, – „въ бытность мою благочиннымъ церквей мѣстечка Бѣлой Церкви и законоучителемъ бѣлоцерковской гимназіи, полученъ былъ мною указъ Кіевской духовной Консисторіи, которымъ, во исполненіе предложенія, даннаго Консисторіи высокопреосвященнымъ Исидоромъ, митрополитомъ бывшимъ кіевскимъ, предписывалось духовенству позаботиться о заведеніи при церквахъ училищъ для обученія дѣтей прихожанъ. *Эта бумага тѣмъ пріятнѣе была для меня, что, опираясь на распоряженіе начальства, я могъ приступить къ исполненію давняго моего желанія, устроить въ своемъ приходѣ училище грамотности, желанія, которое долгое время встрѣчало неудачи.* Занимая уже около 7-ми лѣтъ должность священника въ приходѣ, населенномъ преимущественно крестьянами помѣщичьими, я зналъ всѣ трудности, имѣющія встрѣтиться здѣсь на первыхъ же порахъ, и вмѣстѣ понималъ, что преодолѣніе ихъ въ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви, резиденціи главнаго экономическаго управленія, касавшагося 80.000 душъ крестьянъ, благодѣтельнымъ образомъ отзовется во всѣхъ приходахъ того же имѣнія и во многихъ другихъ. Пособіемъ въ этомъ случаѣ могло быть мое независимое по содержанію положеніе, обезпеченное жалованьемъ законоучителя, полное довѣріе прихожанъ и расположенность ко мнѣ самого владѣльца мѣстечка Бѣлой Церкви, графа Владислава В. Браницкаго. Мнѣнія прихожанъ мнѣ были извѣстны, а отчасти вновь провѣрены, мнѣнія лицъ, касавшихся экономическаго управленія, были спрошены и многія оказались далеко не въ пользу народнаго просвѣщенія. Одинъ изъ этихъ господъ преоткровенно отвѣчалъ: „на что ихъ учить? лучше, якъ мужикъ дурный". Мнѣ оставалось обратиться первѣе всего къ графу; на благородный и просвѣщенный взглядъ его я могъ больше разсчитывать, тѣмъ болѣе, что графъ Владиславъ В. и братъ его Константинъ В. въ молодости сами практиковались надъ обученіемъ грамотѣ крестьянскихъ мальчиковъ,

учившихся у марграбія (смотрителя кладовой) Штоквиша. Но при этомъ я положилъ себѣ правиломъ: просить только согласія, а о пособіи не хлопотать. Графъ охотно далъ согласіе на открытіе школы изъ средствъ самихъ же прихожанъ; ничего противъ этого не сказалъ и г. главноуправляющій имѣніемъ, оставленный мною въ невѣдѣніи о полученномъ уже согласіи графа. Можно было приступить къ дѣлу. Въ церковной квартирѣ священника, состоявшаго при моей церкви на діаконской вакансіи, одинокаго и вдоваго, половина дома, состоявшая изъ двухъ комнатъ, оставалась свободною. Ее обдѣлали, устроили скамьи и столы учебные, а нѣкоторые взяты на время изъ гимназіи по благосклонности директора г. Науменко, учебники привезены изъ Кіева на церковную сумму, и 22 ноября, послѣ утрени, я объявилъ въ церкви прихожанамъ-крестьянамъ о своемъ намѣреніи подъ своимъ наблюденіемъ открыть училище 24 ноября, въ день великомученицы Екатерины; въ этотъ день къ обѣднѣ должны были привести дѣтей, желающихъ поступить въ училище. Не смотря на крѣпко морозный день, въ церковь явилось 17 мальчиковъ; послѣ литургіи, родители вмѣстѣ съ ними были отведены въ квартиру будущаго училища, отслуженъ молебенъ, положенный предъ началомъ ученія, и полчаса употреблено на ознакомленіе дѣтей съ азбукой, въ присутствіи родителей. Учебные столы, чистая учебная комната, ласковое обращеніе съ учениками были новостію для родителей и, очевидно, произвели пріятное впечатлѣніе на родителей и на дѣтей; съ каждымъ днемъ число учениковъ прибавлялось, чрезъ 5 дней двѣ училищныя комнаты были уже тѣсны, такъ какъ число дѣтей было уже за 50. Нужно было подумать объ открытіи второго училища и о средствахъ къ содержанію. Графа не было въ Бѣлой Церкви, и я обратился къ г. комиссару или главному управляющему З. и просилъ его о дозволеніи собрать мірскую сходку для совѣщанія о содержаніи училища, при бытности повѣреннаго со стороны экономіи. Г. главноуправляющій сначала отвѣчалъ, что открытіемъ училища не нужно бы спѣшить, но подождать распоряженій правительства, которое уже предположило устройство ихъ по освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, что самъ графъ, кото-

рому онъ передавалъ о моемъ намѣреніи, признаетъ это неблаговременнымъ и излишнимъ, потому что въ засѣданіяхъ по крестьянскому дѣлу, гдѣ участвовалъ недавно графъ, уже обсуждены мѣры и средства къ тому. Я объяснилъ, что мнѣніе графа мнѣ извѣстно и согласіе имъ дано, что, наконецъ, я говорю не о будущемъ, а о настоящемъ, такъ какъ училище уже открыто и въ 5 дней переполнилось. Нечего было дѣлать, и З. согласился на созваніе сходки. Сходка состоялась въ воскресенье, 1-го декабря, въ училищной комнатѣ. Избраны три попечителя школы изъ общества, и одному изъ нихъ поручена казначейская должность; для содержанія школы крестьяне согласились прибавить по 20 к. сер. на каждомъ ведрѣ водки, отпускаемой для нихъ изъ питейной конторы, что должно было составить приблизительно до 500 р. сер. въ годъ. Мѣра эта не распространялась на распивочную продажу. Составленъ былъ актъ, подписанный какъ почетнѣйшими прихожанами, такъ и повѣренными со стороны экономіи, и переданъ въ главную экономическую контору. Но мѣра эта сначала до 15 января вовсе не была приводима въ исполненіе по причинамъ, зависящимъ отъ экономіи, а потомъ исполнялась весьма слабо и, наконецъ, по моей просьбѣ, совсѣмъ оставлена. Несмотря на скудость средствъ, съ упованіемъ на промыслъ Божій, постепенно открыты были мною въ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви еще двѣ школы, именно 15 декабря въ приходѣ Магдалинской церкви, за р. Росью, и 17 декабря—на урочищѣ Ротку. Наконецъ, я сталъ хлопотать о томъ, чтобы для открытія четвертой школы въ предмѣстіи м. Бѣлой Церкви—Александріи былъ данъ экономическій домъ, находящійся противъ дворца графскаго и, по закрытіи столярни, около 4 лѣтъ остававшійся пустымъ. Хлопоты мои ни къ чему не приводили. Къ счастію, возвратился графъ В. Б.; достаточно было нѣсколькихъ словъ просьбы, и домъ былъ отданъ въ мое распоряженіе. Выборные школьные съ церковнымъ старостой очистили его, выбѣлили и поставили учебные стобы, взятые также изъ гимназіи. Когда было все уже готово, ко мнѣ является одинъ изъ служащихъ въ главной экономіи съ объявленіемъ отъ комиссара, что этотъ домъ не можетъ быть занятъ подъ училище по разнымъ

причинамъ. Я не считалъ нужнымъ останавливаться предъ этимъ запрещеніемъ послѣ согласія владѣльца, и мной даны были повѣстки о днѣ, назначенномъ для открытія училища. 3 февраля я прибылъ съ причтомъ, отслужилъ молебенъ съ освященіемъ воды, окропилъ зданіе и собравшихся дѣтей и началъ ученіе. Изъ числа приведенныхъ дѣтей, здѣсь было 22 мальчика и 7 дѣвочекъ. Дѣвочки въ школѣ были новымъ явленіемъ крестьянскаго быта. Въ теченіе двухъ недѣль число учащихся дѣтей возросло до 30, включая въ это число и нѣсколько дѣтей, перешедшихъ изъ первой преображенской школы, за отдаленностію отъ нея. Въ продолжавшееся отсутствіе графа, уѣхавшаго въ Кіевъ, получаю между тѣмъ письмо отъ комиссара слѣдующаго содержанія: „Ваше высокопреподобіе, о. Петръ! Имѣю честь извѣстить Васъ, что училище не можетъ болѣе помѣщаться въ экономическомъ домѣ противъ графскаго двора, такъ какъ мальчики, собираясь тамъ во множествѣ, будутъ портить деревья сада и ломать желѣзныя рѣшетки“.—Что же?—подумалъ я. Неужели дѣти медвѣди? Нужно замѣтить, что учащіеся въ александрійскомъ училищѣ всѣ почти дѣти садовниковъ графскихъ и другихъ мастеровыхъ, которые живутъ направо и налѣво отъ училища по линіи сада; а если они не портили прежде сада, когда по цѣлымъ днямъ бродили около сада и въ саду безъ надзора, то можно ли было предположить, что они будутъ вредить обширному саду графскому теперь, когда полдня сидятъ за книгой, да и по выходѣ изъ школы не будутъ лишены надзора учителя, квартирующаго здѣсь же? На такую грустную выходку я не далъ никакого отвѣта, и болѣе меня не безпокоили письмами въ этомъ родѣ. Благопріятный случай далъ мнѣ возможность укрѣпить за училищемъ экономическій домъ. Возвращаясь изъ прихода, подлѣ сада встрѣчаю графа, на прогулкѣ съ дамами пѣшкомъ. Дамы, уставши, хотѣли отдохнуть; я предложилъ графу посѣтить училище; предложеніе охотно принято. Когда графъ вошелъ въ училище, дѣти, безъ всякой подготовки, массой бросились цѣловать его обѣ руки. Графъ благодарилъ дѣтей и меня, полюбопытствовалъ чтеніемъ нѣкоторыхъ и, оставя училище, не призналъ дѣйствительными опасеній экономіи за цѣлость сада. Это

былъ случай тѣмъ болѣе благопріятный, что графъ на другой день утромъ уѣхалъ за-границу. Графъ своимъ посѣщеніемъ, такъ сказать, санкціонировалъ какъ это, такъ и другія училища; на посѣщеніе это я всегда могъ сослаться, какъ на доказательство сочувствія графа дѣлу народнаго образованія.

Такимъ образомъ, въ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви мѣстнымъ духовенствомъ, по предложенію высокопреосвященнѣйшаго митрополита Исидора, безъ всякихъ особыхъ пособій и при многихъ затрудненіяхъ, открыто было въ концѣ 1859 и въ началѣ 1860 г. 4 школы для образованія прихожанскихъ дѣтей: къ 1 мая въ первой школѣ было дѣтей 43, во второй—14, въ третьей—9; въ четвертой—29, всего—95"...

Результатомъ этой его работы по организаціи школъ явилось около 100 церковно-приходскихъ училищъ, открытыхъ въ томъ же году въ кіевской епархіи, а затѣмъ и во всемъ юго-западномъ краѣ. Не мѣсто здѣсь дѣлать оцѣнку этихъ школъ, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ сложились впослѣдствіи,—для насъ важно въ этомъ случаѣ, что иниціаторомъ дѣла съ наилучшими стремленіями былъ П. Г. Лебединцевъ.

Въ 1860-мъ году П. Г. Лебединцевъ былъ переведенъ въ Кіевъ священникомъ въ Подольскій Успенскій соборъ и законоучителемъ во 2-ую мужскую гимназію. Начиная съ этого момента идетъ безпрерывная *тридцатишестилѣтняя* дѣятельность его въ Кіевѣ, при чемъ довольно часто мѣняются его положенія: изъ Успенскаго собора онъ перемѣщается въ 1862 г. настоятелемъ Кіево-Печерской Преображенской церкви (Спасъ на Берестовѣ), а въ 1864 г.—въ Николаевскую церковь генералъ-губернаторскаго дома, и наконецъ—въ 1868 г. назначается каѳедральнымъ протоіереемъ въ Кіево-Софійскій соборъ, въ каковой должности оставался онъ до самой кончины. Назначеніе его каѳедральнымъ протоіереемъ совпало съ окончаніемъ 25-ти лѣтія службы по учебному вѣдомству, вслѣдствіе чего онъ и покинулъ законоучительство во 2-ой гимназіи, гдѣ пишущему эти строки пришлось быть его ученикомъ въ теченіе всего гимназическаго курса и сохранить самыя лучшія воспоминанія о лич-

ности почившаго наставника, умѣвшаго всегда съ отмѣннымъ тактомъ выдерживать себя въ роли законоучителя юношества.

Сравнительно широкая область, въ которой пришлось очутиться П. Г. Лебединцеву въ Кіевѣ, сразу открыла ему, кромѣ главныхъ его занятій, цѣлый рядъ параллельныхъ въ разныхъ родахъ общественнаго служенія. Такъ, онъ исполняетъ съ 1861 г. должность наблюдателя церковно-приходскихъ школъ по г. Кіеву, въ томъ-же году становится редакторомъ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“; назначается благочиннымъ кіево-подольскихъ церквей; въ 1862 г. состоитъ членомъ строительнаго комитета по постройкѣ дома училища для дѣвицъ духовнаго вѣдомства; съ 1863 года назначается членомъ кіевской духовной консисторіи, а также и главнымъ распорядителемъ кіевскаго училища дѣвицъ духовнаго вѣдомства; въ томъ-же 1863 г. избранъ дѣйствительнымъ членомъ Высочайше утвержденной въ г. Кіевѣ коммиссіи для разбора древнихъ актовъ; въ теченіе двухъ лѣтъ (1864 и 65 г.) состоялъ членомъ комитета по обновленію Спасской церкви; тогда-же опредѣленъ членомъ губернскаго присутствія по обезпеченію духовенства; затѣмъ состоялъ членомъ правленія кіевской семинаріи, членомъ губернскаго церковно-строительнаго присутствія, членомъ комитета общественнаго здравія, членомъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія и цензоромъ проповѣдей въ Кіевѣ; былъ также избранъ предсѣдателемъ епархіальнаго съѣзда; съ 1870 по 1873 годъ состоялъ членомъ Высочайше утвержденнаго при Св. Синодѣ комитета для преобразованія духовно-судебной части; съ 1874 года избранъ товарищемъ предсѣдателя церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи. Одновременно съ этой разнообразной дѣятельностью П. Г. Лебединцева отмѣчались его заслуги и тѣми наградами, которыя дошли до высокихъ орденскихъ знаковъ и до сравнительно очень рѣдкаго отличія въ духовенствѣ—Высочайше пожалованной ему въ 1888 году митры. Во всѣхъ только-что отмѣченныхъ положеніяхъ П. Г. Лебединцева дѣятельность его была, такъ сказать, спеціальною, не выходившею за предѣлы своего духовнаго круга; но рядомъ съ нею шла непрерывно та его работа, которая нахо-

дится внѣ сословныхъ интересовъ, а является достояніемъ жизни общества,—мы разумѣемъ его учено-литературные труды. Какъ выше было сказано, мы не беремся теперь давать полную оцѣнку этой его научной дѣятельности, но желаемъ только въ нѣсколькихъ словахъ сказать объ общемъ ея значеніи.

Изъ словъ, приведенныхъ раньше изъ его автобіографической записки, видно было, что рано заговорило въ немъ чувство любви къ изученію родной исторіи въ различныхъ ея теченіяхъ, и какъ истинный сынъ своей родины, П. Г. Лебединцевъ не мало труда и времени удѣлилъ главнымъ образомъ для уясненія судебъ родного края въ его прошломъ. Если разсмотрѣть обширный списокъ его статей, далеко еще не приведенныхъ вполнѣ въ извѣстность, то можно увидѣть, что громадное большинство изъ нихъ касается нашей Малороссіи, и преимущественно Кіева и кіевщины. Достаточно назвать такіе его труды, какъ „Описаніе Кіево-Софійскаго Каѳедральнаго Собора“, „Кіево-Михайловскій Златоверхій монастырь въ его прошедшемъ и настоящемъ состояніи“, „Св. Софія Кіевская, нынѣ Кіево-Софійскій Каѳедральный Соборъ“, „Кіево-Печерская Лавра въ ея прошедшемъ и нынѣшнемъ состояніи“, „Историческія замѣтки о Кіевѣ“, „О возобновленіи стѣнной живописи въ Кіево-Печерской Лаврѣ“,—достаточно, говоримъ, назвать эти статьи, и всякій хоть немного изучавшій исторію нашего города долженъ будетъ признать, что эти труды П. Г. Лебединцева никогда не будутъ вычеркнуты изъ списка главныхъ источниковъ по исторіи Кіева; не даромъ всѣ единогласно признаютъ, что П. Г. Лебединцевъ былъ въ послѣднее время однимъ изъ лучшихъ знатоковъ историческихъ моментовъ въ жизни Кіева и его церковно-археологическихъ памятниковъ. Прибавимъ къ этому рядъ мелкихъ статей, освѣщающихъ тѣ или иные факты изъ жизни старинныхъ монастырей въ краѣ, какъ напр: „Виноградскій Ирдынскій Успенскій монастырь“, „Медвѣдовскій Николаевскій монастырь“, „Чигиринскій Свято-Троицкій женскій монастырь“, „Димитріевскій монастырь, основавный вел. кн. Изяславомъ Ярославичемъ“,—и мы увидимъ, что кропотливое изысканіе въ области нашей старины не пройдетъ мимо трудовъ покойнаго П.

Г. Лебединцева. Замѣтимъ здѣсь кстати, что одна изъ первыхъ печатныхъ статей его касалась тоже нашей мѣстной исторіи, а именно: въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ 1860 г. № 2-й помѣщена его замѣтка „Дополнительныя свѣдѣнія къ сказанію о мученической кончинѣ Мліевскаго ктитора Даніила Кушнира“ (стр. 47—56). Этими симпатіями покойнаго къ изученію мѣстной старины объясняется и то, что онъ, ставши въ 1861 году редакторомъ только-что основанныхъ по его-же мысли „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, сразу захотѣлъ поставить ихъ на высоту научнаго органа, чего далеко не всегда и не вездѣ достигаютъ другія Епархіальныя Вѣдомости. Значеніе „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ въ первый десятокъ лѣтъ ихъ существованія можетъ въ достаточной степени опредѣлить всякій, кто возьметъ въ руки „Указатель неоффиціальнаго отдѣла за десятилѣтіе изданія ихъ, 1861—1870 г. г.“ Здѣсь окажутся, кромѣ статей самого редактора, многія статьи по исторіи, древней литературѣ и археологіи, безъ которыхъ не обойдется и впредь человѣкъ, занимающійся бытописаніемъ родной земли.

Вотъ эти-то всѣ ученыя заслуги П. Г. Лебединцева и были вполнѣ объяснимой причиной разновременнаго избранія его почетнымъ членомъ Общества Нестора Лѣтописца. Кіевской Духовной Академіи и Кіевскаго Университета Св. Владиміра. Не можемъ не выразить по этому поводу нѣкотораго удивленія, что всѣ выше указанныя научныя заслуги покойнаго П. Г. Лебединцева не помѣшали составителямъ „Энциклопедическаго Словаря И. А. Ефрона“ пропустить его имя совершенно, что, конечно, въ дополнительныхъ томахъ будетъ исправлено. Мы же, заканчивая нашу поминку о своемъ постоянномъ сотрудникѣ и одномъ изъ основателей журнала, выражаемъ увѣренность, что въ ближайшемъ будущемъ станутъ появляться обстоятельныя статьи съ подробной характеристикой, какъ его самого, такъ и его трудовъ, а потому, чтобъ облегчить работу для другихъ, приведемъ теперь списокъ всѣхъ статей и замѣтокъ въ нашемъ журналѣ за все время существованія его, принадлежащихъ перу покойнаго П. Г. Лебединцева.

Посмертный разсказъ о. Антонія Ковальскаго (Къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кіевской губерніи 1855 г.) „Кіев. Стар". 1882, № 1, 2, стр., 174—192; 386—396.

Нѣкоторыя дополненія и поправки въ біографіи Т. Г. Шевченка. „Кіев. Стар." 1882, № 9, 560—567.

Гдѣ подлинникъ Любечской чудотворной иконы Божьей Матери? „Кіев. Стар." 1883, № 6, стр. 385—387.

Рецензія на книгу С. Голубева „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники (опытъ историческаго изслѣдованія). Т. I. Кіевъ 1883. 1225 стр." „Кіев. Стар." 1883, № 8, стр. 741—742.

Почему Десятинная въ Кіевѣ церковь извѣстна въ народѣ подъ именемъ Десятиннаго Николая? „Кіев. Стар." 1883, № 8, стр. 755—757.

Населеніе Кіева въ прошломъ столѣтіи. „Кіев. Стар." 1884, № 2, стр. 352—354.

Многолѣтіе, возглашенное въ Кіевѣ въ началѣ XVIII ст. „Кіев. Стар." 1884, № 7, 545—546.

Разсказы старыхъ людей о старыхъ временахъ. „Кіев. Стар." 1884, № 8, стр. 715—725.

Открытіе древнихъ мозаикъ въ главномъ куполѣ Кіево-Софійскаго Собора. „Кіев. Стар." 1884, № 9, стр. 162—165.

Историческія замѣтки о Кіевѣ. „Кіев. Стар." 1884, № 10, стр. 227—253.

Матеріалы для исторіи возникновенія и распространенія штунды въ Россіи. „Кіев. Стар." 1884, № 10, стр. 304—320.

Софія—премудрость Божія въ иконографіи Сѣвера и Юга Россіи „Кіев. Стар." 1884, № 12, стр. 555—567.

Гдѣ жили первые Кіевскіе митрополиты: въ Переяславѣ или въ Кіевѣ. „Кіев. Стар." 1885, № 1, стр. 177—182.

Къ вопросу о началѣ Кіевской Академіи. (Отвѣтъ С. Т. Голубеву). „Кіев. Стар." 1885, № 2, стр. 268—281.

Баптизмъ или штунда въ кіевской губерніи. „Кіев. Стар.“ 1885, № 3, стр. 481—518.

Гдѣ находился кіевскій домъ Саввы Туптала сотника? „Кіев. Стар.“ 1887, № 2, стр. 383—384.

Объ имени святителя, нетлѣнно почивающаго въ Нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ. „Кіев. Стар.“ 1887, № 5, стр. 185—189.

Двѣ поправки къ статьѣ „Свадьба Тимоша Хмельницкаго“. „Кіев. Стар.“ 1887, № 6—7, стр. 583—584.

Когда и гдѣ совершилось крещеніе Кіевлянъ при св. Владимірѣ. „Кіев. Стар.“ 1887, № 9, стр. 175—185.

Еще одна изъ древнѣйшихъ церквей въ Кіевѣ. „Кіев. Стар.“ 1887, № 12, стр. 779—782.

Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноапостольный князь Владиміръ и св. княгиня Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? „Кіев. Стар.“ 1888, № 5, стр. 259—264.

О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжественнаго принятія христіанской вѣры при св. Владимірѣ. „Кіев. Стар.“ 1888, № 6, стр. 265—283.

Святый Владиміръ, благовѣрный и равноапостольный князь кіевскій. (Лѣтописное сказаніе). „Кіев. Стар.“ 1888, № 7, стр. 1—15.

Церковь св. Василія. „Кіев. Стар.“ 1888, № 7, стр. 1—2.

Спасъ на Берестовѣ. „Кіев. Стар.“ 1888, № 7, стр. 8—11.

Къ статьѣ г. Бѣляшевскаго „Церковище возлѣ дер. Монастырекъ, канев. у. кіевской губ.“ „Кіев. Стар.“ 1889, № 1, стр. 213—217.

Реценэія на книгу: „Девятисотлѣтіе русской іерархіи: епархіи и архіереи—988—1888. Сост. по оффиц. и историч. даннымъ Н. Д. Москва 1888. „Кіев. Стар.“ 1889, № 1, 272—275.

Остатки церквей на развалинахъ древняго Корсуня или Херсонеса, ихъ открытіе и значеніе. (Съ двумя картами). „Кіев. Стар.“ 1889, № 4, стр. 56—73.

Можетъ ли подлежать сомнѣнію, что открытое во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ изображеніе князя есть древнѣйшее изображеніе св. князя Владиміра. „Кіев. Стар.“ 1889, № 4, 233—236.

По поводу 900-лѣтія Черниговской архіерейской каѳедры. „Кіев. Стар.“ 1892 г., № 9, стр. 350—356, № 10, стр. 1—14.

Михаилъ, митрополитъ Кіевскій XII вѣка. „Кіев. Стар.“ 1892 г., № 12, стр. 325—336.

В. Науменко.

И. И. МАЛЫШЕВСКІЙ.

(НЕКРОЛОГЪ)

11-го января скончался одинъ изъ сотрудниковъ нашего журнала, заслуженный ординарный профессоръ Кіевской Дух. Академіи Иванъ Игнатьевичъ Малышевскій. Покойный, сынъ священника минской губ., родился въ 1828 г. Высшее образоваіе И. И. получилъ въ Кіевской Дух. Академіи, курсъ которой окончилъ въ 1853 г. первымъ магистромъ, и былъ оставленъ баккалавромъ по каѳедрѣ историческихъ наукъ. Въ 1861 г. И. И. былъ возведенъ въ экстраординарные, а въ 1862 г. въ ординарные профессора академіи по каѳедрѣ русской церковной исторіи. Учено-литературная дѣятельность покойнаго была весьма плодовита. Не перечисляя всѣхъ относящихся къ исторіи Южной Руси трудовъ И. И—ча, укажемъ только главнѣйшіе: „Доминиканецъ Яковъ Одровонжъ, мнимый апостолъ земли русской“ (Тр. кіев. дух. ак. 1867, 4, 6, 8). „Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ и его участіе въ дѣлахъ русской церкви“. К. 1872 (докторская диссертація). „Свв. Кириллъ и Меѳодій“ (Тр. кіевск. д. ак. 1885, 5—11). „Патр. Іеремія II и кн. К. Острожскій“ (Тр. к. д. ак. 1886, 1). „Судьба славянской церкви въ Моравіи и Панноніи при ученикахъ свв. Кирилла и Меѳодія“ (Тр. к. д. ак. 1886, 3, 5 и 6). „Замѣтка по поводу мнѣнія, будто патр. Іеремія посѣщалъ Кіевъ въ 1588 или 1589 г.г.“ (Тр. к. д. ак. 1885, 12). „Русскій приходскій священникъ-проповѣдникъ XVII в.“ (Тр. к. д. ак. 1861, 4). „Отношеніе

Руси къ церкви римской при св. кн. Владимірѣ" (Тр. к. д. ак. 1863, 2). „Подложное письмо половца Ивана Смеры къ в. кн. Владиміру св." (Тр. к. д. ак. 1876, 6 и 7) „Евреи въ Южн. Руси и Кіевѣ въ X—XII в." (Тр. к. д. ак. 1878, 6 и 9) „О происхожденіи русской вел. княг. Ольги св." („Кіев. Ст." 1889, 7 и 8). „Изслѣдованіе объ иконѣ и церкви Божіей Матери Пирогощей" (Чт. въ ист. общ. Нестора лѣтоп. 1891). Много мелкихъ статей и библіографическихъ замѣтокъ помѣщено было И. И—мъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Покойный былъ въ теченіе многихъ лѣтъ товарищемъ предсѣдателя въ историческомъ обществѣ Нестора-Лѣтописца. Многочисленные ученики и знакомые покойнаго сохранятъ память о немъ, какъ о добросовѣстномъ и талантливомъ преподавателѣ и добромъ, отзывчивомъ человѣкѣ.

Видъ Почаевской Лавры, акварель Т. Г. Шевченка (1846 г.).

(къ рисунку).

Прилагая при настоящей книгѣ журнала фототипическій снимокъ съ этой акварели, редакція считаетъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько пояснительныхъ примѣчаній.

Какъ извѣстно, Т. Г. Шевченко въ 1845—46 гг. состоялъ членомъ-сотрудникомъ Кіевской Археографической Коммиссіи и неоднократно былъ командируемъ въ разныя мѣста Малороссіи и Юго-западнаго края для собиранія народныхъ историческихъ преданій и пѣсенъ, осмотра и срисовыванія монументальныхъ памятниковъ, древнихъ зданій, кургановъ, валовъ и т. под. остатковъ древности. Между прочимъ, въ сентябрѣ 1846 г. съ такимъ же порученіемъ онъ былъ посланъ въ разныя мѣста кіевской, подольской и волынской губ., причемъ ему вмѣнялось спеціально въ обязанность посѣтить Почаевскую Лавру и срисовать: а) общій видъ лавры, б) внутренность храма и в) видъ на окрестность съ лаврской террасы [1]). Эти (и другіе) рисунки были исполнены Шевченкомъ и представлены главному начальнику Коммиссіи, генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову; онъ ихъ одобрилъ и разрѣшилъ литографировать, но, по недостаточности средствъ въ Коммиссіи, они не были изданы и разбрелись по рукамъ. Не такъ давно отысканы четыре акварельныхъ рисунка, изображающіе Почаевскіе виды; въ настоящее время они хранятся

[1]) См. въ февр. кн. „К. Старины“ 1894 г. ст. О. И. Левицкаго „Археологическія экскурсіи Т. Г. Шевченка въ 1845—1846 гг.“

въ историческомъ музеѣ извѣстнаго собирателя южнорусской старины В. В. Тарновскаго. Всѣ они очень изящно исполнены и представляютъ: а) видъ Почаевской Лавры съ южной стороны; б) такой же видъ съ западной стороны; в) внутренній видъ главнаго лаврскаго храма и г) часть лаврской террасы и широко открывающійся съ нея видъ на окрестныя мѣста, между которыми вдали, на возвышеніи, виднѣется по ту сторону границы, въ Галичинѣ, с. Подкамень. Наша фототипія представляетъ снимокъ, на половину уменьшенный, съ первой изъ названныхъ акварелей.

Помимо художественнаго значенія, названныя акварели представляютъ, по нашему мнѣнію, интересъ и историко-археологическій: не забудемъ, что онѣ изображаютъ Почаевскую Лавру въ томъ видѣ, какой она имѣла полвѣка назадъ. Правда, видъ главнаго храма ни въ чемъ существенномъ съ тѣхъ поръ не измѣнился, но нельзя того же сказать о другихъ монастырскихъ зданіяхъ: тамъ, гдѣ на рисункѣ изображена маленькая, своеобразной архитектуры, колоколенка, высится теперь гигантская четырехъ-ярусная колокольня; на мѣстѣ крытыхъ соломою домиковъ выросли громадные каменные корпуса съ номерами для пріѣзжихъ, и т. под. Самый профиль Почаевской горы, столь ясный на нашемъ рисункѣ, теперь, благодаря окружающимъ постройкамъ, значительно замаскированъ, хотя главный монастырскій храмъ попрежнему величаво высится надъ всѣмъ, что его окружаетъ.

И что за диво, что за великолѣпіе этотъ храмъ! Здѣсь все соединилось въ дружныхъ усиліяхъ создать чудо красоты, величія, очарованія: прелестная природа, счастливѣйшее мѣстоположеніе, геніальное искусство, царская щедрость и безмѣрная ревность строителя. Извѣстно сказаніе о построеніи нынѣшняго Почаева. Гордый, своенравный, славившійся причудами польскій магнатъ Николай Потоцкій, ѣдучи въ коляскѣ по полю, въ виду Почаевскаго монастыря, былъ опрокинутъ по оплошности кучера. Взбѣшенный этимъ, онъ выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ и направилъ къ груди кучера. При видѣ неизбѣжной смерти, кучеръ, обратившись къ Почаевской обители, восклик-

нулъ: „Матерь Божія Почаевская, спаси меня!“ Пистолетъ щелкнулъ, но не выстрѣлилъ: случилась осѣчка. Трижды Потоцкій наводилъ пистолетъ, трижды кучеръ взывалъ о спасеніи къ Богородицѣ,—и трижды смертоносное орудіе оказалось недѣйствительнымъ въ рукахъ того, кто, обладая всегда самымъ исправнымъ оружіемъ, никогда не испытывалъ ничего подобнаго. Потоцкій былъ изумленъ. „Кому ты, лайдакъ, молился?“—спросилъ онъ кучера. Тотъ объяснилъ. Гордый магнатъ что-то и раньше слыхалъ о Почаевской иконѣ Божьей Матери и совершающихся яко-бы тамъ чудесахъ, но презрительно относился къ этимъ росказнямъ, ибо считалъ уніатскую вѣру „хлопскою“ и не отличалъ ея отъ „схизматицкой“. Теперь это все его заинтересовало. „Веди меня туда!“ велѣлъ онъ кучеру. Что тамъ именно происходило съ своенравнымъ паномъ—преданіе умалчиваетъ, но вернулся оттуда Потоцкій совсѣмъ другимъ человѣкомъ: оставилъ причуды и разгулъ, охладѣлъ къ свѣту, къ роскоши, даже къ семьѣ, и жилъ съ этихъ поръ однимъ лишь чувствомъ пламенной любви къ Почаевской обители и страстнымъ желаніемъ видѣть красоту ея и благолѣпіе. Это случилось около 1760 года. Въ слѣдующемъ году онъ уже высказываетъ, въ письмѣ къ настоятелю, горячее желаніе сдѣлаться инокомъ Почаевскаго монастыря и готовность принести ему въ даръ все состояніе. Онъ оставляетъ латинство и переходитъ въ унію; онъ дорогою цѣною покупаетъ у папы разрѣшеніе развестись съ женою, чтобы безпрепятственно вступить въ монашество, и смущается лишь тѣмъ, что не умѣетъ ни читать, ни писать по русски, и можно ли научиться этому въ преклонныя лѣта. Онъ часто и по долгу проживаетъ въ монастырѣ и въ теченіе трехъ лѣтъ жертвуетъ туда огромныя суммы, свыше полутора милліона злотыхъ. Наконецъ, онъ останавливается на мысли разрушить существовавшія на Почаевской горѣ церкви и зданія и создать новый чудный храмъ, достойный быть жилищемъ Царицы Небесной. Съ этого времени нѣтъ ни мѣры, ни предѣла рвенію и щедрости Потоцкаго. Въ 1771 г. онъ заключаетъ контрактъ съ архитекторомъ Готфридомъ Гофманомъ, и въ томъ же году совершается закладка храма; въ 1775 г. онъ приглашаетъ изъ Львова дру-

гого архитектора, Ксаверія Кульчицкаго, а затѣмъ и третьяго—императорскаго архитектора Поліевскаго. Онъ все еще мало доволенъ планомъ и проектомъ зданія: ему хочется, чтобы храмъ былъ какъ можно красивѣе и величественнѣе, ему хочется великолѣпіемъ постройки превзойти Соломона. Десятки тысячъ его подданныхъ заняты выдѣлкою кирпича, добываніемъ извести, рубкой дерева въ его богатыхъ лѣсахъ, перевозкой матеріаловъ; сотни лучшихъ мастеровъ вызваны имъ изъ разныхъ мѣстъ; желѣзо доставляется изъ Австріи, изъ Станиславовскихъ горныхъ заводовъ, каменныя плиты для половъ—оттуда же, изъ Застѣнковскихъ горъ. Чувствуя себя слабѣющимъ въ силахъ и боясь умереть прежде, чѣмъ постройка храма будетъ окончена, Потоцкій усугубляетъ свою заботливость: велитъ усилить дѣятельность фабрикъ, увеличить число мастеровыхъ, въ помощь архитектору вызвать изъ Львова мурмейстеровъ, не жалѣть трудовъ и средствъ, но какъ можно поспѣшить окончаніемъ постройки. Наконецъ въ 1780 году храмъ былъ освященъ торжественно, хотя работы по внѣшней и внутренней отдѣлкѣ продолжались еще долго. Два года прожилъ послѣ того Потоцкій и имѣлъ утѣшеніе видѣть созданный имъ храмъ Божій. Онъ умеръ 12 апрѣля 1782 г. и, согласно завѣщанію, похороненъ въ томъ же храмѣ. Его бальзамированное тѣло покоилось въ склепу, на лѣвой сторонѣ по входѣ въ церковь, и въ этотъ склепъ базиліане дозволяли входить богомольцамъ; но въ 1833 г. склепъ этотъ закрытъ наглухо. Большой портретъ Потоцкаго и теперь хранится въ настоятельскихъ покояхъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Мелочи изъ жизни Шевченка.— Порой самые ничтожные факты изъ жизни людей, извѣстныхъ въ литературѣ или наукѣ, представляютъ интересъ. Въ силу этого соображенія мы и рѣшились въ данной замѣткѣ подѣлиться имѣющимися мелочными фактами, касающимися Т. Г. Шевченка; быть можетъ, почитатели нашего геніальнаго поэта найдутъ въ ней что нибудь новое и не лишенное нѣкотораго интереса.

I. *Въ Потокахъ:*

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, путешествуя по кіевской губерніи въ 1845 году, заѣхалъ въ Потоки (кіевск. губ.), въ имѣніе В. В. Т. Съ дороги онъ сильно усталъ, а потому по пріѣздѣ въ Потоки, прежде чѣмъ посѣтить хозяина, зашелъ въ контору, чтобы отдохнуть и умыться. Такъ какъ это было въ обѣденный часъ, то онъ никого изъ служащихъ въ конторѣ не засталъ; тѣмъ не менѣе онъ туда вошелъ, заперся и легъ на лавкѣ. Возвратившійся конторщикъ былъ пораженъ, нашедши дверь запертой, началъ заглядывать въ окна и, къ своему удивленію, увидѣлъ незнакомаго человѣка, расположившагося въ конторѣ и крѣпко спавшаго. Не зная, что дѣлать, отправился онъ къ хозяину и заявилъ ему о случившемся; тотъ приказалъ оставить незнакомца въ покоѣ и только слѣдить, чтобы онъ не трогалъ на столѣ бумагъ. Тарасъ Григор., выспавшись, умылся, одѣлся и пришелъ къ хозяину. Рекомендуясь, что онъ Шевченко. В. В. Т., уже слыхавши о немъ, т. к. Шевченко въ то время успѣлъ уже пріобрѣсти большую славу, очень обрадовался ему, познакомилъ его съ своей семьей и просилъ остаться нѣкоторое время погостить. Тарасъ Григ., конечно, охотно согласился, полюбилъ обитателей Потокъ, въ особенности же сестру владѣльца Н. В. Т., съ которой крестилъ ребенка у дьяка, и всегда

ее потомъ называлъ «дорога кумася». Живя въ Потокахъ, Тарасъ Гр. писалъ, рисовалъ и много дарилъ своей «кумасѣ» стихотвореній и рисунковъ, въ томъ числѣ подарилъ и свой портретъ, рисованный имъ въ зеркало. Впослѣдствіи, когда его арестовали, то всѣ его знавшіе, въ особенности же тѣ, у которыхъ онъ проживалъ, были напуганы и ожидали обыска. В. В. Т. получилъ отъ правителя канцеляріи ген.-губ. Бибикова, Писарева, увѣдомленіе о могущемъ произойти обыскѣ, отдалъ всѣ имѣвшіяся у него стихотворенія Шевченка своей женѣ, которая ночью зашила ихъ въ тюфякъ; кума же Тараса Григ., желая сохранить всѣ бумаги, полученныя отъ него, уложила ихъ въ ящикъ и зарыла его въ землю въ саду. Прошло тревожное время, и когда все успокоилось, Н. В. Т. поѣхала въ деревню и отрыла свой драгоцѣнный ящикъ съ произведеніями Шевченка. Бумаги и рисунки оказались всѣ цѣлы и долго хранились у нея.

Отдавая всегда, и послѣ возвращенія Шевченка изъ ссылки, всѣ письма и рисунки его одному страстному собирателю всего касающагося Шевченка, этихъ вырытыхъ изъ земли бумагъ она не отдала, и тотъ ничего не зналъ о ихъ существованіи до смерти Н. В. Т., когда оказалось, что онѣ ею были отданы одной родственницѣ, которая въ настоящее время не можетъ ихъ отыскать у себя. Не такъ жаль потери подлинныхъ рисунковъ и рукописей Шевченка, какъ того, что между этими рукописями, можно предположить, находилось окончаніе извѣстнаго только по началу, нигдѣ ненаходимаго и написаннаго именно въ то время произведенія Шевченка «Иванъ Гуссъ». Въ то время пребыванія Шевченка въ Потокахъ, въ честь его была устроена иллюминація въ саду: на верхушкѣ большой березы прикрѣпленъ его вензель, были даже сочинены владѣльцемъ стихи, каждый куплетъ которыхъ оканчивался словами:

„Середъ насъ, середъ насъ
Добрый Тарасъ...“

Любимымъ занятіемъ Тараса Григ. въ Потокахъ было катаніе на паромкѣ на большомъ пруду, въ теплые, лѣтніе вечера при заходящемъ солнцѣ, сопровождавшееся всегда пѣніемъ народныхъ украинскихъ пѣсенъ и особенно его любимой пѣсни «Ой зійды, зійды, зиронька та вечирняя».

Изъ Потокъ Шевченко уѣхалъ недѣли черезъ двѣ, но куда—неизвѣстно.

II. *Въ Качановкѣ* (черниг. губ., борзен. уѣзда).

Здѣсь Т. Г. Шевченко часто и подолгу гостилъ, въ сороковыхъ годахъ, у тогдашняго владѣльца Качановки Г. С. Т., съ которымъ былъ въ перепискѣ, но къ сожалѣнію, послѣ смерти Г. С. Т. найдено было только два письма; въ одномъ изъ нихъ извѣщается о посылкѣ въ Качановку картины Шевченка «Катерина» [1]).

Послѣ ссылки Шевченко въ первый разъ пріѣхалъ въ Качановку въ 1859 г. 21 августа и не засталъ тамъ хозяина, бывшаго владѣльца Потокъ. Но въ Качановкѣ былъ его сынъ, студентъ, который, возвращаясь однажды изъ сада, увидѣлъ идущихъ ему навстрѣчу двухъ человѣкъ, одного въ длинномъ парусиновомъ кобинякѣ, а за нимъ старика дворецкаго, знавшаго Шевченка до ссылки. Сыну владѣльца было только семь лѣтъ, когда Тарасъ Григ. гостилъ въ Потокахъ, но онъ выросъ въ семьѣ, гдѣ почитаніе поэта было, такъ сказать, традиціоннымъ, а поэтому онъ увлекался его поэзіей, много зналъ наизусть его стихотвореній и питалъ глубокое уваженіе къ личности поэта.

Не удивительно поэтому, что, когда подошедшій въ парусиновомъ кобинякѣ назвалъ себя Шевченкомъ, оба бросились другъ къ другу въ объятія. Для Шевченка эта встрѣча съ юношей, котораго онъ когда-то зналъ ребенкомъ, была не менѣе радостна; она напомнила ему былое, какъ и вообще, быть можетъ, самый пріѣздъ его въ Качановку объясняется потребностью души его послѣ сильныхъ потрясеній, при видѣ знакомыхъ мѣстъ, оглянуться на пройденный путь и воскресить въ памяти тѣ дни, которые относились къ иной, болѣе свѣтлой порѣ его жизни. Послѣ обѣда Тарасъ Григ. захотѣлъ погулять въ саду. При выходѣ изъ дому, онъ встрѣтилъ многихъ изъ служителей дворовыхъ, собравшихся повидать Шевченка, такъ какъ они помнили его и любили. Тарасъ Григ. привѣтливо со всѣми здоровался, съ нѣкоторыми обнимался и вспоминалъ о прежнихъ своихъ посѣщеніяхъ Качановки. Въ продолженіе всей прогулки поэтъ былъ задумчивъ и грустенъ; видимо, предъ нимъ проходили картины прошлаго. Въ одномъ особенно живописномъ мѣстѣ, на выступающей къ пруду площадкѣ, среди плоскогорья, онъ сталъ восторгаться видомъ и воскликнулъ: «якъ умру, то тутъ поховайте мене». Этимъ словамъ, конечно, нельзя придавать серьезнаго значенья: они были произне-

---

[1]) Оригиналъ этой картины находится въ коллекціи В. В. Тарновскаго, а фототипическій снимокъ ея приложенъ къ „Кіев. Стар." 1896 г. № 2.

несены подъ впечатлѣніемъ окружавшей его чудной природы. Въ одномъ мѣстѣ сынъ владѣльца попросилъ Тараса Григ. посадить ему на память молодой дубокъ (такъ какъ это было въ Августѣ, то деревцо было выкопано для вѣрной посадки съ землей). Шевченко, посадивъ дубокъ, пожелалъ: Дай Боже, щобъ намъ довелось колы небудь посыдить въ тини его гилья».

Вернувшись изъ прогулки, которая для Тараса Григ. была сплошнымъ переживаньемъ минувшаго, они оба растянулись передъ домомъ на лугу, и студентъ сталъ декламировать поэту его же стихотворенія, еще тогда ненапечатанныя. Тарасъ Григ. многихъ не помнилъ и почти за каждымъ стихомъ удивленно спрашивалъ: «колы це я писавъ?» И луна взошла, ярко освѣщая все кругомъ, а они все еще лежали на полянкѣ, предаваясь поэзіи и восторгаясь теплой украинской ночью.

Наконецъ, вставая, чтобы идти ужинать, студентъ продекламировалъ Шевченку отрывокъ изъ его стихотворенія:

„Лечу, дывлюся—ажъ свитае,
Край неба палае,
Соловейко въ темнимъ гаи
Сонце зустричае;
Тыхесенько витеръ вie,
Межъ арамы, надъ ставами
Вербы зеленiють...

— «Видкиля жъ це?» —спросилъ Шевченко и сейчасъ, вспомнивши, спохватился: «Ну, цей сонъ буду я памьятаты, наробывъ винъ мени лыха». Пришедши въ залу, гдѣ былъ накрытъ ужинъ, Тарасъ Григ. попросилъ дать ему альбомъ, выразивъ желаніе написать что нибудь на память о своемъ посѣщеніи Качановки. Альбомъ былъ тотчасъ принесенъ, и Тарасъ Григор. начертилъ въ немъ только двѣ строки:

„И стежечка, де ты ходыла
Колючимъ терномъ поросла“ [1]).

1859 года 21 августа. Качановка.

Невольно приходитъ на мысль, почему Шевченко избралъ именно эти строки, и мы склонны предположить что онѣ являются отраженіемъ того грустно-мечтательнаго настроенія, въ которомъ находился поэтъ, и написаны подъ впечатлѣніемъ прогулки въ саду, гдѣ онъ не

[1]) Факсимиле Шевченка двухъ упомянутыхъ строкъ при этой книжкѣ прилагается.

нашелъ уже знакомой и дорогой ему по воспоминаньямъ «стежечки». На слѣдующій день утромъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко принесъ и подарилъ сыну владѣльца нѣкоторые изъ своихъ офортовъ; въ то же утро онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Выборы въ кіевскіе войты Григорія Пивоварова. Жалованье кіевскихъ войтовъ. По удаленіи войта Сычевскаго, имп. Екатерина II рекомендовала кіевскому генералъ-губернатору Глѣбову внушить кіевскому магистрату отъ себя, чтобы четвертымъ кандидатомъ въ должность войта былъ поставленъ кіевской губернской канцеляріи прокуроръ Пивоваровъ. Внушенія ни къ чему не привели: по словамъ кіевскаго оберъ-коменданта Ельчанинова, передъ выборами будто-бы призваны были въ ратушу старшіе, и чрезъ писаря Давидовскаго запрещено имъ было подавать голоса за Пивоварова и за кого бы то ни было изъ великороссіянъ, въ противномъ случаѣ чиновникъ будетъ лишенъ чина, а мѣщанинъ изгнанъ изъ города [1]).

По этому поводу данъ былъ 3 іюля 1766 г. въ Петергофѣ слѣдующій именной «Указъ нашему генералъ-губернатору Воейкову: Бывшей предъ вами кіевской генералъ-губернаторъ Глѣбовъ представлялъ намъ полученные имъ изъ Кіева отъ тамошняго магистрата выборъ на чинъ новаго войта кандидатовъ и два рапорта отъ генерала маіора и оберъ-коменданта Елчанинова, изъ коихъ мы съ великимъ неудовольствіемъ усмотрели, что помянутой магистратъ, непозволеннымъ образомъ вмѣшавшись въ сей выборъ, дерзнулъ всѣвать въ мещанъ страхи съ угрозами о избраніи въ число кандидатовъ великороссійскаго нашего подданнаго, чего оному магистрату чинить не надлежало, а потому и почитаемъ мы оной выборъ недобровольнымъ, но изъ принужденія и страха учиненнымъ. Чего ради повелѣваемъ вамъ, собравъ оной магистратъ, при всемъ мещанствѣ къ выбору привилегированномъ объявить, что оной симъ непристойнымъ и дерзкимъ своимъ поступкомъ заслуживаетъ по справедливости нашъ гнѣвъ, а потому и достойное наказаніе; но мы изъ единаго токмо милосердія въ сей разъ вину его всемилостивѣйше прощаемъ, надѣясь, что онъ впредь согласнѣе съ должностію вѣрноподданнаго поступать будетъ. Потомъ посланной при семъ выборъ въ присут-

[1]) С. Соловьевъ, Ист. Рос., т. 17, стр. 28 сл. Цит. у И. Каманина, Послѣдн. годы самоупр. Кіева по магд. пр. въ „Кіев. Стар." 1888 г., сент., стр. 606.

ствіи ихъ изодрать, и приказать согласно намѣренію нашему здѣлать при васъ самихъ новой, которой и прислать къ намъ на апробацію. Екатерина».

Воейковъ 16 августа 1766 г. донесъ императрицѣ, что уже на другой день полученія именнаго указа отъ 3 іюля, т. е. 30 іюля собраны были магистратъ и все къ выбору въ войты привилегированное мѣщанство, «которымъ соизволеніе В. И. В. Всемилостивѣйше мнѣ предписаннымъ образомъ объявлено, прежней ихъ выборъ въ присутствіи всѣхъ изодранъ, а притомъ для новаго выбору 3-е число сего мѣсяца назначено, въ которой день о собраніи всего магистрата и привилегированнаго къ тому мѣщанства присылкою депутата мнѣ знать дано: я въ ратушу поѣхалъ, гдѣ по входѣ въ палату и по обыкновенномъ засѣданіи всѣхъ чиновъ, оные приличными резонами къ начинанію выбора по ихъ древнему обряду побуждены. Вслѣдствіе чего магистратскимъ писаремъ написанъ актъ и требована дача голосовъ, а между тѣмъ по обыкновеннымъ переговоркамъ всталъ одинъ магистратской члѣнъ и на общее всего собранія разсужденіе объявилъ имяна новыхъ четырехъ кандидатовъ, но едва толко успѣлъ оныхъ по порядку назвать, со всѣхъ сторонъ голосъ слышенъ былъ, что всѣ выборомъ довольны, и такъ имяна кандидатовъ въ актъ внесены, а потомъ весь актъ въ слухъ прочтенъ, въ заключеніи котораго паки отзывомъ всего собранія довольствіе оказано. По такомъ добровольно съ общаго согласія учиненномъ выборѣ, актъ оставленъ для подписанія. Симъ образомъ выборъ по соизволенію В. И. В. совершенъ, которой съ подписью всего магистрата и привилегированнаго къ тому мѣщанства, кромѣ отсутственныхъ за собственнымъ промысломъ, 9-го числа сего магистратскими при репортѣ мнѣ поданъ, я имѣю честь оной В. И. В. при семъ на всевысочайшую конфирмацію всеподданнѣйше подносить. В. И. В — ва всеподданнѣйшій рабъ Ѳедоръ Воейковъ».

Какъ извѣстно, выбраны были при изложенныхъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ слѣдующіе кандидаты: Пивоваровъ, Гр. Козицкій (секретарь графа Гр. Гр. Орлова), Ст. Андріевскій («камардинеръ» при е. и. высочествѣ) и кіевскаго магистрата медовой шафаръ Стефанъ Дмитровичъ. Не лишены интереса подписи на актѣ выбора. Онѣ идутъ въ такомъ порядкѣ: бурмистры (6 душъ); писарь Я. Давидовскій; райцы (3); шафары (6); лавники (6); городничій Ѳ. Донецъ; шафары (8, изъ нихъ 1 неграм.), инстигаторъ, шафары (8, изъ нихъ 5 негр.) инстигаторы (4); урядники (16). Реестровой корогвы мѣщане:

мѣщанъ 10 (изъ нихъ 5 негр.) и урядниковъ 3 (изъ нихъ 1 негр.); цеху кравецкаго цехмистры (6, изъ нихъ 2 негр.); цеху кушнерскаго цехмистры (3, изъ нихъ 2 негр.); цеху шевскаго цехмистры (3, изъ нихъ 2 нег.); цеху ковальскаго цехмистры (2, изъ нихъ 1 негр.); цеху ткацкаго цехмистра 2 (1 негр.) и урядникъ 1; цеху рыбальскаго старосты Гр. Забуга и Лукьянъ Богомазъ (оба негр.); цеху музыцкаго цехмистръ Кузьма Печерскій и урядникъ Гр. Глеваскій (оба негр.); цеху перепечайскаго старосты (2, негр.); цеху рѣзницкаго цехмистры (3, изъ нихъ 2 негр.); цеху гончарскаго цехмистры (4, изъ нихъ 3 негр.); цеху бондарскаго цехмистры (2, негр.); малярскаго собранія начальники (2), сотникъ крамарскій Евстафій Ливданскій и 5 посполитыхъ сотниковъ (изъ нихъ 4 неграм.). Всего 113 чел., изъ нихъ 39 неграмотныхъ.

Уже 12 сентября 1766 г. Пивоваровъ былъ утвержденъ импер. Екатериною II въ должности войта,—по тому времени быстрота необычайная. Бумаги по этому дѣлу пересылались изъ Кіева въ столицу съ эстафетами. 9 ноября Пивоваровъ приведенъ къ войтовской присягѣ въ церкви Соборно Успенской Кіево-подольской іереемъ Іоанномъ Левандою, а черезъ 20 дней подалъ онъ Воейкову покорное доношеніе, гдѣ изобразилъ: въ указѣ сената о жалованьи войта ничего не сказано; изъ магистратскихъ доходовъ ему производится въ годъ жалованья «токмо по сту рублевъ съ нѣкоторыми мѣлочными издревле по ихъ магдебурскимъ правамъ обыкновенными доходами; я же будучи прокуроромъ получалъ Ея И. В. жалованья по 400 по 50 рублевъ въ годъ, и такъ естли и мнѣ на томъ сторублевомъ жалованье состоять (что учинить противъ прежде получаемого мною менше и четвертой части), то онымъ по чину своему крайне содержать себя нѣчемъ». Поэтому Пивоваровъ просилъ ходатайства Воейкова о назначеніи ему изъ доходовъ магистратскихъ приличнаго чину жалованья

На запросъ Воейкова магистратъ въ февралѣ 1767 г. донесъ что «по утвержденному высокомонаршими жалованными оному магистрату грамотами 1645 году марта 30 дня королевскому привилегію установлено войту кіевскому давать съ доходовъ магистратскихъ въ годъ іургелту, то есть денежного годового окладу сто рублей, съ тѣмъ притомъ означеніемъ, дабы войтъ съ техъ же ста рублей содержалъ себѣ слугу присяглого и оному платилъ; а къ тому по утвержденнымъ магистрату кіевскому майдебурскимъ правамъ на войтовъ здешнихъ взымаются потюремніе деньги отъ арестанта по десять копеекъ, да по ухвалѣ магистратовой производится здешнимъ войтамъ акциденцій

въ годъ: вина хлѣбного простого двѣстѣ вѣдеръ, меду сыченого четире мѣрницѣ, пива три мѣрницѣ, дровъ сто колодъ съ нагрузомъ, да къ двоимъ праздникамъ Рождеству и Воскресенію Христову чинится обсылка медомъ, пивомъ и мясывомъ по части; цѣною же оныхъ положить нѣкакъ возможно, для того, что онымъ акцыденціямъ цена всякого года бываетъ неровная, иногда болшая, а иногда меншая; сверхъ же того здешніе войты въ состоящемъ въ подгородѣ мѣскомъ Преорки магистратскомъ футорѣ зъ своего капиталу производили винокуреніе и изъ того доволное имѣли пріобрѣтеніе, а особливо и частію сѣнокосу магистратского владѣли, почему и нынѣшнему господину войту какъ въ томъ магистратскомъ хуторѣ оное винокуреніе производить дозволено, такъ и часть сѣнокосу по усмотрѣнію оного магистрата отведена быть имѣетъ».

Воейковъ рѣшилъ: «прав—му сенату, какъ оной войтъ проситъ, представить не иное что, какъ только то, яко о прибавкѣ ему, войту, жалованья хотя резону предъвидить и не могу, однакожъ все оное передать на благоразсмотреніе пр—го сената».

Сенатъ въ іюнѣ 1767 г. нашелъ, что доходы по должности войта «довольно награждаютъ» Пивоварова за прежнее прокурорское жалованье, «а сверхъ того никто не можетъ по справедливости требовать, чтобъ при переводѣ изъ одного места въ другое производилось тоже жалованье, которое онъ будучи въ первомъ месте имѣлъ, но долженъ всякой доволенъ быть и получать тотъ окладъ, которой ему по настоящей его должности слѣдуетъ».

Какъ видимъ, Пивоваровъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, былъ persona gratissima для лицъ, имѣвшихъ возможность вліять на императрицу; уже очень скоро онъ пришелъ въ столкновеніе съ ген. губ. Воейковымъ по вопросу о замѣщеніи должности магистратскаго писаря и совмѣстно съ магистратомъ проявилъ великую по тому времени строптивость въ отношеніи этого представителя власти, о чемъ разскажемъ въ слѣд. книжкѣ.

Сообщ. **Н. М.**

Публичныя увеселенія и позорища въ Кіевѣ сто лѣтъ тому назадъ. Въ декабрѣ 1797 г. имп. Павелъ I приказалъ, чтобы всѣ начальствующіе губерніями озаботились высылкою воспитательному дому установленнаго привилегіями дохода съ публичныхъ увеселеній и позорищъ, «разумѣя подъ симъ какъ навсегда существу-

ющіе, такъ и временно общественные и въ частныхъ домахъ открываемые театры, съ которыхъ поелику никакого въ нихъ сбора быть не можетъ, то назначить взносъ нѣкоторой суммы съ каждаго представленія».

Въ малороссійской губерніи никакихъ публичныхъ увеселеній и позорищъ не оказалось, о чемъ губернаторъ Миклашевскій и донесъ изъ Чернигова по командѣ. Въ Кіевѣ дѣло обстояло благополучнѣе: комендантъ Вигель увѣдомилъ военнаго губернатора Розенберга въ январѣ 1798 г., что тамъ имѣются слѣдующія увеселенія: театръ во флигелѣ государева дворца, «редута» [1]) въ городскомъ домѣ на Печерскѣ, «въ которомъ италіанецъ представлялъ на стене тень одинъ разъ, и концертъ игранъ одинъ такъ же разъ».

Губернаторъ кіевскій (гражд.) Милашевичъ призналъ соотвѣтственнымъ взыскивать въ пользу воспит. дома десятую долю дохода, остающагося отъ увеселеній за вычетомъ расходовъ на музыку и освѣщеніе.

По собраннымъ справкамъ оказалось: содержателемъ театра выручено (за вычетомъ 80 р. 50 к. на музыку и освѣщеніе) 193 р. 60 к.; содержателемъ «редутъ» (за вычетомъ на муз. и осв. 305 р.) 486 р.; «представлятелемъ концерта» (за вычетомъ 12 р. 50 к. музыкантамъ) — 40 руб.; представлявшимъ китайскія тѣни (за вычетомъ 40 р. на осв. и музыку) — 26 р. — Итого 745 р. 60 к. выручено предпринимателями и отсюда 74 р. 56 к. взыскано въ пользу Спб. воспитательнаго дома.

Сообщ. **И. М.**

Историческая картина временъ Б. Хмельницкаго. Извѣстный галицкій ученый Д. Зубрицкій, состоявшій въ 1840-хъ годахъ членомъ кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ и переписывавшійся со многими изъ тогдашнихъ кіевскихъ ученыхъ, нерѣдко сообщалъ имъ копіи историческихъ документовъ изъ Ставропигіальнаго и другихъ Львовскихъ архивовъ и даже рисунки предметовъ мѣстной старины. Въ числѣ послѣднихъ намъ удалось пріобрѣсти изъ бумагъ, принадлежавшихъ нѣкогда Н. Д. Иванишеву, рисунокъ большого формата, карандашемъ, сдѣланный искусною рукою и представляющій собою точный снимокъ съ исторической картины, хранившейся въ то время въ одной изъ Львовскихъ церквей. Главную часть ея зани-

[1]) Нѣчто въ родѣ клуба.

маетъ видъ г. Львова половины XVII ст.: впереди тянется массивная каменная городская стѣна, съ башнями, бойницами и двумя закрытыми воротами; за нею расположены многочисленныя зданія, преимущественно многоэтажныя, среди которыхъ возвышается пять или шесть католическихъ храмовъ съ необычайно высокими, большею частью крутыми каменными башнями; вдали видны двѣ трехъ-купольныя церкви малорусскаго типа, повидимому деревянныя, а далѣе видъ замыкается откосомъ какой-то высокой горы. Передняя часть картины изображаетъ пустынную равнину, по которой, подъ стѣнами города, проходитъ отрядъ козаковъ Хмельницкаго. Всѣ они верхомъ на лошадяхъ, одѣты въ однообразныя (въ историческомъ отношеніи совершенно вѣрно изображенныя) платья, съ шлыками на головахъ съ привѣшенными къ лѣвому бедру кривыми саблями и съ длинными, поднятыми вверхъ «списами», или копьями, къ древкамъ которыхъ прикрѣплены небольшіе прапоры; почти у каждаго изъ козаковъ за плечами виднѣется лукъ. Лица у всѣхъ весьма типичныя, безбородыя, но съ усами. У одного изъ козаковъ свалилась съ головы шапка, и на обнаженномъ черепѣ его видѣнъ изрядной величины «оселедецъ». Среди храбрыхъ «лыцарей» господствуетъ смятеніе: передніе ряды несутся вскачь и съ видимою тревогою оглядываются на отставшихъ товарищей; послѣдніе стараются не отставать, но съ ними творится что-то неладное: одинъ потерялъ шапку и самъ готовъ свалиться съ лошади, другой, уже безжизненный, поверженъ на землю, и радомъ съ нимъ растянулся замертво и его вѣрный товарищъ—конь. Вокругъ валяются поломанныя сабли и копья. Что бы понять причину происходящаго, надо поднять взглядъ въ самый верхъ картины: тамъ, въ небесной высотѣ изображена Богородица, низвергающая молніи на несчастныхъ козаковъ. Внизу нашего снимка подпись, сдѣланная Зубрицкимъ: «Видъ Львова съ изображеніемъ обратнаго похода гетмана Хмельницкаго зъ козаками мимо стѣнъ города, послѣ осады, 1655 года (смотри Хронику города Львова, 1844 г. заданную, стран. 376). Современная, масленными красками писана картина находится въ паперти Армянской церкви, въ Львовѣ».

Намъ нигдѣ не приходилось читать или слышать, хранится ли и въ настоящее время въ означенномъ мѣстѣ эта любопытная картина. Крайне желательно было бы имѣть о ней подробныя свѣдѣнія, такъ какъ, при всей тенденціозности ея композиціи, въ этой картинѣ мы имѣемъ подлинное и при томъ мастерски исполненное *со-*

временное изображеніе козаковъ Хмельницкаго, со всѣми подробностями ихъ одежды и вооруженія.

Что касается легенды, послужившей сюжетомъ для названной картины, то можно только выразить удивленіе, какъ могло сложиться подобное сказаніе, столь явно противорѣчащее историческимъ фактамъ. Объ осадѣ Хмельницкимъ Львова въ 1655 г. сохранились подробные дневники, веденные Львовскими же обывателями—очевидцами событія (таковы діаріуши: магистратскаго регента Станислава Добѣшовскаго, студента Борженцкаго, трудъ котораго цѣликомъ внесенъ въ лѣтопись львовскаго капоника Яна Юзефовича, и др.). Всѣ они согласно повѣствуютъ, что, послѣ мѣсячной осады, Хмельницкій получивъ отъ львовянъ довольно умѣренный выкупъ, дружелюбно простился съ городскими властями и торжественнымъ маршемъ, на глазахъ высыпавшаго на валы и стѣны населенія Львова, прошелъ черезъ Краковское предмѣстье, уводя за собою многочисленные полки козацкаго воинства. И при всей фанатической ненависти къ врагу, львовскіе мемуаристы не могли не любоваться этимъ тріумфальнымъ шествіемъ и оставили подробное его описаніе. При этомъ, конечно, ни о какомъ бѣгствѣ козаковъ, якобы поражаемыхъ небесными стрѣлами, нѣтъ и рѣчи. Даже каноникъ Юзефовичъ, писавшій свою лѣтопись спустя полвѣка послѣ смерти Хмельницкаго и титулующій его не иначе, какъ carnifex, tyrannus, vulpes, fallax и другими бранными эпитетами, на каждой страницѣ своей лѣтописи повѣствующій о самыхъ невѣроятныхъ чудесахъ и знаменіяхъ, ежегодно якобы совершавшихся въ львовской католической епархіи,—даже онъ ни слова не говоритъ о какомъ бы то ни было вмѣшательствѣ небесныхъ силъ на защиту Львова отъ осаждавшихъ его козаковъ. Любопытно было бы изслѣдовать, откуда же возникла странная легенда, вдохновившая неизвѣстнаго художника—автора названной картины.

Ор. Левицкій.

Къ вопросу о Грабянкиной лѣтописи. Выраженное нами сомнѣніе въ авторствѣ гадяцкаго полковника Грабянки лѣтописи, называемой «Дѣйствія презѣльной брани» («Кіевск. Ст.» 1894 г., ноябрь, 297), повидимому, опровергается спискомъ этой лѣтописи 1756 г., находящимся нынѣ въ кіевской публичной библіотекѣ, куда онъ поступилъ вмѣстѣ съ книгами покойнаго М. В. Юзефовича. Вотъ точный заголовокъ этого списка:

«Дѣйствыя презѣлной отъ начала поляковъ крававой небывалой браны Богдана Хмелницкою, гетмана Запорожскою съ поляки за найяснѣйшихъ королей полскихъ Владислава потомъ і Казимира в року 1648 отправоватися начатой и за лѣтъ десять по смерти Хмелницкаго неоконченной, з разныхъ лѣтописцовъ и изъ діароуша на той войнѣ писанного собранная и самобитнихъ старожиловъ свидѣтелствы утвержденная, року 1710, въ градѣ Гадячу, трудолюбіемъ Григорія Грабянки».

Списанна сыя история в градѣ Сорочинцяхъ, року отъ Рождества Христова 1756».

Такимъ образомъ мы имѣемъ несомнѣнный списокъ лѣтописи 1756 года, съ точнымъ указаніемъ на авторство Грабянки. А такъ какъ Грабянка умеръ въ 1737 г., то значитъ сорочинскій списокъ явился менѣе чѣмъ черезъ 20-ть лѣтъ послѣ смерти автора, когда память о послѣднемъ была еще совсѣмъ свѣжа... А если предположить, что сорочинскій списокъ былъ написанъ для тогдашняго сорочинскаго державцы и лубенскаго полковника Петра Даниловича Апостола, человѣка извѣстнаго своею образованностью, то явится еще большая вѣроятность, что авторство Грабянки было несомнѣннымъ фактомъ для его современника и *товарища по раиу*. Кстати, добавимъ, что сорочинскій списокъ кончается 1696-мъ годомъ.

А. Л.

Документъ изъ эпохи „панованья Войска Запорожскаго" въ Малороссіи. Извѣстенъ старинный обычай, что когда кто-либо изъ прихожанъ жертвовалъ въ церковь евангеліе или другую богослужебную книгу, то при этомъ на поляхъ жертвуемой книги дѣлалась запись съ обозначеніемъ мѣста, времени, именъ жертвователей, названіемъ церкви и ея настоятеля и съ обычнымъ заклятіемъ тѣхъ, кто дерзнулъ бы отобрать или инымъ способомъ отчудить отъ назначенной церкви жертвуемую вещь. Датировались такія записи не только обозначеніемъ года, мѣсяца и числа, но и указаніемъ, за «панованья» какого именно короля (а впослѣдствіи царя или императора) происходило дѣло. Но былъ въ исторіи Малороссіи короткій періодъ, когда она фактически выбилась изъ подданства королю и не вступила еще въ «протекцію» восточнаго царя». Казалось бы, что въ этотъ кратковременный періодъ ея самостоятельнаго государственнаго существованія наиболѣе умѣстной была бы формула: «за панованья»

такого-то гетмана; на самомъ же дѣлѣ употреблялась формула: «*за пановання Войска Запорожскаго*», такъ какъ этимъ терминомъ обозначался военно-республиканскій государственый строй тогдашней Малороссіи, а гетманъ являлся не болѣе, какъ временнымъ представителемъ власти въ родѣ современнаго президента республики. Такая именно формула встрѣтилась намъ въ дарственной записи на старинномъ евангеліи, хранящемся въ преображенской церкви м. Мошенъ, черкасск. уѣзда. Самое евангеліе издано въ Львовѣ, въ братской типографіи, въ 1644 году. На первыхъ листахъ его, внизу, сохранилась слѣдующая старинная запись: «Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Я рабъ Божий Петро Копаченко, з жоною своею Вовдотіею и з дѣтками своими на имя: Василемъ, Якимомъ и Маріею, вымѣнили Евангелие напрестолное за власную працу свою, за золотыхъ к҃ (20), и придали до храму святого Спаса Мошенского *за пановання Войска Запорожского* и за правителства господина отца Иоанна Симоновича[1]); которое евангелие покладаю при помененомъ храмѣ вѣчными часы за отпущене грѣховъ своихъ. А хто бы мѣлъ помененое евангелие отдалити от храму того и от духовного, таковый мѣти будетъ зо мною судъ на страшномъ судѣ. Хто на ономъ евангелии будет читати, прошу мене грѣшного и жону мою и дѣти въ молитвах своих припоминай. Року ҂а҃х҃н҃д (1654), міца февраля дня д҃ (4)».

Почти за мѣсяцъ предъ тѣмъ, 8 января, въ Переяславѣ совершился актъ добровольнаго подчиненія Малороссіи царю Алексѣю Михайловичу, но присяга на подданство ему совершилась не одновременно по всей странѣ, и какъ видимъ, въ Мошнахъ въ февралѣ 1654 г. все еще продолжали признавать лишь «пановань̃е Войска Запорожского».

Сообщилъ **О. Л.**

[1]) Рѣчь идетъ о тогдашнемъ приходскомъ настоятелѣ.

Библіографія.

Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Т. 9-й. *Харьковъ. 1897.*

По заведенному въ послѣдніе годы обычаю, и настоящая книжка «Сборника» открывается некрологическимъ отдѣломъ. Здѣсь мы находимъ теплое слово *Д. И. Багалѣя объ К. Николаѣ Лащенковѣ*, одно перечисленіе работъ котораго показываетъ уже, какого дѣятельнаго члена лишилось въ немъ Общество; помѣщенная же въ настоящемъ томѣ статья покойнаго о. Е. И. Станевичѣ свидѣтельствуетъ и о высокомъ достоинствѣ этихъ работъ. Далѣе слѣдуетъ некрологъ *Д. А. Матова*, молодого талантливаго слависта, родомъ болгарина, связаннаго съ Харьковомъ, какъ съ мѣстомъ своего образованія; некрологъ написанъ *М. Масловымъ;* наконецъ *«Памяти Р. І. Каширенинова»*, преподавателя гимназіи, г. А. Ветуховъ посвятилъ двѣ глубоко-прочувствованныхъ страницы.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію *«Отчета о дѣятельности Харьковскаго Историко-филологическаго Общества за 1895—96 академич. годъ»*. Несмотря на обычный царящій въ этомъ отдѣлѣ хаосъ, при всегдашнемъ мелкомъ, сплошномъ, сѣромъ, точно пасмурный день-шрифтѣ, мы хотя и привыкли разбираться въ немъ, но въ этотъ разъ просто были подавлены массой ни для кого неинтересныхъ домашнихъ мелочей Общества. Кому, напр., интересны переписки и разговоры о неудавшемся печатаніи собранія сочиненій Е. С. Гордѣенка, объ обмѣнѣ Общества книгами съ другими учрежденіями и проч.; если заслуживаютъ общественнаго вниманія хлопоты Общества, чтобы могила И. С. Рижскаго не отошла «подъ церкву», то почему важно, что служителю Петру Полозову куплены валенки; вѣдь этакъ пожалуй въ слѣдующей книжкѣ будетъ пояснено, гдѣ, когда и за сколько куплены

валенки и почему не даны были деньги самому Петру Полозову, чтобы онъ могъ выбрать себѣ обувь по ногѣ.

Страница IX отчета служитъ лучшимъ доказательствомъ безпорядочности изложенія: вся стр. VIII и первая строка IX посвящены изложенію подробностей о печатаніи сочиненій г. Гордѣенка, далѣе валенки, рефератъ г. Халанскаго «о членѣ» и въ концѣ страницы чего-то «копія» но отъ кого, кому, зачѣмъ и для чего — неизвѣстно; рѣчь же въ ней идетъ все о томъ же печатаніи сочиненій г. Гордѣенка.

Дѣятельность Общества, на сколько можно было понять изъ «Отчета», выразилась въ слѣдующемъ:

I. Въ ученыхъ засѣданіяхъ, въ которыхъ члены Общества давали доклады о своихъ изслѣдованіяхъ; всѣхъ засѣданій было восемь; изъ нихъ одно административное и семь съ докладами; послѣднихъ было сдѣлано 14; они касались исторіи литературы (7), исторіи языка (1), исторіи церкви (1), каноническаго права (2), международнаго права (1) и библіографіи (2).

II. Въ изданіи обществомъ «Сборника», «Пособія для устройства литературныхъ и научныхъ чтеній», собранія сочиненій Е. С. Гордѣенка.

III. Въ разборѣ представленныхъ сочиненій и присужденіи премій имени А. А. Потебни.

IV. Въ устройствѣ научныхъ чтеній для женщинъ.

V. Въ заботахъ о сохраненіи памятниковъ старины или вообще предметовъ, заслуживающихъ почитанія.

Изъ этого нельзя не видѣть, что дѣятельность Общества широка, разнообразна и по достигнутымъ результатамъ плодотворна, что и отличаетъ Харьковское Общество, придавая ему больше жизненности, интереса и значенія среди другихъ южнорусскихъ ученыхъ обществъ, не проявляющихъ особенной подвижности.

Въ концѣ «Отчета» приложены программы научныхъ чтеній для женщинъ: 1) по Римской исторіи, 2) по общему языкознанію, 3) по русской исторіи, 4) по исторіи Аѳинъ, 5) по исторіи западныхъ литературъ и 6) по исторіи римской поэзіи.

Отдѣлъ изслѣдованій и сообщеній открывается трудомъ г. *Амфіана Лебедева*: *Ѳеоктистъ Мочульскій, архіепископъ Бѣлгородскій (1786—1899) и курскій (1799—1818).* Настоящая статья, основанная на неизданномъ архивномъ матеріалѣ, служитъ какъ бы дополненіемъ къ статьѣ Ѳ. И. Титова объ этомъ же архіепископѣ, написанной ис-

ключительно по печатнымъ источникамъ. Оба автора согласно относятъ архіепископа Ѳеоктиста къ числу самыхъ выдающихся іерарховъ русской церкви, и мнѣніе это вполнѣ подтверждается приводимыми авторомъ фактами.

Духовно-учебныя заведенія были главнѣйшимъ предметомъ заботъ архипастыря; такъ, напр., онъ заботился о полнотѣ преподаванія въ харьковскомъ коллегіумѣ, этомъ высшемъ учебномъ заведеніи Бѣлгородской епархіи; когда же предстояло раздѣленіе этой епархіи, то архіепископъ Ѳеоктистъ заботился объ устроеніи въ ней другой семинаріи—въ Бѣлгородѣ; кромѣ того, онъ частію возстановилъ, частію открылъ вновь нѣсколько низшихъ духовныхъ училищъ, такъ называемыхъ славяно-латинскихъ школъ, или малыхъ семинарій; наконецъ, преосвященный отнесся съ полнымъ вниманіемъ и къ самымъ начальнымъ, такъ называемымъ славяно-россійскимъ школамъ, побудивъ всѣ духовныя правленія открыть у себя этого рода училища. Въ заботахъ о матеріальной поддержкѣ учебныхъ заведеній, архіеп. Ѳеоктистъ долженъ былъ прибѣгать и къ частной благотворительности; съ этой цѣлью онъ устраивалъ торжественные акты, годичные и случайные, и предписывалъ учителямъ самимъ сочинять и говорить знатнымъ лицамъ привѣтствія и пріучать къ тому же учениковъ. Распространеніе и развитіе школьнаго образованія имѣлось въ виду ради приготовленія достойныхъ кандидатовъ священства; поэтому, преосв. Ѳеоктистъ не рѣдко самъ экзаменовалъ ставленниковъ, требовалъ отъ нихъ частыхъ проповѣдей и даже указывалъ имъ домашнія, приличныя ихъ званію занятія, чтобы «отвратить священно—и церковнослужителей отъ противныхъ званію ихъ дѣяній, паче же къ удержанію отъ гнуснаго пьянства». Не менѣе, чѣмъ приходское духовенство, доставляли преосв. Ѳеоктисту заботъ и монашествующіе—съ ихъ неустроеннымъ житіемъ и распущенными нравами, которые ярко обрисовываются въ приводимыхъ авторомъ цитатахъ изъ старыхъ дѣлъ консисторскаго архива. Въ отношеніи къ самой консисторіи преосв. Ѳеоктистъ былъ строгій блюститель правильности дѣлопроизводства и судебныхъ рѣшеній. Рѣдкое изъ дѣлъ, производившихся въ консисторіи, оставалось безъ его замѣчаній, при чемъ эти замѣчанія не рѣдко имѣли характеръ внушительныхъ наставленій для самихъ отцовъ консисторіаловъ по поводу полагаемыхъ ими на дѣлахъ мнѣній. Видную сторону архипастырской дѣятельности преосв. Ѳеоктиста составляли заботы о присоединеніи къ церкви сектантовъ и старообрядцевъ, по отношенію къ которымъ онъ всегда принималъ мѣры разум-

ныя и гуманныя. Такая полезная дѣятельность преосвящ. Ѳеоктиста продолжалась болѣе 30 лѣтъ; съ 1813 года различные недуги ослабляютъ дѣятельность преосв. Ѳеоктиста; но прекратилась она лишь съ его смертью 16 августа 1817 г.

Не менѣе интересна, чѣмъ вышеизложенная, статья покойнаго о *Николаѣ Лащенковѣ*: «*Евстафій Ивановичъ Станевичъ*», личность котораго заслуживаетъ вниманія лишь по судьбѣ его книги; онъ былъ уроженецъ г. Нѣжина; воспитывался же въ москов. коммерческомъ училищѣ; по окончаніи курса онъ занялся учительствомъ и литературнымъ трудомъ, который приводитъ его то во враждебныя, то въ дружественныя отношенія къ тогдашнимъ представителямъ литературы; очеркъ этихъ отношеній обстоятельно сдѣланъ авторомъ, также охарактеризовано тогдашнее умственное настроеніе общества, религіозно-мистическое, какъ реакція противъ увлеченій матеріалистическими вѣяніями XVIII вѣка, появившимися въ Россіи еще въ концѣ прошлаго вѣка; это настроеніе во многомъ противорѣчило ученію православной церкви и потому встрѣчало противодѣйствіе со стороны духовенства и даже свѣтскихъ лицъ; но мистицизмъ былъ силенъ своими представителями, и выступавшія на борьбу съ нимъ лица подвергались гоненіямъ и лишеніямъ; въ этой литературной борьбѣ принялъ участіе и Станевичъ написавши книгу: «Бесѣда надъ гробомъ младенца о безсмертіи души тогда только утѣшительномъ, когда истина онаго утверждается на точномъ ученіи вѣры и церкви». Хотя книга эта сама по себѣ не представляетъ ничего выдающагося и даже бѣдна по содержанію, но выйдя въ самый разгаръ борьбы, она подвергалась запрещенію, а авторъ ея лишенъ былъ мѣста и высланъ изъ Петербурга; съ перемѣною общественнаго настроенія во вторую половину царствованія императора Александра I, книга Станевича получила распространеніе, а автору были возвращены всѣ потерянныя имъ права и возмѣщены убытки. Статья покойнаго о. П. Лащенкова представляетъ собою серьезный историко-литературный трудъ.

Б. М. Ляпуновъ обозрѣваетъ труды недавно скончавшагося молодого выдающагося слависта «*Д—ра Ватрослава Облака*» по славянской филологіи; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ отношеніе и къ памятникамъ древне-русской письменности.

П. П. Короленко помѣстилъ въ настоящемъ томѣ весьма важные «*матеріалы по исторіи войска запорожскаго*, извлеченные изъ дѣлъ Харьковскаго Историческаго Архива» за время съ 1729 по 1773 г. г. Онъ располагаетъ этотъ интересный матеріалъ въ одномъ хро-

нологическомъ порядкѣ, а не по содержанію, отчего пользованіе имъ довольно затруднительно. Совсѣмъ иное значеніе имѣла бы работа г. Короленка, если бы свой архивный матеріалъ онъ расположилъ въ такой системѣ, въ какой изложилъ г. А. Лебедевъ свои данныя о «Ѳеоктистѣ Мочульскомъ». Какъ важны, напр., данныя о козацкомъ самоуправленіи, отношеніи къ нимъ русскаго правительства, объ ихъ землевладѣніи, промышленности и торговлѣ, отношеніи къ татарамъ, внутреннихъ порядкахъ и проч., а между тѣмъ они перемѣшаны и разбиты; будь это все изложено логично, а не хронологично,—получилась бы живая картина запорожской жизни, и изъ нея уже нетрудно было бы сдѣлать и выводы.

Н. И. Алякритскій продолжаетъ обзоръ трудовъ *Н С. Тихонравова* съ 1859—1874 г. по исторіи русской литературы, а г. *М. М. Плохинскій*—составленную имъ опись старыхъ дѣлъ Харьковскаго архива.

Наконецъ, *Н. Ѳ. Сумцову* принадлежитъ въ настоящемъ томѣ цѣлыхъ пять статей: 1) *«Литературная родня разсказа гр. Л. Н. Толстаго «Чѣмъ люди живы»*; 2) *«Опытъ историческаго изученія малорусскихъ пословицъ»*; 3) *«Жаба и лягушка въ народныхъ повѣрьяхъ и сказаніяхъ»*; 4) *Пожеланія и проклятія»* и 5) *«Личные обереги отъ сглаза»*. Въ первой своей статьѣ г. Сумцовъ подбираетъ отовсюду литературную родню къ разсказу гр. Л. Н. Толстаго: «Чѣмъ люди живы»; подборъ показываетъ большую распространенность фабулы разсказа и большія варіаціи ея; авторъ старается оправдать писателя и защитить его отъ обвиненій другихъ критиковъ въ заимствованіи, ибо «народу возвращается его собственное полузабытое литературное достояніе, но возвращается въ художественной обработкѣ».

Во второй статьѣ авторъ дѣлаетъ попытку объясненія нѣкоторыхъ древнихъ пословицъ, указываетъ на заимствованіе другихъ и подтверждаетъ древность употребленія третьихъ; но историческія, общественныя и друг. условія, создавшія тѣ или иныя пословицы и дающія имъ смыслъ, еще предлежитъ изучить и опредѣлить для огромнаго количества пословицъ, даже изъ тѣхъ, которыя приводитъ авторъ.

Что касается до собственно этнографическихъ работъ Н. Ѳ. Сумцова, то къ нимъ, какъ и вообще къ подавляющему большинству такихъ работъ, вполнѣ приложима пословица, что въ нихъ изъ-за деревьевъ лѣса не видно, хотя авторы и очень часто обнаруживаютъ большую начитанность и эрудицію.

Изъ сказаннаго, повторимъ еще разъ, не трудно видѣть, какую большую энергію проявляетъ общество въ изученіи мѣстной старины какъ горячо и безкорыстно заботится оно о расширеніи знаній въ массѣ (хотя только пока среди женщинъ), какъ полны, разнообразны, содержательны и интересны книжки его «Сборника» и какой широкой программы происхожденія держится историко-филологическое Общество — все это даетъ ему право на одно изъ почетныхъ мѣстъ среди другихъ историческихъ обществъ.

И. Каманинъ.

Baron de Baye. Kiev. La mère des villes russes. Vingt-quatre gravures hors texte. Paris, 1896. (Баронъ де-Бай. Кіевъ. Мать городовъ русскихъ). *Стр. 46.*

Эта книжечка — любопытный образецъ французской causerie. По словамъ самого автора, новый трудъ его — рядъ листковъ, вырванныхъ изъ записной книжки туриста. Съ неподражаемой граціей г. де-Бай касается самыхъ разнообразныхъ сюжетовъ и въ сущности не даетъ ничего. Изученіе Россіи сдѣлало во Франціи значительные успѣхи въ послѣднее время, и разсматриваемая брошюра, къ сожалѣнію, очень мало прибавитъ къ запасу свѣдѣній о нашемъ отечествѣ, доступному для средняго французскаго читателя..

При вступленіи на русскую почву авторъ рекомендуетъ прежде всего отрѣшиться отъ обычной обстановки «сдѣлаться немножко восточнымъ человѣкомъ». Это значитъ, что чуждую и дружественную страну слѣдуетъ разсматривать лишь съ лучшихъ ея сторонъ, восторгаться ея красотами и опускать то, что могло-бы показаться непріятнымъ, воздерживаться отъ безплодной и излишней критики.

Восхищенія въ книгѣ г. де-Бая дѣйствительно очень много, критика отсутствуетъ, и поставленная задача выполнена авторомъ блистательно. Авторъ восхищается Кіевомъ и Украйной съ желѣзнодорожнаго моста (стр. 6), на стр. 7 разсказываетъ о языческомъ періодѣ Кіева, на стр. 9—11 даетъ пересказъ баллады Пушкина о вѣщемъ Олегѣ, далѣе идутъ языческія похороны (разсказъ Ибнъ Фоцлана и снимокъ картины Семирадскаго), принятіе христіанства въ Кіевѣ и крещеніе въ Херсонесѣ. Въ очеркѣ христіанскаго Кіева (23—26) узнаемъ, что въ жилахъ малороссовъ течетъ кровь не только сѣверянъ, древлянъ и полянъ, но также запорожцевъ, печенѣгъ и

другихъ восточныхъ народовъ. По увѣренію автора, удивительно, до чего значительные слѣды въ Кіевѣ оставило польское владычество. Крупные собственники и промышленники почти не живутъ въ нашемъ городѣ. Въ магазинахъ, гостинницахъ, на улицахъ больше всего встрѣтишь поляковъ и евреевъ. Въ среднемъ классѣ еще замѣтны слѣды польскаго вліянія или реминисценцій козатчины—авторъ лишь затрудняется, чему дать преимущество.

Далѣе слѣдуетъ описаніе Св. Софіи и Владимірскаго храма, съ многочисленными, порядочно исполненными снимками. Описаніе Кіева оканчивается посѣщеніемъ Лавры, гдѣ авторъ поражается живописностью группъ богомольцевъ въ лаврскихъ дворахъ и садахъ.

При такомъ обзорѣ, можно сказать, à vol d'oiseau неизбѣжны конечно маленькія ошибки,—безъ нихъ даже нарушена была-бы цѣльность впечатлѣнія отъ книги г. де-Бая. Такъ напр., Крещатикъ оказывается у него на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходило крещеніе, въ деревенскихъ избахъ и донынѣ крестьяне распѣваютъ былины въ честь кн. Владиміра, Палѣй доставилъ побѣду Петру I надъ союзомъ польскаго пана, іезуита и еврея—арендатора; кисель пошелъ въ ходъ съ эпохи Нестора лѣтописца и т. д.

Не лишено своеобразнаго интереса также описаніе поѣздки въ окрестности Кіева, именно въ Вишенки. «Спустимся на берегъ Днѣпра, гдѣ купаются, по крайней мѣрѣ разъ въ день, всѣ кіевляне. Бани играютъ большую роль въ жизни русскихъ, которые сѣкутъ себя въ водѣ, совершенно какъ во время Нестора, маленькими розгами изъ березы съ листьями». Отсюда и пословица: присталъ какъ банный листъ. Крестьяне на сѣнокосѣ. Костюмъ ихъ восхитителенъ. Крестьяне, въ широчайшихъ панталонахъ, въ вышитыхъ синимъ и краснымъ рубахахъ, бритые, длинноусые—не напоминаютъ ли они о роли, которую игралъ въ этой странѣ тюркскій этническій элементъ? Столь же живописенъ и костюмъ женщинъ. Судя по описанію автора можно подумать, что онъ видѣлъ ихъ на свадьбѣ, а не на сѣнокосѣ. Импровизированный обѣдъ туристовъ состоитъ изъ мѣстныхъ блюдъ: каши, поросенка, киселя, простокваши и малины. Затѣмъ туристовъ приглашаетъ къ себѣ мѣстный священникъ. «Онъ выразилъ намъ въ трогательныхъ словахъ франко-русскія чувства населенія и волненіе, вызванное убійствомъ г. Карно въ деревнѣ, которая до насъ не видѣла французовъ». Вечерній звонъ призываетъ къ домашнимъ очагамъ разсѣянныхъ по полямъ рабочихъ. Закатъ солнца даетъ автору случай высказать нѣсколько глубокихъ замѣчаній о характерѣ

нашей народной поэзіи, въ которой параллельно воспроизводятся душевныя движенія и виды природы въ гармоническомъ сочетаніи. Оканчивается описаніе стихотвореніемъ Хомякова: «Слава, Кіевъ», и пр.

Настоящая брошюра составляетъ лекцію, прочитанную авторомъ въ Реймсѣ и дважды въ Парижѣ. Сожалѣемъ, что французской публикѣ преллагаются подобные пустяки.

Н. М.

Б. С. Давидовичъ. Судьбы православія и русской народности на Волыни въ послѣднее столѣтіе (1796—1896). *Рѣчь, читанная на юбилейномъ актѣ Волынской Духовной Семинаріи 1896 года 29 сентября. Посвящается Волынскому Духовенству. Почаевъ. 1896.*

Рѣчь г. Давидовича построена не по избитому и шаблонному типу такъ наз. «юбилейныхъ» ораторскихъ произведеній,—авторъ предпочелъ дать своей задачѣ болѣе разумную постановку; онъ разсматриваетъ столѣтнюю дѣятельность Волынской дух. семинаріи и ея питомцевъ—мѣстнаго духовенства—въ широкой перспективѣ сложныхъ общественныхъ условій жизни края за тотъ-же періодъ. Вслѣдствіе такой постановки брошюра почтеннаго оратора значительно выигрываетъ въ своемъ достоинствѣ, это—живая и поучительная экскурсія въ область прошлаго Волыни за послѣднее столѣтіе. Нарисовавъ общую картину взаимныхъ отношеній между двумя культурными началами, русскимъ и польскимъ, авторъ на фонѣ борьбы ихъ рельефно оттѣняетъ дѣятельность семинаріи—этого перваго (долгое время—и единственнаго) русскаго учебно-воспитательнаго заведенія въ краѣ; и такой вполнѣ научный пріемъ далъ возможность автору совершенно правильно и безъ всякой натяжки оцѣнить по достоинству дѣятельность семинаріи, скромную и не блестящую по внѣшности, но богатую плодотворными результатами. Избѣгая по возможности апріорныхъ построеній, г. Давидовичъ даетъ своему очерку строго фактическую основу; а такъ какъ событія жизни Волыни знакомы ему хорошо до малѣйшихъ подробностей, при чемъ это знаніе, какъ можно судить, пріобрѣтено имъ не ad hoc, а составляетъ давній и постоянно пополняемый умственный капиталъ, то они комбинируются въ легкой и плавной рѣчи, безъ той напряженности, которая обыкновенно сразу же даетъ себя чувствовать въ трудѣ изслѣдователя, такъ сказать,

короснѣлаго, вызваннаго къ изученію извѣстной области лишь тѣмъ или другимъ внѣшнимъ поводомъ. Широта и просвѣщенность взгляда, полная самостоятельность, а нерѣдко и оригинальность въ оцѣнкѣ факторовъ, создавшихъ и обострявшихъ польско-русскій вопросъ — все это заставляетъ признать брошюру г. Давидовича цѣннымъ историческимъ этюдомъ, хорошо освѣщающимъ основные моменты послѣдняго періода исторіи Волыни. Весьма симпатиченъ гуманный призывъ автора, что «не побѣдные клики, не радость одолѣнія враговъ должны составлять существенную сторону этого (т. е юбилейнаго) торжества. Да будетъ ему чужда и тѣнь человѣконенавистничества и вражды!» (с. 34). Вообще заключеніе написано съ тѣмъ истиннымъ воодушевленіемъ, которое, не имѣя ничего общаго съ напускнымъ юбилейнымъ пафосомъ, оставляетъ впечатлѣніе задушевности.

Не входя въ подробное изложеніе содержанія брошюры г. Давидовича, мы отмѣтимъ нѣкоторыя воззрѣнія автора, которыя кажутся намъ недостаточно обоснованными. Такъ, относительно обратнаго перехода уніатовъ въ православіе, авторъ говоритъ, что народная масса «немедленно заявила свое тяготѣніе къ новому порядку вещей возвращеніемъ къ вѣрѣ предковъ» и что «это движеніе, охватившее весь нашъ край, является дѣломъ чисто-народнымъ» (стр. 7). Это утвержденіе нельзя принять безъ оговорки. Возвращеніе уніатовъ, дѣйствительно, народное дѣло въ томъ смыслѣ, что оно клонилось къ духовной пользѣ народа; но едва ли можно согласиться съ авторомъ, что это движеніе создалось народной массой, зародилось исключительно въ нѣдрахъ ея и велось народомъ по собственной иниціативѣ. Въ цитованной авторомъ статьѣ «Нѣкоторые эпизоды изъ времени возсоединенія уніатовъ» (Русск. Ст., 1894, авг.) сообщено не мало фактовъ (по архивнымъ документамъ), заставляющихъ съ особенною осторожностью давать окончательную оцѣнку этому крупному событію конца XVIII вѣка, и самъ г. Давидовичъ не отрицаетъ, что «дѣло возсоединенія не обошлось безъ шероховатостей» (с. 7). А затѣмъ—трудно согласить съ вышеуказаннымъ утвержденіемъ автора тотъ фактъ, что въ царствованіе Павла I «дѣло возсоединенія пріостановилось», движенія народныя—вовсе не такого характера, чтобы имъ могъ быть положенъ предѣлъ «противодѣйствіемъ со стороны низшихъ агентовъ правительства» (с. 9). Затѣмъ, намъ кажутся нѣсколько преувеличенными похвалы автора народному характеру политики Екатерины II. Политика Екатерины II страдала нѣкоторою непослѣдовательностью именно въ той широкой области отно-

шеній, которыя вызывали вмѣшательство Россіи въ дѣла Польши: вспомнимъ общеизвѣстныя подробности эпохи раздѣловъ, а также народныя движенія въ Рѣчи Посполитой предъ ея паденіемъ.

Что касается основной цѣли автора,—опредѣлить истинную мѣру заслугъ православной школы и духовенства—то она выполнена съ чисто-научнымъ безпристрастіемъ; и было бы весьма желательно, чтобы эта брошюра получила наиболѣе широкое распространеніе среди волынскаго духовенства, какого она вполнѣ заслуживаетъ.

К. Х—чъ.

Труды Кіевской Духовной Академіи 1896 г. *№№ 1—12.*

№ 1. И. И. Малышевскаго. Галицко-русская депутація въ Римъ. (По поводу 300-лѣтней годовщины Брестской уніи. Стр. 30—54.— Подробный разсказъ о депутаціи, отправленной изъ Галиціи въ Римъ для принесенія папѣ «благодарности за его благодѣянія Галицкой Руси, ея церкви, духовенству и народу». Главою депутаціи былъ м. Сильвестръ Сембратовичъ, а участниками—«львовскіе кафедральные крылошане» и другія лица (изъ «свѣтской интеллигенціи» г. г. Барвинскій и Вохнянинъ) въ числѣ свыше 80 челов. Кромѣ подробностей о пребываніи депутаціи въ Римѣ, разсказано о полученіи м. Сембратовичемъ кардинальства. Сюда же должна быть отнесена и другая статья *А. Б—ва, Адресъ римскому папѣ поднесенный галичанами-уніатами по поводу 300-лѣтія уніи, № 2, стр. 284—289.*

Н. И. Петрова. Греческій Екатерининскій монастырь. Стр. 55—112. Поселеніе грековъ въ Малороссіи вообще и въ Нѣжинѣ особенно. Нѣжинское греческое братство. Попытка кіевскихъ грековъ завести въ Кіевѣ тѣ же порядки, какіе завели у себя нѣжинскіе греки. Вопросъ о передачѣ кіевскимъ грекамъ петропавловскаго подольскаго м—ря. Постройка греческой церкви въ 1739—42 г. г. Противодѣйствіе кіевскихъ мѣщанъ. Переименованіе церкви въ м—рь въ 1748 г. Переводъ греческаго монастыря въ 1787 г. въ петропавловскій м—рь. Уничтоженіе послѣдняго пожаромъ въ 1811 году и возвращеніе греческаго м—ря, въ 1828 году, въ зданіе Екатерининской церкви.

Т. ж. И. И. Малышевскаго. Кардинальство галицкаго уніатскаго митрополита Сильвестра Сембратовича. Стр. 145—159. Послѣдовательный разсказъ о встрѣчѣ митрополита во Львовѣ, послѣ по-

лученія кардинальства, и о сказанныхъ при этомъ рѣчахъ, въ томъ числѣ Шараневича, Савчака и друг.

№№ 2 и 3. Н. И. Петрова. Кіевская Рождество-Предтеченская или Борисо-Глѣбская церковь Стр. 252—283 и 354—364. Начало статьи въ «Трудахъ» 1895 года, № 7, стр. 478—508. Возникновеніе церкви авторъ относитъ къ велик.-княж. періоду: «Древняя Борисо-Глѣбская церковь была или «Туровою божницею», упоминаемою въ 1146 году или преемницею ея». По мнѣнію Закревскаго Борисогл—ая ц-вь построена въ 1602 году; но есть указанія, что она существовала если не въ XV вѣкѣ, то въ 1555 году. Соображенія и свѣдѣнія о судьбѣ храма до половины XVII в. Земельныя пріобрѣтенія церкви во второй половинѣ XVII в. «Школа» и «шпиталь». Постройка каменной церкви въ 1691 году полковникомъ Коровченкомъ. Борисоглѣбская церковь и ея судьба до упраздненія въ 1790 году. Подробныя свѣдѣнія о «школѣ» и о «старцахъ шпитальныхъ» Борисогл—ой церкви. Исторія Рожд.-Предт. церкви и ея Борис.-Глѣб. предѣла до настоящаго времени.

№№ 5, 6, 7, 9 и 11. Н. И. Петрова. Историко-топографическіе очерки древняго Кіева. Стр. 102—128, 239—260, 412—452, «9—134 и 364—386. Обширное изслѣдованіе, заключающее въ себѣ пересмотръ и провѣрку заключеній прежнихъ изслѣдователей по исторической топографіи г. Кіева. Пока обслѣдованы слѣдующія мѣстности: Щекавица съ ея окрестностями, Плоская часть или Оболонь, Печерскъ (подробный разсказъ о Печерской Лаврѣ, о ея зданіяхъ и о пустыняхъ Китаевской и Голосѣевской), Старый городъ, (Андреевское и Софійское отдѣленія)[1]). Изслѣдованіе не окончено.

№№ 6, 7 и 9. В. Серебренникова. Кіевская академія съ пол. XVIII в. до преобразованія ея въ 1819 году. (По поводу новооткрытыхъ документовъ). Стр. 217—238, 368—411 и 61—86. Гл. I. Управленіе и списки начальниковъ и наставниковъ. Списки ректоровъ, префектовъ и учителей, 1750—1817. Гл. II. Хозяйственная часть.

№№ 10—11. Ф. И. Титова. Описаніе торжества открытія честныхъ мощей святит. Ѳеодосія Углицкаго. Стр. 203—233 и 309—341.

№№ 10 11 и 12. Свящ. Н. Стеллецкаго. Протоіерей А. А. Самборскій, законоучитель императора Александра I. Стр, 182—

[1]) По поводу „Очерковъ“ Н. И. Петрова въ мѣстныхъ газетахъ за 1896 г. появилось нѣсколько статей, изъ которыхъ можно указать статью г. Голубева, Кіевл., № 322 и отвѣтъ Н. И. Петрова, Кіевск. Слово, №№ 3196, 3200 и 3202.

202, 342—363 и 486—526. Біографическій очеркъ по печатнымъ источникамъ, которые перечислены. С—ій родился въ с. Стратилатовкѣ, Ахтырскаго уѣзда, (1732 г) учился въ кіевской академіи; отправленъ былъ для изученія земледѣлія въ Лондонъ, тамъ остался настоятелемъ посольской церкви. Въ 1782 году возвратился въ Россію и былъ назначенъ преподавать законъ Божій великимъ князьямъ и великимъ княжнамъ. Пребываніе въ Австріи духовникомъ при вел. княгинѣ Александрѣ Павловнѣ. Возвращеніе на родину. Послѣдніе годы жизни въ Стратилатовкѣ и заботы объ улучшеніи быта тамошнихъ крестьянъ. Умеръ С—ій въ 1815 г., въ Петербургѣ.

Dr. Alfred Halban. Zur Geschichte des deutschen Rechtes in Podolien, Wolhynien und der Ukraine. Berlin, 1896. *(Д-ръ А. Гальбанъ. Къ исторіи нѣмецкаго права въ Подоліи, Волыни и Украинѣ). Стр. 135.*

Профессоръ черновицкаго университета д-ръ Гальбанъ былъ командированъ въ 1894 г. австрійскимъ министерствомъ исповѣданій и нар. просвѣщенія въ Петербургъ для изученія матеріаловъ по каноническому праву въ публичной библіотекѣ. Поѣздки въ Кіевъ въ томъ же и слѣдующемъ году дали ему возможность ознакомиться съ нѣкоторыми книгами кіевскаго центральнаго архива при университетѣ и привели его къ мысли сообщить ученой публикѣ результаты этого ознакомленія по спеціальному вопросу о реценціи нѣмецкаго права въ городахъ южно-русскихъ областей, нѣкогда входившихъ въ составъ Литвы и Польши. По мнѣнію автора, вопросъ этотъ еще недостаточно разработанъ, и существующія уже попытки въ этомъ направленіи, принадлежащія русскимъ изслѣдователямъ, не могутъ удовлетворить германистовъ, для которыхъ вопросъ представляетъ спеціальный интересъ, чуждый задачамъ русскихъ историковъ права. Интересъ этотъ тѣмъ значительнѣе, что нѣмецкое право распространилось и развивалось на южно-русской почвѣ безъ всякой почти опоры въ германской колонизаціи, заимствовано населеніемъ вполнѣ чуждымъ германской національной стихіи, почему процессъ развитія правовыхъ институтовъ и воззрѣній, обрядовыхъ формъ и пріемовъ долженъ былъ получить оригинальную окраску и далеко разойтись съ образцами, выработанными на родинѣ этого права. При краткости времени командировки, сколько-нибудь подробное ознакомленіе съ

обширнымъ матеріаломъ даже кіевскаго архива было невозможно для автора. Поэтому онъ вынужденъ былъ съузить рамки своей работы и задался цѣлью лишь указать на общій характеръ и содержаніе этого матеріала, ознакомить спеціалистовъ съ существенными результатами прежнихъ работъ по данному предмету и намѣтить рядъ вопросовъ, возникающихъ при изученіи этой литературы и стоящихъ на очереди въ наукѣ исторіи германскаго права.

Съ точки зрѣнія поставленной авторомъ скромной задачи должно признать, что работа г. Гальбана выполнена съ достаточной полнотой и знаніемъ литературы предмета. Разумѣется, отсюда еще неизмѣримо далеко до исчерпывающаго изслѣдованія вопроса, но какъ предварительная общая программа для германистовъ, преслѣдующихъ свои спеціальныя задачи въ области историко-юридическихъ изученій, книга несомнѣнно принесетъ свою пользу иностраннымъ ученымъ, которые пожелаютъ заняться этимъ нелегкимъ вопросомъ. Особаго значенія для изслѣдователей русскихъ книга г. Гальбана, на нашъ взглядъ, имѣть не можетъ.

Въ книгѣ пять главъ. Въ главѣ первой авторъ знакомитъ съ характеромъ матеріаловъ, хранящихся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, перечисляетъ градскія книги, имѣющія отношеніе къ вопросу, съ указаніемъ годовъ и номеровъ книгъ по инвентарной описи и справедливо указываетъ на неудовлетворительное положеніе дѣла систематическаго описанія архива. Въ главѣ второй («Значеніе нѣмецкаго права въ южнорусскихъ областяхъ») авторъ, на основаніи главнымъ образомъ монографій и статей г. г. Антоновича, Владимірскаго-Буданова, Багалѣя, Грушевскаго, Кистяковскаго, Каманина, Левицкаго, Молчановскаго, Теличенко и др., излагаетъ въ общихъ чертахъ исторію введенія нѣмецкаго права въ городахъ южной Руси и пытается подойти къ разрѣшенію вопроса о значеніи этого права въ смыслѣ поддержки или ослабленія городской автономіи. Авторъ держится мнѣнія, что истина стоитъ посрединѣ между крайними взглядами, что нѣмецкое право имѣло извѣстное организующее значеніе въ городской жизни, но само по себѣ, конечно, не могло предохранить ее отъ упадка, обусловленнаго общими политическими и экономическими причинами. Условія литовско-польской государственности не давали благопріятной почвы для разцвѣта городской общинной жизни и потому крайне несправедливо относить къ винѣ нѣмецкаго права упадокъ городской самостоятельности, наличность которой въ древнѣйшую пору жизни южнорусскихъ городовъ представляется при томъ

же весьма проблематичной. Какъ намъ кажется, такая постановка вопроса невполнѣ правильна. Вопросъ прежде всего заключается въ томъ, имѣло-ли германское право дѣйствительное реальное значеніе въ городской жизни, или же вліяніе его сгушевывалось подъ давленіемъ права обычнаго; дѣло идетъ о констатированіи опредѣленныхъ факторовъ правовой жизни, опредѣленіи моментовъ развитія правовыхъ нормъ и институтовъ, для чего требуется детальное изученіе источниковъ. Внѣ этого условія, ни защита, ни порицаніе никакого значенія для уясненія вопроса имѣть не могутъ.

Въ главѣ «объ источникахъ права» авторъ даетъ сжатый очеркъ литературы предмета, пользуясь для этого преимущественно работами Кистяковскаго и Теличенко, монографіями Даргуна о саксонскомъ зерцалѣ, Френсдорфа о Любекскомъ правѣ, Гомейера объ источникахъ германскаго права и нѣк. др. Самостоятельнаго изученія вопроса по источникамъ въ этой главѣ мы не замѣтили, да оно и не требовалось по свойству поставленной авторомъ задачи.

Въ главѣ четвертой («практика городскихъ властей») авторъ, характеризуетъ способы веденія актовыхъ книгъ, примѣненіе и цитаты изъ юридическихъ руководствъ и сборниковъ, предѣлы городской юрисдикціи въ связи съ юрисдикціями старостинской и частновладѣльческой, значеніе и компетенцію войтовскаго уѣзда, роль магистратовъ, цеховъ и судебную процедуру вообще. При такомъ разнообразіи затронутыхъ вопросовъ, авторъ конечно лишенъ возможности освѣтить ихъ исчерпывающимъ образомъ. Тѣмъ не менѣе авторъ постарался ознакомиться съ литературой предмета, разбросанныя указанія которой нерѣдко пополняетъ ссылками на акты, главнымъ образомъ, каменецкихъ гродскихъ книгъ.

Въ заключительныхъ замѣчаніяхъ (глава V) г. Гальбанъ признаетъ недостаточность своихъ изученій въ этой области и отмѣчаетъ нѣсколько вопросовъ, подлежащихъ ближайшему изслѣдованію историковъ права, останавливаясь въ особенности на изученіи взаимнаго вліянія городскаго магдебургскаго и земскаго правъ. Но для этого необходимо предварительно систематическое собраніе относящихся сюда матеріаловъ изъ архивовъ Кіева, Харькова, Москвы, Вильны, Петербурга. Изданный уже матеріалъ до крайности разбросанъ, имѣетъ характеръ случайный, а неудовлетворительное положеніе дѣла архивныхъ описей ставитъ нынѣ почти неодолимыя препятствія такому изученію.

При всей скромности поставленной г. Гальбаномъ задачи и полученныхъ имъ результатовъ, настоящую книгу слѣдуетъ отмѣтить, какъ весьма симпатичное явленіе въ области текущей историко-юридической литературы. Авторъ обѣщаетъ продолжать свои изслѣдованія.

Н. М.

---

1) Филипченко. Мошногородищенское имѣніе Е. А. Балашевой, Кіевской губ., Черкасскаго уѣзда при мѣстечкахъ Мошны и Городище. Описаніе имѣнья, организація и веденіе хозяйства. Съ планомъ имѣнія, 3 листами діаграммъ, 14 таблицами и отдѣльнымъ приложеніемъ 21 исполнительнаго проекта построекъ и сооруженій. *Кіевъ, 1896. (Стр. X+574+21 исполн. проектъ).*

2) И. В. Лещенко. Описаніе Шпиковскаго имѣнія Н. П. Балашева въ подольской губерніи. *Немировъ, 1896. (Стр. LXXXVII+291). in-fol.*

Работа г. Филипченко была предназначена для нижегородской промышленной выставки. Цѣль ея—дать сельско-хозяйственное описаніе одного изъ крупнѣйшихъ (44 тыс. десятинъ) имѣній юго-западнаго края, въ связи съ организаціей его и детальнымъ изложеніемъ способа веденія дѣла во всей его полнотѣ. Предназначенная для цѣлей практическихъ, книга тѣмъ не менѣе даетъ множество разнообразныхъ свѣдѣній, представляющихъ и теоретическій научный интересъ. Таковы—данныя по исторіи имѣнія, топографическое и геологическое описаніе его, климатическій и метеорологическій очеркъ, характеристика населенія и очеркъ путей сообщенія въ предѣлахъ имѣнія (стр. 1—77). Затѣмъ слѣдуютъ весьма обстоятельные очерки отдѣльныхъ отраслей хозяйства въ различныхъ районахъ, съ массой данныхъ для характеристики отношеній и доли участія основнаго и оборотнаго капитала и положенія живой рабочей силы, не говоря уже о свѣдѣніяхъ, такъ сказать, техническаго характера, особенно важныхъ для практическихъ сельскихъ хозяевъ. Въ двухъ мѣстечкахъ и 14 селахъ, входящихъ въ составъ имѣнія, съ населеніемъ свыше 68.000 душъ, устроено 18 церковно-приходскихъ школъ и 2 двухклассныхъ народныхъ училища. При Мошенскомъ двухклассномъ училищѣ есть

ремесленное отдѣленіе, а городищенское училище составляетъ приготовительное отдѣленіе низшей сельскохозяйственной школы перваго разряда. Оба эти училища содержатся на средства владѣльцевъ. Въ народныхъ училищахъ обучаются свыше 2 тыс. дѣтей. Съ 1887 г. устроено въ селахъ имѣнія 14 школьныхъ зданій на счетъ владѣльцевъ. Среднее пособіе владѣльцевъ народнымъ школамъ за послѣдніе 5 лѣтъ составляетъ 1790 р. ежегодно. Прошлою зимою въ м. Городищѣ происходили вечернія популярныя чтенія по сельскому хозяйству главнымъ образомъ для служащихъ въ имѣніи. Двѣ больницы въ мѣстечкахъ содержатся частью на проценты съ капитала въ 30000 р., пожертвованнаго покойной владѣлицей имѣнія кн. Е. К. Воронцовой, рожд. графиней Браницкой. Капиталъ этотъ былъ предназначенъ для образованія сельскихъ банковъ. Въ 1894 г. открыто новое помѣщеніе для одной изъ больницъ на 10 кроватей, выстроенное на счетъ владѣльцевъ съ затратою до 14 т. рублей. Ежегодная затрата на содержаніе больницъ составляетъ свыше 8 т. руб.

Отмѣтимъ еще весьма подробныя данныя книги о способахъ найма и количествѣ вознагражденія постоянныхъ и поденныхъ рабочихъ въ разныхъ экономіяхъ имѣнія (157—170, 340—346, 477 слл.), наглядно опровергающія огульные выводы о черезвычайной дороговизнѣ рабочей силы въ свеклосахарныхъ раіонахъ, съ одной стороны, и о лѣности и нерадивости рабочихъ—съ другой.

Сколько извѣстно, въ нашей сельско-хозяйственной литературѣ еще не появлялось описаній, подобныхъ высоко интересной монографіи г. Филипченка. Всесторонняя оцѣнка такихъ капитальныхъ трудовъ, конечно, не можетъ входить въ нашу задачу, и здѣсь достаточно отмѣтить появленіе книги, написанной главноуправляющимъ южными имѣніями г. г. Балашевыхъ.

Описаніе Шиковскаго имѣнія составлено г. Лещенко по порученію московскаго общества сельскаго хозяйства, основано на документахъ конторы имѣнія и имѣетъ преимущественно характеръ технической. Тѣмъ не менѣе, въ первой части описанія встрѣчаемъ свѣдѣнія и общеинтересныя: таковы—таблицы о количествѣ рабочихъ силъ въ экономіяхъ и стоимости рабочихъ, о числѣ рабочихъ и праздничныхъ дней въ году, подтверждающія выводъ, который получается

и изъ данныхъ монографіи г. Филипченка относительно низкаго уровня заработной платы въ свекловичномъ производствѣ и сравнительно умѣреннаго количества нерабочаго времени. Приведемъ здѣсь одно нелишенное интереса замѣчаніе автора: «нельзя не указать на одну особенность мѣстнаго населенія—это обѣдать рано утромъ (въ 7 часовъ). Существованіе этого обычая объясняютъ тѣмъ, что женская половина крестьянской семьи, приготовивши съ ранняго утра ѣду и накормивши утромъ же семью, можетъ быть свободна до вечера, работать въ полѣ, огородѣ и т. п. Этотъ обычай усвоенъ и имѣніемъ и имѣетъ то удобство, что рабочіе, пообѣдавши утромъ въ казармѣ, не должны днемъ совершать переходовъ къ обѣду. На обѣденное же (въ 12 час.) время они получаютъ хлѣбъ. Вечеромъ по окончаніи работъ—ужинъ изъ горячей жидкой кашицы («кулишъ») съ саломъ или постнымъ масломъ... Отдыхъ полагается лѣтомъ во время обѣда—1 часъ и въ полдень—$1^1/_2$ часа. Зимой же отдыхомъ служитъ только время ѣды. Въ видахъ поощренія успѣшности труда, хорошимъ годовымъ и сроковымъ рабочимъ выдаются награды деньгами или какими либо принадлежностями костюмовъ: сапоги, рубахи, штаны, матеріи на юпки, платки и т. п.». (Стр. XXXVIII).

Въ дополненіе къ этимъ нѣсколько общимъ замѣчаніямъ г. Лещенка можно сослаться на показанія г. Филипченка (стр. 156), изъ которыхъ видно, что рабочій день лѣтомъ начинается въ 4—5 часовъ утра, что при копкѣ свеклы задѣльные рабочіе весь день остаются обыкновенно безъ горячей пищи и что при всемъ томъ успѣшность труда крестьянъ несравненно выше труда солдатъ, отпускаемыхъ на сельскія работы. «По цѣнѣ она (работа солдатъ) чуть не вдвое дороже мѣстныхъ крестьянъ, а по производительности иногда также вдвое меньше крестьянской, и это фактъ: наши бабы на копкѣ свеклы за поясъ ихъ затыкаютъ: если солдатъ накопаетъ въ цѣлый день 20 пудовъ, то баба рядомъ съ нимъ копаетъ мѣру—45 пудовъ, случаи эти мы констатировали и показывали г.г. офицерамъ. Но вообще говоря, мы считаемъ особымъ несчастьемъ, когда должны прибѣгать къ пришлому, неумѣлому рабочему».

Мы не касаемся техническихъ и финансовыхъ удобствъ, сопряженныхъ съ такой организаціей полевыхъ работъ на свекловичныхъ

плантаціяхъ, но невольно думается, что пора бы законодательству серьезно заняться этимъ вопросомъ съ точки зрѣнія интересовъ народнаго здоровья.

Н. М.

Памятная книжка кіевской губерніи на 1897 годъ. *Изданіе кіев. губ. статист. комитета. Годъ изданія пятнадцатый. Кіевъ, 1897. (Стр. 8+300+20).*

Въ полезномъ изданіи этомъ находимъ, кромѣ обычныхъ астрономическихъ, календарныхъ и адресныхъ свѣдѣній, 22 статистическія таблицы, составленныя по оффиціальнымъ даннымъ за 1895 годъ. Здѣсь сведена въ существенныхъ чертахъ поземельная статистика губерніи, статистика населенія, земледѣлія, скотоводства, показано число и распредѣленіе ремесленниковъ, число зданій, отхожіе промыслы крестьянъ и частные конскіе заводы. Конечно, за безусловную точность большинства статистическихъ свѣдѣній о поземельной собственности, площади посѣвовъ, распредѣленіи жителей по сословіямъ и вѣроисповѣданіямъ трудно поручиться, такъ какъ собираніе ихъ, какъ извѣстно, поставлено весьма неудовлетворительно. Винить въ этомъ стат. комитетъ невозможно,—онъ дѣлаетъ, что можетъ, и представленныя имъ данныя удовлетворяютъ элементарнымъ практическимъ потребностямъ, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на невысокій уровень послѣднихъ. О преобразованіи губернской статистики въ неземскихъ губерніяхъ давно идутъ толки, но доколѣ не послѣдуетъ сильнаго толчка вслѣдствіе необходимости переоцѣнки доходности и стоимости имуществъ, до тѣхъ поръ и нашей статистикѣ суждено оставаться въ печальномъ положеніи.

Въ справочномъ отдѣлѣ отмѣтимъ обязательное постановленіе кіевскаго генералъ-губернатора для г. Кіева о дворникахъ и инструкцію для послѣднихъ, а также опытъ характеристики сельской жизни по временамъ года (стр. 81—84 и 101—111).

Въ приложеніи находимъ краткій, но толково составленный историческій очеркъ губерніи съ древнѣйшихъ временъ, основанный на

лучшихъ изслѣдованіяхъ и очеркахъ по этому предмету г. г. Антоновича, Грушевскаго, Кивлицкаго, Андріевскаго и нѣк. друг.

Въ общемъ памятная книжка производитъ пріятное впечатлѣніе по тщательности и полнотѣ сводки общеинтересныхъ данныхъ по губерніи.

Н. М.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

На дняхъ вышла въ свѣтъ книга:

ДРАМЫ И КОМЕДІИ И. ТОБИЛЕВИЧА

(Карпенка-Карого). Т. 1-й.

(Бурлака.—Бондаривна.—Розумный и дурень.—Наймычка.—Мартынъ Боруля). Ц. 1 р. 50 к.

Печатается и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ 2-й томъ.

(Безталанна.—Сто тысячъ.—Грихъ и покаяння.—Напывода XVIII столиття) Ц. 1 р. 50 к.

Складъ изданія: *Одесса*, Пушкинская № 20.—Книжный магазинъ Южно-русскаго общества Печатнаго дѣла Книгопродавцамъ обычная уступка.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА“

въ 1897 году.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ, подъ редакціей проф. В. Н. Латкина

Отдѣлы журнала: 1) оригинальныя статьи, 2) хроника—законодательства, гражданскаго, и уголовнаго суда, экономическое и земское обозрѣнія, 3) критика и библіографія, 4) замѣтки и извѣстія, 5) приложенія.

Въ теченіе 1896 года въ журналѣ были помѣщены слѣдующія статьи и замѣтки: Д. Дриля—Цѣлесообразна-ли современная ссылка въ качествѣ карательной мѣры; проф. В. Ивановскаго—Общія начала въ устройствѣ губернскихъ властей; В. Каткова—Чекъ; М. Левитскаго—Къ вопросу о законахъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства: проф. А. Александренка—Тайный надзоръ за дипломатами въ XVIII в.; И. Кашкарова—Къ вопросу объ улучшеніи служебнаго быта кандидатовъ на судебныя должности; П. Ко обки—Замѣтки мироваго судьи; проф. А. Гольмстена—Три вопроса изъ литовскаго гражданскаго права; А. Левенстима—Докторъ Гроссъ и его проектъ улучшенія слѣдственной части; О. Пергаментъ—Новые австрійскіе проекты гражданскихъ процессуальныхъ законовъ; Н. Водовозова—Католическая школа въ политической экономіи; И. Баралевскаго—О судопроизводствѣ въ Пріамурскомъ краѣ; Я. Городысскаго—Практика судебно-административныхъ учрежденій; Е. Васьковскаго—Недостатки устава гражданскаго судопроизводства; проф. В. Даневскаго—О необходимости преподаванія судебной медицины юристамъ; проф В. Лебедева—Націонализація земли и поземельная реформа; А. Тимофеева—Условное освобожденіе; Н. Максимова—О реформѣ судебныхъ учрежденій въ степныхъ областяхъ; А. Лонгинова—Слабыя стороны проекта уголовнаго уложенія; А. Башмакова—Право представленія и поколѣнное преемство; И. Озерова—Сравнительная преступность половъ; А. Думасова—О надзорѣ за привлеченіемъ къ отвѣтственности; Г. Вольтке—Объ указной долѣ овдовѣвшаго супруга; К. Дворжицкаго—Бродяги и законъ; В. Волжина—Процессуальный порядокъ уменьшенія наказаній по степенямъ; Н. Дружинина—Крестьяне и общее гражданское право; проф. Загоровскаго—Къ вопросу о пересмотрѣ нашего судебнаго права; Н. Полетаева—Граница уголовной отвѣтственности душевнобольныхъ Ф. Клинберга—къ вопросу о преобразованіи предварительнаго слѣдствія; В. Волжина—Законы, карающіе нарушенія постановленій о лѣсахъ; М. Левитскаго—По поводу 6-ой статьи устава о цензурѣ; проф. П. Суворова—Монастыри и церкви, какъ юридическія лица; А. Лонгинова—Недостатки законоположеній о надзорѣ за судебными установленіями; М. Левитскаго—О судебной карьерѣ; Б. Боуффала—О пропинаціонномъ правѣ; М. Мыша—О личномъ цензѣ для участія въ городскихъ выборахъ; С. Саблера—Къ ученію о суверенитетѣ въ государствѣ; В. Ефимова—О послѣднемъ проектѣ межеваго устава; К. Чихачева—Объ юридической силѣ кассаціонныхъ рѣшеній; А. Леонтьева—Юридическое положеніе мѣщанъ въ отношеніи къ домамъ въ городахъ; В. Каткова—Заключеніе договоровъ при посредствѣ электричества; В. Гессена—

О прекращеніи подданства; Н. Полетаева—Душевная болѣзнь, какъ поводъ къ расторженію брака; Л. Бѣлецкаго—Замѣчанія на проектъ уголовнаго уложенія; М. Ретвиха—По поводу статей 173—175 мироваго устава; З. Корсака—Новыя работы по вопросу о первичной поземельной собственности: В. Волжина—Розыскъ обвиняемыхъ чрезъ публикаціи; В. Кобцева—къ вопросу о слабой уголовной репрессіи суда присяжныхъ; В. Акимова—Патронатъ; Д. Никольскаго—XVI-ая сессія института международнаго права и мн. др.

Цѣна за годовое изданіе:

Въ СПБ. безъ доставки . . . . . 8 р.
Съ доставкою . . . . . 8 р. 50 к.
Съ пересылкою въ другіе города . . 9 р

Подписчики, желающіе получать сверхъ того рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ сената, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкой и пересылкой 13 р. Подписка на рѣшенія отдѣльно, безъ журнала, стоитъ 4 р. Допускается разсрочка подписной платы. Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности, равно и учащіеся пользуются правомъ подписки за половинную цѣну, т. е., 4 р. 50 к. за журналъ и 8 р. 50 к. за журналъ съ кассаціонными рѣшеніями.

Подписка принимается въ конторѣ журнала (СПБ. Новоисаакіевская улица, д. № 14, кв. 7) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ проф. *В. Н. Латкинъ.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„С.-Петербурскія Вѣдомости“

ВЪ 1897 Г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ казенныхъ прибавленій.			Съ казенными прибав.		
	на годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс	на годъ.	6 мѣс.
Съ доставкой по гор. почтѣ.	16 р.— к.	9 р.— к.	4 р. 50 к.	1 р. 80 к.	18 р.— к.	10 р.— к.
Съ пересылкою иногородн.	17 р.— „	10 „— „	5 „ 50 к.	2 „ — „	19 „ — „	11 „ — „
За границу	26 „ — „	14 „ — „	8 „ — „	3 „ — „	28 „ — „	16 „ — „

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь *Э. Э. Ухтомскій.*

3—3

Годъ въ 1897 году третій

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ"

будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ Января 1897 г.

I. Узаконенія и распоряженія правительства.

II. Приказы о движеніи по службѣ и наградахъ по вѣдомству Министерства Юстиціи.

III. Циркулярныя распоряженія Министерства Юстиціи.

IV. Свѣдѣнія о занятіяхъ Высочайше утвержденной Коммиссіи по пересмотру законоположеній по судебной части.

V. Статьи по вопросамъ научной и практической юриспруденціи преимущественно въ области судоустройства, уголовнаго права и судопроизводства, гражданскаго права и судопроизводства, торговаго права и судопроизводства, а также по межевому дѣлу.

VI. Обзоръ выдающихся явленій изъ области судебной практики. Положенія, извлеченныя изъ рѣшеній Правительствующаго Сената.

VII. Литературное обозрѣніе: а) критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ; б) текущій библіографическій указатель юридической литературы русской и иностранной

VIII. Обзоръ иностраннаго законодательства: подробныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ новыхъ законахъ, распоряженіяхъ законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ.

IX. Историческіе матеріалы; разныя извѣстія.

Въ «Журналѣ Министерства Юстиціи» 1894—1896 г.г. были напечатаны статьи и замѣтки слѣдующихъ авторовъ:—Н. И. Архангельскаго, Н. И. Барковскаго, А. П. Башилова, С. В. Безобразова, С. А. Бершадскаго, Д. Б. Бера, А. М. Бобрищева-Пушкина, Л. С. Бѣлецкаго, Е. В. Васьковскаго, Г. Л. Вербловскаго, К. В. Верховскаго, М. М. Винавера, Б. Ю. Витте, кн. В. А. Волконскаго, А. К. Вульферта, Н. Н. Галкина-Враскаго, А. Г. Гасмана, М. Е. Гегидзе, В. М. Гессена, С. К. Гогеля,

И. М. Гордона, Д. Д. Гримма, М. Ѳ. Громницкаго, А. Г. Гусакова, В. В. Давыдова, В. П. Даневскаго, В. Ѳ. Дейтриха, Н. А. Дингельштедта, бар. Р. А. Дистерло, М. А. Дьяконова, Я. К. Есиповича, В. Р. Завадскаго, С. В. Завадскаго, А. И. Загоровскаго, И. П. Закревскаго, К. П. Змирлова, Н. И. Ивановскаго, Д. Д. Иванова, П. А. Ифланда, А. И. Каминки, Н. П. Карабчевскаго, А. Ѳ. Кони, Н. М. Коркунова, П. П. Короновскаго, В. И. Курдиновскаго, А. А. Левенстима, А. О. Липскаго, А. В. Лихачева, В. И. Лихачева, П. А. Логанова, М. А. Лозина Лозинскаго, А. И. Лыкошина, П. Н. Миклашевскаго, Р. Р. Минцлова, М. И. Мыша, А. Н. Нейперта, В. М. Нечаева, С. П. Никонова, Э. Э. Пирвица, А. Ф. Поворинскаго, К. З. Постовскаго, Н. Г. Принтца, Е. А. Пушкина, Н. М. Рейнке, А. К. Фонъ-Резона, Н. Ф. Селиванова, В. И. Сергѣевича, Н. Д. Сергѣевскаго, В. К. Случевскаго, И. И. Соллертинскаго, В. Д. Спасовича, М. С. Студентскаго, А. Т. Тимановскаго, А. Г. Тимофѣева, С. Н. Трегубова, Н. А. Тува, Д. В. Туткевича, И. М. Тютрюмова, кн. Н. П. Ухтомскаго, И. Я. Фойницкаго, А. Г. Чайковскаго, Г. Ф. Шершеневича и др.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложеній по 1 рублю, съ приложеніями—по 2 рубля.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, Воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПБургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ «Журналѣ» принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по разсчету 30 копѣекъ за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ *В. Ф. Дерюжинскій.*

ОБЪ ИЗДАНІИ
УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ
въ 1897 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонннихъ слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.
14. Учебные труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2) неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—критико-библіографическимъ, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и научной хроники, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1897 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкою семь рублей. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб., сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или посредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ *В. Иконниковъ*.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ XII).

Въ 1896 г. въ «Сѣв. Вѣстн.» было, между, проч., напечатано: «Карьера Струкова» Пов. Эртеля. «О Развитіи Русскаго Народнаго Хозяйства» Проф. К. Исаева. «Трильби». Ром. Ж.-дю-Морье. «Изъ писемъ Т. Н. Грановскаго». «Любовь и ревность у дѣтей» Д-ра В. Якубовича, «Въ дудкѣ» Пов. Вас. Немировича-Данченко. «О направленіяхъ современной Эстетики» Э. Радлова. «Quo Vadis» Ром. Ген. Сенкевича. «Воспоминанія о А. И. Герценѣ» Н. Тучковой-Огаревой. «Любовь» ром. О. Шапиръ. «Наслѣдственность пола» Е. Чижова. «Въ канканѣ» Пов. П. Боборыкина. «Дѣтство и отрочество П. И. Чайковскаго» М. Чайковскаго. «Двѣ новеллы: a) «Наука любви и b) Любовь сильнѣе смерти» Д. Мережковскаго. «Новѣйшая испанская литература» Проф. А. Шепелевича. «Зеркала» Пов. З. Гиппіусъ. «Сѣверный полюсъ и путешествіе Нансена» М. Венюкова. «Фридрихъ Ницше» Оч. Л. А. Саломэ. «Жилищная нужда рабочихъ классовъ» Д. Герценштейна. «Гоголь и А. О. Смирнова въ 1842—44 г.г.» В. Шенрока. «Новая французская школа въ музыкѣ» и «Ново-Германская музыка» А. Коптяева. «Александръ Дюма» и «Новыя

теченія во Французскомъ романѣ» З. Венгеровой. «Новая побѣда науки» А. Гершуна. «Богъ театра» Разск. Я. Крюковского. Идея Иліады» Н. Минскаго. «Таможенное разоруженіе» В. Бирюковича. «Исторія одного идейнаго преступленія» Проф. И. Оршанскаго. «Письма къ M-me Віардо и Г. Флоберу И. С. Тургенева». Искусство и дѣйствительность» Изъ соч. Дж. Рескина. «Реорганизація С.-Петербургскаго и Московскаго комитетовъ грамотности» Н. Арефьева. «Къ звѣздамъ» Раз. Ѳ. Сологуба. «Москва и Римъ» Проф. А. Брикнера. «Польскій публицистъ-художникъ» К. Льдова. «Тургеневъ и Толстой» Проф. Д. Овсянико-Куликовскаго. «Новая женщина и разводъ» П. Тверского. «Женскіе типы въ трагедіяхъ Расина» Проф. Ѳ. Батюшкова. «Сельско-Хозяйственные отхожіе промыслы» В. Бирюковича. «Плоскогорье» Ром. Л. Гуревичъ. «Нѣмецкій студентъ конца вѣка» Проф. А. Трачевскаго. «Атомизмъ и энергетизмъ» Проф. А. Введенскаго. «На конкурсѣ». Раз. А. Стерна., и мн. друг. — Стихи: Н. Минскаго, Д. Мережковскаго, З. Гиппіусъ, К. Льдова, К. Фофанова, К. Бальмонта, Ѳ. Сологуба, О. Чюминой и др.

Постоянные отдѣлы въ журналѣ:

I. «Вопросы самообразованія» (Статьи проф. Боргмана, проф. А. Козлова, проф. В. Шимкевича, проф. К. Поссе, проф. Л. Шепелевича, Н. Усова, проф. А. Брикнера и др. II. Областной отдѣлъ». III. Земскій отдѣлъ» (Статьи Земское и городское самоуправленіе» М. Стиваля, «Земскіе финансы» В. Бирюковича, «Взаимное земское страхованіе» П. Ск—ского, «Земское и городское самоуправленіе» П. Кузнецова и др.). IV. «Провинціальная печать» Л. Горева. V. «Внутреннее обозрѣніе». VI. «За предѣлами европейской Россіи» (Статьи: «Въ Сибири», «Кому просвѣщать Сибирь»? «Земство въ Сибири», «Ссылка въ отдаленныя мѣста Сибири», «Земская школа въ Сибири» и др. Н. Арефьева. «Кавказъ» М. П., «Прибалтійскій край» П. К. «Привислянскій край» М. П. «Финляндскія дѣла» П. Кузнецова). VII. Кореспонденціи изъ-заграницы». VIII. Изъ жизни и литературы». IX. «Критика» X. «Библіографія». XI. «Литературныя замѣтки» А. Волынскаго (Статьи: «Власть тьмы», «Современная русская беллетристика», «Философскія теченія въ русской поэзіи», «Книга Куно-Фишера о Шопенгауэрѣ», «Два послѣднихъ романа Золя», «Польскій романистъ Сенкевичъ» и др.).

Подписная цѣна на журналъ понижена (**безъ измѣненія объема и состава книжекъ**). **Разсрочка** для иногородныхъ приспособлена къ удобствамъ почтовой пересылки денегъ:

Условія подписки:

	Годъ.	½ г.	¼ г.	1 мѣс.
Для иногородныхъ . . .	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
» городскихъ (съ дост.)	11 »	5 » 50 к.	2 » 75 к.	90 к.
» заграничныхъ . . .	14 »	7 »	4	

Подписка принимается: въ Гл. Конторѣ, Спб., Троицкая, 9; въ Москвѣ, въ Отдѣл. Конт. книжн. магаз. К. Тихомирова, Кузнецкій мостъ; въ кн. маг. Карбасникова, «Новое Время», Печковской и др.

Редакторъ-Издательница *Л. Я. Гуревичъ.*

3—2

ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА

Екатеринославскія Губ. Вѣдомости.

«Екатеринославскія Губ. Вѣдомости» выходятъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ, въ форматѣ большихъ провинціальныхъ газетъ.

Неоффиціальная часть «Екатеринославскихъ Губ. Вѣдомостей» имѣетъ программу частныхъ газетъ—въ ней помѣщаются: телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства и отъ собственныхъ корреспондентовъ; передовыя по вопросамъ общегосударственной и мѣстной губернской жизни; статьи, касающіяся различныхъ отраслей общественной дѣятельности, науки, искусства, сельскаго хозяйства, прикладныхъ знаній и пр.; театральныя рецензіи; корреспонденціи изъ Екатеринославской губерніи и другихъ мѣстъ; обозрѣніе печати; внутреннія и внѣшнія извѣстія; справочный отдѣлъ банковыя свѣдѣнія, вѣдомость о прибывающихъ грузахъ, списокъ назначенныхъ къ слушанію въ судѣ дѣлъ и проч.; въ фельетонномъ отдѣлѣ помѣщаются еженедѣльные обзоры мѣстной жизни и по Россіи, критическіе обзоры журналовъ, а также повѣсти и разсказы, переводные и оригинальные. «Екатеринославскія Губ. Вѣдомости» имѣютъ цѣлью служить главнымъ образомъ, мѣстнымъ интересамъ и нуждамъ, причемъ даютъ читателямъ и всѣ выдающіяся свѣдѣнія изъ русской и иностранной жизни.

Въ 1897 году въ «Екатеринославскихъ Губ. Вѣдомостяхъ еженедѣльно будетъ печататься, въ видѣ прибавленія, особый **«отдѣлъ екатеринославскаго уѣзднаго земства»** открываемый по ходатайству земскаго собранія, въ которомъ, помимо свѣдѣній о дѣятельности Екатеринославскаго уѣзднаго земства, будутъ помѣщаться свѣдѣнія, касающіяся вообще земскаго дѣла, народнаго образованія, медицины, а также по сельскому хозяйству, примѣнительно къ югу Россіи, по хлѣбной торговлѣ, найму рабочихъ и прочія полезныя для сельскаго населенія сообщенія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ:

на годъ	8 р.	на три мѣсяца . . .	2 р. 60 к.
на полгода	4 р. 40 к.	на одинъ мѣсяцъ . .	1 р.

Преподаватели учебныхъ заведеній платятъ 6 руб. въ годъ.

Подписка принимается: а) въ конторѣ редакціи при Губернской Типографіи (Проспектъ), б) въ Екатеринославскомъ городскомъ полицейскомъ управленіи и у Гг. частныхъ приставовъ г. Екатеринослава и г) у Гг. исправниковъ и становыхъ приставовъ Екатеринославской губерніи. Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка: уплата производится по 1 руб. ежемѣсячно, начинается съ января.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ“

на 1897 годъ

(ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ).

Журналъ «Труды Кіевской дух. Академіи» выходитъ по прежде утвержденной программѣ—ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 р., за границу—8 р. съ перес.

Въ журналѣ «Труды» помѣщаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по изложенію доступныя большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые, въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ «Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ».

Указомъ св. Синода отъ $^{3}/_{20}$ февр. 1884 г., подписка какъ на «Труды», такъ и на «Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ», рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

Труды Академіи за прежніе годы продаются по уменьшеннымъ цѣнамъ, именно: за 1860—1878 по 5 р., за 1879—1883 г.г. по 6 р., за 1885—1895 г.г. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 р. съ перес. За 1884 г. всѣ экземпляры Трудовъ распроданы.

Въ Редакціи Трудовъ продаются еще слѣдующія изданія и книги.

„Воскресное Чтеніе за слѣдующіе годы существованія его при Академіи: за $18^{37}/_{38}$ г. (т. I), $18^{41}/_{42}$ (V), $18^{47}/_{48}$ (XI), $18^{48}/_{49}$ (XII), $18^{51}/_{52}$ (XV), $18^{53}/_{54}$ (XVII), $18^{54}/_{55}$ (XVIII), $18^{55}/_{56}$ (XIX), $18^{56}/_{57}$ (XX), $18^{57}/_{58}$ (XXI), $18^{60}/_{61}$ (XXIV), $18^{61}/_{62}$, (XXV), $^{62}/_{64}$ (XXVII), $18^{64}/_{65}$ (XXVIII) $18^{65}/_{66}$ (XXIX), $18^{66}/_{67}$ (XXX), $18^{67}/_{68}$ (XXXI), $18^{68}/_{69}$ (XXXII), $18^{69}/_{70}$ (XXXIII), $18^{70}/_{71}$ (XXXIV), за 1879, 1880, 1881 1882 и 1883 г.г. Цѣна за каждый годъ по 4 руб. съ перес.

«Владимірскій Сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи» (Сказанія о посѣщеніи Русской страны св. апостоломъ Андреемъ. Н. И. Малышевскаго. Владиміръ св., какъ политическій дѣятель. В. Е. Завитневича. Древнія изображенія св. Владиміра. Н. И. Петрова. Чествованіе памяти св. Владиміра на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ. Его же, Слово сказанное 10 іюля 1888 г. В. Ѳ. Пѣвницкаго). Ц. 2 р. съ пересылкой.

Празднованіе 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ Кіевѣ (съ рисунками, относящимися къ празднеству). Ц. 2 р. 50 к., на лучшей бумагѣ—3 р. 50 к. съ перес.

Изъясненіе божественной литургіи. Арсенія, м. кіев. (450 стр.). 2 р.

Толкованіе на первые 26 псалмовъ. Его же. (634, 8-о). 2 р.

Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ: а) св. Кипріана карѳагенскаго, ч. 1—2, б) бл. Іеронима стридонскаго, ч. 1—13 и в) бл. Августина иппонійскаго, ч. 1—8—Цѣна каждой части 2 р. съ перес., кромѣ 9-й части твор. бл. Іеронима, которая стоитъ 1 р. 50 к. съ перес.

«Книга для назидательнаго чтенія» (Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія» за 1837—1868 г.г.). Изд. 4-е. Книга эта одобрена Особ. Отд. Ученаго Комитета Минист. Нар. Просв. для ученическихъ народныхъ библіотекъ и Училищ. Совѣтомъ при Св. Синодѣ—къ употребленію въ ц.-приход. школахъ въ качествѣ книги для внѣкласснаго чтенія. Ц. 1 р. съ перес. При требованіи 100 и болѣе экз. допускается уступка для Епарх. училищ. Совѣтовъ 40%, а для книжныхъ магазиновъ—30%;

Опытъ православ. догматическаго богословія (съ историческимъ изложеніемъ догматовъ) Еп. Сильвестра. Т. 1-й, изд. 3-е, ц. 1 р. 70 к. т. 2-й, изд. 3-е, ц. 3 р. 30; т. 3-й изд. 2-е, ц. 3 р.; т. 4-й, ц. 3 р. и т. 5-й, ц. 3 р. съ перес.

Празднованіе воскреснаго дня (его исторія и назначеніе). Смирнова Д. 1893 г. Ц. 2 р. съ перес.

Буддизмъ и христіанство. Сравненіе легендарной исторіи и ученія Будды съ евангельской исторіей и ученіемъ нашего Господа І. Христа С. Келлога. Переводъ съ англ. доцента Академіи Ѳ. С. Орнатскаго. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. 1894 г. Ц. 1 р. 75 к. съ перес.

Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника. В. Ѳ. Пѣвницкаго. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ относительно журнала «Труды», такъ и другихъ изданій и книгъ редакція проситъ обращаться непосредственно къ ней—въ Редакцію журнала «Труды Кіевской дух. Академіи», въ Кіевѣ.

Редакторъ проф. *В. Пѣвницкій*

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

въ 1897 году.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ «Русская Старина», вступая въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается и въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ. По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой. Подписка принимается въ Главной конторѣ журнала, въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, домъ № 145, кв. № 1.

Редакторъ *Н. Дубровинъ*.

3—3

Открыта подписка на 1897 годъ

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ".

(Изданія годъ восьмой).

Выходитъ въ Москвѣ безъ предварительной цензуры, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками до 30 печатныхъ листовъ по той же программѣ и при участіи тѣхъ же ближайшихъ сотрудниковъ, что и въ прежніе годы.

Содержаніе журнала и въ 1897 году будетъ отличаться обычнымъ разнообразіемъ и полнотой. Кромѣ богатаго запаса беллетристическихъ произведеній (романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореніе и т. п.), пріобрѣтены, между прочимъ, неизданныя Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ, А. Н. Островскомъ (воспоминанія его секретаря), Воспоминанія покойнаго архіепископа Никанора, посмертныя статьи Ю. Н. Говорухи-Отрока (Ю. Николаева), письма М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева, И. С. и

К. С. Аксаковыхъ, И. С. Тургенева, К. Н. Леонтьева, Н. П. Гиляровa-Платонова, Н. С. Кохановскій, А. И. Герцена, Н. П. Огарева и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой и доставкой: на годъ—15 руб., на полгода 7 р. 50 к., на 3 мѣсяца—3 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ 1 р. 25 к. За границу съ пересылкой 18 р.

Для лицъ духовнаго званія, для т.т. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ—12 руб., 6 мѣс.—6 руб., 3 мѣс.—3 р., 1 мѣс.—1 р. За границу 15 р. съ пересылкой.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ въ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

NB. Годовые подписчики Русскаго Обозрѣнія, подписавшіеся одновременно и на газету Русское Слово (изданія годъ III), пользуются значительною уступкой, уплативъ за оба изданія (ежемѣсячный журналъ и ежедневную газету) всего только 16 руб. (вмѣсто 20) въ годъ.

Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ обращаться (лично или письменно) исключительно въ наши конторы:

1) Москва. Русское Обозрѣніе (уг. Тверской и М. Гнѣздниковскаго пер., д. Спиридонова).

2) Москва. Русское Слово (Страстной бульваръ, д. Перлова).

Подписка принимается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ, съ разсрочкой же платежа просятъ адресоваться исключительно въ контору журнала.

Книги журнала за всѣ 6 лѣтъ съ основанія (1890—1895 г.г.) продаются въ конторѣ редакціи по 5 р. за годъ. За пересылку доплачивается на мѣстѣ по разсчету. Выписывающимъ всѣ шесть лѣтъ—пересылка на счетъ редакціи.

Редакторъ-издатель *Анатолій Александровъ*.

3—2

Открыта подписка на 1897 годъ (восьмой годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ теченіе 1896 года въ «Русской Школѣ» были напечатаны между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Автобіографія Н. И. Пирогова; 2) Сельская школа и учитель (Воспоминанія и замѣтки) К. Барсова; 3) Педагогиче-

ские матеріалы. (Замѣтки и наблюденія начальнаго учителя К. Чернецкаго; 4) Изъ дневника учительницы воскресной школы К-ой; 5) Какъ мы устроили мужицкую академію. М. Слобожанина; 6) Историческій очеркъ учрежденій для воспитанія дѣтей дошкольнаго возраста. П. Ѳ. Каптерева; 7) Къ годовщинѣ дня рожденія Песталоцци. Л. Н. Модзалевскаго; 8) Ушинскій, какъ редакторъ журнала Мин. Нар. Просв. Я. Г. Гуревича; 9) Учебныя заведенія въ Англіи и Бельгіи (По личнымъ наблюденіямъ) М. А. Лялиной; 10) Вѣна, Цюрихъ, Женева (Педаг. замѣтки и впечатлѣнія). Е. Чебышевой-Дмитріевой; 11) Учебно-педагогическій отдѣлъ на всемірной выставкѣ въ Чикаго. А. А. Красева; 12) Умственное утомленіе учащихся по новѣйшимъ изслѣдованіямъ врачей А. С. Виріиіуса; 13) Нравственность у дѣтей и нравственное воспитаніе. Л. Е. Оболенскаго; 14) Педагогическая подготовка учителей заграницею и у насъ. Д. Д. Семенова; 15) О подготовкѣ учителей для сельско-хозяйственныхъ школъ. И. И. Мещерскаго; 16) Мысли о современномъ воспитаніи. А. С. Симоновичъ; 17) Мысли женщинъ о постановкѣ средняго женскаго образованія. Кл. Фармаковской; 18) Мысли Н. Н. Страхова о нашемъ среднемъ образованіи. В. Афанасьева; 19) Замѣтка по поводу статьи Даневскаго о «единой школѣ». Графа Павла Капниста; 20) Возможно-ли и нужно-ли у насъ обязательное обученіе? В. П. Вахтерова; 21) Народныя чтенія. Его-же; 22) Сводъ отзывовъ мѣстныхъ дѣятелей по вопросу объ обязательномъ обученіи. А. Ѳ. Гартвига; 23) Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ разработкѣ московскаго земства Д. Д. Лобанова; 24) Сельскія школы и вопросъ объ обязательномъ обученіи въ Финляндіи. В. Ю. Скаллона; 25) Чему мы можемъ поучиться у американцевъ въ дѣлѣ организаціи начальной школы? В. И. Фармаковскаго; 26) Какія нужно произвести измѣненія въ курсѣ городскихъ училищъ по Положенію 31 мая 1872 г.? А. Раменскаго; 27) Наши воскресныя школы и ихъ нужды. Я. В. Абрамова; 28) Воскресно-повторительная школа для учениковъ, оканчивающихъ курсъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ. О. Х. Павловичъ; 29) По вопросу о введеніи въ программу начальныхъ училищъ сельскаго хозяйства. С. А. Бобровскаго; 30) Живое слово какъ предметъ обученія въ семьѣ и школѣ. И. А. Анастасіева; 31) Педагогика какъ предметъ обученія въ женскихъ гимназіяхъ. С. Брайловскаго; 32) О гимназическомъ преподаваніи логики. Л. Рутковскаго; 33) Сравнительный способъ преподаванія русскаго и иностранныхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ А. А. Гофмана; 34) Неожиданныя темы. Ц. П. Балталона; 35) Объ изученіи церковно-славянскаго языка въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Ив. Созонтьева; 36) По тановленія по народному образованію земскихъ собраній въ 1895 года. И. П. Бѣлокопскаго.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе десяти печати. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою—6 р 50 к.;

для иногородныхъ—семь руб.; за-границу—девять руб. Учители сельскихъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 10%. Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка 1, Гимназія Гуревича), и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго времени».

Имѣются экземпляры и за предъидущіе годы (кромѣ 1890 г.) по означенной цѣнѣ.

Редакторъ-Издатель Я. Гуревичъ

3—2

Открыта подписка на 1897 г.

на издающіеся безъ предварительной цензуры

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВОСХОДЪ“

и газету „Недѣльная Хроника Восхода“.

17-й годъ изданія.

Въ 1897 году журналъ „Восходъ“ и газета „Недѣльная Хроника Восхода“ будутъ издаваться по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ предыдущіе годы.

Редакція имѣетъ своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ Палестинѣ, Аргентинѣ, Нью-іоркѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Римѣ и вообще во всѣхъ крупныхъ центрахъ Россіи и за-границей.

Въ ближайшихъ книгахъ „Восхода“, между прочимъ, будетъ помѣщено:

Гоголія. Драма въ пяти дѣйствіяхъ Расина. Переводъ въ стихахъ О. Н. Чюминой. (Михайловой).—Къ исторіи еврейскихъ сектъ. А. Я. Гаркави.—У марокканскихъ евреевъ. В. И. Немировича-Данченко.—Письма о старомъ и новомъ еврействѣ. С. М. Дубнова.—Бѣгство. Разсказъ. Бенъ-Амми—Евреи въ Англіи въ послѣдніе три вѣка. М. И. Кулишера. Берлинскіе еврейскіе салоны. По вновь открытымъ рукописнымъ документамъ. Проф. берлинскаго университета Людвига Гейгера.—(Переводъ съ рукописи).—Пятидесятилѣтніе учено-литературной дѣятельности проф. Д. А. Хвольсона. Барона Д. Г. Гинцбурга.—Институтъ ритуальной чистоты у евреевъ. Д-ра Л. С. Каценельсона.—Роза Майгольдъ. Романъ. С. О. Ярошевскаго.—Евреи въ лондонской національной галлереѣ. Рапопорта.—Профессоръ Генрихъ фонъ Трейчке и евреи. По поводу полнаго собранія соч. Трейчке.

Проф. берлинскаго университета Л. Гейгера. (Переводъ съ рукописи).— Уріель Акоста. Историческая харнктеристика. И. Зангвилля.—Императрица Екатерина вторая и евреи. М. И. Кулишера.—Потомокъ крестоносцевъ. Очеркъ. Н. Пружанскаго.—Переписка объ упадкѣ Еврейства и способахъ его возрожденія. Макса Нордау. И. Зангвилля и др. и отвѣты С. Бернфельда и Р. И. Сементковскаго.—Изъ юношескихъ воспоминаній. Фрица Маутнера (автора романа „Новый Агасферъ“). Переводъ съ рукописи.—О нѣкоторыхъ нуждахъ еврейскаго населенія Россіи. Д-ра С. О. Грузенберга.—Объ этнографическихъ изслѣдованіяхъ въ чертѣ еврейской осѣдлости. Л. М. Брамсона.—Хадъ-Гадья. Психологическій этюдъ. И. Зангвилля.—Еврейки на берлинскомъ женскомъ конгрессѣ. Л. Винца.—Генеральша. Разсказъ доктора Н. Пружанскаго.—Хайбарскій ядъ. Изъ хроники VII-го вѣка. Поэма въ стихахъ. В. Лебедева.—Кромѣ того, въ распоряженіи редакціи имѣется еще много разныхъ беллетристическихъ произведеній: повѣсти, разсказы, очерки, а также стихотворенія С. Г. Фруга, К. М. Фофанова, Н. О Чуминой, К. Н. Льдова, В. Лебедева, Н. Григоровича, А. М. Федорова и др.

Цѣна за годъ журнала «*Восходъ*» и газеты «*Недѣльная Хроника Восхода*» 10 р., на полгода 6 р., ва 3 мѣсяца 3 р. За-границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1 января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ; при подпискѣ 4 р., къ 1 марта 3 р. и къ 1 іюля 3 р.

Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Театральная площадь, 2, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Новые подписчики, желающіе получить первые 15 листовъ «Іудейскихъ Древностей» І. Флавія, благоволятъ прислать еще 1 р.

Новые подписчики, если они этого пожелаютъ, могутъ получать безплатно газету «Недѣльную Хронику» въ 1896 г., со дня полученія ихъ подписки.

Редакторъ-издатель *А. Е Ландау.*

3—2

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

Подписная цѣна со всѣми приложеніями на годъ **4** руб.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

Подписная цѣна со всѣми приложеніями съ пересылкою на три мѣсяца . . **1** р.
главная контора СПБ., Невскій, 28.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕЗЦЕНЗУРНАЯ ГАЗЕТА

самостоятельный и безусловно независимый органъ печати, свободная отъ всякихъ мѣстныхъ вліяній, эта газета являетъ наиболѣе полнымъ

Выразителемъ нуждъ провинціи.

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности: передовой, политическій, столичной и провинціальной общественной жизни, фельетона, корреспонденціи и пр.,—по своей полнотѣ и свѣжести совершенно отвѣчаютъ подобнымъ же отдѣламъ другихъ большихъ столичныхъ газетъ. Въ ней принимаютъ участіе цѣлый рядъ.

Извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей,

произведенія коихъ составляютъ главную притягательную силу ежемѣсячныхъ (толстыхъ) журналовъ.

Знамя газеты—(стоять крѣпко за правду, законъ и достоинство Россіи, дѣйствуя примирительно во всѣхъ вопросахъ касающихся, какъ отдѣльныхъ классовъ населенія, такъ и народностей входящихъ въ составъ Русской Имперіи.

ИЛЛЮСТРАЦІИ

на событія дня

какъ русской, такъ и иностранной политической и общественной жизни будутъ помѣщаться не только въ литературной части воскресныхъ номеровъ, но и въ самой газетѣ по мѣрѣ надобности нѣсколько разъ въ недѣлю или же

ЕЖЕДНЕВНО.

ВЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ

ВОСКРЕСНЫХЪ НОМЕРАХЪ

состоящихъ каждый изъ 12—16 страницъ (изъ коихъ 8—12 печатаются въ форматѣ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ журналовъ, на бѣлой глазированной бумагѣ) въ наступающемъ году будутъ напечатаны, сверхъ большого романа въ 3-хъ частяхъ

І. И. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго)

„ТАЙНА ЗАГОРСКОЙ УСАДЬБЫ“,

новѣйшія беллетристическія произведенія слѣдующихъ извѣстныхъ русскихъ писателей:

ВАС. ИВ. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО

большой романъ въ 3 частяхъ

„ЖЕРТВА ПОКАЯННАЯ“.

П. Д. БОБОРЫКИНА

разсказъ

„ДВѢ КАѲЕДРЫ“.

Кота Мурлыки (проф. Вагнера) повѣсть, «Доброе дѣло». Н. И. Мердеръ, «Искательница», очеркъ изъ петерб. нравовъ. Л. А. Авиловой, раз-

сказъ «Злая воля». Б. С. Мережковскаго, историческая повѣсть «Микель Анжело». Ѳедора Сологуба, разсказъ «Женя». П. А. Сергѣенко, повѣсть «Встрѣча».

Подписная цѣна на второе изданіе

„БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“

со всѣми приложеніями и съ пересылкой въ Россіи:

На годъ 4 руб., на 3 мѣсяца 1 руб. ноябрь, декабрь, январь, на мѣсяцъ 35 коп.

Главная контора: С.-Петербургъ, Невскій, 28:

3—2